Юджин Сернан
КОМАНДИР «АПОЛЛОНА-17»
ИСТОРИЯ УЧАСТНИКА ЛУННОЙ ПРОГРАММЫ
ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК НА ЛУНЕ

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Юджин Сернан – один из пионеров программы «Аполлон», второй американский астронавт, вышедший в открытый космос, и последний человек, оставивший след на поверхности Луны. Книга Сернана – правдивый рассказ от первого лица о мужестве и смелости людей, о радости побед и о трудном пути к мечте.

- Юджин Сернан, Дональд Дэвис
  -
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - Сокращения от англоязычных наименований

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131

- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175

- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181

Юджин Сернан, Дональд Дэвис
Последний человек на Луне

THE LAST MAN ON THE MOON
Eugene Cernan and Don Davis

THE LAST MAN ON THE MOON Text Copyright © 1999 by Eugene Cernan and Don Davis Published by arrangement with St. Martin's Press.
All rights reserved.

© 1999 by Eugene
© Лисов И.А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Джен и Робину

Много лет я мечтал написать книгу для внуков. Я хотел, чтобы Эшли, Карсон, Кейли, Кейтлин, Уитни и те, кому еще предстоит получить имена, услышали от меня историю о том, как претворить мечту в жизнь, и надеялся, что когда-нибудь они немножечко лучше поймут своего деда. Кроме того, я хотел сделать что-то особенное для многих и многих людей, которые помогли нам достичь Луны, потому что без их упорства, преданности делу и личного самопожертвования мне не удалось бы отправиться в этот путь, и я бы не получил шанса поделиться своей историей. И хотя невозможно перечислить всех, я глубоко благодарен каждому из них.

Я хочу сказать спасибо тем, кто критиковал разные части моей рукописи на предварительных этапах, и в особенности старшим товарищам, чье понимание трудно переоценить. Я испытываю к ним величайшее уважение. Кроме того, я буду всегда дорожить дружбой с Диком, Алом, Роджером и Роном, которые – когда они были с нами – сыграли столь важную роль в моей жизни.

Я особо благодарю моего литературного агента Джейн Дайстел и ее сотрудников и моего редактора Чарли Спайсера и всю команду издательства *St. Martin's Press*, которые поверили в

этот проект, довели его до осуществления и сделали еще лучше. Спасибо также Дону и Робину Дэвисам, моим соучастникам, без которых я бы никогда не сумел это сделать.

Но самое главное – я хочу поблагодарить мою семью и ближайших друзей, чья поддержка и помощь были столь важны на протяжении этой долгой работы. Мама и папа мысленно сопровождали меня на каждом шагу этого пути. Мне было хорошо у Ди и Джима, которые вспомнили немало интересного о времени нашего взросления. Барбара Сернан залезла далеко в прошлое, чтобы помочь вспомнить и документировать давние события. Марта Чаффи с болью в душе вспоминала историю своей семьи и ободряла меня в критические моменты. Макс Эри, Норма Ван Буннен и другие сотрудники музея «Космосфера и космический центр» в Канзасе оказали своевременную и бесценную помощь, найдя документы и пленки, которые пролежали без внимания более четверти столетия. Скип Фёрлонг, Фред Болдуин, Том и Кэрол Шорт помогли провести эту историю через наши молодые годы. Клэр Джонсон сумела перенести испытание написанием и изданием книги с обычным обаянием и деловитостью.

Мои дочери Трейси, Келли и Даниэлла изо всех сил поддерживали меня, когда поставленная задача казалась неподъемной и когда конца книги еще совсем не было видно.

И было бы недостаточно просто сказать «спасибо» моей жене Джен – она выдержала долгие месяцы, когда я заново переживал ту часть жизни, в которой ее еще не было. Ее любовь и понимание сделали это возможным.

И я салютую всем, кто помог американским астронавтам достичь Луны, где бы вы ни были сейчас.

Юджин Сернан

Хьюстон, Техас

Сентябрь 1998 г.

1
Пожар на старте

Пятница 27 января 1967 года была в Южной Калифорнии благоухающим зимним днем с температурой не выше +25°C, и ее портил лишь ураганный ветер, стучащий по крыше завода North American Aviation в городе Дауни. Однако внутри вакуумной камеры, в которой мы с Томом Стаффордом и Джоном Янгом лежали, скрючившись, в титановом контейнере, размером немногим больше обеденного стола, не было воздуха, не говоря уже о какой-либо погоде. Предметом нашей тревоги было время, а не снегопад или яркое солнце. Мы были самым опытным экипажем в американской космической программе – суммарно пять полетов на троих. Мы пытались довести новый, непроверенный и упрямый космический корабль до летных стандартов, но не могли похвастаться большими успехами.

На другом побережье Соединенных Штатов, в послеполуденной солнечной Флориде, трое наших товарищей проводили аналогичные испытания в таком же корабле, установленном на гигантской ракете «Сатурн IB» на мысе Кеннеди[1]. Весь мир знал, что экипаж «Аполлона-1» – Гас Гриссом, Эд Уайт и Роджер Чаффи – должен стартовать менее чем через месяц. Но и у них дела шли не лучше.

Те дни, когда летали одноместные корабли «Меркурий», уже воспринимались как давняя история. Двухместные корабли серии «Джемини» доказали, что мы можем выходить в открытый космос, сближаться на орбите и долго находиться в космосе. Теперь настало время «Аполлона» – гигантского предприятия, которое должно было воплотить в реальность мечту президента Кеннеди – высадить американца на Луну и вернуть его живым на Землю до конца текущего десятилетия.

Мое внутреннее чутье летчика-испытателя подсказывало, что, хотя этот полет очень нужен программе, наша «птичка» к нему попросту не готова. По правде говоря, я поражался, что мы так далеко продвинулись по дороге к старту, при том что так много вещей всё еще не работало. Прежде чем «Аполлон» мог взлететь, нужно было добиться, чтобы десятки тысяч компонентов и в ракете, и в космическом корабле работали безупречно, но мы все еще к этому не приблизились. А тем временем чертовы русские дышали нам в спину, и нам приходилось заставлять корабль делать то, что он должен, даже если ради этого пришлось бы усилием воли поменять некоторые законы механики и физики. И

несмотря на все проблемы, все сигналы на пути «Аполлона-1» горели зеленым.

Во Флориде основной экипаж сидел на верхушке незаправленной ракеты и проводил то, что на нашем языке называлось «тест с отключением от питания». Это означало, что всё идет так, как оно шло бы при реальном старте, в том числе и переход корабля на питание от бортовых источников, с тем исключением, что ракета «Сатурн» не заправлялась. В Калифорнии наш экипаж находился в таком же корабле в камере, которая имитировала вакуум космического пространства. Наш конусообразный командный модуль выдал ясное предупреждение о том, что сегодня плохой день, еще до того, как я забрался внутрь. Люк весом в 18 кг упал мне на ногу, и я мог поклясться, что «птичка» сбросила его целенаправленно, как часть дьявольского заговора, чтобы не позволить мне, Джину Сернану, снова полететь в космос.

Извиваясь подобно червяку, я протиснулся через узкий люк, соскользнул на среднее кресло, отделанное парусиновой тканью, а затем сдвинулся на свое место в правой половине кабины экипажа. Она, конечно, была просторной по сравнению с крохотными объемами «Джемини» и «Меркурия», но все же и в «Аполлоне» места было немного, и я аккуратно вытянул ноги среди мешанины незащищенных кабельных жгутов. Техник наземной команды помог мне зафиксироваться в кресле и подстыковать разъемы воздуховодов к скафандру, а затем ожило радио в шлеме, выдав всплеск шума. Ожидая, пока войдут остальные, я повесил контрольную карточку на «липучку», которой были покрыты изнутри стены кабины. Мы уже знали, что она является лучшим средством сохранить предметы от «уплывания» в условиях невесомости.

Том Стаффорд, наш командир, протиснулся через люк и перепрыгнул на свое место слева. Наконец, Джон Янг, пилот командного модуля[2], уселся в пустовавшее среднее кресло и при помощи ребят снаружи установил большую крышку люка над головой и закрутил многочисленные зажимы, которые держали ее на месте. Это была тяжелая и неповоротливая штуковина, настоящая боль в заднице, а в моем случае еще и в ноге.

Когда все мы оказались на борту, кабину наддули[3] стопроцентным кислородом, точно так же, как это до сих пор делалось во всех американских полетах. После этого из объема барокамеры откачали воздух, чтобы имитировать космическую среду, хотя в реальности мы находились на уровне моря и всего в нескольких милях от Тихого океана. Когда было достигнуто желаемое давление, мы проверили контуры наших скафандров,

эти самые змеящиеся воздуховоды от систем жизнеобеспечения, и подтвердили способность корабля выдерживать вакуум «космоса», который теперь окружал нас. Давление кислорода внутри командного модуля было больше, чем вакуума снаружи, и прижимало открывающийся внутрь люк к уплотнениям с такой силой, что целое стадо слонов не смогло бы его открыть. Понятно, почему было сделано так: никто не хотел, чтобы люк внезапно выпал наружу по дороге к Луне.

Мы с Томом и Джоном очень хотели закончить работу в пятницу, чтобы сбросить с себя громоздкие скафандры, запрыгнуть в два принадлежащих NASA реактивных самолета Т-38, которые мы припарковали несколькими днями ранее в Международном аэропорту Лос-Анджелеса, и улететь домой в Хьюстон. Но сначала надо было завершить испытания, даже если для этого придется остаться на выходные. И вот мы лежали в креслах, напоминавших маленькие батуты, и отслеживали работу электронной начинки «Аполлона».

Наша работа то приостанавливалась, то вновь продвигалась вперед. Протек шланг, и капли ядовитого гликоля остались на полу кабины. Из-за электрического замыкания нарушилась связь с комнатой управления рядом с нашей барокамерой. Прошло уже несколько тяжелых часов, и Том пробурчал: «Полететь на Луну? Да этот сукин сын даже на орбиту вокруг Земли не выйдет». Если подобные неполадки не устранить, они могут наслоиться друг на друга и испортить нам жизнь. Каждая проблема, которую мы найдем и устраним на Земле, уже не сможет доставить беспокойство нашим товарищам в космосе. Вот почему мы оставались пристегнутыми в креслах и прогоняли бесконечные проверки систем, приборов и переключателей.

Время было нашим врагом. Страницы календаря летели одна за другой, и дата старта, 21 февраля,[4] становилась все ближе.

В Космическом центре имени Кеннеди во Флориде Гаса Гриссома тоже бесили проблемы со связью. «Я ни черта не слышу, что вы говорите, – сорвался он на стартовую команду. – Ради Христа… я говорю, как мы собираемся лететь на Луну, если мы не можем наладить связь между двумя или тремя зданиями?» Гас не лез в карман за словом и не останавливался перед действием. Он был одним из астронавтов первой семерки и уже дважды летал в космос, а теперь командовал «Аполлоном-1». Все в программе знали его твердую уверенность в том, что когда первый американец ступит на лунную почву, на его скафандре будет нашивка: «Гриссом». Если Гасу что-то не нравилось, он так и говорил. Однажды он подвесил большой лимон над тренажером командного модуля, уподобив эту вечно неисправную машину

космической эры сломанному автомобилю. Такие выходки добавляли дополнительные штрихи к его и без того сложившейся репутации правдоруба.

Эд Уайт, сидевший с ним в корабле, был еще одной знаменитостью в рядах астронавтов. Выпускник Вест-Пойнта и сын генерала, невысокий и привлекательный, а главное, прямолинейный как стрела, он всего за 20 месяцев до этого стал первым американцем, вышедшим в открытый космос. Третьим членом экипажа был новичок и настоящий самородок. Роджер Чаффи еще ни разу не летал на орбиту, но произвел такое впечатление на боссов, что они дали ему заветное место в первом «Аполлоне». Роджер жил рядом со мной и был одним из ближайших друзей.

* * *

Длинный перечень проблем, с которыми мы боролись и на Мысе, и в Дауни, испортил и без того непростые отношения между астронавтами и фирмой North American Aviation.

Все корабли серий «Меркурий» и «Джемини» происходили из корпорации McDonnell Aircraft в Сент-Луисе, и между инженерами фирмы, которые их изготавливали, и астронавтами, которые на них летали, сложились крепкие узы доверия. Новость о том, что North American выиграла конкурс и будет головным подрядчиком по командному модулю «Аполлона», нас потрясла[5]. Мы знали, что у этой фирмы великолепная репутация по части строительства самолетов, но космические корабли были зверями совершенно другой породы. Проходили месяц за месяцем, и многие из нас считали, что проектная команда North American решила вновь изобрести колесо, вместо того чтобы положиться на решения, которые доказанно работают. Трудно было принять такой подход в программе, которая уже прошла через 20 000 системных ошибок.

Мы также считали, что они не проявили почти никакого интереса к тому, что предлагают астронавты. То обстоятельство, что мы уже летали в космос и что мы будем пилотами, которые стартуют на их новом творении, не делало нас экспертами в их глазах. Инженеры North American сами работали под невероятным давлением и не желали, чтобы какой-то «список хотелок» астронавтов дополнительно осложнял уже запредельную стоимость программы и жесткий график. В итоге между нами сложилось скорее хрупкое перемирие, нежели полноценное партнерство.

Два корабля, которые испытывались в этот день, известные под обозначением Block I, предназначались для полета не к Луне, а лишь на околоземную орбиту. Каждый полет «Аполлона» должен был строиться на опыте предыдущих и продвигать наш космический мост чуть ближе к лунной поверхности. Корабли типа Block I представляли собой немногим более чем ведро с гайками, но черт побери, ничего другого у нас не было, и с Божьей помощью мы собирались научить их летать![6]

Изделия версии Block II – настоящие корабли, которые понесут кого-то из нас к Луне, шли следом в производстве, но они не могли быть готовы в ближайшем будущем, а нам был отчаянно нужен старт прямо сейчас. Русские запустили в прошедшем году три беспилотных лунных зонда[7], и космическая гонка подошла к точке кипения.

Наша работа в Дауни была сделана лишь наполовину, когда лишенный эмоций голос одного из техников прохрипел в наши гарнитуры: «Мы намерены сейчас же прервать испытания и извлечь вас, ребята».

Прервать? Мы издали стон непонимания. В таких испытаниях всегда возникали проблемы, и тогда давались задержки, а часы останавливали на то время, пока что-то проверяли. Мы спокойно сидели и работали над другими вопросами, пока специалисты разбираются с проблемой. На это могли уйти несколько минут или часов, но таковы особенности нашей работы.

Но задержка – это одно, а прервать испытания – совсем другое. Никто, и в особенности экипаж, не хотел останавливать тест до того, как он будет завершен, потому что тогда все это придется повторить снова, и мы можем потратить на это все выходные. Ну и кроме того, сброс вакуума из камеры, открытие этого чертова хитроумного люка и выход наружу в скафандрах были непростыми операциями.

«Зачем?» – рявкнул Том. Мы вовсе не хотели вылезать. Мы бы предпочли «повисеть», закончить задание и улететь домой. После нескольких часов работы проблем, казалось, становилось больше, а не меньше, но терпение никогда не числилось среди добродетелей астронавтов.

«Тома просят к телефону, это важно», – ответили нам. Вот это уже совсем странно. Во время испытаний мы никогда не отвечали на звонки, какими бы важными они ни были. Тем не менее мы услышали, как воздух начал поступать в объем камеры.

«Кто спрашивает? – настаивал Том. – Скажите, что я перезвоню». «Нет, – отвечал голос. – Нам сказали, что вы должны ответить немедленно». Через несколько минут техники откроют люк и помогут нам выйти.

Я начал отстыковывать воздуховоды, а мой мозг просчитывал возможности. Наверное, что-нибудь изменилось. В космической программе всегда что-то менялось. Быть может, нас назначили в полет с посадкой на Луну. Почему бы и нет? Мы вместе провели в космосе больше часов, чем любой другой экипаж, и мы уже являемся официальными дублерами на следующий полет «Аполлона». Но телефонный звонок о чем-то в этом роде мог подождать. Случилось что-то очень важное.

Черт побери, быть может, наш экипаж поставили на *первый* полет с посадкой на Луну. Или же стал явью наш худший кошмар, и к Луне летят русские. Был единственный раз, когда я слышал столь неопределенные слова – в день, когда мы потеряли двух астронавтов в авиакатастрофе как раз перед полетом «Джемини-9». Но об этом я предпочел промолчать.

Я бросил взгляд на Тома, которого мы постоянно подначивали на тему политической карьеры. «Наверное, это глава вашей предвыборной кампании, сенатор», – сказал я. «А быть может, звонит президент», – сострил Джон. Том был вне себя из-за остановки испытаний и дал понять, что ему не смешно.

Потребовалось около 15 минут, чтобы нас вытащили через люк, как сардин из банки. Мы с Джоном начали растягивать болевшие мышцы, двигаясь к дежурной комнате, а Том выхватил телефонную трубку у техника, ожидающего рядом с командным модулем. Мы не стали снимать скафандры – быть может, придется вернуться к работе, а снять космический скафандр не проще, чем вылезти из спортивного обмундирования. Мы с Джоном расслабились в первый раз за весь день, потягивая горячий кофе и беседуя о том, сможем ли мы вернуться домой раньше обычного, или же нам придется остаться в Калифорнии и завтра начать весь тест сначала.

Том подошел через пять минут, лицо его было белее мела. У нас с ним бывали мгновения, когда волосы вставали дыбом, и я знал, что этот человек абсолютно непрошибаем и всегда контролирует себя. Таким я не видел его никогда. Мы не успели даже спросить, что стряслось, когда он поднял на нас глаза и произнес дрожащим голосом: «На старте был пожар».

Мы с Джоном обменялись короткими взглядами. Пожар на старте? Что это значит?

«Ребята в порядке?»

Стаффорд покачал головой. «Они погибли, – сказал он. – Гас, Эд и Роджер мертвы».

2
Похороны

Вертолет компании North American доставил нас в аэропорт Лос-Анджелеса, откуда мы, не озаботившись особо предполетным осмотром, поднялись в воздух на двух Т-38. Мы с Томом летели ведущими, а Джон шел ведомым. Мы не знали ничего помимо того, что услышали на заводе в Дауни. «Том, что они сказали тебе?» – спросил я по интеркому, когда мы неслись сквозь вечернее небо, и на смену берегу океана с распластавшимся Лос-Анджелесом пришли обширные и необитаемые пустыни Калифорнии, Аризоны и Нью-Мексико. Сзади нас садилось солнце, небо впереди темнело. Внизу мерцали огни – ночь накрывала городки в пустыне. Том попытался вспомнить точные слова, ища какой-нибудь намек, какой-то смысл в лаконичном сообщении, полученном им. Всё, что он знал и мог сказать мне, – наши ребята погибли. Пожар на старте. До сих пор такого невозможно было себе представить.

Через час и двадцать минут мы сели в Эль-Пасо, где дозаправились и полетели дальше почти со скоростью звука на высоте 13 700 метров, в каменном молчании. Нам было трудно сказать хоть что-нибудь. Делалось скверно на душе от того, *как* они умерли. В программе уже погибали люди, но они разбились на самолетах. Разумеется, все понимали, что рано или поздно астронавт может погибнуть в космосе. Но никогда нам не приходило в голову, что мы можем потерять кого-то в космическом корабле на Земле. Мы – пилоты, мы осознанно принимаем риск, мы полагаемся на свою подготовку и чувствуем себя уверенно, взбираясь в кабину нового самолета. И если мне на этой работе суждено получить серьезные неприятности на свою задницу, я бы предпочел столкнуться с ними в полете, а не сидя беспомощно на стартовой площадке и ожидая, как произойдет что-нибудь скверное!

Этим троим не довелось запустить двигатели своей огромной ракеты. Черт побери, она даже не была заправлена! Если бы она взорвалась после старта, они бы всё равно погибли, но эта трагедия, возможно, оказалась бы немного более переносимой. Гас, Эд, Роджер и все остальные решили стать астронавтами, чтобы использовать свой шанс полететь на Луну, а не умереть сидя на старте. Дайте мне ситуацию, на которую надо реагировать, принимать решение, правильное или нет, но дайте мне возможность побороться – и как раз такой возможности им не

досталось. Мы всегда знали, что нам угрожает множество неизвестных проблем, но пожар на старте? Это напрасная потеря, и к такому мы не были готовы.

Я искал, на что направить свой гнев. Я не мог никого обвинить, потому что не знал в точности, что произошло, да и толку в поиске виновного не было. Они мертвы.

Свечение Сан-Антонио сошло на нет у нас за спиной, яркие огни Хьюстона появились на ночном горизонте. Мы начали снижение.

Роджер Чаффи поступил на летную службу после обучения на стипендию ВМС в Университете Пёрдью на год позже меня, и в первое время мы почти не были знакомы. Но когда мы оба оказались среди 14 астронавтов, имена которых объявили в октябре 1963 г., наши жизни переплелись. Это отражалось хотя бы в списке наших имен, если нигде более: в порядке английского алфавита его фамилия Chaffee стояла сразу после моей Cernan. На официальном снимке нашего набора и во многих других случаях он всегда оказывался рядом со мной.

Мы прибыли в Хьюстон в январе 1964 г. Роджер и его жена Марта, красивая молодая женщина, которую избрали королевой бала в Пёрдью на первом курсе, сняли небольшой рыжеватый двухэтажный домик в Клиэр-Лейк, юго-восточном пригороде Хьюстона, где они поселились с двумя детьми, Шерил и Стивом. Мы с женой Барбарой и девятимесячной дочерью Трейси въехали в съемный дом на соседней Хантресс-Лейн. Будучи молодыми лейтенантами флота[8], мы едва зарабатывали по 10 000 долларов в год, но вскоре на нас пролился дождь гонораров по договору с журналом Life, и мы смогли купить несколько участков в новом районе и построили там дома бок о бок, так что лишь тонкая деревянная изгородь разделяла наши дворы на Барбуда-Лейн. Мы вселились туда с промежутком менее чем в десять дней. У Роджера был первый в квартале плавательный бассейн, а я поставил в гостиной барную стойку, так что наши дома стали местом многочисленных вечеринок. Почти все соседи были участниками космической программы, и дома еще нескольких астронавтов стояли совсем рядом. Майк Коллинз, Джим МакДивитт и Дик Гордон жили чуть дальше по улице, а Алан Бин, Базз Олдрин и Дейв Скотт – за углом.

Роджер был трудоголиком; впрочем, я думаю, что и все мы тоже. Вне службы он проявлял замечательное чувство юмора. Мы часто охотились вместе, и я всегда использовал его ружья ручной работы, потому что своего у меня не было. Потом Марта отдала мне «магнум» калибра .243, и теперь у меня это одна из самых дорогих вещей. Прошло всего шесть недель с того дня, как наши

семьи вместе праздновали День благодарения у них во дворе. В те же выходные мы с Роджером охотились вместе с легендой гольфа Джимми Демаре, и при перелете в западную часть Техаса на его маленьком «бичкрафте» меня стошнило. Роджер не давал мне забыть об этом. Космический герой, которого тошнит? «А на пути к Луне ты тоже собираешься блевать, Джино?» Как потом выяснилось, некоторых действительно рвало. Но я знал, что с Роджером такого не случилось бы, потому что у него был железный желудок. Перец халапеньо размером с банан он поедал в два больших укуса.

На вечеринках Роджер демонстрировал номер со шваброй. Он держал швабру горизонтально перед собой, затем перешагивал через нее, поднимал ее сзади, проносил над головой и возвращал в исходное положение, не отпустив рук. Это было несложно сделать в трезвом состоянии и с хорошо разработанными суставами, но в противном случае опыт заканчивался чудовищной катастрофой. Ему особенно нравилось раздражать Базза Олдрина, прирожденного спортсмена, которого эта занятная салонная игра ставила в тупик. Мы с Роджером сроднились и в какой-то мере чувствовали себя братьями. А теперь он был мертв.

С того дня, как мы прибыли на службу в NASA, наши космические карьеры развивались параллельными путями. Мы делили арендованные машины, жили в одной комнате в гостиницах, иногда летали на одном самолете. Нас учили с таким расчетом, чтобы мы заняли места пилотов лунного модуля на «Аполлоне». Затем нам оказали особое доверие, потому что корабли типа Block I не обладали возможностью стыковки и не могли использоваться совместно с лунным модулем, в котором нам предстояло садиться на поверхность Луны, да и до завершения строительства первого лунного модуля на фирме Grumman было еще далеко. Так что в тот январский день 1967 года Роджер и я были пилотами лунного модуля на двух кораблях, у которых лунного модуля вовсе не было[9].

Как часто вечером в пятницу, возвращаясь из недельной командировки на Т-38, таком же, как тот, в котором я находился сейчас, мы с Роджером пролетали на минимальной высоте над своими домами, прежде чем резко отвернуть влево, выпустить шасси и приземлиться на авиабазе Эллингтон. Еще от Сан-Антонио мы нацеливали острый нос самолета на дорожку, разделяющую наши дома, и с ревом проносились на скорости 1100 км/час над Барбуда-Лейн, встряхивая черепицу и заставляя дрожать посуду. Это шумное послание говорило женам (ну и соседям тоже), что мы скоро будем дома. Мы садились, прыгали по машинам и гнали со скоростью 130 км/час по двухполосному

Старому Галвестонскому шоссе с единственным светофором в городке Уэбстер, чтобы затормозить с визгом у своих домов менее чем через десять минут. Это было не вполне законно, но, черт подери, мы же астронавты!

Я вспомнил об этом, когда мы с Томом пошли на снижение, но теперь при заходе на посадку мы облетели свой район стороной и осторожно зарулили на стоянку. Путь из Калифорнии домой всегда был долог, но на этот раз я не хотел, чтобы он закончился. Оставшись один, я поехал домой медленно, ошеломленный ощущением неполноценности.

Нашу узкую улочку заполонили машины. Я заехал к себе во двор, остановился, выключил зажигание. Не снимая пропотевший желтый летный костюм, я пересек лужайку – тридцать шесть шагов от моей двери до двери Роджера – и кивнул охраннику, который должен был сдерживать растущую толпу и не пускать прессу. Я не стал заходить к себе домой – знал, что Барбара у Марты. Жены в космической программе были женщинами особого сорта – они знали, что нужно делать, потому что такие трагедии случались и раньше. Всех их преследовал один общий кошмар – что однажды муж не вернется домой, а вместо этого в дверь постучится скорбный посланец с ужасной вестью.

Я обхватил Барбару и долго держал ее в объятиях, чтобы мы оба смогли осознать, что живы. Потом я отыскал Марту и тоже крепко обнял – нам обоим было это так нужно! Эмоционально опустошенный, я пытался передать физически то, что не выразить словами. Что я мог сказать ей? «Мне очень жаль, что твой муж только что сгорел заживо»? К счастью, не мне пришлось объяснять Марте, что случилось. Эта обязанность досталась Майку Коллинзу.

Марта была в кухне, готовила хот-доги к обеду, когда внезапно появилась Сью, жена Алана Бина. Это ее не встревожило, потому что жены забегали часто. Барбара тоже должна прийти вскоре, она как раз вернулась из кино. За окном собралось много машин, но это было нормально – все возвращались домой на выходные. Ее дети, пятилетний Стив и восьмилетняя Шерил, смотрели телевизор в кабинете. Сью нервно несла какую-то чушь, но Марта все еще не беспокоилась о муже. Роджер во Флориде, и он даже не должен был сегодня летать.

Но потом на пороге возник Майк – а это уже не вписывалось в обычный распорядок. А когда Марта увидела его глаза, она поняла, что произошло что-то ужасно, ужасно плохое. Это было написано у него на лице. Теперь Марта знала, что случилось.

Пока Майк рассказывал ей страшную новость, еще один друг прошел в кабинет и выключил телевизор, потому что скоро

должны были передавать выпуск новостей. Он занял детей складыванием уточки из фольги от сигаретной пачки. Справившись с первым потрясением, Марта позвала сына и дочь в спальню и запинающимся голосом сообщила им, что отец больше никогда не вернется домой. Шерил сначала подумала, что мать говорит о разводе, но когда она поняла, что ее отец погиб, девочку охватило острое чувство одиночества. Марта сняла медальон в виде двух золотых сердец, подарок Роджера, который она всегда носила, и застегнула его на шее дочери: пусть память об отце будет всегда рядом. Шерил и сейчас носит этот медальон.

Я смотрел, как наши женщины пытаются справиться с ужасной задачей разделить горе. Всеми своими действиями они показывали, как любят Марту, а она то блуждала по комнатам в трансе, то хлопотала как хозяйка вечера, чтобы не думать о том, что Роджер не придет сегодня, и вообще никогда не придет. Конечно, это было дьявольски трудно, но я видел, как она расправляла плечи, поднимала лицо, вытирала слезы и выполняла свой долг, отвергая реальность. Она была женой астронавта, а жены астронавтов крепки в вере. Она не имела права на несовершенство даже в день самого тяжелого горя. В какой-то момент она перешла через задний двор к нам в дом и позвонила по телефону. Когда Марта возвращалась через парадное крыльцо, охранник остановил ее и спросил, кто она такая, прежде чем пропустить в ее собственный дом.

Дик Слейтон, наш босс, вскоре велел мне отложить все дела и заботиться о Марте. В этом был смысл, потому что космическая программа внезапно остановилась на полном ходу. Других астронавтов назначили помогать Пэт Уайт и Бетти Гриссом – им тоже предстояло мучительно привыкать к смерти мужей, к тому же в высшей степени публичной.

Я обнаружил, что у стремления Роджера делать всё безукоризненно существовала и обратная сторона. Он был настоящим хозяином дома, он выписывал все чеки и принимал все решения. Теперь, без него, жена и дети оказались одни в незнакомом море. Марта даже не знала, был ли Роджер застрахован – он всегда сам заботился о таких вещах.

Следующие несколько дней прошли как в тумане – я пытался привести дела друга в порядок и вернуть его семье чувство безопасности. Барбара была рядом и помогала на каждом шагу.

В маленькой пресвитерианской церкви Уэбстера отслужили панихиду. Небольшая белая часовня у Старого Галвестонского шоссе была переполнена потрясенными друзьями и соседями. Проповедник произнес речь, а затем мы вышли на улицу, и над нами пронеслось звено Т-38 с астронавтами за штурвалами, с

одним пустым местом в строю. Миновав колокольню, они разошлись в разные стороны. Это была служба лишь для своих, для людей, которые знали троих погибших астронавтов ближе всех, для тех, кто самые важные годы своей жизни проработал в NASA. Мы не просто скорбели – каждый из нас чувствовал личную вину, как если бы мы могли сделать что-то, ну хоть что-нибудь, чтобы не случилась трагедия, которая теперь так потрясла нас.

Холодно было на Арлингтонском национальном кладбище в последний день января, особенно для тех, кто прилетел из Техаса. Резкий ветер трепал гривы шестерки гнедых лошадей, которые медленно цокали по извивающейся дорожке между надгробиями, везя катафалк с гробом Роджера Чаффи, накрытым флагом. На трех лошадях слева скорбно ехали молодые кавалеристы, а у трех справа седла были пусты, символизируя троих погибших седоков. Не одного, а всех троих. Гаса похоронили здесь же, на Арлингтонском, несколькими часами раньше, а Эд нашел покой на кладбище Военной академии США в Вест-Пойнте. Зимнее солнце сияло сквозь высокие облака, но это был черный день, день скорби, худший за все годы космической программы Америки.

Я был в синем военно-морском мундире, под вычищенными до блеска ботинками хрустел иней, когда мы занимали места на короткой траурной церемонии. Я изучал печальную сцену, и сердце мое гулко стучало. Всё было неправильно.

Марта сжала мою руку так сильно, что наши перчатки должны были сплавиться вместе. Вдова пребывала в смятении, я тоже. Ее дети, восьми и пяти лет, с трудом понимали, что происходит, сидя на холодных металлических креслах рядом с матерью. То же чувствовала и Барбара, которая осталась в гостинице в постели в полном истощении. Потрясены были родители Роджера, которые приехали на похороны из Гранд-Рэпидса в Мичигане. И Линдон Джонсон, президент Соединенных Штатов, стоявший у открытой могилы, тоже. Потрясена была вся страна. То, что случилось, просто не имело права произойти.

Страшные детали стали известны за прошедшие несколько дней. Очевидно, где-то в лабиринте проводов возникла искра, и чисто кислородная атмосфера корабля тут же создала душегубку. Парни боролись за жизнь, они пытались открыть этот чертов тяжеленный люк, но умерли за какие-то секунды, задохнувшись в своих скафандрах.

Космическая программа была плохо подготовлена к такой катастрофе, и мы собрались в этот день на Арлингтонском кладбище не как космические герои, а как простые смертные, лишенные плащей неуязвимости, и ноги отказывали нам.

Катафалк погромыхивал, холодный ветер морщил красно-бело-синее знамя. Лошади не спеша преодолевали милю извилистого пути от места краткой мемориальной службы у административного здания до готовой могилы за номером 2502-F на склоне мерзлого холма, где Роджер должен был обрести вечный покой рядом с Гасом. Скрип кожаных седел, позвякивание металлической упряжи и глухие удары копыт служили аккомпанементом к военному оркестру, который маршировал с глухим барабанным боем, медленно играя «Вперед, солдаты Христа». Затем гроб понесли астронавты.

У этого вирджинского холма, открытого всем ветрам, было градусов на двадцать холоднее, чем в Хьюстоне, в те минуты, когда отдавались воинские почести по высшему разряду лейтенант-коммандеру[10] Роджеру Чаффи. Он потерял жизнь всего за несколько недель до того, как должен был стать двадцатым американцем в космосе.

Марта вытерла слезы дочери Шерил, а отец Роджера, заметно дрожа, положил руку на холодный стальной гроб своего сына. Президент Линдон Джонсон от имени народа Соединенных Штатов лично поблагодарил их, но Марта не запомнила этого. Супруга президента и вице-президент Хьюберт Хамфри исполнили такой же церемониал в Вест-Пойнте. Члены Конгресса, руководители NASA и еще несколько сот человек стояли в отдалении, когда с гроба сняли флаг, и команда срочников ВМС сложила его треугольником и передала Марте.

Затем внезапно раздались три залпа ружейного салюта, и потекли скорбные ноты горнов, которые, казалось, будут звучать вечно. Мы посмотрели вверх и увидели сквозь скрюченные, по-зимнему голые деревья, как с грохотом несется парадное звено «Фантомов», и один самолет уходит вверх и в сторону из строя. Теперь все было кончено.

Один лишь невыносимый вопрос лежал вне нашего круга скорби. Мы пришли сюда, чтобы проводить в последний путь наших любимых и друзей, или же в этот день на Арлингтонском кладбище мы хоронили всю пилотируемую космическую программу? С этого момента мечта отправить людей на орбиту и далее должна была рассматриваться сквозь призму тех жертв, которые для этого потребуются. Наше предприятие было опасным, и теперь мы все ясно понимали, что имел в виду президент Кеннеди, когда говорил, что наша страна должна принять этот вызов не потому, что полететь на Луну просто, а потому, что это трудно. Он хотел, чтобы мы высадили человека на Луну до конца десятилетия, и сейчас, в начале 1967 года, первый космический корабль, который мог приблизить нас к этой

цели, лежал в руинах. Часы тикали, а работы еще оставалось очень много. Быть может, то, о чем просил Кеннеди, на самом деле невозможно?

Я смотрел, как хоронят моего друга, и начинал думать, не будет ли смерть Гаса, Эда и Роджера стоить нам шанса пройти по Луне. Не конец ли это всей программе «Аполлон»?

3
Проданный монашками

Первые астронавты по природе своей должны были обладать отвагой и самоуверенностью, потому что невозможно усесться в парусиновое кресло на верхушке монструозной ракеты и с готовностью, более того – с нетерпением ожидать старта на ней в космос, не имея полной уверенности в себе и своих способностях. Не мешала и некоторая доля гордыни: «Я могу сделать всё!» Мы были пропитаны духом соперничества во всем – и когда гоняли на наших «корветтах» по Мысу, и когда устраивали изысканные розыгрыши, и когда рассекали в небесах на Т-38, превращая обычный тренировочный вылет в воздушную схватку.

Возвышаться над нами мог бы лишь человек особого рода, и Вернер фон Браун как раз и был таким. Американская публика считала нас блистательными и отважными героями, но в присутствии *герра доктора* мы оказывались школьниками с мечтой о полете в космос. Да, мы были хороши, но он – великолепен, человек, создававший эти прекрасные ракеты, которые понесут нас к Луне. Мы отдавали делу свои тела, а он – мозг.

Однажды вечером в хьюстонском ресторане, где он собрал четырех астронавтов-новичков, из которых никто еще не летал, я осознал, что этот крупный немец – красивый почти как кинозвезда, с густыми темными волосами, аккуратно уложенными на одну сторону, и с горящими глазами истинно верующего – намного больше, чем просто ученый. Он был визионером и философом, можно сказать, Жюлем Верном наших дней, способным проникать взором в будущее. Германские ученые обычно ассоциировались с прямым углом: инженеры и техники, которые стремились к абсолютному совершенству во всех вопросах. Фон Браун шел много дальше – в мир идей, где нет прямых линий и нет преград, и он считал сухие формулы необходимыми только в той степени, в какой они могут удовлетворить его страсть к космическим путешествиям. Он был инженером высшей пробы, но одновременно и мечтателем, то есть именно тем, в ком нуждалась космическая программа. Он уходил далеко вперед от событий настоящего момента. Как своего рода алхимик, фон Браун мог превратить научную фантастику в научный факт.

Он наклонился вперед, поставив локти на тугую белую скатерть, и обратил к нам повелительный взгляд и уверенные

слова. Не беспокойтесь о том, как попасть на Луну, сказал он, словно это было простое житейское дело. Своей большой рукой он как бы смахнул в сторону проблемы, которые отнимали так много времени, усилий и денег, но в действительности являлись лишь набором технических вопросов, которые все равно будут решены. Идеи исходили от него и накрывали нас.

Мои товарищи, занятые обсуждением одного из предсказаний фон Брауна, внезапно отошли на второй план, когда он обратил свой пронзительный взгляд на меня. «А теперь твой черед, Джин, – произнес он, – тебе предстоит пронести эту мечту». Наверно, я поперхнулся от изумления, потому что он рассмеялся: «Ты должен стать одним из первопроходцев, и я завидую тебе».

Я посмотрел на него с недоверием, спрашивая себя, кто этот человек – настоящий гений или настоящий сумасшедший? Он, директор Центра космических полетов имени Маршалла, завидует мне? Однако это было логично. Я готовился к тому, чтобы в конечном итоге полететь на Луну на его гигантской ракете «Сатурн V», а он если и испытывал что-то похожее, то только в детстве, когда прикрепил несколько петард к машинке, поджег их и отправил автомобильчик в безумную поездку. Фон Брауну предстояло достичь своей мечты лишь опосредованно, через наши путешествия в космос.

Он подрегулировал кресло и дотянулся до небольшого предмета в центре стола. «По-настоящему важно то, что вы сделаете, когда доберетесь до Луны, – сказал он и пояснил, что мало просто взлететь, совершить посадку и вернуться домой: – Ведь Линдберг не для того перелетел Атлантический океан, чтобы добраться до Парижа». Настоящая исследовательская экспедиция должна расширять Вселенную знаний, и это работа, у которой нет конца.

Фон Браун слегка подтолкнул серебристую солонку, как будто это была игрушка. «Джин, тебе потребуется мобильность. Мы сделаем автомобиль». Он видел в своем воображении, как мы покидаем лунный посадочный модуль, выходим наружу и исследуем неизведанный неземной ландшафт.

Поскольку я пребывал в состоянии почтительного благоговения, я не ответил: «Что-что, Вернер, автомобиль? Да ну тебя. Мы с трудом выводим космический корабль на околоземную орбиту, чтобы отработать базовую технологию стыковки, а ты говоришь, что я буду преодолевать кратеры на лунном багги?» Я не мог себе этого представить. Но я ничего не сказал, и хорошо, что я не раскрыл рот, потому что на «Аполлоне-17» мне представилась возможность сделать как раз то, что предсказал фон Браун, – вести лунный ровер в увеселительную прогулку на

многие мили от моего космического корабля.

Я имел своеобразную связь с работами фон Брауна почти с самого рождения 14 марта 1934 года в больнице Св. Антония в Чикаго. В раннем детстве моя старшая сестра Долорес удерживала меня в повиновении, постоянно нашептывая, что я должен быть хорошим мальчиком, потому что на самом деле я не являюсь членом семьи – она, мол, просто пошла к Святому Антонию и купила меня у монашек за пару долларов.

Тот факт, что Эндрю Джордж Сернан и его жена Роза произвели на свет второго ребенка, не был замечен никем, кроме членов семейства и соседей, живущих рядом с нами в чикагском пригороде Бродвью. В этот год на слуху были другие дети. В мае на небольшой ферме в Каллендере (Онтарио, Канада) появилась знаменитая пятерка девочек-близняшек Дионн. Еще через несколько месяцев плотник-иммигрант по имени Бруно Ричард Хауптманн был арестован за похищение и убийство маленького ребенка пионера авиации Чарлза Линдберга. Ну и я определенно не стал крупнейшим событием этого лета в родном городке, ведь в моем свидетельстве о рождении не говорилось, что его новорожденный обладатель станет последним человеком, прошедшим по Луне. Отнюдь нет: заголовки газет достались гангстеру Джону Диллинджеру, которого предала Женщина-в-Красном и которого застрелили агенты ФБР при выходе из городского кинотеатра.

Мало печаталось тогда и о событиях в Европе, где собирались зловещие облака, которые вскоре бросят тень на весь земной шар. В этом году Адольф Гитлер истребил своих соперников в нацистской партии и присвоил себе титул, от которого содрогнется весь мир, – фюрер.

В это же самое время в Германии существовала уникальная группа ученых-ракетчиков. Их эксперименты стоили дорого, слишком много для небольших частных фондов, спонсирующих тайные исследования. Однако свою помощь предложили немецкие генералы – финансирование, полную поддержку и секретное место для работы. Наивные ученые приняли сделку, считая Гитлера глупцом, который вскоре сойдет со сцены. Фон Браун был прав во многих делах, но он чудовищно ошибся в отношении Гитлера, которого вовсе не заботило исследование космоса. Ученых собрали в программу, которая стала частью военных усилий Германии, и их революционные ракеты V-1 и V-2[11], оснащенные боеголовками со взрывчаткой, посыпались дождем на Англию.

Когда в 1945 году война закончилась, русские и американские силы мчались наперегонки к ракетной базе в

прибрежном городке Пенемюнде[12], чтобы захватить сокровища в виде самих ученых, их отчетов и ракетного «железа». Фон Браун и еще 117 германских ученых-ракетчиков сдались нашим войскам, но многие другие достались Советскому Союзу. Так началась космическая гонка, которая стала доминантой моей жизни.

Я – американец чешского и словацкого происхождения во втором поколении. Розалия и Франтишек Циглар, Стефан и Анна Чернян приехали в Америку еще до начала Первой мировой войны и, как и многие чехи и словаки, поселились в районе Чикаго.

Семья моей мамы – Циглары – происходящая из богемского города Табор, примерно в 150 км южнее Праги, считалась культурной и талантливой. Мой дед изменил свое имя на Фрэнк и нашел работу на угольном складе. Он ухаживал и взял в жены Розалию Петерка, симпатичную девушку, которая американизировала свое имя как «Роза», в Брейдвуде, штат Иллинойс. Моя мама родилась в 1903 году, и ее тоже назвали Роза. Она выросла красивой темноглазой женщиной, которую фотографии рисуют стройной и улыбающейся, в модной одежде 1920-х годов. Дедушка и бабушка с маминой стороны умерли к тому времени, как мне исполнился год.

У себя на родине чехи, такие как семья моей матери, считались принадлежащими к элите, а вот Стефан и Анна Чернян – в американском написании Сернан – были обычными крестьянами из захудалого промышленного поселка Висока-над-Кисуцоу, в трех десятках километров от польской границы. Стефан был ростом всего 151 см и весил не более 55 кг, но именно он наделил меня решимостью и сильной волей, необходимой, чтобы добиться успеха вопреки всему.

Он приехал в Соединенные Штаты первым и привез на эти берега свою невесту Анну Луциан в возрасте 22 лет. В 1904 году она дала жизнь моему отцу Эндрю. Потом у них появился второй сын, мой дядя Стив, американская версия Стефана. Дедушка Сернан работал в угольной шахте и получал достаточно денег, чтобы купить небольшой домик на авеню Хойн в южной части Чикаго. Однако легкие, пострадавшие от удушающей работы, заставили его еще раз изменить жизнь, и в 1930 году они с бабушкой уехали из Чикаго за свежим воздухом в северные леса у Антиго, штат Висконсин.

Казалось, что они не просто переехали в другой штат, а вернулись обратно в Старый Свет. В Чикаго у них были городские удобства: электричество, водопровод и угольная печь. На ферме всех этих вещей просто не существовало, и экономия была нормой жизни. Все, что нужно, они делали сами. Впоследствии

мне предстояло коснуться будущего и жить в условиях, известных только по научно-фантастическим книгам, но когда подростком я тащился несколько миль по гравийной дороге от почтового ящика до дедовской фермы, это было похоже на путешествие назад во времени.

Дедушка Сернан, маленький и похожий на гнома, имел руки с крепкими мускулами. С помощью лишь двух лошадей, Долли и Принца, он расчистил 32 гектара земли, собрав в кучи большие камни и выкорчеванные пни, чтобы освободить место для ровных рядов кукурузы. Когда мой отец захотел провести на ферму электричество, дед решительно отказался. Что могло бы принести электричество такого, чего не мог бы сделать он сам? А теперь некоторые спрашивают, откуда у меня упрямый характер.

За закрытыми дверями двухэтажного дома моя улыбчивая бабушка, классическая крестьянка из Старого Света, которая носила длинные платья и покрывала голову платком, правила своим скромным королевством. На солидной, массивной мебели всегда лежали чистые, почти стерильные салфетки. Такой же чистотой сверкали и полы. Обувь нужно было снять, прежде чем войти в дом. По вечерам, под тиканье часов с маятником на стене, мы читали при свете керосиновой лампы и слушали звуки польки с больших, размером с тарелку, пластинок заводного патефона. А в это время у печи, топившейся дровами, бабушка творила чудеса. Мясницким ножом она отрезала полоски от рулона домашнего теста и жарила из них «ушки», а я посыпал их солью и поедал целыми горстями. После обеда из тушеного мяса со свежей кукурузой подавались шишки – словацкие жареные пирожки, покрытые сахаром. Бабушка варила пиво на заднем крыльце и хранила его в холодном таинственном погребе среди нагромождений из мешков с картошкой.

Банные дни случались нечасто. Мылись в большом оцинкованном тазу на покрытом линолеумом полу в кухне. Воду приносили ведрами и грели на печке. Холодными зимами мы спали на недостроенном чердаке на четырех кроватях под стеганными пуховыми одеялами, и поднимающееся от печки тепло не давало нам замерзнуть.

С регулярным метанием сена, уходом за животными и прочим заботами накачались и мои мышцы, хотя я часто желал, чтобы дед более разумно подходил к использованию сберегающих труд устройств. Мы жили словно в XIX веке. Еще одной работой, которая была мне противна до глубины души, но закаляла характер, была помощь в чистке двухочкового сортира. А каждой весной Долорес и меня изгоняли с чердака, где бабушка и дед разделывали теленка, чтобы у нас дома летом было мясо. До сего

дня Ди не может есть телятину.

Наверное, лучшее, что было на ферме, это старый сарай. В нем среди инструментов, на кирпичах, укрытый конской попоной, пахнущей сеном, стоял «форд» модели А – с колесами на спицах и с гремящим сиденьем. Эта машина сыграла большую роль в моей жизни.

Мои мать и отец, Роза и Энди, выросли в окрестностях Чикаго и встретились на танцах, куда пришли с другими знакомыми, но сменили партнеров вскоре после того, как были представлены друг другу.

Мама стала июньской невестой в 1925 году. Молодые Сернаны, экономные, ответственные и получившие от родителей навык упорной работы, накопили достаточно денег, чтобы купить в 1928 году дом на 18-й авеню в Бродвью, штат Иллинойс, а на следующий год Ди стала первым ребенком, появившимся на свет в этом новом пригороде. А через несколько лет, когда с экономикой в Америке стало на самом деле плохо, в мир пришел и я – незапланированное дитя Депрессии. В тот момент последнее, о чем мечтали люди, – это лишний рот, который надо кормить, но у семьи не было особого выбора.

Отец занимался эмалировкой, работая на фирму из Канзаса, но из-за Депрессии бизнес рухнул, папа потерял работу, а затем пришлось продать дом. Нужно было переезжать, и мы сняли дом на 23-й авеню в близлежащем Беллвуде. Мои воспоминания начинаются с этого места и примерно с трехлетнего возраста. Ди в это время переболела скарлатиной. Что же касается меня, то у папы имелась газовая плита на пропане, чтобы разогревать паяльник, и эти плиты не были столь безопасны, как те, что мы спокойно используем сейчас при выезде на природу. Однажды она взорвалась, огонь перекинулся на меня, но папа выбросил горящего сына наружу и там стал катать его по траве, чтобы затушить пламя. В итоге я не получил даже шрама и сумел пережить остаток того года, который мы провели на 23-й авеню. Мне было около четырех лет, когда мы переехали на несколько лет в другой съемный дом на Южной 21-й авеню в Мейвуде, выплачивая за него сумасшедшую сумму в 35 долларов в месяц.

В моей семье не было ни адмиралов, ни генералов, чтобы направить мои стопы к военной карьере. Правда, в далеком 1853 году мой дед со стороны матери пошел служить по призыву в австрийскую армию, а несколько родственников носили форму в дни Второй мировой войны. Отец оказался слишком молод для Первой мировой и слишком стар для Второй, так что солдатская судьба не имела почти никакого влияния на меня, когда я был ребенком.

В 1941 году, когда Перл-Харбор подвергся атаке и США вступили во Вторую мировую войну, мне было всего семь лет, и я ходил во второй класс начальной школы Рузвельта. Война означала новую работу для обоих родителей. Папа трудился на фирме American Can Company, и, когда она открыла базу для подготовки торпед для флота, он перешел в новое подразделение на график с «рваными» сменами. Мама устроилась в компанию Jefferson Electric в Беллвуде. Каждый день она сидела на табуретке перед большим станком и аккуратно вытягивала своими изящными пальцами тонкие нити проводов, а затем плотно наматывала их на керамический сердечник, чтобы получился трансформатор. В конце дня ее толстые перчатки и кожа под ними выглядели так, будто их порезали острыми ножами.

Меня постоянно звали помочь отцу в его большом саду и в гараже, где он учил меня, как работают машины, как сажать помидоры и как собирать те или иные конструкции. Он мог всё – от ремонта туалета до переборки двигателя. Если папа брал в руки молоток, то и Джин брал в руки молоток, и от меня всегда хотели, чтобы я сделал как можно лучше то, за что взялся. Если я сгибал гвоздь, неаккуратно вгоняя его в доску, папа требовал, чтобы я его вытащил, выпрямил и забил этот же самый гвоздь, но уже правильно. Если ты намерен что-то сделать, настаивал он, то сделай как следует или не берись вообще.

Военные годы заронили в меня семена важной идеи. Наше семейство отправилось, как мы это часто делали, в один из ближайших пригородов в кино. Я обнаружил, что с интересом смотрю киножурнал *Movietone*, черно-белое полотно мировых событий, не сильно отличающееся от современных новостных программ по телевидению. Меня поразили репортажи с войны на Тихом океане о боях за такие волнующие места, как острова Уэйк, Мидуэй и Гуадалканал. Смелые пилоты ВМС США вылетали атаковать врага, прокладывая выстрелами путь к победе, а затем возвращались к качающемуся на волнах авианосцу. Быстроходные «хеллкэты» и «корсары»[13] с чаячьим крылом клевали носом, когда зацепляли хвостовым крюком за посадочный трос на огромной плоской палубе. Вот это было здорово! Я упирался ногами в кресло впереди и тянул за воображаемые рычаги управления, пробивая себе путь к успешной посадке вместе с пилотом на экране, и в этот момент меня осенило: «Вот чем я хочу заниматься!»

В 1945 году, когда закончилась война, мне было 11 лет, и жизнь в окрестностях Чикаго вернулась в состояние нормального хаоса. С улучшением экономической ситуации доходы нашей

семьи достигли такой величины, что мы переселились в небольшой двухэтажный дом по адресу Маршалл-Стрит, 939, в Беллвуде, который стал нашим гнездом на много лет. Это здание в георгианском стиле ценой в 6500 долларов имело площадь не более 75 м^2, не считая подвала, и в нем была всего одна ванная. Мы с Ди разделили комнату наверху и впервые нам не приходилось спать в одной постели. С самого моего детства и до момента, когда она вышла замуж, а я уехал учиться, ни у нее, ни у меня не было собственной комнаты. Позднее мне не составляло труда лежать в скрюченной позе в маленьком космическом корабле: по крайней мере, остальные астронавты не загромождали территорию туалетным столиком, уставленным экзотическими кремами, средством для полировки ногтей и тюбиками с краской для бровей и губной помадой, с оборочками и с большим круглым зеркалом.

Поскольку мне не довелось спасать мир в борьбе за демократию, я открыл для себя спорт. За никелевую монетку я поднимался на лифте на Ригли-Филд и смотрел, как играют Chicago Cubs. В 1945 году они выиграли вымпел Национальной лиги, и со следующего года я стал болеть за победителя – так горячо, что и сейчас могу назвать стартовый состав 1946 года, и до сих пор каждый год мое сердце болит, когда Chicago Cubs вылетают из кубка, так и не получив с тех пор заветного трофея[14]. На улицах и на пустых стоянках я начал играть в американский футбол, баскетбол и бейсбол и обнаружил в себе хорошие спортивные задатки. Впрочем, мне пришлось поработать над ними, потому что вокруг было так много других парней с еще большими талантами.

14 октября 1947 года молодой и горячий летчик-испытатель по имени Чак Йегер, пролетая вдали над плоской калифорнийской пустыней, первым преодолел звуковой барьер. Тем временем в Техасе Вернер фон Браун готовил программу международных научных исследований в космосе под названием Space Flight. Оба события оказали влияние на мою жизнь: достижение Йегера открыло новую эру для реактивных самолетов, а работа фон Брауна определила план исследования и освоения космоса. Со временем я познакомился с ними обоими.

Выпускные работы за седьмой и восьмой класс я сдал в школе Мак-Кинли в Беллвуде и в 1948 г. перешел в среднюю школу Провизо в соседнем пригороде Мейвуд – неуклюжий пацан, который по настоянию матери играл в ансамбле на кларнете. Два года я играл в американский футбол в младшей команде, а с матчей школьной сборной сбегал после первого тайма, переодевшись в концертный костюм.

Папа интересовался главным образом моей итоговой ведомостью. Он мечтал, чтобы сын продолжил учебу в лучшей инженерной школе страны. Ею считался Массачусетский технологический институт, но это было неподъемно с точки зрения финансов, и тогда папа указал мне на Университет Пёрдью в соседней Индиане как на вполне приличную замену.

К этому времени, играя в организованных школьных командах, я также обнаружил, что существуют девушки. Это означало, что мне нужны колеса, а это, в свою очередь, требовало денег. Еще ребенком я много лет работал на полставки – складским рассыльным на Jefferson Electric, разносчиком газет *Chicago Tribune* и *Daily News*, сборщиком мусора. Теперь, в средней школе, я начал зарабатывать большие деньги. Я мог получить целых 24 доллара за выходной, таская мячики для гольфа – две корзины на один раунд в гольф-клубе Medina Country Club. Что же касается транспорта, то решением этой проблемы был «форд» модели А, все еще стоявший на кирпичах в амбаре деда. Когда мне исполнилось 15, я получил права, и вся моя жизнь изменилась. «Форд-купе» 1931 года выпуска требовал полной переделки; под руководством отца я залез в его внутренности, чтобы понять, как работает древний четырехцилиндровый двигатель, получив тем самым первый опыт в инженерном ремесле. Поршни у «форда» были размером с обеденную тарелку, кресло громыхало, на водительской стороне висело запасное колесо. Имелся съемный полог. Механические тормоза. Я поставил найденный на автокладбище радиоприемник, отполировал машину до блеска, установил брызговики и выкрасил бампер серебряной краской, а шины – белой. Вскоре вокруг машины уже толпились другие парни, а также пара девушек, которые вместе со мной совершали величественный объезд вокруг школы и выезжали в авторесторан и на тусовки. На бензин уходило 25 центов в неделю.

Предметы в средней школе давались мне легко, однако на третий год пришлось принять серьезное решение: начался футбольный сезон, и нужно было выбирать: то ли играть на кларнете, покидая стадион на половине матча, то ли остаться в футболе полностью. То и другое совмещать не получалось, и выбор был прост: да, спортом заниматься трудно, но на кларнете играть просто невозможно. Маме это не понравилось, но я стал эндом в команде по американскому футболу.

Как только я попал в команду, я выучил еще один важный урок, опять же преподанный мне отцом. Другие парни могут быть крупнее, опытнее, с большими природными способностями, но нужно держаться и делать всё, что я могу, в каждой игре.

Разумеется, он был прав. Я никогда не был первым игроком, равно как и одаренным спортсменом или обладателем лучшей техники, но я работал упорнее, чем большинство, и прислушивался к тренерам. В последнем классе я уже входил в сборные школы по баскетболу, бейсболу и футболу, я пробежал 80 ярдов до очковой зоны в игре против наших главных соперников в лице Нью-Трирской школы и был избран президентом клуба Леттермана. Дартмутский колледж посулил мне футбольную стипендию, Университет Дьюка тоже проявил некоторый интерес.

Двумя классами младше учился шестнадцатилетний гигант, который доминировал на футбольном поле и мог отдать пас на 60 ярдов на лету. Рей Ницшке обрел потом футбольную славу в качестве лайнбекера команды *Green Bay Packers*. На несколько лет старше меня, в одном классе с Ди, училась хорошенькая девушка по имени Кэрол Лориа – она стала талантливой певицей и актрисой Кэрол Лоренс.

Корейская война началась, когда я был в выпускном классе, и имела немедленные следствия. Ди только что получила диплом учительницы и вышла замуж за Джима Райли, близкого друга, который жил через две двери от нас в Беллвуде, а вскоре Джим поплыл в Корею. Ди на это время вернулась в нашу общую комнату.

Идея отправиться в Корею в составе пехоты даже не посетила мой мозг, потому что у меня были другие планы. Я не собирался уклоняться от Кореи, но уж если придется идти воевать, то я хотел бы быть летчиком флота. Чтобы найти путь к полетам и одновременно соответствовать требованию отца и получить высшее образование, я подал в начале выпускного класса на флотскую стипендию.

Я прошел с высокими оценками и подписался на программу военного обучения для ВМС[15] в Университете Пёрдью. Контракт включал полную оплату учебы плюс средства на карманные расходы, три летних похода и выпуск через четыре года в младшем офицерском звании энсина ВМС США. Однако из ВМС сообщили, что вакансии в Пёрдью уже заполнены, и предложили мне такую же программу в Университете Иллинойса. Я не хотел говорить об этом отцу, потому что он не воспринимал Иллинойс как хорошую техническую школу.

Затем ВМС предложили частичную стипендию в Пёрдью – программу со скудной финансовой подпиткой и с зачислением после окончания учебы в резерв ВМС. Мне этого не хотелось, потому что я знал: всей семье придется напряженно работать, чтобы оплатить мою учебу в Пёрдью в качестве студента из

другого штата. По настоянию папы я с неохотой согласился, понимая, что получу не только диплом, но и назначение в ВМС, хотя бы и в резерв, и, быть может, при благоприятном развитии событий реализую свою мечту о полетах.

В июне 1952 г. я окончил среднюю школу Провизо на 14-м месте из 762 выпускников. Не прилагая особых усилий, я сумел заработать бронзовую, серебряную и золотую стипендии и членство в Национальном обществе почета. Я был готов отправиться в Пёрдью, который воспринимал как ворота к мечте – мечте о том, чтобы взлетать на самолете с палубы авианосца. К этому моменту я никогда не видел авианосца и ни разу не сидел в самолете.

4
Золотые крылья

Америка становилась нацией на колесах, и я был частью этой механической революции. Я продал свою модель А, купил старый «шевроле» и отправился в Университет Пёрдью, в город Вест-Лафайетт в Индиане, в 250 км от нас по 52-му шоссе. Я нырнул в университетскую жизнь и в осознание первой настоящей личной ответственности, как рыба в воду.

Денег было мало, и я чувствовал обязательство перед семьей – помочь в оплате обучения. На первом курсе я жил в общежитии с одним из старых футбольных друзей – и впервые в жизни не делил комнату с сестрой. Чтобы возместить расходы, я работал в столовой и выиграл небольшую академическую стипендию – платежи от ВМС должны были начаться лишь с третьего курса.

Во втором семестре я подал на вступление в братство Фи-Гамма-Дельта, и «фиджи», как они называли себя, дали мне опору, чувство общности, центр и дом. На втором курсе я перебрался в общежитие этого общества, и моим соседом по комнате стал Билл Смит – рыжеволосый парень, который играл в футбол против Провизо в команде Нью-Трирской школы. На одну женщину в студгородке приходилось семеро мужчин, потому что девушек основные специальности Пёрдью – инженерные и сельскохозяйственные – не привлекали. Членство в братстве давало мне преимущество: Смитти говорит, я так часто влюблялся, что он стал просто игнорировать меня, когда я возвращался со свидания, очарованный новейшей дамой в моей жизни.

Я попробовал заняться баскетболом и бейсболом, но быстро понял, что недостаточно хорош для состязаний Большой десятки университетов, невзирая на все мои усилия. Однако я мог выступать на внутрифакультетских соревнованиях, а это тоже было непросто, потому что в число игроков входили бывшие спортсмены-школьники на уровне штата и крепкие парни на грани попадания в университетскую команду. Наши команды Фи-Гамма-Дельта и военно-морских стипендиатов часто играли не только с другими коллективами Пёрдью, но и с бейсбольными и баскетбольными командами аналогичного происхождения из других университетов.

Многие студенты Пёрдью были старше нас – они успели повоевать в Корее и поступили в высшую школу на военную

стипендию. Одна из лучших приятельниц Смитти, Джен Шерон из Нью-Трира, как раз была подругой такого военнослужащего. Этот парень учился на год старше нас и отличался удивительной скромностью. Мы могли бы так и не узнать, что он сделал 78 боевых вылетов на реактивных «пантерах»[16] с авианосца «Эссекс» и заработал три Воздушных медали. Его имя было Нил Армстронг.

Много лет спустя, когда Нил участвовал в испытаниях экспериментального ракетного самолета X-15 на авиабазе Эдвардс, Смитти заехал к нему и вскоре обнаружил себя в подвале дома вместе с молчаливым летчиком, который обертывал трубы изолентой. Смитти стал к тому времени авиационным инженером, естественно, его очень интересовал самый крутой самолет в американском небе, и он спросил: «Так что, Нил, ты теперь летаешь на X-15?» Нил, продолжая обертывать трубу, промычал: «Угу». На этом разговор и кончился. Нил не пытался произвести впечатление на людей одними лишь словами – он предпочитал, чтобы за него говорили дела. Нил был настолько молчалив, что когда он сделал свой исторический шаг по Луне и произнес: «Это один небольшой шаг для человека, но огромный скачок для человечества», те, кто знали его, удивились вовсе не тому, что он выступил с такой запоминающейся фразой. Сюрпризом на самом деле было то, что он вообще что-то сказал.

В итоге Университет Пёрдью занес в списки выпускников и первого человека, который прошел по Луне, и последнего. Нил выпустился в 1955-м, я в 1956-м, а в выпуске 1957 года был приветливый Роджер Чаффи. Впереди всех нас, в выпуске 1950 года, оказался Гас Гриссом, а годом раньше – Айвен Кинчлоу, летчик-испытатель, который установил мировой рекорд высоты в 38,4 км на экспериментальном самолете X-2 фирмы Bell. В последующие годы многим другим пилотам и инженерам предстояло узнать, что магистральный путь в космическую программу проходит через Вест-Лафайетт. Надо полагать, этот университет давал очень хорошее техническое образование.

Первые семестры в Пёрдью были лишь немного сложнее с точки зрения учебы, чем средняя школа, и я легко шел вперед с высокими оценками к серьезной степени инженера-электрика. Сердца американской телевизионной аудитории покорял сериал «Я люблю Люси», но я эту комедию пропустил, потому что «фиджи» нацеливались на высшие достижения в учебе, и братство проголосовало против установки в общежитии телевизора, опасаясь, что он будет отвлекать от занятий. И я думал, что так легко будет и дальше, пока в один прекрасный день не получил тревожный звонок из курса теоретических основ электротехники.

Я вдруг осознал, что работа, которую я читаю, странным образом кажется сложной, как будто написана какой-то тарабарщиной. Я моргнул глазом – все осталось как было. Я ее не понимал! О боже, неужели я получу за этот курс тройку? Или даже пару? Для того, кто до сих пор легко зарабатывал хорошие оценки, это был момент остановиться и подумать, и мне пришлось признать, что я попал в новый мир. А если я получу пару, я могу ведь и вылететь? Нет, это определенно не вариант – и потому что родители так напряженно работали, чтобы отправить меня учиться, и потому что неудача огорчит папу и станет концом моей мечты о полете. Я понял, что пора заняться делом и научиться учиться.

Сегодня мы вспоминаем годы президентства Эйзенхауэра[17] как приятное время – потому что в знаменитой улыбке Айка мы видели маяк лучших времен. Но была тогда и темная сторона. Французы подверглись форменному истреблению в душной долине Дьенбьенфу во Французском Индокитае, который мы потом будем знать под именем Вьетнам. Дома, казалось, коммунистическая угроза растекается вокруг, хотя наши страхи и усиливала неистовая кампания сенатора Джо МакКарти. Далеко в Тихом океане, на атолле Эниветок, американские эксперты собрали 60-тонное устройство с невинным именем Майк, и на рассвете 1 ноября 1952 г. Майк – первая в мире водородная бомба – взорвался так, что огненный шар шести километров в диаметре сиял как солнце, а гигантское грибовидное облако поднялось на высоту 40 км над островом – вернее, над тем местом, где он был. Прошло совсем немного времени, и Советский Союз объявил, что у него тоже есть водородная бомба[18]. Так в мире наступила термоядерная эпоха, но я и не подозревал, что всего через несколько лет буду пилотировать самолет, несущий оружие такой разрушительной силы.

Если время после Великой депрессии было моей колыбелью, то Холодная война стала горном, в котором ковалась моя военная карьера. Но тогда глобальные события казались еще очень далекими, даже когда я надевал форму военных курсов и долгие часы изучал военно-морские науки и историю. И все же, лежа в постели в общежитии «фиджи» на Расселл-стрит, 640, в два часа ночи, я иногда слышал зловещее гудение бомбардировщиков B-36 Стратегического авиационного командования, ломящихся сквозь ночное небо. Мы догадывались, что они несут Большие Бомбы, и хотя эта мысль не меняла моей жизни, реальный мир уже стучался в дверь. Курсант Сернан хотел стать морским летчиком.

На третьем курсе флот наконец-то начал платить обещанную стипендию – царский подарок в 27 долларов в месяц – и отчасти компенсировать стоимость учебников. В конце этого года меня

выдвинули в президенты сообщества «фиджи». Старшекурсникам тоже разрешалось голосовать, и пара из них не хотела, чтобы общество Фи-Гамма-Дельта в Пёрдью возглавил католик. Это был первый случай, когда меня коснулась дискриминация, но ненадолго: хотя я и проиграл, но член братства, избранный президентом, вскоре ушел из университета, и я всё равно оказался во главе.

Второй раз я столкнулся с подобным обращением, когда по оценкам и служебной характеристике мог претендовать на командную должность в учебном подразделении флота в университете. Поскольку я не был членом регулярной программы ВМС и имел «билет» только на зачисление в резерв, мне пришлось удовольствоваться должностью заместителя командира. Это снова заставило задуматься, а есть ли у меня реальный шанс попасть в летную школу. Конечно, это было очень далеко от той дискриминации, которую в этом же году запретил Верховный суд, вынесший решение об отмене сегрегации в публичных школах. Тем не менее я почувствовал, что меня дискриминируют, но это лишь сделало меня более целеустремленным.

Как и прочие курсанты из программы подготовки резерва, я должен был участвовать в боевом походе летом после третьего курса. Я приехал на поезде в Норфолк, штат Вирджиния, и нашел там ожидающий меня крейсер «Роанок» – серый гигант с орудиями такой же длины, как телефонные вышки. Я отдал салют флагу на юте, а затем дежурному офицеру, попросил разрешения подняться на борт и в первый раз почувствовал под ногами прочную стальную палубу. Вскоре я понял, что хотя корабль и кажется огромным, на нем кое-чего не хватает. На «Роаноке» не было самолетов! Да, этот крейсер станет моим домом на некоторое время, но это не тот флот, который нужен мне.

В первые дни после выхода в море меня выворачивало наизнанку. Никогда не мог вообразить, что в океане нечто столь большое, как «Роанок», может болтаться, словно пробка от бутылки. Попробуйте как-нибудь заснуть в качающемся гамаке, с бунтующим желудком, да еще если в 10 сантиметрах над вашим носом нависает изогнутое тело другого страдальца в гамаке на ярус выше. Большая часть из нас, курсантов, провела первые несколько дней у борта этого могучего военного судна, отправляя в море содержимое желудка и немало развлекая многоопытных главных старшин, которые стали вскоре нашими друзьями и наставниками.

В переходах по Карибскому морю мы посетили Пуэрто-Рико и сходили на берег в Гаване. Кубинцы в 1955 году были не слишком

дружелюбны, потому что один американский моряк недавно обоссал статую их лидера, диктатора Фульхенсио Батисты, прямо под яркими огнями казино, где шла азартная игра. Тем временем далеко в горах Фидель Кастро раздувал пожар революции.

Исполняя рутинные курсантские обязанности, то есть изучая, как работает корабль «Роанок», я все время оглядывался, чтобы посмотреть, как настоящие военно-морские летчики сажают настоящие флотские самолеты на настоящий авианосец, который дымил неподалеку от нас. Не так уж много осталось, думал я и решил, что пора бы и мне подняться в небо на самолете.

После окончания похода я получил небольшой отпуск и поехал на поезде в Чикаго, а там папа купил мне билет за 14 долларов на обратный путь в Университет Пёрдью на массивном DC-3 компании Lake Central Airlines. Безусловно, мой первый полет не был тем волнующим приключением, которого я ожидал. Я сидел в тесном кресле – обычный пассажир в рутинном полете на аэроплане, который уже к этому времени считался устаревшим. Но позже один из братьев «фиджи» посадил меня в маленькую «Сессну-152», и, как только двигатель набрал обороты, а колеса оторвались от земли, я понял, что выбрал карьеру правильно. Теперь я мог смотреть через маленькое окошко на проносящиеся мимо клубы облаков, видеть тянущий нас вращающийся пропеллер и слышать его сильный, но сладкий рокот, в то время как крылья изгибались над головой. И когда мой друг дал мне подержать руки на рычагах, впечатление было такое, будто я стал частью самолета. Пусть обычные люди останутся прикованными к далекой траве внизу, но небеса будут моими.

Когда я перешел на четвертый курс, в культуре стала чувствоваться тяга к бунту. В Монтгомери, штат Алабама, черные во главе с молодым проповедником по имени Мартин Лютер Кинг бойкотировали общественные автобусы. По всем университетам Америки группы «битников» отращивали бороды, читали стихи и вообще вели себя очень странно. В прочной основе восьмилетки Айка стали появляться волосяные трещины, но на мою жизнь они так и не повлияли. Я слишком напряженно работал и был слишком близко к моим целям, чтобы дрейфовать в каком-то ином направлении.

Занятия заканчивались, и я стал получать предложения работы с соблазнительными зарплатами – хороший инженер из Пёрдью мог рассчитывать примерно на 380 долларов в месяц. Это было неплохо для человека, который хотел стать инженером, но моя военно-морская мечта была жива и здорова.

Я стал выпускником Пёрдью 6 июня 1956 года со степенью

бакалавра по электротехнике и со средним баллом 5,1 по шестибалльной шкале, и был зачислен в звании энсина в резерв ВМС США. Через две недели я прибыл в Пенсаколу, штат Флорида, для службы на борту CV-48 «Сайпан» – старого угловатого авианосца, который ВМС вывели из боевого состава и передали для использования в учебных целях. Но в моих глазах этот древний корабль с плоской палубой просто сиял. Я должен был флоту три года службы – два обязательных в зачет обучения в университете и еще один, добавленный для летной подготовки.

Я влился в экипаж «Сайпана» на 18 следующих недель, чтобы в октябре получить возможность начать предварительное летное обучение. Тем временем я узнал, что те пилоты на «Сайпане», которые назначены на нелетные должности – оперативные или по обслуживанию и ремонту техники – должны летать как минимум восемь часов в месяц, чтобы получать полетные деньги, и стал напрашиваться к ним на заднее сиденье так часто, как мог. Награда не заставила себя ждать – некоторые из этих кадровых офицеров рекомендовали мне подать рапорт о переводе на действительную службу. Я это сделал, и рапорт был принят. Тем самым я избавился от приставки «резерв» и более не воспринимался как временное лицо. Конечно, было приятно видеть надпись «ВМС США» в сочетании со своей фамилией, но это еще не обещало долгой карьеры во флоте. В то время только выпускники Военно-морской академии в Аннаполисе имели право рассчитывать на адмиральский вымпел.

Я служил офицером на корабле, и когда «Сайпан» вышел в Мексиканский залив, проводил много часов на палубе, наблюдая, как курсанты стараются сесть. Не у всех это получалось хорошо. В их кабинах сидел будущий я, и эти ребята делали то, чем я надеялся заняться в течение следующего года – подходить на винтовом Т-28 к палубе и цепляться за трос «Сайпана» хвостовым крюком. Этот год тянулся как вечность, и время шло столь же медленно, как перед Рождеством, когда я ждал его ребенком.

Я все еще слушал лекции по летным дисциплинам, когда советский премьер Никита Хрущёв обратился к Америке с издевательским обещанием «Мы вас закопаем». Но я был уже военным и офицером и воспринял этот вызов как обращенный ко мне лично. Я посмотрел в зеркало и увидел тощего, стриженного по-армейски молодого будущего летчика, в летном костюме, с эмблемой учебно-тренировочной эскадрильи, пришитой к рукаву, но ощущающего себя крутым мужиком. Я был готов запрыгнуть в самолет и показать Хрущёву пару-тройку финтов. Была, правда, одна небольшая проблема: я все еще не умел летать.

Полеты начались в январе 1957 года и оказались для меня

очень простым делом. Папа объяснил мне, что такое двигатель, в Пёрдью я научился учиться, спорт дал мне навык соревнования, а на предполетной подготовке я узнал, что такое самолет. Я полностью понимал машину, на которой должен был оторваться от земли. И, не замечая этого, я наконец-то заставил свое инженерное образование работать. Я понимал теперь, почему летают самолеты, как они звучат в различных условиях, и был достаточно внимателен, чтобы услышать, *что* те или иные системы самолета хотят сказать мне. Для некоторых других курсантов полет был эквивалентен тяжелой работе – складывалось впечатление, что они сражаются с самолетом. Некоторых отчислили с подготовки, а у других летные навыки были столь плохи, что они в конце концов разбились. Готовясь однажды к полету, я увидел настоящий кошмар – один из пилотов ударился брюхом о полосу, и его самолет взорвался. Этот пилот погиб из-за того, что забыл выпустить шасси перед посадкой.

Я же чувствовал себя в полете вполне естественно. Однажды, менее чем через месяц после того, как в январе 1957 года я начал летать и набрал уже целых 11 часов в воздухе, я осмотрел кабину и понял, что в заднем кресле моего одномоторного Т-34 нет инструктора. Пришло время вылететь самостоятельно, самому поднять машину в воздух и быть одному в ответе за нее. Я взлетел с широкой ухмылкой, желая просто затеряться в небе. Это – эйфорическое чувство, которое стоило бы испытать каждому.

Когда мы набрали по 30 часов налета, ВМС распределили обучаемых, и тех из нас, кто получил допуск к полетам на одномоторных самолетах, отправили на подготовку на базу Уайтинг-Филд. В течение шести месяцев мы летали там на Т-28, оснащенном мощным 1425-силь-ным двигателем, осваивая дюйм за дюймом тонкости летного ремесла: полет строем, стрельбы, навигацию в дальнем полете, причем в основном по ночам. Вот там-то мы и почувствовали в первый раз риски, с которыми сопряжена военная авиация. Время от времени случались катастрофы, было одно столкновение в воздухе, обучаемый мог не вернуться из ночного полета. Парни, с которыми ты подружился, погибали, и ты чувствовал, что или они, или их машины где-то накосячили. *Нет, со мною такого не случится.*

Проведя в кабине около 100 часов летного времени, я получил перевод на Бэрон-Филд для подготовки к авианосцу. Там мы учились приземляться в пределах палубы, нарисованной на обычной взлетно-посадочной полосе. Таким образом, если обучаемый все-таки «съезжал с палубы», он все же оставался на твердой земле. По плану после Бэрон-Филд я должен был

получить допуск к полетам с авианосца и перевод в Корпус-Кристи в Техасе для углубленной подготовки, которая в конечном итоге позволит летать на реактивных машинах. Ради этого все и затевалось, это была цель, к которой я шел так долго и ради которой так серьезно тренировался.

Всего за неделю до того, как я должен был вернуться на «Сайпан», на этот раз в качестве пилота, в руки мне свалилась неожиданная возможность. Адмиралам надоело тратить миллион долларов и 18 месяцев на то, чтобы подготовить морского летчика, который должен будет прослужить всего полтора года на действительной службе, а потом сможет выйти в отставку и получить выгодную работу на гражданских авиалиниях. Поэтому из Пентагона спустили приказ, требующий от любого кандидата в морские летчики обязательства отслужить не три, а пять лет. И как будто бумажная коса прошла по рядам пилотов. Те из них, которые уже почти заработали «крылышки», внезапно оказались перед перспективой отдать службе два лишних года. Другим же, которые еще только начинали подготовку, конец пятилетней службы даже не был виден. Для некоторых это было слишком сильное обязательство. Позднее ВМС подсчитали, что потеряли почти половину своих потенциальных летчиков.

Мне, в общем-то, было все равно, потому что единственное, чего я хотел, – это летать. Я был молод и горяч, не имел ни жены, ни детей, ни дела интереснее, чем работа морского летчика, так что я сказал «да» и подписал бумаги. Многие, однако, этого не сделали, и у ВМС нарисовалась нехватка обучаемых на авиастанции Мемфис. Когда они стали искать добровольцев, я увидел в этом возможность. В минусах было то, что мне не придется выйти в море на корабле, а посадка на авианосец – это то, чем я только и хотел заниматься. Однако на этом пути можно было быстрее получить «крылышки», и я воспользовался шансом.

При нормальном развитии событий я должен был летать на винтовом Т-28 еще от шести до восьми недель в рамках углубленной подготовки, обучаясь полету по приборам и в любых метеоусловиях, а затем постепенно переходить на реактивные машины. Вместо этого уже через месяц после прибытия в Мемфис я сидел в кабине реактивного истребителя. Старый Т-33 по прозвищу «Падающая звезда» спокойно и быстро поднял меня прямо вверх, пробив облака и выйдя в чистое небо на высоте 9000 метров. Нет, переход в Теннеси был одним из лучших решений, которые я когда-либо принял.

А кроме того, всего за месяц до получения в Мемфисе «крылышек» военного летчика появился некий дополнительный импульс: то был сияющий металлический шар массой 84 кг с

четырьмя длинными штырями, которые выглядели как развевающиеся за ним металлические усы. Он был запущен Советским Союзом и стал первым искусственным объектом, достигшим орбиты. Они называли его «спутник», и каждый раз, когда он проходил над нашей страной, передавая из космоса свое «би-ип, би-ип», мы понимали, что правила Холодной войны изменились. Иногда я стоял в темноте, вглядываясь в ночное небо Теннеси, и пытался найти маленького паразита, хотя и знал, что не смогу увидеть эту слабую крапинку среди звезд. Как же они сделали это? Чтобы доказать, что спутник – не случайность, 3 ноября 1957 года СССР вывел на орбиту второй спутник с собакой Лайкой в качестве пассажира. Итак, за три недели до того, как мне должны были дать «крылышки», русская дворняжка улетела дальше, выше и быстрее, чем кто бы то ни было в истории. Я никогда не думал о том, что собака может отправиться в космос, тем более человек, и уж совсем определенно – это буду не я.

22 ноября 1957 года мой отец с гордостью наблюдал, как мама приколола золотые крылья к моей синей морской форме. Это произошло всего через десять месяцев после того, как я начал летать, вместо обычных восемнадцати. Я получил приз, но игра еще не была окончена. Я стал морским летчиком, не завершив летной подготовки и ни разу не приземлившись на авианосец.

В то время как Советский Союз успешно запускал первые спутники, Соединенные Штаты пытались вступить в космическую гонку – но неудачно. Советы проводили запуски в полной тайне, мы же передавали все в прямом эфире, и на зернистом экране черно-белого телевизора первая попытка запустить на орбиту американский спутник закончилась взрывом прямо перед нашими глазами.

Успех пришел наконец после того, как мы обратились к нашим немцам. Фон Браун на протяжении многих лет говорил, что он и его команда могут запустить спутник, могут сделать это раньше русских, но соперники освистывали его. ВВС США хотели иметь контроль над любой космической программой, воспринимая ее как развитие программы авиационных испытаний на авиабазе Эдвардс. Точно так же поступали и ВМС, которые готовили свою ракету-носитель «Авангард». К сожалению, немцы работали на Армию, и победила зависть[19].

Используя ракету «Юпитер С» на базе боевого изделия – близкого родственника ракеты V-2, которую они построили для Гитлера, – германские инженеры ответили на вызов. Почти через четыре месяца после того, как первый спутник преодолел космический барьер, аппарат «Эксплорер-1», чуть длиннее двух метров, несущий 5 кг научной аппаратуры и два

радиопередатчика, вышел на орбиту с малоизвестного выступа флоридского побережья – мыса Канаверал. Соединенные Штаты вступили в игру.

«Ты – не более чем гончий пес!» Наверное, я прослушал новый хит Элвиса Пресли раз пятьдесят, пока ехал обратно из Мемфиса в Пенсаколу после Рождества 1957 года. Я не был согласен с Элвисом, потому что чувствовал себя чем-то большим, чем какой бы то ни было пес, даже чем Лайка, которая умерла на орбите, съев последнюю порцию еды с заложенным в нее ядом[20]. Теперь у меня были не только «крылышки», но и благородное звание лейтенанта младшей ступени[21], и это означало, что я больше не скромный энсин, хотя и все еще весьма к нему близок. Производство в это звание настолько автоматическое, что от него невозможно увернуться, разве что только умереть. Тем не менее я гордо носил новые знаки различия с одной серебряной полосой, когда приехал домой в Беллвуд на праздники.

Если говорить о серьезных вещах, то здоровье отца начало ухудшаться, и меня это беспокоило. Я хотел, чтобы мои родители знали: я действительно благодарен им за все, что они сделали, чтобы моя мечта исполнилась. «Я стараюсь изо всех сил, чтобы вы гордились мной, потому что я в долгу перед тобой и мамой», – писал я из Пенсаколы.

Я зафиксировался в кресле одноместной «пантеры» F-9F, заслуженной машины времен Корейской войны, с заплатками на местах старых пробоин, и в первый раз взялся за рычаги управления странного самолета, у которого сзади не было второго сиденья. Они выдали мне самолет и руководство о том, как на нем летать, да еще немного инструкций в классе, а затем отошли в сторону и сказали: «О'кей, теперь он твой». Вот теперь я понимал, что прибыл служить летчиком. Я достиг нового уровня, и хотя я все еще ни разу не сел на авианосец, этот момент становился всё ближе.

Давно прошли те дни, когда передо мной рычал пропеллер Т-28, и я ощущал медленные движения учебного самолета. «Пантера» была настоящим реактивным истребителем, и меня удивляло, насколько тихая это машина. Завывающий двигатель стоял далеко позади, и лишь приглушенный шепот его проникал в мой летный шлем. Эта прилизанная машина темно-синей окраски реагировала на малейшее прикосновение и двигалась так, как будто была частью меня самого. Кабина находилась в самом носу самолета и давала мне ощущение скольжения по небу. Я обнаружил, что могу использовать для управления мягкие движения пальцами, не зная, насколько важным будет это чувство инстинктивного полета, когда я окажусь на вершине ракеты

«Сатурн V» или при посадке лунного модуля на Луну. Тогда главное ощущение состояло в том, что я лечу на острие весьма смертоносной стрелы.

Опасность всегда присутствует в такой профессии, не прощающей ошибок, и даже в ходе углубленной подготовки некоторые молодые пилоты погибли, пытаясь покорить как раз такую породу металлических птиц, на которых теперь летал я. Но я не позволил себе беспокоиться по этому поводу, потому что был уверен, что справлюсь. Аварии случались исключительно с другими людьми, и обычно потому, что они сделали какую-то глупость. Черт возьми, на самом деле мы все совершали ошибки, просто некоторым повезло больше, чем другим.

На моей репутации не было никаких пятен аккурат до последнего полета в учебной программе. За каждый вылет ставилась отметка, и плохая работа оценивалась словом «сбит», но с возможностью повторить задание еще раз. С самого первого раза, когда я залез в кабину, я никогда не был даже близко к провалу. Это оставалось уделом других, более смертных, по крайней мере, я так думал. Однако все изменилось в последнем полете, когда четверо обучаемых, в том числе некий Сернан, вылетели на «пантерах» на самые обычные стрельбы. Нашей целью был длинный баннер, который тянул за собой другой самолет. Мы много воображали о себе, и потому решили расстрелять этого ублюдка на лоскуты, и излохматили длинную полосу рекордным образом. Мы налетали сверху, снизу и из-за самолета инструктора, который тянул баннер, отстреливались настоящими снарядами и заставляли его подпрыгивать всерьез. Он был морским пехотинцем, напрочь лишенным чувства юмора, и наша выдающаяся работа его не впечатлила. Он выставил нам всем провальную оценку и приказал повторить упражнение на следующий день, что позволило нам вновь покувыркаться в небе. На этот раз мы были более вежливы, чтобы не огорчить инструктора вновь.

Я выпустился третьим в группе, и ВМС предоставили мне выбор вида и места службы. Я выбрал одномоторный штурмовик, потому что хотел летать низко и быстро и сбрасывать бомбы на цель, и Западное побережье США, потому что боевые походы в экзотические страны Азии выглядели привлекательно.

В феврале 1958 года я закинул пожитки в кузов своего «шевроле» с открытым верхом, настроил приемник на какой-то рок-н-ролл и отправился через всю страну в Сан-Диего, где располагалась авиастан-ция ВМС Мирамар, истребительная столица США. Будущим поколениям это место станет известно по имени из двух слов: Top Gun[22]. По прибытии, посмотрев, как

истребители и штурмовики ВМС поднимаются в ослепительно яркое сияние калифорнийского солнца или кружат над посадочной полосой, я понял, что, пожалуй, не смогу стать здесь королем неба. А поскольку я был бесправным новичком, мне досталось скучное место дежурного офицера эскадрильи – хозяйственная должность, обладатель которой отвечает на телефонные звонки, перекладывает бумажки и следит за тем, чтобы на остальных не упала крыша. В первый день моего дежурства это едва не случилось: прогремело первое в моей жизни землетрясение, которое встряхнуло ангар, заставило полосу пойти волнами и напугало до ужаса дежурного офицера эскадрильи. Это был знак будущего – предупреждение о том, что моя жизнь не будет простой. Господь как бы сказал таким способом: «Добро пожаловать в реальный мир, цыпленок».

5
Ангелы-альбиносы

Итак, я – «крепкий орешек», я раскалываю небо Калифорнии на скорости 930 км/час на высоте всего 15 метров над ящерицами и кактусами плоской пустыни, полностью сосредоточенный на том, чтобы отправить точно в цель ядерную бомбу, подвешенную к брюху моего FJ-4B «Фьюри», что означает «ярость». Я должен подойти к контрольной точке на 550 км/час, набрать скорость 930 км/час и потянуть ручку на себя, и тогда четырехкратная тяжесть вдавит меня в кресло, размажет в блин и будет играть в жмурки с моими глазами. Я лечу строго вверх по так называемой «петле идиота», нажимаю кнопку и сбрасываю бомбу. Теперь разворачиваю «фьюри» на снижение и вдавливаю педаль газа в самое днище, заставляя самолет двигаться быстрее, чем могли себе представить его конструкторы. Я прижимаюсь к земле и жарю от того места, где бомба проходит вершину параболы и начинает свое смертельное падение на землю. Теперь мое дело – обогнать ударную волну и ослепляющий свет близкого ядерного взрыва, кольца неимоверной силы, которые могут вытряхнуть меня из небес. Получится или нет? Кто знает… Слава богу, мне не пришлось это выяснить на практике.

Такова была жизнь пилота-штурмовика во время Холодной войны. В этот конкретный день, когда я несся сквозь чистую синеву Южной Калифорнии, предстоял лишь учебный сброс, бомба была макетом, а путь к «яблочку» отмечали деревянные вешки сечением 5×5 сантиметров, вбитые среди камней и песка. Каждая из них была менее четырех метров в высоту и вкопана на полметра с лишним, так что лишь три метра торчали над поверхностью. Отправляясь на сброс, я спускался до высоты бегущего сурка, чтобы улучшить точность попадания, а если бы это была реальная атака – избежать обнаружения радаром. Если они не увидят меня, они не смогут меня сбить. Я летел так низко, что, когда появлялась очередная вешка, я приподнимал самолет, чтобы пройти над ней, как бегун на дистанции с барьерами. Забавно, но слегка глупо. Лишь ребенок, только что дорвавшийся до летной подготовки, будет делать это.

Реактивный самолет – это чистая, плавная скорость. Поверхность усвистывает назад неясными коричневыми пятнами, а я смотрю за приборами и отрабатываю встряхивающие порывы ветра. Хряп! Толчок! Моя «фьюри», несущаяся на 930 км/час, сносит верхний фут одной из вешек. Я чувствую удар и знаю, что

что-то задел, но самолет продолжает лететь и ни один из предупредительных сигналов не мигает. Я поднимаюсь на безопасную высоту и разворачиваюсь, чтобы приземлиться в Эль-Сентро, где мурлыкающая «ярость» благополучно опускает меня на землю.

Наземная команда и другие пилоты подходят к машине, пока я освобождаюсь от ремней и выбираюсь с видом полного безразличия, и в изумлении качают головами. В носу выемка перед стволом одной из пушек аккуратно забита куском деревяшки – забита настолько плотно, как будто вешку специально выпилили под форму отверстия. По правой стороне тянется разрез от носа до крыла, металлические панели отошли и болтаются, и из-под них сыплются мелкие опилки.

На 15 сантиметров в сторону – и эта вешка вошла бы в воздухозаборник моего двигателя, что закончилось бы взрывом и катастрофой. Это была как раз такая штука, которая может случиться с другими пилотами, но не со мной. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что я сделал нечто действительно глупое и вполне мог сейчас лежать мертвым в пустыне под кучей горящих обломков. Ошибку сделать можно, но глупости недопустимы.

Друзья по эскадрилье утащили меня в офицерский клуб, чтобы как следует выпить, и вручили мне грубо исполненный багряный вымпел с надписью: «Орден гнутой вешки – вручается только живущим, низко летающим летчикам». Разумеется, я посмеялся над этим, потому что по неписаным летным законам не должен был показывать, что мне страшно. За прошедшие месяцы я убедил себя, что я неуязвим и невидим и что пули меня не берут. Я остался горячим летуном, но с этого дня относился с особым уважением к своей опасной профессии.

Сан-Диего, 1958 год. Я в небе. Острая мексиканская пища, холодная сервеза, сёрфинг и бронзовые калифорнийские девушки. «Ну да, бэби, я летаю на реактивных». Им не обязательно знать, что я всего лишь цыпленок, новичок, который только что едва не угробил свою задницу.

Я прибыл на авиастанцию ВМС Мирамар, все еще не имея на счету посадки на авианосец. Это странное положение удалось исправить, когда я получил назначение в 126-ю штурмовую эскадрилью, позывной «Крепкие орешки»[23]. После того, как я потренировался на полосах с нарисованным контуром палубы, они посадили меня в А-4 «Скайхок» и приказали перелететь на «Рейнджер» – третий из построенных суперавианосцев, на наклонной палубе которого было много места. Черт, но почему этот CVA-61 из моей кабины кажется таким маленьким? И почему

он все время уклоняется то туда, то сюда? Как может огромный корабль на тихой воде болтаться как детская игрушка?

При первом заходе корабль, казалось, провалился во впадину между волнами. Я настроился на голос офицера, управляющего посадкой, я впился глазами в светящийся танцующий шарик – индикатор, который показывал скорость снижения, и убрал газ почти до сваливания. Внезапно подо мной вспыхнула палуба «Рейнджера», хвостовой крюк зацепил за трос, и я врубил газ на полную. «Скайхок» остановился резким неровным шлепком, явно злясь на то, что ему дали команду лететь, и в то же время его держит стальной трос. Меня же швырнуло вперед на ремни с такой силой, что клацнули зубы, потому что переход от 230 км/час к нулевой скорости был почти мгновенным. *Хорошо, Сернан, теперь взлетайте и проделайте это еще одиннадцать раз.*

Меня освободили от троса, и я покатился вперед. Палубная команда установила самолет на паровой катапульте, и я салютовал ее офицеру, по традиции показывая, что пилот готов к взлету. От мощного удара моя голова дернулась назад – катапульта вернула меня к скорости 230 км/час, и «Рейнджер» внезапно оказался позади. К концу этого дня, состоявшего из взлетов и посадок на корабль, я получил допуск к полетам с авианосца и теперь уже мог держать голову с должной гордостью. Теперь я действительно стал морским летчиком. *Эй, бэби, я летаю на реактивных.*

Я был так погружен в собственную реальность на Мирамаре, что почти не замечал, как ускоряется гонка космических спутников. Старты ракет стали уже обычным делом.

В октябре 1958 года у Национального консультативного комитета по аэронавтике, который сокращенно назывался NACA, изменились инициалы и суть – родилось новое Национальное управление по аэронавтике и космосу, то есть NASA. Месяцем позже я получил новое назначение в 113-ю штурмовую эскадрилью, позывной «Стингеры», – часть 11-й авиагруппы, базирующуюся на авианосце «Шангри-Ла». Мне предстояло летать на «скайхоках» – юрких одномоторных штурмовиках, которые мы между собой называли «скутерами». Единственное их назначение состояло в том, чтобы сбрасывать бомбы и обстреливать противника ракетами.

Я отправился в первый боевой поход в западную часть Тихого океана в марте 1959 года на корабле, загруженном тысячами людей и более чем 50 самолетами, чтобы принять участие в патрулировании мира, в котором происходили тревожные события. Около пяти тысяч американских морских пехотинцев отправились в Ливан, чтобы поддержать избранное

правительство; повстанцы, возглавляемые Фиделем Кастро, взяли Гавану, а в разделенном Вьетнаме разгоралась партизанская война.

Мы отправились в море как воины Холодной войны, чтобы отточить наши смертоносные умения и показать флаг, почти как старые американские канонерки делали это на реках Китая. В Тайваньском проливе, двигаясь параллельно китайскому берегу, мы часто встречали звенья китайских «МиГов», летящих в противоположном направлении. Они проходили так близко, что мы могли видеть китайских летчиков. Все мы были вооружены до зубов и готовы к бою.

Несколько лет назад, в уже совсем другом политическом климате, я в первый раз прилетел в Шанхай на борту коммерческого пассажирского лайнера и приземлился на военном аэродроме. Я смотрел в окно во время захода на посадку и узнавал некоторые детали. Я уже видел эти места! Я понял, что мы приземлились как раз на один из тех объектов, который был моей целью в те скверные ядерные дни.

Попав впервые в кают-компанию «Шангри-Ла», я огляделся. На борту было несколько эскадрилий летчиков, пилотирующих самолеты с такими именами, как «демоны», «кугуары», «тигры», «небесные воины», «небесные ястребы» и «небесные рейдеры». От 15 до 18 летчиков в каждой эскадрилье, лучшие из лучших по части ручки и руля, и все мы знали, что некоторым не удастся вернуться в порт. У кого-то может отказать катапультирующее кресло, а у кого-то не выдаст необходимый толчок стартовая катапульта, и летчик вместе с самолетом ухнут в воду перед авианосцем, а кто-то просто воткнется в гору или упадет в море. Нельзя считать себя в безопасности, пока ты не приземлился на авианосец, не заехал в лифт, не спустился в ангар и не вылез наконец из самолета.

Там, в Тихом океане, текла обычная военная жизнь. С каждым днем я набирался опыта, летая над открытым морем и благополучно возвращаясь на корабль. Вариантов было два: приземлиться или упасть в море, а падение обычно заканчивалось тихой поминальной службой на летной палубе, причем зачастую не удавалось найти даже тело. Нашу работу слегка осложнял тот факт, что «Шангри-Ла» не относился к тому виду суперавианосцев, что большой и толстый «Рейнджер». Он принадлежал к классу 27С и был перестроенным авианосцем, у которого исходно плоскую палубу заменили на усеченную и ориентированную под углом. Посадочная зона была короче футбольного поля[24] и в плохую погоду выглядела микроскопической, а ночью почти не была видна. Оставалось

задержать дыхание и следить за указателем.

Вместе со мной на «Шанге» оказались Скип Фёрлонг и Фред Болдуин, товарищи по эскадрилье в Мирамаре, и мы крепко сдружились. Мы разделяли опасности службы на авианосце, мы пили пылающие коктейли и наводили шорох в портах назначения от Токио до Сингапура и в других излюбленных местах Седьмого флота.

Одной из причиной моей столь высокой уверенности в себе было то, что некоторых из нас учил, как на самом деле надо летать, сам Зик Кормиер. Не просто как пилотировать самолет, а как нести наши могучие «скайхоки» в воздухе и разрисовывать небеса яркими картинами фигур высшего пилотажа.

Зик был назначен руководителем авиагруппы на «Шанге» после службы командиром легендарной флотской пилотажной группы «Синие ангелы». Внешне этот красивый итальянский мачо выглядел так, будто сошел с рекламного плаката. Он хотел большего, чем просто выполнять тренировочные полеты, а потому собрал троих «цыплят», которые не могли себе представить ничего лучше, чем летать с Зиком, и создал группу «Ангелы-альбиносы». Зик был ведущим, я шел с одной стороны, Болди с другой, а Дик Вебер, который получил прозвище Призрак, потому что был бледный и тощий, замыкал строй. Зик научил нас вычурным движениям, и вскоре мы демонстрировали полет тесным строем по всей Азии. Поначалу флоту это понравилось, но в конечном итоге нам приказали сменить имя, чтобы нас не путали с «Синими ангелами». После этого мы проводили пилотаж под флагом нашей эскадрильи «стингеров», и запросов на выступления было больше, чем мы могли выполнить.

Летать за крылом Зика оказалось легко, потому что он был одним из самых аккуратных пилотов, когда-либо рожденных на свет. Никаких резких бросков, ни одного лишнего рывка, все гладко как зеркало, и когда я пристраивался за его крылом, я даже не знал, лечу ли я вверх ногами или правым бортом к земле. Если бы он воткнулся в воду, выходя из мертвой петли, мы все сделали бы то же самое все тем же четким строем. Он мог провести нас через игольное ушко – и иногда делал это, выпуская цветные дымы и заставляя зрителей спрашивать себя, действительно ли мы так хороши, или же просто безумны.

В свой двадцать девятый день рождения я встал рано утром и атаковал Гавайские острова. «Шанг» участвовал в отработке оперативной готовности по сценарию с вторжением в наш новый 50-й штат, и четверых «стингеров» подняли из маленьких кают в полчетвертого утра, чтобы в шесть мы вылетели на задание. Было холодно до дрожи, когда я ушел в полную черноту, не видя

далекого горизонта. Потом наступил кристально чистый рассвет, я сбросил свои макетные бомбы на небольшой необитаемый остров, который был назначен в качестве цели, и, имея на борту солидный остаток топлива, полетел домой над сочной зеленью островов – воздушный турист на многомиллионной машине, – разглядывая чистые пляжи и бирюзовую воду. Но комок подступил к горлу, когда я оставил позади остров Форд и старую стоянку линкоров, на которую пришлось острие японской атаки в декабре 1941 года. Треть «Юты» все еще торчала над водой, и можно было увидеть неизменное пятно масла, сочащегося из несчастной «Аризоны», которая затонула с экипажем из 2000 человек. Это была история, но история, состоявшаяся уже на моем веку, напоминание об ужасах настоящей войны.

В космосе тем временем происходили интересные вещи, и они наконец-то стали достаточно значимы для того, чтобы попасть на мой личный радар. В сентябре 1959 года Советы запустили «Луну-2» – снаряд массой 390 кг, который ударился об Луну с такой силой, что выбил кратер 25 метров в диаметре. Грубо, но эффективно – это был первый сделанный человеком объект, который достиг лунной поверхности. Уже в следующем месяце они провели «Луну-3» по траектории вокруг Луны, чтобы сфотографировать ее обратную, неизвестную сторону. Нас удивили снова, потому что это был уже не просто баскетбольный мяч типа первого спутника, а весьма сложная техника, которая начала зондировать Вселенную вокруг нас, и на ней были написаны русские буквы.

Соединенные Штаты уравновесили положение тем, что объявили 2 апреля 1959 г. группу из семи американских пилотов, которые станут астронавтами проекта «Меркурий»: Джон Гленн, Гас Гриссом, Скотт Карпентер, Гордон Купер, Дик Слейтон, Алан Шепард и Уолли Ширра. Каждый военный летчик в Америке хотел бы, чтобы его имя было в этом маленьком списке, куда вошли четверо флотских авиаторов (один из них из Морской пехоты) и трое пилотов ВВС. Этим ребятам предстояло поднять нас в космос.

Я был поражен этим назначением. Как стать астронавтом? Для начала – а кто такой астронавт, черт побери? Из газетных статей следовало, что претендент должен: быть выпускником школы летчиков-испытателей и иметь двухлетний опыт работы летчиком-испытателем, освоить по меньшей мере 20 типов самолетов и набрать не менее 1500 часов на реактивных машинах. При этом не старше 40 лет по состоянию на 31 декабря 1959 года, ростом не больше 181 сантиметра, весом не больше 80 кг. Наконец, претендент должен был иметь степень бакалавра

в области техники или аналогичную.

Из всех этих требований я соответствовал только двум – мне не было 40 лет и я имел подходящую степень. Однако это еще не тот материал, из которого можно скроить астронавта. Первая семерка состояла из умудренных летчиков-испытателей, чья квалификация была намного выше, чем мои скромные на тот момент достижения. Да, это было интересно, но я подумал, что к моменту, когда заработаю все перечисленные характеристики, освоение космоса уже закончится. С другой стороны, я пришел в ВМС, чтобы летать, и идея подняться в космос на ракетном корабле мне нравилась. Так новая мечта зародилась в моей коротко стриженной голове.

«Шангри-Ла» вернулся в Сан-Диего во второй день октября 1959 года и встал у Северного острова, а авиагруппа перелетела на Мирамар. Моей эскадрилье предстояло сменить корабль базирования. «Шанг» переводили на Восточное побережье, и наша авиагруппа перешла на «Хэнкок», известный среди моряков под именем «Ханна-Мару». Но до этого предстоял отпуск на берегу, чтобы снять на какое-то время напряжение военной службы, и я решил отправиться на Рождество домой. Я стоял в очереди за билетами в Международном аэропорту Лос-Анджелеса сразу за яркой молодой блондинкой, одетой в зеленовато-голубую, с красной шапочкой, форму стюардессы компании Continental Airlines. Черт, а она хорошенькая, подумал я, расправляя плечи и приглаживая свою форму. Увы, прежде чем я успел сказать ей, что я неуязвим, невидим и пули меня не берут, она получила билеты и, даже не оглянувшись, ушла, а я остался получать билеты на Чикаго, в другую сторону. К счастью, я подслушал ее разговор с клерком – она брала билеты себе и подруге и произнесла по буквам свою фамилию: Этчли. В своем самолете той же компании Continental я спросил у стюардессы, знакома ли она с коллегой по имени мисс Этчли. Оказалось, да, и я узнал, что мою таинственную девушку зовут Барбара.

Теперь у меня было боевое задание, не имеющее отношения к флоту. Я позвонил в Continental, но авиакомпания отказалась предоставить какую-либо информацию о своей сотруднице.

Двумя неделями позже я прилетел в Пасадену, чтобы повидать старого друга, с которым делил комнату в Пёрдью – Билла Смита, и его великолепную, с каштановыми волосами, жену Люси. «Смитти, – провозгласил я, как только он открыл дверь, – я влюблен!» Он закатил глаза, потому что слышал это от меня уже очень много раз. «Ага, разумеется, – ответил он. – Входи».

Я присел на кушетку и, к изумлению Люси, описал свои

поиски возлюбленной Барбары Этчли. Билл устал слушать и потащил меня вниз, чтобы осмотреть его «тандерберд» 1955 года, который попал в аварию. И вот когда мы говорили о машинах, Люси внезапно распахнула окно и прокричала: «Джино, Джино, у меня Барбара на телефоне!» Я уставился на Смитти, тот на меня, и мы оба уставились на сияющую Люси. Как оказалось, она позвонила в авиакомпанию и наврала им с три короба, придумав феерическую и печальную историю давно потерянного друга из родного города, которому нужно во что бы то ни стало и немедленно переговорить с Барбарой. Ошеломленные сотрудники Continental позвали озадаченную Барбару, она позвонила Люси, та призналась в хитрости и убедила ее поговорить со мной. Я отхлебнул пива для храбрости и помчался наверх, не зная, что я, собственно, собираюсь сказать, и, когда Люси передала мне трубку, я нервничал так, как будто пытался сесть на авианосец в шторм. Какие-то слова поспешно изливались из меня, но она не повесила трубку и в конце концов согласилась встретиться со мной. «Какой шикарный блеф», – произнесла, ухмыляясь, Люси.

Барбара вспоминает, что, когда я подъезжал на своей машине с откидным верхом по склону к ее дому в Редондо-Бич, опаздывая на первое свидание, у меня взревел глушитель, и она подумала: «О боже, да он гонщик».

Одного лишь взгляда на эту эффектную техасскую блондинку мне хватило, чтобы почувствовать, что пора повзрослеть. Рядом были ее мама Джеки Мей Этчли и младший брат, и у меня возникло ощущение, будто я попал в новую семью. На нашем первом обеде, где присутствовали также Люси и Смитти, Барбара в первый раз в жизни попробовала мартини и поведала мне о своей жизни. Она родилась в Корпус-Кристи, но в возрасте двух месяцев переехала в Бейтаун возле Хьюстона, в котором окончила среднюю школу имени Роберта Ли. Она работала секретаршей, а в июне 1959 года стала стюардессой компании Continental и переехала в Калифорнию. Один из ее обычных маршрутов был в Чикаго, что позволило мне рассказать о своей семье и жизни. Не слишком много времени оставалось до того, как Барбара встретится после такого полета с моей семьей и немедленно понравится моим родителям. «Сын, – заметил мой мудрый отец, – эта женщина надежна, как кирпичный сортир».

Мой сосед по комнате Фред Болдуин начал ухаживать за соседкой Барбары, которую тоже звали Джеки, и вскоре наша четверка стала покрывать 200 км по шоссе между Сан-Диего и Редондо-Бич почти каждые выходные. В 1960 году Болди и Джеки поженились в тайне, нарушив правило авиакомпании, по которому стюардесса не должна была выходить замуж. Когда

фирма узнала об этом, ее уволили, и строгий начальник потребовал от Барбары ответить, не замужем ли и она тоже. Нет, твердо сказала она. Пока нет.

К 9 июня 1960 года, когда «Ханна-Мару» вышла в море, отправившись в поход в западную часть Тихого океана, мы с Барбарой были серьезно влюблены. Однако вмешалась работа, как это обычно и бывает у моряков, и я ушел в поход на лучшую часть года, нося две равные по ширине полосы (в обиходе – «железная дорога») свежеиспеченного лейтенанта. Я уверенно управлял своим самолетом и мог подшучивать в кают-компании над новыми «цыплятами».

Зик убыл к другому месту службы, так что оставшиеся пилоты группы «стингеров» выбрали другого командира звена и продолжили устраивать воздушный цирк над странами Азии во время, свободное от полетов по заданию. Наше стремление к точности движений имело также отдельную и очень серьезную цель: отточить мастерство, чтобы лучше выполнить свой настоящий воинский долг – в том случае, если мы однажды утром выйдем на палубу и увидим, что наши «скутеры» стоят на колесах, похожих на ноги, а одетые в красное техники по вооружению подвешивают большие ядерные бомбы под фюзеляжи. Иногда в рамках проверки готовности мы действительно вылетали с большой серебряной бомбой, правда, без запала. Те, Кому Положено хотели, чтобы мы принимали ее без напряжения – на тот случай, когда придется делать всё по-настоящему.

Ядерные боеприпасы были тогда настолько тяжелы, что А-4 не мог поднять в воздух ничего, кроме самой бомбы. Взяв на борт полную заправку помимо бомбы, я должен был использовать самую мощную катапульту, чтобы подняться с палубы. Когда одну из этих бомб подвесят под моим самолетом, цена покера будет в самом деле очень велика. А-4 был аккуратно спроектированным небольшим самолетом, который строили как раз для доставки этого ужасного оружия к цели. Для пилота – то есть для меня – это, скорее всего, стало бы полетом в один конец, потому что предстояло нацеливаться в острие ядерного копья, которое уже не сможет полететь назад.

Такие мысли придавили меня особенно сильно, когда в Японии я получил отпуск на берег и посетил Хиросиму и Нагасаки – два города, по которым было применено ядерное оружие. В их безмятежных парках стояла тишина, воздвигнутые в память о бомбардировках монументы были украшены цветными цепочками бумажных журавликов – японцы считают их священными птицами. Школьники, которые складывали эти

фигурки, роились вокруг меня и приветственно пищали, не зная, кто я – потому что я был в гражданской одежде. Глядя на восстановленные города и на стайки счастливых детей, я задумался о тяжелой ответственности, которую я несу, и о том, к чему мое правительство призывает меня быть готовым.

Катастрофа казалась в эти дни пугающе близкой, и мы проделывали наши упражнения не ради красоты. В тот месяц, когда мы вышли в море, над Советским Союзом был сбит шпионский самолет U-2, а его пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс попал в плен[25]. Хрущёв, как всегда агрессивный, использовал этот инцидент, чтобы унизить президента Эйзенхауэра во время Парижской встречи в верхах. Конференция по разоружению в Женеве провалилась, и на «горячей» границе между Западным и Восточным Берлином вспыхнули новые конфликты.

Я покинул Нагасаки и Хиросиму, встревоженный масштабами разрушений и думая о том, каково было жить в этих городах пятнадцатью годами раньше. Однако я уехал в твердой уверенности – большей, чем когда-либо, – что я не хочу, чтобы нечто подобное произошло когда-нибудь с Нью-Йорком, Чикаго, Беллвудом или любым другим американским городом. Поэтому я и принимаю стратегию массированного возмездия, которая провозгласила, что на любую ядерную атаку против США будет дан равный, а возможно, и более сильный ответ. В моей душе не было сомнений в том, что если эта Последняя война придет, когда я буду на авианосце, то я выполню свой боевой вылет.

Кому-то придется сбрасывать Большую Бомбу, и этим кем-то буду я.

Барбара писала мне каждый день, и точно так же у меня всегда был пакет, чтобы отправить ей. Я вкладывал свои чувства в записи на пленке, которые можно было пересылать почтой. Когда такие пленки приходили от нее, ее голос служил мне утешением, и я считал дни до окончания похода. Моих родителей беспокоило, что она не католичка, но Барбара согласилась поменять веру.

С религией случился необычный поворот: в ноябре 1960 года, пока я еще был в море, Джон Кеннеди, молодой сенатор из Бостона, использовав новое оружие в виде телевизионных дебатов, вырвал победу у Ричарда Никсона и стал первым католиком – президентом Соединенных Штатов. Что же касается Высокой границы, как мы называли космос, то русские увеличили размеры своего зверинца, отправив на орбиту двух собак и шесть крыс на борту «Спутника-5»[26]. Соединенные Штаты запустили первый успешный метеоспутник и первый спутник-шпион с камерой на борту. Подобные технические чудеса поражали

воображение.

Дедушка Сернан, который жил один после смерти бабушки, упал на землю, ремонтируя крышу дома, и умер в возрасте 75 лет. Электричество при нем так и не провели.

Когда в марте 1961 года мой второй поход в Тихий океан закончился, я был готов к некоторой доле мира и стабильности. Я хотел дать возможность кому-нибудь еще пожить немного на острие ядерной бритвы. А еще я был готов просить мисс Барбару Этчли стать моей женой.

6
Два Шепарда

Ярким субботним днем 6 мая 1961 года нас с Барбарой обвенчали в маленькой часовне в Мирамаре. И невеста, и жених были в белом. У нее была летящая вуаль поверх платья, на мне – парадная форма с блестящими медными пуговицами и золотыми крыльями. Когда мы шли от часовни под аркой из сабель, которые держали в руках мои флотские товарищи, она внимательно следила за Болди, потому что тот грозился шлепнуть ее своим сверкающим клинком.

За день до венчания военно-морской летчик с квадратной челюстью и короткой стрижкой, имя которого было Алан Шепард, на мысе Канаверал во Флориде втиснулся в невероятно тесный космический корабль «Меркурий», дождался конца отсчета, который то запускался, то останавливался, – причем он ждал так долго, что вынужден был налить в штаны, – и наконец стартовал в 15-минутный суборбитальный полет.

В последний день января NASA отправило по такой же суборбитальной траектории шимпанзе Хэма, но прошло всего два месяца, и советский космонавт Юрий Гагарин, зафиксировавшись в кресле космического корабля «Восток», похожего на пушечное ядро[27], стартовал с Земли и стал первым человеком в космосе, сделав один виток по орбите за 108 минут. Спутник снова победил.

Через неделю после исторического полета Гагарина закончился пшиком затеянный ЦРУ заговор. Плохо подготовленная группа кубинских эмигрантов, напрасно ожидавшая американской поддержки, высадилась на любимом месте рыбалки Фиделя Кастро, известном как залив Свиней, где их и перебили. Еще через две недели активисты, выступающие за гражданские права, выехали на автобусах на Юг, чтобы протестовать против расовой дискриминации в Америке, и были встречены насилием невероятных масштабов. Беспорядки, казалось, окружают нас. Но тут полетел Шепард, и мрачные заголовки за одну ночь сменились радостными. Теперь у нас тоже был астронавт, который поднялся в космос, и всё остальное как будто угасло в сиянии его успеха. «Большой Ал» вновь заставил американцев думать хорошо о себе и о своем будущем.

Стараясь удержать в памяти тысячу вещей, которые нужно сделать перед венчанием, я все же не мог оторваться от телевизионного экрана, мысленно помещая себя в эту маленькую

капсулу и пытаясь представить бурный, ревущий полет Алана Шепарда. Если бы кто-нибудь в этот момент похлопал меня по плечу и сказал, что, когда Алан в следующий раз полетит в космос, его дублером будет астронавт-ветеран по имени Джин Сернан, который уже имеет на счету два полета, причем один из них к Луне, я бы громко рассмеялся. Я горжусь тем, что этот настоящий герой стал мне другом на всю жизнь.

После венчания и приема в офицерском клубе «Адмирал Кидд» мы с Барбарой провели медовый месяц в Мексике. Мы прилетели на кукурузнике из Тихуаны в Мехико, чтобы сэкономить несколько баксов, которые тут же спустили на бутылку текилы. Прибыв в отель, мы обнаружили, что в нашем номере две отдельные кровати. Нет, так не пойдет. Я тут же позвонил дежурному, и через несколько секунд прибежал коридорный. Он широко улыбнулся, сдвинул две кровати вместе и сказал: «Теперь одна», учтиво поклонился и взмахнул рукой.

Потом у нас была пугающая автобусная поездка в Акапулько по узкой, извилистой дороге. Мы сели на переднее сиденье, чтобы быть подальше от кур, которых везли другие пассажиры, и с ужасом взирали на то, как водитель размахивал руками и пытался флиртовать с каждой женщиной, мимо которой проезжал, одновременно норовя задавить скотину, людей и встречные машины на узкой дороге через перевал. Всё же мы как-то сумели пережить этот медовый месяц.

Вернувшись в Калифорнию, мы устроили свой дом в половине арендованного коттеджа на две семьи в Дель-Маре, который Барбара называла «маленьким кукольным домиком». Он стоял прямо на обрыве, давая превосходный вид на Тихий океан, и каждый вечер золотой закат затекал прямо в нашу комнату. Хозяйку, которая жила в другой половине, звали Клара Кук. Она приняла нас под свое крыло и стала кем-то вроде бабушки.

Вскоре после нашего возвращения президент Кеннеди, в обиходе JFK, произнес речь, которую транслировали все национальные телеканалы. Она дала цель всей стране и потрясла пилотов, подобных мне, до самых летных ботинок. Всего через три недели после того, как Шепард совершил 15-минутный полет, JFK объявил, что для Америки настало время предпринять в космосе более значимые шаги.

«Я верю, что наша страна должна поставить себе цель до конца этого десятилетия высадить человека на Луну и благополучно вернуть его на Землю, – сказал Кеннеди американцам. – Мы выбираем полет на Луну в этом десятилетии… не потому что это будет легко, а потому что это будет сложно, потому что эта цель позволит организовать и

направить самое лучшее в нашей энергии и наших способностях; потому что этот вызов – то, что мы хотим принять и не хотим отсрочить, и это соревнование мы намерены выиграть». Весьма смелые слова, если учесть, что наш опыт пилотируемых космических полетов был еще очень мал. В заявлении не прозвучало слово «наука», и этот факт впоследствии оказался очень важным в моей карьере. Но одно могу сказать точно – это обещание JFK изменило мою жизнь.

Мне предстояло принять важное карьерное решение. Обязательный пятилетний срок службы подходил к концу, так что был шанс, что я распрощаюсь с флотом насовсем. В день инаугурации Кеннеди бросил в массы волнующие слова: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, – спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны». Положим, я уже немало сделал для страны и собирался сделать еще, но можно было и спросить: «А что именно и как долго?»

В этот момент ВМС выдвинули великолепное предложение. Я могу поступить в Военно-морской университет в Монтерее, в Калифорнии, и получить после двух лет учебы магистерскую степень, а затем остаться еще и на третий год в одном из крупных университетов. И всё это время я смогу летать! Да, не на боевых машинах с самыми высокими характеристиками, которые превратили меня в летчика-сорвиголову, но все же на реактивных, и я смогу набирать восемь часов минимального налета в месяц, чтобы продолжать получать летные деньги. Они хотели затем два года службы за каждый год учебы, то есть я должен был оставаться во флоте еще шесть лет. Если добавить те пять, что я уже здесь, получалось по крайней мере одиннадцать лет выслуги. Тогда можно будет подумать о том, чтобы так и остаться офицером флота. Я всегда считал, что ставить надо такие цели, которых я могу достичь, что у меня должны быть непростые, но разумные пятилетние планы, и это предложение подходило как нельзя лучше. Когда я получу магистерскую степень в Монтерее, у меня появится хороший шанс на зачисление в военно-морскую Школу летчиков-испытателей в Пэтьюксент-Ривер, в Мэриленде. После нее я смогу вернуться на флот и буду годен к назначению командиром эскадрильи – своей собственной!

Да и кто откажется жить в районе Монтерей – Кармел, в одном из самых красивых уголков Америки? Мы с Барбарой сдали хозяйке дом в Дель-Маре, закатили прощальный ужин с моей эскадрильей в Мирамаре и пустились в путь вдоль открытого всем ветрам берега, опустив съемную крышу машины и любуясь красотами калифорнийской природы.

Лето 1961 года было великолепным временем, в особенности для пилота с непреодолимым желанием летать выше и быстрее. Астронавт Гас Гриссом поднялся на своем «Меркурии» по имени «Либерти Белл-7»[28] в 16-минутный суборбитальный полет, который чуть не закончился несчастьем, когда после приводнения внезапно отстрелился люк. Корабль затонул, и сам Гас едва не пошел ко дну. Ну и Советы вновь покрыли нас старшим козырем – космонавт Герман Титов за сутки облетел Землю 17 раз. Нашим ответом стал еще один шимпанзе, Энос, который вышел на орбиту.

В то время, как я погружался в учебные занятия, смерч Холодной войны набирал скорость. Коммунисты построили Берлинскую стену, которая разделила Германию. Американские и советские танки стояли нос к носу у КПП «Чарли». В Азии, куда вновь уходила «Ханна-Мару», генерал Максвелл Тейлор запросил отправку специальной группы из 8000 американских солдат во Вьетнам. Я чувствовал себя виноватым. Я все еще летчик-штурмовик флота, ситуация накаляется, и где я должен находиться? В итоге я заключил, что в будущем ВМС найдут применение новому и улучшенному Сернану.

Монтерейский полуостров, без сомнения, был страной Бога. Высоченные секвойи, синь океана и прохладный летний бриз делали жизнь особенной. Институт ВМС больше напоминал университетский городок, нежели военную базу. Собственно, он располагался в бывшем отеле «Дель-Монте». Мы даже ходили не в форме.

Слушателям предлагали невзрачное государственное жилье, но мы с Барбарой хотели чего-то более личного, и в одной из поездок на машине в небольшом заросшем деревьями каньоне по дороге в Салинас мы нашли новый райончик под названием Фишерменс-Флэтс. Там нам попался необычный маленький домик с тремя спальнями, ванной и вторым санузлом, и кухней, которая одновременно служила столовой. В нем было всего 112 м^{2}общей площади, и он стоял на десяти сотках земли. Я был держателем сберегательных облигаций, по 100 долларов за каждый месяц из почти уже пяти лет, так что мы внесли 4000 долларов и получили ипотеку на 15 тысяч. В месяц приходилось выплачивать примерно 105 долларов.

За все время нашего супружества мы никогда не жили на военной базе, и нашими соседями и друзьями обычно были гражданские люди. Когда Барбара устроилась офис-менеджером в среднюю школу Уолтера Колтона, она расширила круг наших невоенных знакомств, а я, в свою очередь, был рад узнать, что в университет также приняли одного из моих старинных

приятелей. Скип Фёрлонг и его жена Рай стали вскоре нашими ближайшими друзьями.

Мы все были в одной лодке: юные, амбициозные и не особо денежные. На развлечения выдавалось лишь около 20 долларов в месяц, и большая их часть раз в месяц уходила на хороший обед в одном из модных ресторанов вдоль Кэннери-Роу. Каждый выходной устраивалась вечеринка в чьем-нибудь доме, и все мы считали изюминкой нашего курса распитие джина Бифитер прямо на скалах. Обычно мы пили вино, которое было настолько дешевым, что закупалось галлонами.

Учеба оказалась чертовски трудной, и я засел за книги с большим рвением, чем когда-либо в жизни. Я приходил на занятия к восьми утра и сидел до пяти, затем возвращался домой, обедал с Барбарой и занимался до полуночи, а то и до часу ночи. Авиационная техника в ее военно-морском варианте была сущим адом.

И тем не менее нам казалось, что мы живем в самом центре рая.

Как и большую часть Америки, меня захватили волнующие события космической гонки. Из-за трехчасовой разницы во времени между Флоридой и Калифорнией мне приходилось заниматься всю ночь, чтобы в предрассветный час в Монтерее увидеть по телевизору ранний утренний старт из Флориды.

Утром 20 февраля 1962 г. мы сидели с Барбарой на диване и смотрели, как стартовал третий пилотируемый «Меркурий», и Джон Гленн первым из американцев вышел на орбиту. Когда он оказался в космосе и Центр управления сказал, что всё в норме, Барбара спросила: «А ты бы хотел проделать что-нибудь подобное?»

«Черт побери, да, конечно», – ответил я, но затем оценил реальное положение. Я был еще слишком молод и далек от необходимого опыта. Но мы все-таки немного подумали об этом.

Мои ощущения неполной готовности к такому назначению подтвердились в сентябре 1962 года, когда прошел второй набор астронавтов. В него попали гражданские летчики Нил Армстронг и Эллиот Си, пилоты ВВС Фрэнк Борман, Джим МакДивитт, Том Стаффорд и Эд Уайт и летчики ВМС Пит Конрад, Джим Ловелл и Джон Янг. Я отметил, что критерии отбора слегка изменились: теперь NASA хотело летчиков в возрасте до 35 лет, имеющих по крайней мере бакалаврскую степень по физике, биологии или в технической области, с опытом летчиков-испытателей и дипломом военной школы летчиков-испытателей или аналогичным. С возрастом и образованием у меня было все в порядке, но требовалось еще несколько лет, чтобы заработать

заветный сертификат летчика-испытателя. Этой новой группе – их так и звали Новая Девятка, – предстояло войти в историю. Я же все еще был безымянным студентом, который готовится к сложным экзаменам и вместе с остальной Америкой смотрит космические передачи по телевизору.

Скотт Карпентер стартовал на «Авроре-7», но недостаточно внимательно отнесся к своему делу и при посадке сильно перелетел назначенный район. Эта ошибка перекрыла ему возможность полететь еще раз. У Советов слетали Андриян Николаев и Павел Попович на «Востоке-3» и «Востоке-4», а Уолли Ширра вышел на орбиту для нас на «Сигме-7». Гонка продолжалась, запуски становились большими событиями, но космос пока еще не был виден в моем будущем.

А вот отцовство стало реальностью. 4 марта 1963 года Барбара родила прекрасную девочку с огромными голубыми глазами размером с серебряный доллар, глазами, которые стреляли по углам комнаты и ощупывали всё, как будто она хотела спросить: «Где я? Что я такое? Кто я?» Мы забрали Терезу Дон Сернан из больницы домой сразу после того, как я убедил Банк Америки предоставить краткосрочный кредит на 200 долларов, чтобы оплатить счет на 207 долларов. А вскоре после рождения Трейси Гордон Купер отлетал последнюю миссию на «Меркурии», настоящий марафон из 22 витков.

Приближался конец моей двухлетней учебы в Монтерее, и по оценкам я проходил на третий год углубленной подготовки в Принстоне, после чего смог бы добавить к своему резюме диплом одного из университетов престижной Лиги Плюща. Но сначала летом 1963 года надо было пройти интернатуру на фирме Aerojet General в Сакраменто, где я работал над перспективными жидкостными двигательными установками. Конечно, ракеты означали космос, и это поле явно становилось всё больше.

Однажды в пятницу после обеда я сидел на работе; Барбара в этот день была в Техасе у своей мамы, которая вернулась туда из Калифорнии. Раздался телефонный звонок. На том конце линии был коммандер[29] Шепард из Управления специальных проектов ВМС США в Вашингтоне. Шепард? Коммандер Алан Шепард, астронавт? Нет, ответил тот слегка раздраженным тоном: «Шепард, но не этот. Все меня об этом спрашивают». Затем он перешел к делу.

Коммандер объяснил изумительно обтекаемым бюрократическим языком, на котором говорят на берегах реки Потомак[30], что ВМС США и он лично более шести месяцев подбирал личные дела офицеров, которые могут, возможно, при должных обстоятельствах, быть допущены к участию в одном

специальном проекте, и что мое имя попало в этот список. «Итак, – резюмировал он, – вы участвуете?»

Я напрочь не понимал, о чем он говорит, и поднял антенну радиолокатора. Что за специальный проект? Почему именно я? Все это выглядело очень туманно, а неписаное правило в военной среде гласило, что никогда нельзя напрашиваться на задание, не зная фактов. «Я должен вызваться – на что?» – спросил я.

Коммандер Шепард вздохнул с очевидным раздражением. Было ясно, что он разговаривает с болваном. «Да на программу «Аполлон», конечно! Мы хотим рекомендовать вас NASA для дальнейшей оценки». Агентство запросило у видов Вооруженных сил новый список потенциальных кандидатов в астронавты, и флотская комиссия по отбору включила в него мое имя.

Я на мгновенье замолчал, потому что сердце прыгнуло мне в глотку. Я даже не подавал рапорта! Когда я смотрел условия в последний раз, я не соответствовал требованиям. Однако этот парень говорит, что ВМС рекомендуют меня NASA для подготовки в качестве астронавта. А он точно говорит с правильным лейтенантом Сернаном? Потребовалось несколько мгновений, чтобы смысл его вопроса дошел до меня, и тогда я вынырнул из тумана и выпалил с похвальным военным рвением: «Конечно, да, сэр! Не только это, сэр, но, черт побери, да! Сэр!»

Шепард бесцеремонно ответил мне, что устного ответа недостаточно. «Мы должны получить письменный ответ до девяти утра понедельника», – сказал он и повесил трубку.

Ошалевший от этого предложения, взбудораженный, я поспешил в ближайшее отделение Western Union и отправил этому занятому чиновнику телеграмму. Потом я позвонил Барбаре и рассказал новости. Я принял решение, которое могло изменить всю нашу жизнь, не посоветовавшись с ней, и, набирая номер, гадал, каким будет ее ответ на столь важный шаг, который я только что совершил. Она была в восторге, но я сумел уловить и глубокое опасение. Справившись с первоначальным удивлением, она сказала как раз то, что я хотел услышать: «Боже, Джин, надо попробовать».

Астронавт? Я?

7
Макс и Дик

Меня окутал ураган бумажной работы для NASA. Задания были в пределах от весьма технических деталей и до столь личных вопросов, что еще до того, как хотя бы один представитель Агентства встретился со мной, они знали всю мою жизнь. Как оказалось, шла еще только предварительная селекция более чем четырехсот военных и гражданских кандидатов.

О желании участвовать в отборе заявили еще трое моих коллег по университету – Дик Гордон, Боб Шумахер и Рон Эванс. Боб был моим хорошим другом, остальных двух я знал не слишком близко, потому что провел с ними вместе лишь несколько занятий. В будущем это всё изменилось, причем так, как никто из нас не мог себе представить. Наконец я закончил заполнять последний лист и отправил весь ворох в Хьюстон.

Мы с Барбарой уехали в отпуск, который изначально планировали как визит к ее матери в Техас и к моим родителям в Чикаго на Четвертое июля. Барбара купила билеты на дешевый ночной рейс National Airlines из Сан-Франциско в Хьюстон и улетела вместе с Трейси, которая только-только научилась сама вставать, и с нашим кокер-спаниелем по кличке Венера. Я закончил кое-какие дела в Калифорнии и вышел на трассу в новом «шевроле» 1963 года – вполне адекватном семейном седане, который заменил мою холостяцкую машину 1956 года с полотняным верхом. Мили улетали назад, я слушал по радио «Ритм дождя» и песню о волшебном драконе Пуффе и думал о возможном новом назначении.

Поскольку я должен был встретиться с Барбарой и ее мамой в Бейтауне, я решил проехать по окраинам Хьюстона и взглянуть на новый Центр пилотируемых космических кораблей MSC[31], который строился в Клиэр-Лейке. Нашими воротами в небо был мыс Канаверал во Флориде; Лэнгли-Филд в Вирджинии, в удобной близости от Вашингтона, был местом рождения Целевой космической группы; крупные подрядчики располагались в штатах Калифорния, Миссури и Нью-Йорк. Двадцать три города соревновались за право быть домом MSC, большого и очень важного федерального проекта, но лишь у одного из них был в помощниках некий Линдон Джонсон из Техаса, по счастливой случайности – вице-президент США и председатель Национального космического совета при президенте. Поэтому LBJ, как его сокращенно называли, выкрутил необходимые руки и

предъявил тысячу заросших кустарником акров[32] в 40 км юго-восточнее Хьюстона. Так NASA обрело новый дом, а Техас – 60 миллионов из лунных денег.

Бетон, сталь и стекло росли быстро, превращаясь в офисные здания и испытательные сооружения, сияющие под горячим техасским солнцем, и я ехал мимо них, присматриваясь к месту, где, возможно, скоро буду работать. Два года в живописном Монтерее испортили меня. В Калифорнии в самый жаркий летний день достаточно открыть окна, чтобы стало прохладно, но техасская жара была подобна доменной печи. Солнце работало молотом, Хьюстон был его наковальней, а в моей машине не имелось кондиционера. Сказать, что меня переполняли чувства, было бы слишком мало. Я медленно проехал по Старому Галвестонскому шоссе и через новые кварталы, которые строились для размещения сотен инженеров и техников, стекающихся в MSC. Поселкам дали стильные имена типа Тимбер-Коув, Эль-Лаго и Нассау-Бей, но в действительности это были только что освоенные заиленные равнины, изнемогающие от духоты в дьявольской жаре, и коровы все еще щипали траву на будущих дорогостоящих жилых площадках. Смогу ли я просить семью о выживании на этой голой земле старых пастбищ и далеких горизонтов?

Барбара была из Техаса, и я думал, что она привычна к такой погоде, но, добравшись до дома ее матери, который охлаждал только старый неэффективный вентилятор, гоняя по кругу горячий воздух, я обнаружил, что жена страдает не меньше меня. Видение нашего милого дома в Монтерее плавало среди жары как мираж, и я подумал, что не пройти отбор в астронавты и избавиться от необходимости жить здесь было бы не так уж плохо.

Мы удрали из Техаса со всех ног и поехали в Чикаго, чтобы показать моим родителям новую внучку, а затем в Калифорнию, и вновь под безжалостным солнцем. В Айове температура поднялась до +38°C. Все, что мы могли сделать, это опустить до предела стекла, ехать как можно быстрее и молиться, чтобы достигнуть прохладного укрытия Скалистых гор прежде, чем мы вплавимся в асфальт где-нибудь среди кукурузных полей Небраски.

Через некоторое время мне в Монтерей пришло письмо из NASA с приглашением прилететь в Хьюстон на собеседование, и я узнал, что первоначальный список из нескольких сотен кандидатов сократился более чем наполовину. Слегка удивленный тем, что все еще остаюсь в забеге, я отправился в путь в стиле секретного агента, что сегодня кажется чертовски

наивным.

Чтобы пресса не вышла на след тех, кто может стать кандидатами в астронавты, Дик, Рон, Боб и я вылетели из Сан-Франциско разными самолетами, в гражданской одежде и под вымышленными именами, изображая, что не знаем друг друга. Какие-то странные люди встретили нас в Хьюстоне в обстановке максимальной секретности и привезли в частные апартаменты в отеле Rice, где каждый из нас зарегистрировался под именем Макс Пек – так звали генерального директора отеля. Разумеется, войдя в бар отеля, я узнал друзей, которые уже сидели за выпивкой, и легко было догадаться, что некоторые другие стройные молодые люди с короткой стрижкой вокруг – каждый из них официально был Максом Пеком – тоже из летной среды. Слегка секретно, да.

Мне всё это напомнило первые дни в Мирамаре, когда у меня уже были «крылышки» пилота, но я еще не садился на авианосец. Меня занимал вопрос о том, каков послужной список других кандидатов. Что я вообще делаю в этой группе? Дик Гордон, например, был значительно более важной птицей, чем просто студент Военно-морского университета. Известный летчик-испытатель, он уже был в значительной степени завязан на космическую программу и совсем недавно участвовал в отборе, но не прошел во вторую группу астронавтов. В Новую Девятку попал его сосед по «Рейнджеру» Пит Конрад, а его инструктором в Школе летчиков-испытателей ВМС был сам Алан Шепард. Когда же Дик выиграл заветный приз Бендикса за рекордный трансконтинентальный перелет – 2 часа и 47 минут – поздравительную телеграмму прислал ему тот пилот, рекорд которого он побил, а именно – полковник Морской пехоты Джон Гленн.

Среди нынешних кандидатов были и другие летчики, обладавшие рекордами высоты и скорости; летчики-испытатели с великолепным послужным списком – к примеру, Майк Коллинз, тоже не прошедший в предыдущие наборы, а также парни типа Базза Олдрина, который имел докторскую степень Массачусетского технологического института по теории сближения в космосе. Что же касается летчиков ВВС, то большая их часть прошла через «волшебную школу астронавтов» на авиабазе Эдвардс, возглавляемую Чаком Йегером. В этой группе пилотов легко было почувствовать себя лишним. Что я мог сказать в свою защиту – что участвовал в двух боевых походах в Тихий океан и теперь учусь в Монтерее? Я полагал, что шансов у меня очень немного.

Они засыпали нас еще одной тучей бумаг, которые теперь

включали вопросы по космическим полетам и орбитальной механике. Я мало что знал по этим темам, но на каждый вопрос отвечал коротким сочинением. Если им хотелось понять, как кандидат работает в новой для себя ситуации, то они должны были оценить меня высоко, потому что на самом деле я многого не знал вообще.

Потом наступило время личных собеседований, и здесь я впервые встретился с настоящими астронавтами – теми, чьи имена были в газетных заголовках. За длинным столом вместе с парой гражданских лиц сидели Дик Слейтон, Уолли Ширра и Алан Шепард, и я почувствовал себя в самой гуще исторических событий. Эти парни были нашими героями космической эры. Меня грел тот факт, что я приглашен в их общество, но я чувствовал себя как заключенный перед комиссией по досрочному освобождению. Все они были вполне обходительны, за исключением Шепарда, который, казалось, смотрел своими холодными глазами строго сквозь меня. Чего они хотят? Важно ли, как я одет, как выгляжу, как говорю? Не было ли вот в этом вопросе подковырки? Все, что я скажу, им предстояло оценить, и я не знал, что им нужно. Бессмысленно преувеличивать свои заслуги – мой послужной список лежал перед ними. Лучшим вариантом было отвечать на все вопросы как можно более честно и надеяться, что этого достаточно. К примеру, кто-то спросил, как много раз я поднимался выше 15 км. Черт побери, для летчика штурмовой авиации вроде меня это было бы на полпути в космос! Поэтому я развернул вопрос на 180° и ответил: «Я летаю очень низко, но если нужно будет садиться на Луну, то рано или поздно придется снизиться». Помню, что их это развеселило. Опять же за исключением Шепарда, у которого, казалось, в венах текла ледяная вода.

Потом было несколько приемов с коктейлями, где мне выпал шанс встретиться с другими астронавтами и пожать руку знаменитому Джону Гленну, и я вернулся в Монтерей.

Вскоре они прислали еще одно письмо, в котором сообщалось, что я прошел очередной этап отбора. Теперь кандидатов осталось только 36, причем пара из тех, кого «возьмут обязательно», вылетела, а я все еще оставался в игре.

На авиабазе Брукс в Сан-Антонио нам провели исчерпывающее медицинское обследование, и NASA вычеркнуло из списка еще четыре имени. Среди них оказался Боб Шумахер, мой друг из Монтерея, у которого нашелся какой-то небольшой порок сердца. Это напрочь нечестное и нелогичное решение продемонстрировало, почему пилоты не доверяют врачам. Получается, он мог вести бой на реактивном самолете ВМС, но не

подходил по здоровью для подготовки в качестве астронавта? С другой стороны, этот случай также показал, насколько тщательным был отбор. Оттого лишь, что несколькими годами раньше в колледже ты получил простую четверку, без плюса, тебе могли предпочесть другого парня. Утверждалось, что шанс попасть в астронавты примерно один к трем миллионам, и я готов был в это поверить. Но – черт побери! – мои перспективы становились все лучше.

После медицинского обследования нас осталось всего 32, и мне начало казаться, что, пожалуй, шанс у меня есть. Однако ни я, ни Барбара не позволяли этим надеждам завладеть нами, потому что в процессе еще оставалось слишком много неизвестных. *Эй, Сернан, ты подошел близко, но цыплят еще считать рано.* И все же мы пересмотрели планы на Принстон. Если я начну там учиться, и в этот момент придет вызов в отряд астронавтов, получится, что мы зря переехали в Нью-Джерси. Поэтому мы решили остаться в Монтерее, чтобы я отучился в Военно-морском университете третий год и закончил работу по использованию водорода в качестве топлива для ракет с высокими характеристиками. Мы, конечно, ждали, как развернутся события на астронавтском фронте, но было приятно осознавать, что если меня и не выберут, то худшее, что может случиться, – мне придется защищать магистерскую диссертацию.

Затем начались странные телефонные звонки от друзей и давних знакомых, причем некоторых из них я успел забыть за прошедшие годы. «Джино, у тебя все в порядке? Никаких сложностей? Приходил агент ФБР и спрашивал о тебе». NASA тщательно изучало подноготную кандидата и опрашивало всех – от бывших подружек до университетских профессоров. Не объявлял ли он банкротства? А как учился и какие награды получал? Всегда ли платил за парковку? Имеет ли военные награды и взыскания? Они все это перемалывали, и не дай бог оказаться в чем-то нечистым. А мне было запрещено говорить кому-либо, что происходит, чтобы не пронюхала пресса.

Мы знали, что окончательное решение нам объявят по телефону. Если на линии будет Дик Слейтон, возглавляющий Отдел астронавтов, значит – приняли, а если его помощник Уоррен Норт – то в пролете. Чтобы не занимать телефон, друзья перестали мне звонить, и дни тянулись как резина. Ответ мог прийти в любой момент. Когда же телефон все-таки звонил, мы боялись поднять трубку. А вдруг со мной хочет поговорить Уоррен Норт?

В конце концов примерно в три часа дня в начале октября телефон зазвонил. Трубку подняла Барбара, ощущая явный

дискомфорт в желудке. Она ответила оператору NASA, что меня нет дома, и дала телефон университета. После этого она села и попыталась не думать о вопросе, который не хотел оставить ее мозг в покое: «У нас получилось или нет?»

Мы с Роном Эвансом находились в одной аудитории, когда нам сообщили, что нас обоих вызывают к телефону ответить NASA, но в разные комнаты. Пожелав друг другу удачи, мы закрыли за собой двери и взяли в руки трубки так аккуратно, будто они были сделаны из горячего металла. Мое сердце едва не остановилось, когда я услышал хриплый голос Дика Слейтона: «Джино?»

Я встал по стойке «смирно», внимая человеку, сидящему за столом в нескольких сотнях миль отсюда: «Да, сэр! Дик?»

«Да. Привет, Джино, – сказал он. – Если тебя все еще интересует работа здесь, то у меня для тебя есть место». Надо полагать, что я ответил утвердительно, но я был настолько взволнован, что даже не мог вспомнить, как положил трубку.

Однако мою радость здорово подпортило подавленное лицо Рона Эванса, который имел печальный разговор с Уорреном Нортом. Он не прошел отбор, и мое сердце обливалось кровью. Мог ли какой-нибудь провидец сказать в эту минуту, что пройдет не слишком много лет, и мы с Роном вместе будем лететь к Луне на ракетном корабле?

Новость быстро разошлась по всему кампусу. Дик Гордон тоже прошел, так что был повод как следует это отметить. Я не успел даже позвонить Барбаре, как меня вынесли за дверь и притащили в бар старой гостиницы Марка Томаса с целью напоить вусмерть, причем мне не пришлось покупать ни капли выпивки. Расходы взяли на себя друзья, в том числе и Рон Эванс и Боб Шумахер. Лишь через несколько часов я смог связаться с Барбарой, которая была очень сердита, потому что сидела как на иголках с момента первого звонка из Хьюстона. Она могла бы просто убить меня, но не стала, и вместо этого примчалась поучаствовать в праздновании, а мои приятели тем временем орали: «Он поедет в Хьюстон! Он поедет в Хьюстон!»

Когда NASA объявило имена четырнадцати новых астронавтов, наш телефон стал звонить непрерывно, телеграммы пошли косяком, а почтовые работники тащились к нашим дверям с мешками писем – их было больше, чем мы получили за всю жизнь до того. В мгновенье ока я перестал быть *еще одним студентом* и стал *настоящим американским героем*, хотя не сделал еще абсолютно ничего в космической программе.

Мы чувствовали себя как пара золотых рыбок в стеклянной чаше. Теперь все смотрели на нас. Газеты хотели интервью, а

между тем никто из нас ранее в глаза не видел репортера и тем более не разговаривал с кем-то, кто будет про нас писать. К счастью, наши старые друзья дали нам ту устойчивость, в которой мы нуждались. Для них мы по-прежнему были Барбарой и Джином, молодой семейной парой с маленькой дочкой, которые пытаются прожить на зарплату лейтенанта флота.

22 ноября я был на занятиях, когда прибежал вестовой и принес преподавателю записку. Он прочитал ее и побледнел, а затем объявил, что президент Кеннеди только что убит в Далласе. Я поспешил домой и нашел Барбару в спальне с бигудями в мокрых волосах рядом с напрасно жужжащей сушилкой. Она стояла как статуя и смотрела в телевизор. Мы бросились в объятья и зарыдали. Всего лишь на прошлой неделе мы верили, что однажды встретимся с президентом и миссис Кеннеди. Барбара даже шутила, что наша дочь Трейси одного возраста с их младшим сыном, которого все звали Джон-Джон. Теперь Кеннеди был мертв, и все мы, вне зависимости от политических взглядов, почувствовали пустоту.

На следующий день 2000 офицеров и военнослужащих по призыву Военно-морского университета пришли на поминальную службу. Целое море синих мундиров и белых фуражек выстроилось рядами вокруг высокой мачты со спущенным до середины американским флагом. Контр-адмирал Чарлз Бергин, начальник университета, сказал, что собравшиеся оказывают последние почести не только павшему президенту, но и «моряку, который отдал свою жизнь, выполняя служебный долг», потому что во время Второй мировой войны Кеннеди был капитаном торпедного катера. Я стоял в скорбном молчании рядом со своими товарищами и думал, как смерть президента скажется на космической программе, потому что судно без капитана неминуемо собьется с курса.

Нам нужно было найти в Техасе место для проживания, и на следующий день ВМС выделили мне и Дику Гордону самолет, чтобы слетать в Хьюстон. Я нашел небольшой симпатичный кирпичный домик, сдающийся в аренду, на Хантресс-Лейн, в одном из кварталов вблизи космического центра, а затем мы с Диком встретились на базе Эллингтон и отправились в долгий путь домой. Когда мы сели на дозаправку на авиастанции вблизи Финикса, все в штабе базы толпились вокруг громко орущего телевизора. Репортеры рассказывали, что владелец ночного клуба в Далласе застрелил Ли Харви Освальда, предполагаемого убийцу Кеннеди, во время его отправки в окружную тюрьму.

Что, черт побери, происходит с нашей страной?

8
Астронавты есть?

Корабли серии «Меркурий» были названы в честь мифического крылатого гонца, а программа создания двухместного корабля получила весьма удачное имя «Джемини» – по латинскому названию созвездия Близнецов. Трехместные корабли, которые должны были полететь к Луне, носили имя «Аполлон» – имя греческого бога Солнца.

Никто из моего набора не стартовал ранее чем через два с половиной года, а последний из нас полетел лишь почти по истечении шести лет. Четверо погибли, не получив шанса на полет, и лишь четверо из нас прошли по Луне.

Все мы прибыли в Хьюстон под новый, 1964 год: из ВМС США – я, лейтенант Алан Бин, лейтенант-коммандер Ричард Гордон и лейтенант Роджер Чаффи; капитан Корпуса морской пехоты Клифтон Уильямс; офицеры ВВС США: майор Эдвин Олдрин по прозвищу Базз, капитаны Донн Айзли[33], Уильям Андерс, Чарлз Бассетт, Майкл Коллинз, Дэвид Скотт и Теодор Фриман; наконец, двое гражданских – Уолтер Каннингэм и Расселл Швейкарт.

Вживаясь в Хьюстон, мы одновременно попали в защитную оболочку от неприятных новостей из внешнего мира. Соединенные Штаты испытывали сложности с гражданскими правами и социальными протестами, а за рубежом были Вьетнам и Холодная война. Во времена заваривающихся проблем росла потребность в героях, которые могли бы стать хранителями веры и носителями огня. Будучи новичками среди астронавтов, мы этого еще не осознавали, но эти роли отводились как раз нам.

Мы с Барбарой и Трейси приехали в середине января после закрытой церемонии выпуска в управлении начальника университета.

Другому студенту диплом могли бы выслать по почте, но в отношении нового астронавта дела делались иначе. Трудно было поверить в эти первые недели, что я действительно хожу по одним коридорам Центра пилотируемых космических кораблей со знаменитыми астронавтами Первой Семерки. Я встречался с ними на собеседовании и несколько раз на вечеринках, но теперь они каждый день были вокруг, и меня распирали вопросы, которые я не осмеливался задать. Я чувствовал себя самозванцем.

Что же касается почитания героев, то я даже сумел получить с каждого автограф на написанной от их лица книге «Мы,

семеро», добавил посвящение лично от себя и отправил отцу в качестве рождественского подарка. «Господь даст, быть может, однажды я смогу стать частью этого «мы», – писал я. – И если это случится, то всей благодарности в мире будет недостаточно, чтобы вознаградить тебя за твою роль в этом достижении».

Темп космической гонки нарастал, и русские все еще были впереди. Незадолго до того, как пришел мой набор астронавтов, советская космонавтка Валентина Терешкова стала первой женщиной в космосе, успешно проделав эпическое путешествие из 48 витков. В конечном итоге мне довелось познакомиться с Валентиной, и я нашел ее очаровательной и обаятельной. Русские хотели записать на свой счет еще одно «впервые в мире», и им стала она, хотя Терешкова на самом деле не вполне подходила для такого задания, потому что была подготовлена как парашютист, а не к космическому полету[34]. Из-за невесомости она чувствовала себя очень плохо всё время, которое провела в космосе, и еще несколько дней после этого.

В нашей собственной программе важные вопросы не находили ответа. Смерть Кеннеди оставила огромный и непонятный вакуум лидерства. Пост президента принял Линдон Джонсон, политик до мозга костей. Теперь, когда нашего лидера не стало, – сочтет ли президент Джонсон необходимым выполнить его обещание и отправить человека на Луну? В то время как я осваивался с новой работой в качестве астронавта программы «Аполлон», никто из нас не знал, а будет ли на самом деле такая программа.

Пионерская серия «Меркуриев» закончилась несколькими месяцами раньше, в мае 1963 года, а «Аполлон» был еще слишком далек, чтобы разглядеть его контуры. Поэтому NASA строило своеобразный мост между двумя программами – систему полетов двухместных кораблей по имени «Джемини» с целью испытать важнейшие концепции, необходимые для «Аполлона». Можно ли выйти в открытый космос и работать там? Сможем ли мы найти на орбите другой космический аппарат и встретиться с ним? Возможно ли построить ракеты, которые смогут безопасно пересечь неведомую бездну между Землей и Луной? В описываемый момент ничего из перечисленного еще не было сделано.

Поначалу это не было очевидно, но некоторые из моих героев уже уходили в тень, и состав команды астронавтов менялся. Из знаменитой Первой Семерки все, кроме Слейтона, слетали на «Меркуриях», а Дика отстранили из-за незначительной сердечной аритмии[35]. В течение двух последних лет он был главой Отдела астронавтов. Джон Гленн, прославившийся как наш первый

человек на орбите, был в процессе увольнения, имея на уме политику. Таким образом, в летном статусе оставались пятеро из группы «Меркурия» – Ал Шепард, Гас Гриссом, Уолли Ширра, Гордо Купер и Скотт Карпентер.

Будучи теперь участником программы, я стал смотреть на них под другим углом, оценивая каждого как возможного партнера по полету. Это упражнение заставило меня задуматься, что скрывается за трескучими газетными заголовками.

Гордо был свойским и приятным в общении и чертовски сильным пилотом. Многие заскорузлые чиновники NASA полагали, что этот парень с тягучим оклахомским акцентом слишком склонен к авантюрам, и этот взгляд в конечном итоге отразился на его полетных назначениях.

Гас был трудным для знакомства человеком. Он привычно здоровался со всеми в коридоре, но мало с кем был близок и не слишком интересовался нами, новичками. Или ты был его другом, или нет; Гас прилагал немало сил, чтобы показать, что он тут вожак стаи, и мог подставить тебя, если видел, что это тебе не нравится. В глубине души я чувствовал, что после полета на «Меркурии», когда его корабль пошел ко дну, а сам он едва не захлебнулся, Гас всего немного побаивался.

Скотт был единственным, кто летал на многомоторных самолетах, среди этой элитной команды ветеранов реактивной авиации. Ходил слух, что он и не рвался в космическую программу – это была заслуга его динамичной и привлекательной жены. Скотт же вовремя оказался на месте и с медицинской точки зрения подходил просто потрясающе. Однако он облажался в полете на «Меркурии», развлекаясь в управлении кораблем и не уделяя достаточного внимания выполнению задания. Он не отработал тормозной импульс должным образом и приводнился в нескольких сотнях миль от расчетного района. Вскоре стало вполне очевидно, что Скотт больше никогда не полетит в космос.

Уолли, прекрасный пилот, был всеобщим приятелем и курицей-наседкой для новой группы астронавтов. Мы звали его Скайрей[36] по имени самолета, на котором он в свое время летал. Уолли устраивал «вполне заслуженный» длинный перерыв на кофе с куда большей охотой, чем залезал в тренажер. Тем не менее он был очень хорош в своем деле, и полный перфекционист, если не обращать внимания на фривольный юмор. В нем не было никакого притворства. Он мне нравился.

Ал, первый, кто полетел на «Меркурии», был лучшим из этой команды. Он представлялся естественным выбором для дальнейшего продвижения – на «Джемини» и на «Аполлон». Он вполне подходил на роль первого человека на Луне. Однако Ал

был совершенной загадкой. Он мог быть теплым и приятным в общении в один момент, а в другой – командиром со стальными глазами и без какого-либо следа широкой улыбки. Для новичка вроде меня казалось разумным держаться подальше от Алана Шепарда.

На мой взгляд, Шепард, Ширра и Гриссом точно должны были командовать будущими кораблями, а возможно, и Купер. По большому счету, Карпентера можно было не учитывать. Таким образом, от Семерки реально осталось лишь четверо, что немного разряжало обстановку в части будущих мест в экипажах, но не сильно. Должно было пройти еще много времени, прежде чем хотя бы одно место предложили бы любому из членов моей группы. Вся Новая Девятка стояла между Первой Семеркой и нами.

Многие верят, что существовал какой-то генеральный план по личному составу, исполнение которого сделало Нила Армстронга первым, кто пройдет по Луне. Это не так, и сага об Але Шепарде объясняет почему.

Как и в программе «Меркурий», Шепард был первым кандидатом на полет на «Джемини». Его напарником должен был стать Том Стаффорд из Новой Девятки. В середине 1963 года, еще до того, как этот выбор стал официальным, Шепард испытал приступы головокружения. Врачи в предварительном порядке диагностировали у него проблему со средним ухом, известную как болезнь Меньера, и временно отстранили его от полетов. Несколькими месяцами позже Ал вернул себе летный статус и был назначен на первый полет «Джемини», но врачи вызвали его на еще одно обследование и нашли, что состояние уха ухудшилось. На этот раз они не только заблокировали ему возможность полета в космос, но и ограничили в полетах на самолетах. В соответствии с вынесенным решением он, если вообще хотел полететь, должен был иметь рядом с собой другого квалифицированного пилота, пусть даже из числа нас, новичков, потому что одиночный полет с точки зрения медицины перестал быть безопасным. Его не просто ударили ножом в спину – но еще и повернули нож в ране. О Боже, думали мы, если это могло случиться с Шепардом, это может произойти с кем угодно.

К этому моменту список астронавтов для полетов на «Джемини» включал Уолли Ширру в качестве командира второго корабля[37], а Гас Гриссом был дублером Шепарда. Ал выбыл, и кто же теперь будет вместо него? Дик назначил Гриссома командиром первого экипажа «Джемини» и поставил Уолли дублером Гаса. Как следствие, Ширру пришлось убрать с должности командира на второй полет. Уолли был этим

недоволен, его веселый темперамент весь куда-то делся. Он терпеть не мог быть чьим-либо дублером.

Это решение поставило также вопрос о том, что делать с Томом Стаффордом, партнером Шепарда. Стаффорд рассматривался как наиболее сильный человек в программе по технике встречи на орбите, и NASA хотело, чтобы он полетел поскорее. Партнером Гриссома и дублером Стаффорда в первоначальном раскладе был Фрэнк Борман. Имело смысл продвинуть Гриссома и Бормана как единое целое, а потому Стаффорда из экипажа убрали, но это был еще не конец эпизода, который развивался в стиле комиков Эбботта и Костелло с их номером «Кто первый?». Оказалось, что и у Гриссома, и у Бормана такое эго, что вместе им в одном корабле не ужиться. Помимо этого, Борман уже стоял в планах на важный последующий полет. Поэтому его убрали из экипажа Гриссома в пользу более покладистого Джона Янга, который изначально был в экипаже Ширры. Джон мог поладить с кем угодно и был чертовски хорошим пилотом. В этой головоломке было еще с десяток или около того кусочков, но уже один этот запутанный инцидент иллюстрирует причудливость всей процедуры выбора экипажей.

Мне как новичку было трудно анализировать, куда я могу попасть в этом процессе. За небольшим числом исключений окончательное решение о том, кто полетит, когда и в какой должности, принимал Дик Слейтон. Мы изучали его решения с великим тщанием, пытаясь найти какую-нибудь закономерность, однако ее не было.

Планировалось десять пилотируемых полетов «Джемини»[38], по два астронавта на каждом, то есть всего было в наличии 20 мест. С выбытием Шепарда осталось трое годных меркуриевских астронавтов, и если все члены Новой Девятки получат полетные назначения, то 12 мест уйдут сразу. Разумно было предположить, что некоторые из более опытных ребят слетают дважды, в первый раз в роли пилота, а во второй – командира. Таким образом, нашей группе астронавтов не светило множество пустых клеток в летной таблице «Джемини». Однако чехарда Шепард – Гриссом – Ширра и Стаффорд – Борман – Янг в первом же экипаже давала нам надежду. «Никогда нельзя знать заранее», – гласила старинная поговорка.

Среди всего этого прошли изменения и в составе руководства. Слейтон уволился из BBC, оставшись целиком в распоряжении NASA, и был продвинут на должность помощника директора Центра пилотируемых кораблей по операциям летных экипажей. Человек меньшего масштаба мог бы уйти в отставку в знак протеста против отстранения от полета в 1962 году, но Дик

выдержал бурю и создал под себя уникальную руководящую должность в космической программе. Для отряда астронавтов он стал не просто боссом, а признанным «крестным отцом», которого уважали все, включая старших руководителей Агентства.

Одним из его первых действий было перетащить только что отстраненного от подготовки Шепарда на оставленное Диком место главы Отдела астронавтов. Этот холодный как лед и грубый сукин сын не смог принять решение врачей с благородством Дика Слейтона, и, казалось, видел теперь свою главную цель в том, чтобы внушить страх Божий каждому из нас – просто потому, что мы имеем право полететь в космос, а он нет. Дик и Ал могли бы исполнять роли доброго и злого полицейского в телесериале об убойном отделе Нью-Йорка, причем Дик придавал уверенность, а Ал требовал большего, чем ты мог сделать. В результате вся программа продвигалась лучше.

Наша группа вошла в ритм подготовки. Краткий вводный курс сменился двадцатью тяжелыми неделями лекций, технических назначений и экзотических командировок. Мы были лишь новичками, но прошедшими исключительный процесс селекции. Нас погрузили в головокружительные темы, нам показали вживую ракеты и объяснили, с чем мы можем столкнуться в космосе. Теперь мы не смотрели на все это с другой стороны телевизионного экрана, а сами шли по Мысу, изучали стартовые сооружения и стояли перед огромными ракетами, которые должны поднять нас в космос. NASA зачастую хотело использовать нас все семь дней в неделю, и мы обнаружили, что постоянные разъезды являются частью нашей работы. Для меня это оказалось превосходное время – люди вокруг были блестящими, работа – поразительной, а высшая возможная награда – прогулка по Луне – почти невероятной.

Однако если для новых астронавтов все планировалось в деталях, NASA не имело никаких руководств по выживанию для наших жен. Это был серьезный недосмотр, за который наши семьи заплатили тяжелую цену. Думаю, NASA считало, что раз мы, как правило, являемся военными семьями, то мы и так привычны к долгим разлукам и к жестко структурированной военной жизни. Жены офицеров с точки зрения исторического опыта должны были уметь справляться с такими сложностями. На самом деле это была ошибка.

Почти сразу после того, как мы обустроились в арендованном небольшом кирпичном бунгало по адресу Хантресс-Лейн, 1922, в новом доме, не защищенном деревьями от техасского солнца, Трейси свалилась с температурой 41° и болела так тяжело, что нам приходилось окунать ее в лед. Барбара тоже сильно

простудилась из-за резкой перемены климата по сравнению с приятным монтерейским. И лишь много лет спустя я узнал, что она так боялась оставаться одна в этих странных окрестностях, что могла не спать и плакать половину ночи, пугаясь каждого шороха и опасаясь, что кто-нибудь может вломиться в дом.

Она не рассказывала мне об этом тогда, или, быть может, я просто ее не слышал. Понятно, что я был настолько переполнен эмоциями и взволнован, настолько захвачен ролью астронавта, что, приезжая домой на выходные, мог говорить только о нашей подготовке и о программе. Это было «дорогая, давай я тебе расскажу, что я смог сделать», но не «а что ты тут делала на этой неделе?». Оглядываясь теперь назад, я понимаю, что семья страдала из-за моего «туннельного» зрения.

Постепенно Барбара и другие жены, которые испытывали потрясение такого же свойства, перезнакомились и подружились. Точно так же как Дик был нашим крестным отцом, его жена Мардж превратилась в наставницу жен. Первое впечатление от Хьюстона уступило место приятному открытию: оказывается, в Техасе люди не забыли, как сказать «пожалуйста» и «спасибо», и при необходимости могут бросить все дела и протянуть руку помощи. В доме появился кондиционер, который рассеивал жару, а Трейси нашла других детей, с которыми можно было играть. Все это образовалось не быстро, но мы выжили.

Конечно, было одно обстоятельство, которое облегчало наше положение и заставляло нас трезво смотреть на любые трудности, с которыми приходилось столкнуться: нам создали особые условия. Самым ценным был знаменитый контракт с компаниями Field Enterprises Educational Corporation и Time Inc., получившими эксклюзивные права на общение с нами. С благословления NASA и Белого дома издатели заключили сделку, в рамках которой астронавтам Первой Семерки в равных долях за несколько лет должны были выплатить сумасшедшие деньги – 500 тысяч долларов, по тем временам целое состояние. Когда к ним присоединилась Новая Девятка, пирог пришлось разрезать на более тонкие ломтики, но и это были немалые суммы. Когда мы появились в команде, финансирование перераспределили еще раз в равных долях, так что каждому из нас причиталось по 16 250 долларов в год. Помимо того, что мы были астронавтами, мы стали еще и богатыми людьми! Это соглашение получило известность как контракт с журналом *Life*, потому что большая часть написанного о нас и наших фотографий появлялось именно в этом иллюстрированном еженедельнике, и эти доллары стали отличным подспорьем молодому лейтенанту флота и его семье, которая должна была жить на годовую зарплату в 10 835

долларов.

Затем компания General Motors предложила нам сделку, в рамках которой можно было выбрать новый «шевроле» любой модели, цвета и стиля, проехать на нем 5000 км и затем выкупить «подержанную» машину по специальной цене. На следующий год я мог продать ее и купить новую по той же схеме. Присоединилась и фирма American General Mortgage, которая предложила ипотеку под фантастические 4 %. Репутация героя, оказывается, включала и определенные выгоды. Люди стремились продемонстрировать свое понимание и поддержку, и выражалось это в сделках на особых условиях, распространяемых на нас.

Мы передали большую часть «лишних» денег в трастовый фонд на обучение Трейси в колледже, но сколько-то все-таки пришлось истратить на покупку новой одежды. Социальные обязательства, которые, как оказалось, прилагаются к должности космонавта, требовали, чтобы у моей жены в шкафу было еще несколько платьев, а мне пришлось впервые в жизни купить смокинг.

Мы подписались и на автомобильную сделку, хотя и без особого желания, избавившись от «шевроле» 1963 года и купив такую же модель, но выпуска 1964 года и с кондиционером. Нам казалось, что сразу же оторвать «корветт» с выставки будет слишком нахально. Ко всему прочему, я не знал: а вдруг Дик или Ал поставят черную метку около моей фамилии, увидев, как ничего еще не сделавший астронавт рассекает по окрестностям в «корветте». В конечном итоге я поддался и этой лихорадке, и каждый год передавал свою «старушку» приятелю, Скипу Фёрлонгу, который за скромные деньги мог проехать несколько миль на шикарной спортивной машине, а затем сбыть ее кому-нибудь еще. Так «корветты» уходили в народ.

На занятиях в NASA делался большой акцент на научных дисциплинах, главным образом на геологии. Считалось, что это пригодится нам, когда мы наконец достигнем Луны. У всех нас была техническая подготовка, но черт возьми, мы же пилоты! Проблема в имидже – мы не хотели, чтобы на нас смотрели как на ученых. Мы ставили себя так: не существует ничего, что мы не смогли бы сделать, в том числе и собрать лунные породы необходимых видов. Вам нужен геолог – отлично, у вас есть геолог, и это я. В конечном итоге мы смогли защитить наш взгляд. 11 из 12 человек, которые исследовали Луну, были летчиками, и мы привезли целую сокровищницу научного знания.

Прослушанные нами лекции закреплялись полевыми экспедициями в такие отдаленные места, как вулканические территории в Аризоне и на Аляске, а также в Исландии. Одним из

наших инструкторов от Геологической службы США был приземистый молодой геолог по имени Джек Шмитт. Он-то и стал двенадцатым человеком на Луне, где мы провели вдвоем трое суток.

Я насмотрелся на чертову уйму камней, прошагал многие мили по лавовым отложениям и продолжал удивляться тому, какое это все имеет отношение к полету в космос. Тем не менее я напряженно работал над освоением и этой темы, потому что обстановка была весьма конкурентная, и мы хотели достичь максимального результата во всех сферах подготовки. Никто не знал, на что обратит внимание Дик, когда будет распределять места в будущих экипажах.

Уникальным вариантом тренировки было выживание в джунглях и в пустыне. Мы рассматривали это как необходимость, на случай, если промахнемся мимо расчетной точки посадки, но из-за этого как-то не хватало уверенности в том, что NASA всегда знает, куда именно приземлится корабль.

В марте, вскоре после того, как Трейси исполнился год, вертолеты засеяли влажные джунгли Панамы бравыми американскими астронавтами. Нас забрасывали попарно. Имея в своем распоряжении минимальный набор средств для выживания – только то, что будет у нас после реального полета, – мы должны были продержаться на местных ресурсах до недели.

Естественно, нам дали инструкции, как это сделать. Одна из них состояла в том, что нужно срубить пальму и срезать ее верхушку, чтобы добраться до сочной и вкусной сердцевины, которая обычно встречается лишь в дорогих ресторанных салатах. За несколько дней в Панаме я съел столько этого чертова деликатеса, что с тех пор не могу на него смотреть.

Другой совет заключался в поимке и приготовлении игуаны. Это было легче сказать, чем сделать. Через несколько дней, когда от голода уже подводило желудок, эти большие ящерицы стали казаться похожими на стейки из курятины с подливкой. Игуаны, кажется, тоже об этом знали, и играли в игру под названием «поймай меня, если сможешь».

Мы с Донном Айзли нашли ручей, из которого можно было пить, построили укрытие и привязали парашюты к деревьям, превратив их в гамаки. Нас предупредили, что на земле спать нельзя. Бревно, уложенное на пень пальмового дерева под нами служило импровизированным столом. Среди ночи нас заставило насторожиться какое-то гудение, как будто бы поднялся в воздух целый улей пчел. Мы уставились во тьму; шум становился сильнее и ближе, превращаясь в ритмичный толкающий звук, как будто по мокрой листве идет стадо животных. Какого дьявола?

Мы схватили фонарики и увидели переднюю кромку огромного ковра из муравьев, приближающихся со стороны деревьев. Миллионы жвал издавали непрерывное и громкое чавканье. Ковер двигался вперед, поглощая все на своем пути, и аккурат между мной и Донном. Когда муравьи дошли до нашего маленького стола, они полезли на пень и на бревно, полностью закрыв их своими телами, и зашагали дальше словно по мосту. Большой паук, который сплел паутину в углу, попал в окружение и попытался удрать от опасности на паутинке, но свалился в колышущуюся орду на земле и сгинул. Мы с Донном оставались очень и очень спокойными. Бежать нам было некуда, так что все, что мы могли сделать, – это молиться за прочность парашютных строп, держащих нас выше уровня земли, по которой маршировали муравьи. Прошло десять минут, прежде чем задний колышущийся край этого жуткого ковра пропал в темноте джунглей и мы увидели поперек нашей полянки трехметровую полосу совершенно пустой земли. На ней не осталось ни листочка, ни травинки, а наш грубый стол лишился коры и казался отполированным ногами и челюстями насекомых. Лежа в гамаках, мы прислушивались, как вдали чавкает и топает армия муравьев, истинных хозяев джунглей.

Космический центр стал магнитом дальнейшего развития. В том полу-болоте, которое мы теперь называли домом, было немного оплотов цивилизации: единственная заправка на главной улице и магазин фирмы Sears в 30 минутах езды. Но бульдозеры сгребали техасский кустарник, изгоняя прочь водяных и медноголовых щитомордников, и по их следам шли отряды плотников, водопроводчиков и электриков, чтобы построить новые дома. Старый добрый Линдон сбросил на Хьюстон бомбу полной занятости. Все эти лунные люди должны где-то жить! Им надо есть! Им нужны магазины! Ясное дело, лунным людям не захочется ехать за 40 км в Хьюстон за беконом с яйцами!

Рядом с нами находилось еще два участка, заселенных ранее прибывшими работниками программы. В Тимбер-Коув, первом из них, обитали шестеро из Первой Семерки; Ал и Луиза Шепард жили в самом Хьюстоне. Другой назывался Эль-Лаго, и там владели домами большинство астронавтов из Новой Девятки. Теперь же у чаппараля отвоевывали территорию небольшие поселения Клиэр-Лейк и Нассау-Бей, которые стали местом проживания многих из нашей группы.

Мы с Барбарой использовали часть суммы от *Life* в качестве первого взноса за участок, наняли архитектора и начали строить жилье своей мечты – невысокий, кремового цвета, похожий на ранчо дом по адресу Барбуда-Лейн, 18511, в поселке Нассау-Бей.

В нем было примерно 280 квадратных метров, стоил он 33 000 долларов, а ставка по ипотеке оказалась достаточно низкой, чтобы я мог выплачивать ее из регулярного жалованья.

Наш район был одним из самых уникальных в Америке – он был полностью заселен участниками программы. Во всех соседних домах жили если не астронавты, то инженеры, менеджеры и их семьи. В конечном итоге Нассау-Бей включили в свой маршрут экскурсионные автобусы с туристами, увешанными камерами и щелкающими затворами. Случалось – уже после того, как я слетал в космос, – что я стриг газон или сажал дерево, одетый в драные штаны и пропотевшую рубашку, и тут к дому подползал автобус, водитель которого кричал мне: «Эй, приятель! Где тут живут астронавты?» Я чесал в затылке, взмахивал рукой вдоль улицы и туманно отвечал: «Кажется, есть у нас парочка где-то там». Мои соседи – Роджер Чаффи, Майк Коллинз, Дейв Скотт, Ал Бин, Расти Швейкарт, Дик Гордон и Джим МакДивитт – проделывали то же самое. А поскольку скафандров на нас не было, никто не мог нас узнать.

Шли месяц за месяцем, подготовка усложнялась. И хотя внешний мир думал о нас с придыханием, внутри космической программы мы все еще оставались классом новичков. Порядок старшинства означал, что нам придется ждать своей очереди на полет. Была лишь одна обязанность, которую старшие астронавты радостно переложили на нас – она называлась «неделя в бочке». Каждый политик и каждая организация граждан хотела заполучить астронавта в качестве гостя и послушать его, и Дик долго сражался, чтобы убедить NASA в том, что мы готовимся лететь на Луну, а не произносить речи. Компромисс был найден в том, что каждую неделю один астронавт выделялся для такой работы – это и называли «неделя в бочке». Отдел связей с общественностью выстраивал запросы в соответствии с их важностью, и «дежурный по пиару» ездил на мероприятия, давал интервью журналистам и вообще «демонстрировал флаг». Обычно говорить приходилось тем из нас, кто меньше всего знал о том, что происходит.

Мой первый срок попал на Авиационную неделю в Коннектикуте. Чиновник NASA, ответственный за протокол, доставил меня на место и выдал подготовленный текст, который надо было зачитать. Губернатор Коннектикута с гордостью указал на молодого, коротко стриженного человека за столом для почетных гостей и буквально просиял, произнося слова «астронавт Джин Сернан». Я встал под громкие аплодисменты. Зрители, наверное, думали, что перед ними крутой и уверенный в себе межзвездный путешественник, а на самом деле у меня так

тряслись колени, что я боялся, как бы аудитория не услышала их стук друг о друга. Я ухватился за кафедру с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Что я тут вообще делаю? Я же еще не летал!

Я выдавил из себя несколько предложений и увидел, как слова на бумаге начинают расплываться. Но аудиторию не интересовала эта техническая фигня. Слушателям было скучно! Я посмотрел на них несколько мгновений, перестал читать и медленно отложил бумаги в сторону. Чиновника, наверное, хватил в этот момент сердечный приступ, потому что он никак не мог угадать, что я теперь скажу. Черт побери, я и сам не знал. Я подумал так: люди пришли на званый обед, чтобы услышать астронавта, астронавт тут один, и это я, и хотя я не слишком много знаю о программе, но точно больше, чем любой из них. И я начал говорить так, как будто сижу среди друзей, которые пришли в гости ко мне домой. Я рассказал несколько баек, вставляя известные имена типа Шепарда и Гленна, и колени мои перестали трястись. Я объяснил, что мы собираемся сделать в проектах «Джемини» и «Аполлон» и как мы намерены добраться до Луны. Аудитории понравилось – человек действительно знаком с Алом Шепардом и Джоном Гленном! С мероприятия я уходил с возросшей уверенностью в себе. Оказывается, секрет состоял в том, чтобы говорить с людьми, а не читать им лекцию. Больше я никогда не пытался зачитать подготовленную NASA речь.

В Хьюстоне после знакомства с Семеркой я вскоре смог оценить и Девятку и понял, что это самая совершенная и талантливая группа пилотов из всех, что я видел. Все они были летчиками экстра-класса.

Эд Уайт олицетворял собой все американское – без сучка и без задоринки, лицо космической программы. Он был нашим Юрием Гагариным. Эд был чертовски хорош, и мы бы не смогли найти лучшего кандидата на первый выход американца в открытый космос.

Джим МакДивитт был исключительным человеком – славный парень, но с таким потенциалом лидерства, что его назначили командиром экипажа «Джемини-4» в первом его полете. Джим говорил мало – за него говорила его работа.

Джон Янг был летчиком с простым подходом к работе – «давайте делать дело». Мы сдружились с ним, когда слетали к Луне и затем объехали полмира. Джон доводил инженеров до бешенства своими ядовитыми служебными записками, составляя их для протокола в тех случаях, когда ему что-то не нравилось. Их так и называли – «янгограммы».

Пит Конрад, упрямый невысокий щербатый парень, носил прозвище Твити, то есть Болтливый. Он все время рвался в бой и готов был свернуть весь мир в бараний рог, чтобы дело было сделано. Трудно было заподозрить в нем человека, учившегося в Принстоне и происходившего из влиятельной филадельфийской семьи.

Фрэнк Борман был строг во всем и пропитан лидерством с головы до пят. У него никогда не было проблем со сферой полномочий, потому что он работал на более высоком уровне, нежели большинство из нас. Он выделялся из общего ряда и иногда казался «святее Папы Римского», но в любом случае был прирожденным лидером.

Нил Армстронг все еще оставался тем дружелюбным и невзыскательным парнем, которого я поверхностно знал по учебе в университете и через Смитти.

Мы с Томом Стаффордом, несхожие как день и ночь, стали как братья, потому что провели очень много времени в совместных тренировках и дважды летали вместе. Ти-Пи, как его звали, был блестящим парнем из маленького оклахомского городка, он думал со скоростью хорошего компьютера и редко ошибался. Из-за привычки говорить быстрее, чем думать, он заработал прозвище Мямля. Когда что-то пошло не так на «Джемини-9» и вновь на «Аполлоне-10», я был рад, что Томас Пэттон Стаффорд рядом со мной.

Джима Ловелла мир помнит как командира неудачного «Аполлона-13». Счастливый и дружелюбный в обычной жизни, в этом полете он очень вовремя проявил свои лидерские качества. В фильме «Аполлон-13» способности Джима ничуть не преувеличены, хотя Пит Конрад и дал ему грозное прозвище Шейки – «Дрожащий».

Последним был Эллиот Си, худощавый техасец, который служил в авиации флота, а затем гражданским летчиком-испытателем компании General Electric, где помогал создать прославившийся в дни Вьетнамской войны реактивный истребитель-бомбардировщик F-4 «Фантом». Мое будущее оказалось связано с судьбой Эллиота, и связано не по-хорошему.

На мой взгляд, Борман и Стаффорд по своему опыту возвышались над остальными, на следующей ступеньке, совсем рядом, стоял Мак-Дивитт, а за ним Ловелл и Конрад. Однако самым знаменитым среди них стал Армстронг, «темная лошадка». Девятка была очень, очень хороша – им предстояло делать историю.

9
Скафандр

Еще во время обучения каждому новому астронавту назначили область специализации для обеспечения двух беспилотных испытательных полетов «Джемини», за которыми в конце 1964 года должна была последовать миссия Гриссома и Янга на «Джемини-3». Учитывая направленность предыдущей учебы в Монтерее, мне поручили мониторинг двигательных установок, а это привело меня в странный мир, именуемый «управление полетом».

Двое первых астронавтов программы «Меркурий» отправились в полет на старой ракете «Редстоун», а остальные были допущены к более мощному «Атласу» – пузатой военной «птичке» длиной 23 метра с тремя двигателями, приводимыми в действие керосином и жидким кислородом. Компания Convair начала разрабатывать «Атлас» еще в 1946 году[39] как межконтинентальную баллистическую ракету, способную донести ядерную боеголовку к цели, удаленной на 15 000 км. Ее было достаточно для легких кораблей «Меркурий», но «Джемини» требовал лошади покрупнее.

Ответом был «Титан» – самая крупная МБР свободного мира, которая была принята на вооружение в начале 1960-х. Жидкостная ракета «Титан» высотой 27 метров была способна развить огромную тягу, необходимую для ее роли носителя ядерного оружия, и эту возможность направили на мирные цели – выводить космические корабли на орбиту.

8 апреля 1964 г. состоялся первый беспилотный испытательный пуск, использующий «Титан» в качестве носителя корабля «Джемини».

Я был в этот день в зале управления полетом, с наушниками на голове, соединенный по интеркому с руководителем полета, которого называли просто «Флайт»[40]. Можно было представить себе, что я – одна из клеток гигантского мозга. Руководитель полета был связан с двумя десятками серьезного вида людей за множеством похожих пультов, и каждый из них представлял определенный компонент всей миссии – медики, специалисты по жизнеобеспечению корабля, по электронным системам и т. д. Каждый в свою очередь был связан с группой поддержки, а эти группы отслеживали все аспекты работы корабля и полета в целом. На запросы руководителя полета требовалось отвечать немедленно.

Пара пультов была занята не инженерами и не умниками в области техники, а астронавтами. Одним из них был оператор связи с капсулой, сокращенно «капком»[41], который передавал экипажу сообщения из центра управления. Кроме капкома, к экипажу мог обращаться только Дик. Будучи зафиксированными в кресле и притянутыми к нему в готовности к старту, мы хотели иметь на другом конце радиоканала астронавта – человека, который действительно понимал нас и наши задачи и был готов недвусмысленно и четко выступить от нашего имени. Еще одному астронавту было доверено мониторить давление в баках ракеты-носителя, внимательно отслеживая показания индикаторов, сходных с размещенными в кабине корабля. Этот пульт назывался «Баки»[42], и за ним сидел я.

Гас и Джон тоже находились в зале управления в день испытательного пуска. Они сидели у меня за спиной и наблюдали вместе со мной за датчиками давления во время заправки «Титана» на стартовом комплексе LC-19. Давление для подачи топлива из баков в двигатели, где оно должно было сгореть с выделением огромной энергии, было критически необходимым, чтобы ракета оторвалась от Земли. Если давление опустится ниже красной линии, корабль окажется в немедленной и, возможно, смертельной опасности, и в этом случае я должен действовать. Я был готов при необходимости отдать приказ всего из нескольких слов («Флайт, это Баки. Сброс!») и отменить тем самым все представление. Гаса и Джона интересовало, естественно, не столько давление в баках во время теста, сколько то, как новичок будет вести себя. Логично, потому что им вскоре предстояло сидеть на одной из этих дымящихся ракет, и если я приму неверное решение, результат может быть катастрофическим.

В этот день «Титан» отработал как требуется, и «Джемини-1» красиво отправился на орбиту и успешно выполнил все тесты. Джин Сернан, позывной «Баки», ушел счастливым и уверенным, достигшим личного рубежа: это была уже не имитация и не тренировка, а реальное дело.

NASA назначило «Джемини-2», еще один беспилотный пуск, на 14 июля, а затем объявило[43], что «Джемини-3» с Гасом и Джоном на борту должен оторваться от Земли в ноябре. Всё выглядело хорошо, когда я отправился на тренировку по выживанию в пустыне, похожую на предыдущую, но только на этот раз моим партнером был Алан Бин. Покиньте вертолет, выживайте в течение примерно пяти суток, выходите к точке встречи. Это оказалось сложнее, чем мы думали, потому что пустыня северной Невады – это настолько открытое и лишенное растительности пространство, что трудно себе представить, а нам

с собой было разрешено взять лишь то, что будет на борту корабля – несколько рационов питания, немного воды, таблетки йода, чтобы сделать природную воду пригодной для питья, компас, парашют, мачете, крючки для рыбной ловли и тому подобное. Я с самого начала был уверен, что рыболовные крючки нам не сильно помогут. В джунглях я по крайней мере имел источник воды и мог найти еду. В этом пыльном аду я мог только вырыть днем нору в песке, подобно зверю, и натянуть над ней парашют, чтобы закрыться от безжалостного солнца и получить немного тени. К точке встречи мы шли только в прохладные ночные часы. У нас не было никакой еды или воды помимо скудных рационов с корабля, и я так проголодался, что с удовольствием съел бы даже салат из пальмовой сердцевины.

Однажды я обнаружил в нашем лагере гостью – большую гремучую змею. В норме здравомыслящий человек постарался бы обойти стороной рептилию, опасную как ракета «воздух – воздух», но как можно было остаться нормальным после нескольких дней на 55-градусной жаре? На этот раз страху натерпелась змея – она пустилась наутек, преследуемая по горячим пескам двумя отощавшими и голодными астронавтами Сернаном и Бином, одетыми в грязное нижнее белье и размахивающими своими мачете как сумасшедшие. Рептилия исчезла из виду, а мы вернулись в нашу темную нору, где я мечтал о кухне моей бабушки и о кебабе из гремучей змеи.

Недели шли всё быстрее, но «Джемини-2» постоянно откладывался по разным причинам, включая удар молнии и бурные визиты во Флориду ураганов Клео, Дора и Этель. Погода задержала весь график и уничтожила все шансы на полет «Джемини-3» до конца года, и мы абсолютно ничего не могли с этим сделать. Тем временем Дик объявил[44], что Джим МакДивитт и Эд Уайт будут основным экипажем «Джемини-4», а Фрэнк Борман и Джим Ловелл – их дублерами. Мы, новички, очень ясно почувствовали, что мест на «Джемини» становится мало.

Первый намек на то, кто будет назначен на полет, обычно приходил от Дика, но бывало и так, что в твой кабинет внезапно входил техник NASA и говорил, что нужно съездить в командировку в Вустер, штат Массачусетс, на снятие размеров для скафандра. Новость о том, что ты получишь скафандр, сделанный точно по твоей фигуре, означала, что ты попал в список на полет или на место дублера и что официальное объявление об этом будет сделано в надлежащее время. Разумеется, радоваться в этот момент было еще рано. Не стоило особо волноваться всего лишь из-за того, что ты полетишь в

Вустер, где портнихи и портные набросятся на твое тело.

Наша группа из 14 человек занималась в исключительно тесном контакте, отрабатывая месяц тренировок за месяцем. Какие-то незначительные детали, внутреннее чувство и результаты разделили нас на несколько групп. Все мы работали вместе, но кто-то с кем-то подружился, и эти мелочи тоже сказывались.

Я понял это, когда Дик и Ал попросили нас представить собственные оценки всех членов группы в индивидуальном и конфиденциальном порядке. Это задание заставило задуматься – я был одним из самых младших астронавтов и не вполне понимал, чего я стою. Конечно, я не позволил бы никому увидеть даже тень сомнения в себе, и в любом официальном списке Четырнадцати я бы автоматически поставил свое имя первым сверху, безразлично, по какому критерию. Думаю, остальные сделали то же самое.

Реальный список у меня выглядел иначе. Четыре человека стояли на голову выше остальных по летному опыту – Дейв Скотт, Дик Гордон, Чарли Бассетт и Майк Коллинз. На мой взгляд, этим опытным летчикам-испытателям должны были достаться первые места в экипажах. В нижней части моего списка оказались Расти Швейкарт, Уолт Каннингэм и Базз Олдрин. Все они были опытными пилотами, но мы воспринимали их как ученых в нашем коллективе. Расти был дерзким интеллектуалом и чем-то напоминал маленького краснолицего ребенка с острой иголкой в поисках воздушного шарика, который можно проткнуть. За Олдрином закрепилось прозвище Доктор Рандеву, потому что это была единственная тема, которую он мог обсуждать – даже за чашкой кофе. Каннингэм, казалось, намеренно дистанцировался от всех нас. Он мог читать либеральную *Wall Street Journal*, пока остальные пыхтели над новой темой, и он ездил на «порше» вместо «корветта». Думаю, что эта раздражающая привычка стоила ему прогулки по Луне.

Остальные семеро находились в середине без явного порядка, и я действительно не знал, на какое место поставить Джина Сернана в этой схеме. Пожалуй, ниже Бассетта, Коллинза, Гордона и Скотта, но определенно выше Олдрина, Швейкарта и Каннингэма. Быть может, аккурат в середине списка. Если смотреть реальным взглядом, место на «Джемини» мне не светило. Кому-то другому предстояло стать героем.

Пока запуск «Джемини-2» все откладывался и откладывался, США официально открыли ящик Пандоры, который остался в истории под именем Вьетнам. В июле американские эсминцы доложили, что северовьетнамские корабли атаковали их в

Тонкинском заливе, и это дало президенту Джонсону и Конгрессу повод усилить наше присутствие в Юго-Восточной Азии. LBJ шел на перевыборы против республиканца Барри Голдуотера, и его воинственная политическая демонстрация направила Вооруженные силы США на опасный путь – насколько опасный, мы тогда еще не подозревали.

Болди, Скипу и другим моим товарищам по эскадрилье предстояло попасть в самое пекло, но они совершенно не беспокоились о том, что им может достаться. Наоборот, они боялись, что вся заваруха не продлится достаточно долго, чтобы они успели побомбить противника. Нескольких хороших ударов со стороны американской авиации по Северному Вьетнаму должно было хватить. Потом Болди и Скип рассказывали, на какие ухищрения шли пилоты, чтобы получить назначение в первые группы штурмовиков – они боялись, что если эти боевые вылеты достанутся другим, то к моменту, когда они должны будут вступить в бой, «стрелялка» уже закончится. Они ошибались. Вьетнам начал поглощать американские самолеты и их пилотов, как губка, впитывающая воду.

В августе 1964 года мы с Барбарой проехали по Нассау-Бей до Кейп-Багамас-Лейн, повернули направо на Барбуда-Лейн возле местного яхт-клуба и остановились у построенного для нас дома, небольшого бунгало из коричневого камня, который представлялся нам кусочком рая. С годами мы разбили на склоне перед улицей лужайку, построили гараж справа за деревом, залили бетоном террасу и добавили стойку для барбекю. Бассейн в форме почки, бар, шесть сосен вдоль дорожки и несколько клумб придали нам ощущение, будто мы живем как кинозвезды. Впрочем, весь поселок рос и процветал. Легкий деревянный штакетник отделял наш дом от соседнего дома Роджера и Марты Чаффи. У всех были дети, которым предстояло вырасти и вместе пойти в государственную школу.

Наша жизнь казалась нам сладкой и защищенной, но эта иллюзия безопасности и изолированности разбилась вдребезги около 11 часов утра одним теплым октябрьским днем[45].

Тед Фриман, один из самых незаметных членов нашей группы, совершал обычный полет с соседней авиабазы Эллингтон на Т-38 – самолете, с которым он был более чем знаком. На самом деле Тед был летчиком-испытателем во время создания Т-38, знал в нем каждую кнопку и каждый прибор и мог бы лететь с закрытыми глазами. Он заходил на посадку, как обычно, и в этот момент гусь столкнулся с фонарем кабины, разбил его, и куски тяжелого плексигласа засосало в двигатели. Самолет шел все ниже и ниже, Тед пытался взять его под контроль. В конце концов

он сдался и катапультировался, но его парашюту уже не хватило времени, чтобы раскрыться должным образом. Самолет разбился, а Тед погиб – первым из американских астронавтов, но не последним.

Смерть друга опечалила всех участников программы. Мы всегда понимали, что на пути к Луне кому-то предстоит погибнуть, но чтобы тебя убила птица практически рядом с твоим домом? Нам ничего не оставалось делать, как отдать почести Теду, которого похоронили на Арлингтонском кладбище, и вернуться к работе.

А ее у нас было много, потому что трагедия Фримана оказалась не единственным черным днем в октябре 1964 года. Русские снова сделали нас – в то время как мы старались подготовить к испытательному полету второй беспилотный «Джемини», они каким-то образом запихнули троих космонавтов в одно из своих космических пушечных ядер и забросили на орбиту. Советский план отправить в космос сразу троих подвергался критике внутри собственной программы, особенно со стороны одного из ведущих инженеров, которого беспокоила потенциальная опасность. Его молчание было куплено назначением в состав экипажа. Инженер, который официально заявлял, что так лететь нельзя, с готовностью отправился в полет[46].

В действительности «Восход» оказался не более чем еще одним советским рекламным трюком, потому что он не дал ничего для решения сложных проблем встречи и стыковки, которые были необходимы для путешествия на Луну. И, хотя мы этого еще не знали, советское руководство находилось в раздрае, так что полет «Восхода» мог быть последним громким достижением во внутрикремлевской борьбе. За месяц до того, как Джонсон победил Голдуотера и сохранил за собой Белый дом, наш старый заклятый враг Хрущёв был свергнут[47].

И Кеннеди, и Хрущёв с энтузиазмом поддерживали космические программы своих стран. LBJ быстро дал понять, что привержен цели Кеннеди отправить человека на Луну, но вскоре мы в космической программе начали замечать, что его интерес смещается в сторону Вьетнама и дорогостоящих программ создания Великого общества. Нас интересовало, сохранят ли новые советские лидеры ту же приверженность к космосу, какая была у Хрущёва. Оказалось – сохранят.

Настал новый, 1965 год, и в середине января мы наконец смогли отправить «Джемини-2» в успешный испытательный полет, который продолжался всего 18 минут. Я вновь работал за стойкой с табличкой «Баки». Моя часть закончилась в момент,

когда выгорело все топливо ракеты-носителя, и я мог просто сидеть и смотреть, как работают настоящие профессионалы Центра управления полетом. Зал слегка гудел, подобно машине, и был наполнен уверенностью в том, что люди в нем могут справиться с любой проблемой.

В феврале Дик объявил, что на «Джемини-5» полетят Гордон Купер в качестве командира и Пит Конрад как пилот, а дублировать их будут Нил Армстронг и Эллиот Си. Вот и еще четыре места ушли, и никто из Четырнадцати не занял ни одно из них.

На вопрос о том, не потеряют ли Советы темп со смещением Хрущёва, они ответили 18 марта запуском «Восхода-2». Он тоже был изготовлен в виде большого стального мяча для боулинга[48], но с одной стороны имел большую гибкую трубу, чем-то напоминающую огромный шланг для пылесоса. Люки на обоих концах превратили эту безумную штуковину в шлюзовую камеру. Космонавт Алексей Леонов, один из самых отчаянных людей, ныне живущих на свете, наддул свой примитивный скафандр, используя в процессе даже резиновый жгут, затем открыл люк корабля, протиснулся в трубу, закрыл люк сзади себя[49] и стравил воздух. Открыв шлюз с другого конца, он вылетел из него как пробка. В течение 12 минут он «гулял» в открытом космосе – первый человек в истории. Лишь много лет спустя мы узнали, что он едва не погиб, пытаясь забраться обратно в «Восход». Войдя головой вперед в похожую на хобот трубу, он застрял, не в состоянии развернуться, чтобы закрыть за собой внешний люк. А его нужно было плотно закрыть, прежде чем Леонов мог наддуть шлюз и открыть люк корабля. Лишь частично снизив давление в скафандре, Алексей почувствовал себя достаточно свободно, чтобы, изогнувшись, вернуться в безопасное место[50]. Русские тем не менее вновь трубили о победе.

Этот полет имел огромную ценность не только с точки зрения пиара. Мы знали, что русские нуждаются в выходе в рамках их плана полета на Луну, и они только что показали, что это возможно. Если бы я мог предвидеть, что мне предстоит, я бы уделил больше внимания первой маленькой космической прогулке Алексея Леонова.

Я снова работал на консоли «Баки» 23 марта 1965 г., в день долгожданного полета Гриссома и Янга на «Джемини-3». Это был успешный полет: хотя он и продолжался всего три витка, но доказал, что всё оборудование работает и что пилот может осуществить маневр корабля. С технической стороны всё было здорово, но полет получил и немалую публичную славу. Джон Янг и Уолли Ширра сговорились пронести на борт сэндвич с

солониной из кафе Wolfie на Мысе, и когда Джон удивил им Гаса и поделился с командиром, по кабине стали летать крошки. Пришлось срочно упаковать сэндвич и собрать крошки, пока они не стали причиной короткого замыкания. Ничего нельзя проносить на борт, если оно не прошло полные испытания на предмет воздействия на ход всего полета, даже сэндвич из Wolfie. Пресса уделила этой истории столько же внимания, сколько и полету в целом, а Гриссом, Ширра и Янг получили взбучку от руководства. К счастью, на этом эпизод и закончился.

Этим летом первые американские боевые части официально отправились во Вьетнам. Морская пехота высадилась на берег в Дананге, встреченная продавцами мороженого и фотографами новостных агентств. До конца года численность американского контингента во Вьетнаме достигла 200 тысяч, и кровавая битва в долине реки Дранг доказала, что эти низкорослые ребята способны остановить нас. На атаки Вьетконга и Северного Вьетнама против американцев был дан ответ в виде кампании массивных бомбардировок под названием «Раскаты грома», в ходе которой каждый день на протяжении трех с половиной лет на Северный Вьетнам сбрасывалось по 800 тонн бомб и ракет.

Летчик ВМС США с авианосца «Констеллейшн», лейтенант младшей ступени Эверетт Альварез, был сбит во время атаки первой волной и помещен в тюрьму, которая стала известна под именем «ханойский Хилтон». Он стал первым из примерно 600 американских летчиков, захваченных в плен на протяжении многих лет Вьетнамской войны. Еще одним пленным, взятым во время первых ударов, стал мой друг по Институту ВМС Боб Шумахер, который мог бы столь же легко оказаться в нашей группе отряда астронавтов, в Техасе, в полной безопасности. Судьба любит такие шутки.

В 1965 году Трейси исполнилось два года, а Барбара не только освоилась в местном обществе, но и стала чем-то большим, нежели простая жена астронавта. Она научилась участвовать в космической игре не хуже других и стала настоящим партнером в моей карьере. В марте, сразу после полета «Джемини-3», она на четыре дня приехала на Мыс, и мне удалось устроить ей экскурсию по моему второму дому вдали от первого – таинственному городу в песках, где работают ракетчики. Однако она не могла приехать туда на запуск в соответствии с негласным и неписаным правилом: жены астронавтов должны находиться дома, в Хьюстоне, вести хозяйство и улыбаться фотографам. Это было нечестно, но тому имелось несколько причин.

Во-первых, был Дик, который считал, что находящаяся рядом

с тобой жена отвлекает от работы. Поскольку мы ничего не знали о том, на что в реальности Дик обращает внимание при выборе, кому из астронавтов лететь, никто не хотел подвергать опасности свои шансы и пересекать такие линии, пусть даже и невидимые.

Далее, существовало мнение о том, что супругу нужно «беречь». NASA не хотело, чтобы, если на старте произойдет катастрофа, жена стала свидетелем трагедии. Наверное, они просто не понимали, что она будет столь же потрясена, наблюдая случившееся в Техасе по телевизору.

И наконец, была еще одна причина, вставшая во весь рост в самом начале, еще до полетов «Меркуриев», – секс. Множество привлекательных женщин мечтали о любви с героем космоса, а некоторые из них отдали бы все, чтобы переспать с астронавтом. Такое искушение некоторые из нас находили слишком сильным, чтобы от него отказаться. До того, как рок-концерты стали передвижными праздниками секса, наркотиков и рок-н-ролла, роль лучшего шоу в городе играли астронавты. Мы были привлекательными пилотами, склонными к пьянкам, и являлись магнитами для дам. Астронавту, которому хотелось секса, было достаточно оставить открытой дверь в номере отеля – с немалой вероятностью через несколько минут ее могла закрыть за собой хорошенькая девушка.

Жены оставались в Техасе, а Флорида была местом для игры без правил, полным красоток. Если же ты хотел привезти с собой во Флориду жену и детей, нужно было получить согласие Дика и дать знать об этом другим астронавтам. Конечно, люди вели себя по-разному, и некоторые воздерживались полностью, но недостатка в возможностях не было. Один парень полагал, что любая девушка, достигшая 18 лет, заработала право разделить с ним постель, и собирался удовлетворить это право у максимально возможного их количества. А другого астронавта хоронили с проблемами по части протокола: жена стояла возле могилы, а лучший друг покойного незаметно привел на похороны подругу с многолетним стажем.

В середине 1960-х все это полагалось скрывать. Ни один из астронавтов не развелся, потому что такой скандал мог сказаться неизвестным образом на летной карьере. И муж, и жена могли потерять привилегии своего положения. За выпивкой астронавты могли жаловаться друг другу на кошмары семейной жизни, но рекомендация оставалась неизменной: терпи и не попадай Дику на прицел.

До жен доходили всякие слухи, но некоторые из них просто не хотели слышать о девчонках с Мыса. Барбара относилась именно к этой фракции, и в нашем доме вопрос не обсуждался.

Это казалось самым безопасным путем через минное поле, но времена менялись.

«Джемини-4» полетел в июне в четырехсуточный полет с МакДивиттом и Уайтом. Его изюминкой был выход Эда в открытый космос, запечатленный навечно в серии прекрасных фотоснимков. Уайт был физически настолько развит, что так называемая внекорабельная деятельность в его исполнении выглядела легкой забавой. Болтаясь туда-сюда и дрейфуя в космической пустоте, но оставаясь привязанным к кораблю фалом с коммуникациями, по которому он получал кислород и электропитание, Эд держал небольшое ручное устройство для маневрирования и использовал его реактивную струю, чтобы изменять свое положение. Его выход закончился через 21 минуту, и Эд с неохотой вернулся к люку. Если до этого момента все было просто, то забраться обратно в тесную кабину «Джемини» оказалось чертовски сложно, и неожиданно потребовавшаяся тяжелая работа истощила его, невзирая на прекрасную физическую форму. Этот урок просто проигнорировали на фоне прекрасных откликов в прессе, сопровождавших наш первый выход. Как и в случае с Леоновым, всем нам следовало бы уделить больше внимания тому, что в реальности произошло[51].

А тем временем к нам пришла новая группа из шести астронавтов, и ее встретили не слишком радостно. Эти ребята были чистыми учеными, и большинство из них не имело никакого представления о полетах. Появление Оуэна Гэрриотта, Эда Гибсона, Дьюэйна Грейвлина, лейтенант-коммандера Джо Кервина, Кёрта Майчела и Джека Шмитта стало для нас тревожным звонком. Нам казалось, что NASA пытается сдать позиции научному сообществу и добыть доллары и поддержку за обещание отправить в космос нескольких парней с пробирками. Полеты в космос все еще были рискованными и полными неизведанного, и даже лучшие пилоты могли столкнуться с проблемами. Разве не был провален в полете «Джемини-4» сложный эксперимент по сближению с ракетной ступенью, при том что за рычагами сидел такой эксперт, как Джим МакДивитт? Мы не хотели видеть на борту никого, кто не смог бы справиться с задачами пилотирования корабля, потому что, если раздастся сигнал тревоги, у нас не будет времени упрашивать какого-нибудь профессора собрать свой багаж.

Грейвлин оказался наихудшим выбором астронавта за всю историю в результате того, что Национальная академия наук не стала проводить углубленное исследование кандидата, как этого всегда требовало NASA. Нет, с его квалификацией как летного врача ВВС США проблем не было, чего нельзя сказать о его

семейной жизни. Сразу после того, как его отобрали в отряд, жена астронавта, устав терпеть его горячий нрав, подала на развод. Дик вышвырнул Грейвлина столь быстро, что он даже не присутствовал с остальными на традиционном фотографировании новой группы.

Теперь мы знали, как Дик будет реагировать на развод. Хорошо, что меня этот вопрос не беспокоил – у меня семья была крепкая.

Я вновь работал по системе баков при запуске «Джемини-4» – это был первый полет, которым занимался новый Центр управления полетов в Хьюстоне вместо флоридского. Это была важная задача, но я не находил себе покоя. Я не хотел просидеть за этой консолью до того, как какой-нибудь ученый впорхнет в комнату и захватит место на корабле в результате политического маневрирования. Свободные места на «Джемини» исчезали очень быстро.

В марте после приводнения «Джемини-3» освободилась команда дублеров, так что Уолли Ширра и Том Стаффорд стали основным экипажем «Джемини-6». И… не новички, а Гриссом и Янг были назначены их дублерами! Черт побери, ушли еще четыре места, и с ними программа «Джемини» достигла экватора. Мало того, что даже лучшие из нашего набора еще не получили места в экипаже, – время уходило, а я все еще грел сиденье кресла в ЦУПе. Я уже работал на программу полтора года и все еще не имел никакого представления о своем будущем.

Тренировки шли без перерыва, но мы не могли четко уяснить, с какой целью. Все мы съездили в Бостон на обучение по системам компьютерной навигации в Массачусетском технологическом институте, а затем в город Бенд в штате Орегон на более интенсивную геологическую подготовку. Если и когда мы полетим на Луну, мы должны будем хорошо разбираться в том, что увидим на поверхности и под нею. Я обнаружил, что теперь лучше понимаю технический жаргон и теорию горообразования, состав долины и о чем говорит вот этот конкретный камень.

Когда мы были там, Дик собрал нашу группу в комнате мотеля и улыбнулся нам – его морщинистое лицо выглядело в этот момент как неприбранная постель. Это был беззвучный сигнал, потому что улыбался он лишь тогда, когда имел хорошие новости. Так оно и оказалось. «Некоторые из вас немедленно приступят к тренировкам для предстоящих полетов на «Джемини»», – произнес он. Мы вздохнули столь синхронно, что могли бы высосать весь воздух в комнате.

Дик сказал, что Фрэнк Борман и Джим Ловелл, оба из

Девятки, станут основным экипажем «Джемини-7», но при этом Майк Коллинз будет поставлен в пару к Эду Уайту в качестве дублера. По комнате прошелестели поздравления в адрес Майка, и теперь мы ловили каждое слово Дика.

Он объявил, что на «Джемини-8» пилотом основного экипажа будет Дейв Скотт, который полетит с командиром Нилом Армстронгом. Дублирующий экипаж составят Пит Конрад со своим другом Диком Гордоном[52]. Наконец, на «Джемини-9» Чарли Бассетт полетит в правом кресле, а Эллиот Си будет командиром экипажа. Имена дублеров не прозвучали. Никто из присутствующих не возразил. Дейв и Чарли работали на полную катушку и заслужили попасть в основные экипажи первыми из нашего набора. Майк и Дик тоже имели полное право в числе первых перейти на непосредственную подготовку к полету.

Правило ротации экипажей, которое созрело на наших глазах, гласило, что запасной экипаж становится основным на третий полет от текущего. Это означало, что Майк, скорее всего, будет в основном экипаже «Джемини-10», а Дик Гордон попадет на «Джемини-11». Все четверо из тех, которых я оценил наивысшим образом, получили в нашей группе первые назначения, так что Дик, по-видимому, построил примерно такую же шкалу, как и я.

Мы похлопали их по плечам и купили им пива, а когда герои дня разошлись по комнатам, те из нас, кто пока остался прикованным к Земле, осознали, что со стола только что смахнули пугающее количество мест. Если сохранится схема ротации на третий полет, то мы уже знаем все основные экипажи до «Джемини-11» включительно, а всего в программе двенадцать полетов, или десять, если не учитывать два беспилотных. Парни типа Джона Янга и Эда Уайта уже пошли на второй круг, а большие шишки вроде Ширры и Гриссома вполне могут забрать себе мохнатой лапой любой полет, какой захотят. А поскольку никто из нашей группы не мог рассчитывать на место командира, мы заключили, что дублер пилота «Джемини-9» – это единственный оставшийся нам приз. Тот, кому достанется это назначение, попадет затем по ротации в основной экипаж «Джемини-12».

Разгоряченные алкоголем, некоторые начали выстраивать еще более четкую перспективу. Забудем на минуту про «Джемини», не на нем весь свет клином сошелся. Мы тут сидим, тянем пиво и залечиваем раненую гордость, а те ребята, которые уже слетали и имеют уйму опыта, и те, кого уже поставили в график, становятся в очередь на первые полеты «Аполлонов»!

Когда в августе Гордо Купер и Твити Конрад летали на

«Джемини-5», я снова отвечал за наддув баков. Ура, блин…

В новом комплексе Центра пилотируемых кораблей я делил офис с Нилом Армстронгом, но он был так занят предстоящим полетом со Скоттом на «Джемини-8», что я его почти не видел. Я уже настолько отточил свое умение считывать показания давления в баках, что был занят в основном пилотированием офисного стола. Опираясь на диплом Пёрдью и проведенные тренировки, я собирал цепочку из скрепок и думал, как быть. Я прошел школу выживания, я освоил ремесло оператора по бакам, я участвовал в разработке ракеты «Аджена», которая будет мишенью для встречи и стыковки, я делал и сделал всё, что от меня требовали. Я хотел лететь, а вместо этого сидел здесь.

И вот настал день, когда в мою дверь постучали, и высокий, тощий техник из отделения обеспечения полетов просунул голову в офис. «Джино, – произнес он, – Дик хочет, чтобы ты слетал в Вустер и снял мерку на скафандр». Магические слова! Он, наверное, сказал что-то еще, но я не запомнил. Меня как будто обволокло что-то теплое и мягкое, а на лице появилась глупая улыбка.

Прибыть в раздевалку! Кажется, я получил свое!

10
Катастрофа

Официальное объявление последовало 8 ноября 1965 г.: Том Стаффорд будет дублером командира «Джемини-9», а я – дублером пилота. Удача, выдавшая мне именно это место, была из разряда критических. Если сохранится схема ротации на третий полет от данного, то имея за собой место дублера пилота на «Джемини-9», я, по-видимому, буду затем назначен в основной экипаж «Джемини-12». Я почти услышал стоны моих неназначенных собратьев из числа Четырнадцати. *Ну как, черт побери, этот Сернан попал в график?*

Назначения в дублирующие экипажи «Джемини-10, -11 и -12» должны были стать работой без вознаграждения, потому что не будет «Джемини-13, -14 и -15», на которые могли бы уповать эти экипажи. В лучшем случае они смогут надеяться на какие-то места на «Аполлонах», причем далеко не первых, имея жесткую конкуренцию со стороны более опытных астронавтов.

Эллиот Си и Чарли Бассетт немедленно занялись полномасштабной подготовкой к «Джемини-9», и хотя я продолжал следить за баками в Центре управления, параллельно я начал работать с ними в той особой тесной связи, которая возникает между основным и дублирующим экипажами. Стаффорд должен был присоединиться к нам после окончания полета на «Джемини-6» с Уолли Ширрой. Мы должны были стать практически неразделимыми и научиться почти телепатически определять, что сейчас собираются делать остальные парни. Я должен был не только помогать Эллиоту и Чарли подготовиться к их полету: каждый бит этого знания потребуется, когда мы с Томом полетим на «Джемини-12».

Эллиот был невысоким худощавым 38-летним техасцем, уроженцем Далласа с вкрадчивым голосом, голубоглазым шатеном. Его мальчишеский облик и спокойные, но серьезные манеры скрывали внутреннюю силу. Он умудрился пройти в астронавты не по столбовой карьерной дороге. Вместо Вест-Пойнта, Аннаполиса или одного из крупных университетов он стал выпускником маленькой Академии торгового флота США, а затем получил степень в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе. Отслужив морским летчиком, он поступил на работу в подразделение General Electric на авиабазе Эдвардс и в течение 13 лет был летчиком-испытателем, набрав за это время 3200 часов налета на реактивных машинах. Такие блестящие

показатели открыли ему путь во вторую группу астронавтов в числе немногих гражданских, принятых в программу. У него с женой Мэрилин было трое детей.

Чарли входил в мою группу. Он родился в Дейтоне в семье офицера ВВС, в первый самостоятельный полет отправился в 16 лет, учился в Университете Огайо и в Техасском технологическом колледже. В 34 года Чарли был майором ВВС с репутацией великолепного пилота и служил инструктором на авиабазе Эдвардс. Женатый на привлекательной Дженни, он был отцом двоих детей, стриг черные волосы «под ежик» и всегда улыбался.

Моей задачей было повторять всё, что делает Чарли, сделать его готовым к полету в такой степени, в какой только возможно, и тренироваться, чтобы самому сесть на его место, если с ним что-нибудь случится. Мы уже знали на печальных примерах, что неуязвимых астронавтов не существует. Какой-то гусь убил Теда Фримана. Ал и Дик не могли лететь из-за медицины. Уолт Каннингэм едва не сломал шею, прыгая на батуте. Подобное происходило в жизни, и в том-то и состоял смысл существования дублера. Однако Чарли был в прекрасной форме, летчик на пике способностей, полностью уверенный в себе, и всё говорило о том, что так и останется.

Приступая к планированию, мы быстро обнаружили, что нам предстоит тяжелая работа. В одном внутреннем документе NASA говорилось, что план полета «*действительно* амбициозный», причем выделение курсивом придумал не я, оно было изначально. «Джемини-9» будет очень волнующим полетом, и если программу удастся выполнить полностью, он даст опыт, которого обычно не следовало бы ожидать менее чем от трех полетов». Когда такой мобилизующей терминологией пользуются планировщики, пилотам следует отнестись к делу очень серьезно.

«Джемини-9» должен был стартовать на орбиту на «Титане» в мае 1966 года, состыковаться с ракетой «Аджена», запущенной перед ним, запустить двигатель «Аджены» для того, чтобы подняться выше в космос и выполнить несколько сложных процедур встречи. После этого «Аджену» предполагалось оставить, а экипаж принимался за новую группу тестов. Чарли должен был выполнить выход в открытый космос, имея за спиной кресло, известное как «устройство маневрирования астронавта» (все сокращали это название до AMU), и включить его маленькие двигатели, чтобы летать самостоятельно, оставаясь связанным с кораблем лишь длинным и тонким тросом.

Этот выход был исключительно важным для Чарли и для меня, причем у нас было очень мало ценной информации о том, как именно живется человеку вне космического корабля. Русские

не сообщали, что случилось с Леоновым, и успех Эда Уайта привел нас в состояние опасной эйфории. Если бы мы повнимательнее прочитали выводы из послеполетного разбора с ним, мы бы поняли, что, невзирая на отличные фотографии, Эд настолько перегрелся, пытаясь влезть обратно в корабль и закрыть люк, что остывал потом в течение нескольких часов.

Впрочем, Дейв Скотт должен был провести длительный выход из «Джемини-8», который, если все пройдет по плану, мог вовремя дать множество новой информации для работы Чарли. В свою очередь, она проложила бы путь к будущим выходам, в том числе и к моему на «Джемини-12».

Мы с Чарли засучили рукава и стали работать. Мы планировали преодолеть те проблемы, с которыми столкнулся Эд, старомодным методом грубой силы, потому что никакой альтернативы у нас не имелось. У астронавтов никогда не было официальной программы физической подготовки, потому что Дик ожидал, что мы сами предпримем всё необходимое, чтобы всегда оставаться в форме. Это было частью работы, и мы упражнялись в свободное время – играли в гандбол, потели на тренажерах или отжимались от пола в отеле. Философия Дика состояла в том, что если человек не болеет за свое дело в достаточной степени, чтобы оставаться на пике умственной и физической формы, то его можно легко заменить. Мы с Чарли занимались с тяжестями почти каждый день, наращивая мускулы верхней половины тела, и вскоре получили предплечья киношного вида. Он и я ходили по Отделу астронавтов, все время сжимая теннисные мячи. Эти пушистые маленькие шарики раздражали наших коллег. *Завидуйте молча – у меня впереди выход!*

И наконец, как будто мне и без того не хватало волнительных событий, ВМС США произвели меня в звание лейтенант-коммандера, причем досрочно, после всего девяти лет выслуги и пяти лет в звании лейтенанта. Было приятно, что причиной для продвижения оказалась моя работа в качестве военно-морского офицера, а не астронавта. В 31 год я чувствовал, что заслужил новый золотой листок на свой воротничок.

В штаб-квартире NASA и среди руководства Центра космических кораблей при закрытых дверях обсуждались тревожные доклады разведки. Утверждалось, что русские готовятся совершить в ближайшие несколько месяцев в космосе нечто новое, быть может даже попытаться отправить пилотируемую ракету в облет Луны до того, как мы сумеем добраться туда[53]. Как следствие, мыслители из NASA выдвинули идею опередить их, послав «Джемини-12» к Луне, если все испытания в первых 11 полетах пройдут успешно. Планы пяти

последних полетов уже включали стыковку с ракетой «Аджена», запускаемой на орбиту раньше корабля. Наши инженеры нашли, что они могут увеличить тягу «Аджены»[54] до такой степени, чтобы последний «Джемини» мог полететь в дальний космос. Теоретически выходило, что, когда «Джемини-12» достигнет орбиты и состыкуется с «Адженой», более мощный двигатель придаст ей достаточную скорость, чтобы забросить корабль на траекторию, на которой он один раз пройдет над обратной стороной Луны. Они рассчитывали на «эффект пращи», вследствие которого лунная гравитация должна была отклонить корабль обратно к Земле и позволить ему вернуться в атмосферу. Эти люди всерьез рассматривали возможность отправить нас со Стаффордом в облет Луны! Оглядываясь назад, я радуюсь, что они сохранили достаточно здравого смысла и признали эту идею негодной. Мы и близко еще не подошли тогда к возможности послать экипаж в путешествие длиной 750 000 км.

Однако никто из нас не разглядел другой проблемы, гораздо более близкой – этой самой установки маневрирования астронавта. Когда мы с Чарли впервые увидели AMU, мы посмотрели друг на друга вытаращенными глазами. Хм-м-м… ВВС США создавали AMU к тому славному времени, когда их задача будет в том, чтобы господствовать в небесах и летать над строящимися космическими станциями, спасая заблудившихся астронавтов и перемещаясь между разными кораблями. Возможность использовать установку для того, чтобы отправить человека к вражескому спутнику и вывести его из строя, на публике не упоминалась, поскольку предполагалось, что мы не думаем о милитаризации космоса.

AMU к этому времени разрабатывалась уже семь лет. Она выглядела как сундук высотой 90 см и шириной 60 см. На Земле сама установка весила 61 кг, и ее еще должны были заправить 14 кг топлива и кислорода. Она получилась настолько большой, что в космос ее предполагалось доставлять в сложенном состоянии, подобно складному стулу для выезда на природу, на кормовой части конического корабля «Джемини». В невесомости масса и прямоугольная форма AMU никакого значения не имели.

Астронавту предстояло добраться до этого места, подготовить и проверить AMU, сесть на маленькое седло типа велосипедного, зафиксироваться на этом серебристо-белом ящике и спланировать на нем с корабля в космос, управляя с помощью ручек, вмонтированных в подлокотники. Чарли и я провели руками по всему этому нагромождению клапанов, рычагов, приборов и трубопроводов и принялись более внимательно осматривать то, что называлось системой управления и

перемещения. Сопла дюжины двигателей, работающих на перекиси водорода, располагались по углам конструкции, они должны были выдавать порции газа, чтобы стабилизировать устройство и придавать нам движение в космосе. Эти небольшие реактивные сопла выплевывали раскаленный газ, причем некоторые из них крепились аккурат над нашими ушами, а другие смотрели вниз от ягодиц. В одном из первых проектов было даже сопло, которое должно было работать прямо между ногами астронавта! Разумеется, сказали мы. В чем проблема, мы полетим на этой штуке.

Это означало, что портнихи и портные в Вустере должны были сделать для меня и для Чарли пару специальных скафандров, потому что стандартный G4C, ясное дело, не подходил к случаю, когда реактивные двигатели пыхают рядом с задницей астронавта.

Вот что нам предстояло носить:

1. Кальсоны. Белое хлопковое нижнее белье со специальными карманами на поясе для биомедицинской аппаратуры. Датчики размещались по всей груди и по животу.

2. «Комфортный» слой из голубого нейлона.

3. Черная гермооболочка из нейлона, покрытого неопреном.

4. Фиксирующий слой – «кольчуга» из дакрона и тефлона, отчасти похожая на настоящее одеяние рыцаря, которая удерживает гермооболочку и придает ей форму.

5. Семь (по счету!) слоев алюминизированного майлара с прокладками между ними для тепловой защиты.

6. Специальный слой для защиты от попадания метеорных пылевых частиц.

7. Белый внешний слой из нейлона типа HT-1.

Все это вместе было не более чем спецодеждой, защищающей нас от 250-градусного перепада температур между днем и ночью в космосе. Что было реально важным, так это дополнительное теплоизолирующее покрытие ног, чтобы мы не поджарились как бекон на ракетных выхлопах двигателей AMU. Эти «железные портки» делались из 11-слойного термоизолирующего сэндвича из алюминизированной полиамидной пленки и фибергласа, покрытого сверху металлической тканью из ультратонких волокон сплава хромель-R. Чтобы доказать нам с Чарли, что эти штаны из нержавеющей стали действительно могут защитить нас, инженер с газовой горелкой минут пять тщательно прожаривал кусок материала и убеждал нас, что хотя газы из сопел могут иметь температуру до 700˚C, внутри скафандра останется комфортная температура 24˚C. Даже в эпоху френча Джавахарлала Неру и расклешенных джинсов этот наряд

выглядел странно.

А тем временем далеко отсюда, в Тонкинском заливе, сюрприз поджидал Рона Эванса. Возвращаясь из очередного вылета на бомбежку Северного Вьетнама, он увидел растущую перед ним широкую и плоскую летную палубу авианосца «Тикондерога», слегка подправил свой F-8 «Крусейдер», чтобы пройти точно по световому сигналу, зацепил три посадочных троса и благополучно забрался в «гнездо» на стоянке Y. Когда его не взяли в астронавты, Рон получил в Монтерее свою степень и вернулся на флот как раз вовремя, чтобы попасть во вьетнамское пекло. Он выполнил более 100 боевых вылетов и водил молодых, менее опытных пилотов в эти опасные полеты. Мальчишки поражались тому, что может сделать этот спокойный лысеющий летчик.

Вестовой уже ожидал его, когда Рон вылез из кабины, мокрый от пота, в изнеможении. Капитан просил поблагодарить вас, сэр, и, пожалуйста, проследуйте в комнату дежурных летчиков. Волоча за собой шлем и летное обмундирование, Рон с трудом тащился на доклад к боссу, вспоминая последний полет и не находя в нем ничего неправильного. *Зачем я потребовался капитану?* Войдя в комнату, он плюхнулся в кресло и заметил ухмылки нескольких других летчиков. Будучи по натуре терпеливым человеком, Рон решил, что скоро всё разъяснится. Действительно, вошел капитан и зачитал вслух телетайпограмму. Лейтенант-коммандер Рональд Эванс отобран в астронавты и должен немедленно прибыть для прохождения службы в Хьюстон!

Ему предстояло проделать полный круг и вернуться в эту же комнату. Когда через семь лет наш корабль «Аполлон-17» вернулся с Луны, из воды нас достал авианосец «Тикондерога». Флот – это довольно маленький мир.

Рон попал в число 19 новых астронавтов, выбранных на этот раз, и их встречали с радостью, потому что, в отличие от ученых, эти ребята были настоящими пилотами. Я с нетерпением просмотрел список, очень обрадовался, увидев в нем Рона, но стал искать дальше. Несколько месяцев я вел агитацию в пользу Скипа Фёрлонга, но он не смог пройти финальный отбор, и причину я так и не узнал. Мы с ним выпили много пива, мечтая о том дне, когда вдвоем первыми из людей пройдем по Луне. Этого не случилось. Он не попал туда вообще, а я оказался последним. Я был столь же разочарован, как и он.

Появление 19 новичков означало, что контракт на публикации станет еще более хилым, но зато они смогут избавить нас от обязанностей мальчика на побегушках. Теперь у нас будет много новых астронавтов, чтобы выступать перед местными

секциями Ротари-клуба, в то время как остальные будут работать над тем, чтобы добраться до Луны.

Программа «Джемини» шла на очень высокой скорости. Каждый новый полет доказывал, что еще один или несколько элементов космического путешествия могут быть реализованы. «Джемини-3» был пионерской миссией, подтвердившей, что созданная система с экипажем на борту работоспособна. «Джемини-4» продемонстрировал возможность выхода в открытый космос, а «Джемини-5» экспериментировал с полетом большой длительности[55] и с использованием топливных элементов вместо аккумуляторов для электропитания.

Следующим шагом планировалась встреча в космосе, критически важный маневр, потому что в нашей схеме исследования Луны высадившиеся на нее астронавты должны были стартовать с Луны, найти на орбите корабль-матку и состыковаться с ним.

Эту задачу поставили Ширре и Стаффорду на «Джемини-6». Беспилотная ракета «Аджена» должна была стартовать первой и выйти на орбиту ожидания. Затем запускался «Титан», несущий корабль с Уолли и Томом, они догоняли «Аджену» и стыковались с ней.

Однако в день старта[56] «Аджена» взорвалась до выхода на орбиту, заставив отменить полет Ширры и Стаффорда. Теперь им была нужна новая мишень.

Вскоре планировался старт «Джемини-7» с напористым Фрэнком Борманом в качестве командира и пилотом Джимом Ловеллом. У них была незавидная задача определить, способны ли люди выдержать марафонский космический полет длительностью около двух недель, потому что примерно столько требовалось для будущих полетов на Луну. И вот один креативный планировщик миссий подал идею, что раз Борман и Ловелл в любом случае должны лететь, то почему бы не перетасовать график и не запустить «Джемини-6» после «Джемини-7»? В этом случае Ширра и Стаффорд смогут встретиться с Борманом и Ловеллом вместо «Аджены».

«Джемини-7» был благополучно запущен 4 декабря и вышел на орбиту. Ему предстояло летать вокруг Земли целых две недели – это был наш самый продолжительный полет. Запальчивый Уолли видел теперь свою работу исключительно в том, чтобы доказать: пара пилотируемых кораблей может встретиться на орбите, пусть даже они не в состоянии состыковаться. «Джемини» был спроектирован в расчете на стыковку с «Адженой», а не с другим «Джемини». Уолли выбросил из плана полета всё, что не имело отношения к операции

сближения и встречи, и в любом случае не намеревался проводить на орбите кучу лишнего времени, наматывая витки вокруг Земли. А чтобы никто не возражал, при следующем запуске Ширра показал всем, что ему лучше не перечить. Бог свидетель, он был хладнокровным пилотом.

Во время второй попытки отправить в полет «Джемини-6»[57] мощные двигатели «Титана» запустились, стартовую площадку окутали дым и пламя, но чертова ракета не поднималась. Уолли и Том сидели внутри этого огненного шторма, буквально на краю беды, ракета гудела и дрожала под ними. Мы смотрели на происходящее в ужасе, зная, что по всем инструкциям экипаж должен катапультироваться, прежде чем ракета под ним взорвется. Ширра взялся за оранжевую ручку в виде буквы D, которая должна была привести в действие механизм и катапультировать его и Стаффорда из обреченного корабля, но он не дернул за нее! У Ширры были железные яйца. Он нарушил в этот день все правила, но спас программу от потенциальной катастрофы с серьезными последствиями. Запущенные двигатели выключились, неистовый «Титан» успокоился, и тогда Уолли и Том вылезли из корабля и заявили, что о случившемся и говорить-то не стоит. Том, наблюдая за мастером, выучил урок, который ему сильно пригодился в одном из будущих полетов.

«Джемини-6» наконец-то сумел стартовать 15 декабря и нашел на орбите давно уже страдающую команду Бормана и Ловелла. Ширра и Стаффорд помахали друзьям, полетали с ними в тесном строю, сделали несколько снимков и отправились прямым ходом домой. Фрэнк и Джим остались на посту, с каждым витком все более раздражительные, грязные и неприкаянные, а этих витков у них в плане было 206 – 14 суток! В маленькой кабине корабля они даже не могли вытянуть ноги!

Этот полет вывел на передний план проблему, которая мучила всех космических путешественников и интересовала всех болельщиков, – как астронавты писают и какают в невесомости. Это и вправду было сильно не похоже на сидение на фаянсовом троне с почитыванием газеты.

Инструкция «как отлить в космосе» была доведена до контрольной карточки из 20 шагов, озаглавленной «Химическая система измерения объема мочи». Дело в том, что мы хотели всего лишь облегчиться, но доктора желали получить образец с каждой такой попытки. От «Меркурия» и до «Аполлона» процесс был в общих чертах один и тот же. На одном конце системы был астронавт, который накатывал специальный латексный кондом на пенис. Второй конец кондома соединялся с приемником размером с пачку сигарет, который собирал поток мочи. Поворот клапана

закрывал емкость герметически. Когда малое дело было закончено, астронавт снимал кондом и паковал его для последующего использования, и начиналась большая работа. Из хранилища нужно было достать мешок для образцов, должным образом подписать его (имя, дата, время), затем подстыковать к приемнику с клапаном и перелить в мешок некоторую часть мочи. Приемное устройство убиралось на место, а затем остатки мочи смывались за борт, создавая красивое облако ледяных кристаллов.

Эту процедуру дополнял специальный пластиковый мешок треугольной формы, используемый во время старта и при выходе. Всё тот же кондом с отверстием на конце соединял астронавта с этим мешком, который удерживался липучками на месте в нижней части живота. После использования тепло мочи распространялось по животу, и ты всегда тревожился, не лопнул ли мешок.

Лучшим способом покакать было не делать этого совсем. За три-пять дней до старта мы переходили на специальную диету с низким количеством отходов, не притрагиваясь к салатам и маслу, которые способствуют образованию кала. В полете мы ели аналогичную пищу, например, сэндвичи с сыром и обезвоженную пищу, вызывая искусственный запор. В коротких полетах «Меркуриев» и «Джемини» по-большому ходили редко.

В столь тесном объеме, где трудно даже повернуться, а тем более снять скафандр, выполнить данную функцию организма было почти невозможно, если только ты не имеешь способностей циркового артиста. Однако предусматривалась процедура и на этот случай, и в ней использовались «знаменитые синие пакеты», как мы их называли. Нужно было вытащить один специально разработанный синий пластиковый мешок, снять липучую ленту, закрывающую его горловину, и аккуратно расположить его под стратегической точкой попы. Внутрь мешка торчала резиновая перчатка, похожая на обычную кухонную, и с ее помощью можно было вытереться, используя ткань, которая тоже находилась внутри мешка. Самым же сложным делом было убрать мешок с места применения и заклеить его верхнюю часть до того, как часть содержимого выплывет наружу в условиях невесомости. Это не всегда удавалось, и тогда приходилось брать дополнительные тряпочки и ловить вылетевшие частицы. Разумеется, доктора хотели получить образец и от каждой дефекации.

На «Аполлонах» с этим обстояло несколько лучше, главным образом потому, что корабль сконструировали попросторнее: можно было спуститься в нижний отсек оборудования, снять там скафандр и сделать свое дело. Более сложный и дорогой

инструмент, напоминающий канализационную трубу с горшочком наверху, до полета не дошел.

Процедуры такого же рода использовались и в лунном модуле на поверхности Луны. Единственное, чего я не смог принять, это носить на Луне подгузники – огромные «шорты» с большим свободным объемом, которые предполагалось надевать под скафандр на тот случай, если астронавту захочется покакать непосредственно в скафандре во время выхода. Они вынудили нас взять *это* с собой, но не могли заставить надеть.

Умение справиться с естественными функциями организма было необходимо для любого космического полета, и, как правило, не составляло проблемы. Ничуть не лучше перечисленного оказывалась рвота, а наихудшей возможностью был понос. Это просто еще одна особенность, к которой мы должны были приноровиться в нашей специфической профессии.

Джим Ловелл через много лет после полета говорил, что выдержать столь долгое время на «Джемини-7» было ничуть не проще, чем прожить две недели в гальюне, особенно после того, как один из мешков с мочой порвался.

Постепенно мы стали видеть проблему в летных навыках Эллиота Си, какими бы блестящими не были его достижения на бумаге. Не один и не два астронавта, которые летали вместе с ним на Т-38, вернулись с убеждением, что Эллиот не является лучшим из лучших. Дик позднее писал, что видел в Эллиоте схематичного и суетливого пилота. Тем не менее он хорошо сработался с Нилом Армстронгом в дублирующем экипаже «Джемини-5». Оба они были гражданскими летчиками, и их поставили в пару. Большая разница заключалась в том, что Нил летал едва ли не лучше всех в программе. Он пилотировал ракетный самолет Х-15 и заработал «крылышки» астронавта за полет на высоту более 50 миль над Землей еще до того, как стал астронавтом[58]. Очевидно, Дик считал, что если поставить Эллиота партнером к Чарли Бассетту, потенциальные проблемы в кабине корабля можно свести к минимуму.

Как только Том Стаффорд приводнился на «Джемини-6», он поспешил присоединиться ко мне, Эллиоту и Чарли в подготовке к «Джемини-9». Мы вместе работали на тренажерах, изучали полетное задание, учились в классе и проводили много времени в Сент-Луисе, привыкая к кораблю «Джемини-9», изготавливаемому на заводе McDonnell Aircraft Corporation. Это был уже настоящий корабль, а не галлюцинация. Мы могли увидеть его, прикоснуться, почувствовать. Эта машина должна была поднять Эллиота и Чарли в космос.

Я обнаружил, что часто ухожу к концу производственной

линии, чтобы посмотреть на собираемый там «Джемини-12». Этот должен был стать моим, и я хотел присутствовать при его рождении. Пока это был не более чем скелет из стоек и элементов оборудования, лежащих на полу цеха и ожидающих соединения в научное и инженерное чудо. Люки кабины, похожие на используемые на военных самолетах, торчали из колоколообразного титанового корпуса. Внутри будет комплекс электронного оборудования, включающий совершенные системы наведения и навигации и стыковочный радар. Я хотел лично познакомиться с каждым болтом и каждой шайбой и поэтому проводил много времени в разговорах с внимательными, сосредоточенными людьми, которые собирали корабль воедино. Быть может, моя жизнь будет зависеть от качества их работы.

Поскольку нам с Чарли предстояло делать выходы, мы провели много времени вместе в самолетах и выпили пару бутылок пива в барах, упорно работая для полета и только для полета. Вдвоем мы составили команду, которая помогала инженерам LTV Aerospace в Далласе скомпоновать AMU так, чтобы она удовлетворяла всем нашим нуждам. После работы мы иногда чокались, поздравляя друг друга, потому что понимали, что эта реактивная установка – серьезное испытание, что она будет «звездой» космической программы – и она была наша и более ничья! Командиры кораблей, пусть они и опытнее нас, могут выполнить отлично свою работу по сближению в космосе или сэкономить большое количество топлива на спуске, но аршинные заголовки газет достанутся тем, кто выйдет в открытый космос. Будучи новичками, мы пару раз посмеялись над этим, но чувствовали себя уверенно: если кто-нибудь и может укротить это летающее кресло, так только мы.

Бассетты жили в трех кварталах от нас вдоль озера, Барбара и Джинни были хорошими подругами. Поэтому за время подготовки мы провели вместе и множество внеслужебных часов, вместе обедали и подолгу говорили. По мере того, как недели улетали назад, эта дружба крепла, пока мы не стали почти что одной семьей.

Начинался 1966 год, и «Джемини» должны были летать каждые два-три месяца. На март был назначен «Джемини-8»; Нилу и Дейву Скотту предстояло выполнить встречу и стыковку с еще одной «Адженой», а Дейву – провести выход. Затем, в мае, должен был стартовать «Джемини-9».

В последний день февраля Эллиот, Чарли, Том и я залезли в два двухместных самолета T-38 NASA, чтобы перелететь в Сент-Луис и поработать на тренажере на заводе МакДоннелла. У ведущего самолета с номером NASA 901, на котором летел

Эллиот с Чарли на заднем сиденье, был багажный отсек, и мы сложили в него все личные бумаги и идентификационные бэджики NASA, прежде чем в 07:35 утра вылететь из Хьюстона. Прогноз погоды для Сент-Луиса был ожидаемым для этого времени года: видимость 5 км, дождь, мокрый снег. Этого мало, чтобы обеспокоить четверых опытных пилотов, хотя приборные средства могли бы быть получше. В аэропорту прилета был неисправен компьютер, обслуживающий автоматическую глиссаду, так что нам пришлось удвоить внимание. Том пристроился в позицию за крылом Эллиота, когда мы поднимались сквозь легкую облачность над Эллингтоном в яркое голубое утреннее небо. Белые шлемы Си и Бассетта виднелись под фонарем кабины, похожие на пару шариков для пинг-понга в прозрачной пластиковой трубке.

К девяти утра, когда мы добрались до муниципального аэропорта Ламберт – Сент-Луис, погода совсем испортилась. Зимнее небо «дышало» грязной смесью дождя и неровных столбов снега и тумана, которые опускались до высоты 120 метров над уровнем земли. Наши маленькие реактивные машины от фирмы Northrop подбрасывало так, как будто мы бились об острые углы. Мы снижались сквозь эту кашу крылом к крылу, почти не видя друг друга в снежном заряде.

После приземления нам не надо было далеко идти до точки назначения. Завод McDonnell Aircraft Corporation находился рядом с летным полем, и большое здание № 101, в котором собирались оставшиеся корабли «Джемини», стояло всего в 150 метрах от полосы.

При правильном заходе мы должны были выйти из снежной каши на высоте 120 метров и увидеть поле аэродрома перед собой. Однако мы все еще шли по приборам, окруженные облаками и снегом, и мне не нравилось то, что я вижу. Эллиот ошибся с расчетом захода на посадку, мы шли выше и быстрее необходимого и уже слишком близко к полосе.

«У нас нет шансов приземлиться с этого захода», – сказал я Тому.

И тут, непонятно зачем и без какого-либо предупреждения, Эллиот бросил свой Т-38 в сильный левый крен. «Проклятье, – рявкнул Том, – какого дьявола он делает?»

Мы тут же потеряли их и видели лишь водянистые облака и колеблющиеся снежные занавесы, проносящиеся над нашим фонарем. Мы бывали здесь много раз и знали, что не сможем приземлиться с первой попытки. Том убрал шасси и поднял закрылки, а я передал на КДП[59], что мы уходим и сделаем другую попытку. Прошло несколько минут, пока мы набирали

высоту, а затем КДП приказал нам ждать. Мы беспокоились лишь об одном: а что если Эллиот и Чарли ушли на запасной аэродром и увезли с собой в багажном отсеке нашу одежду и портфели? Мы не увидели ни падения, ни взрыва, ни пожара, которые убили двух наших товарищей.

Потом в отчете мы прочитали, что Эллиот продолжал быстрое снижение и успел завернуть за башню КДП, прежде чем понял свою ошибку. Кто-то из них сумел дать форсаж в тщетной попытке вытащить Т-38 из поворота с крутым снижением, но было слишком поздно. Самолет ударился о крышу здания № 101, прокатился до ее края и свалился вниз на стоянку, где и взорвался. Обломки разметало по обширной площади, а обоих летчиков выбросило из кабины.

Пожарные поспешили к горящим обломкам и залили снег толстым слоем пены, из которого выступала лишь часть хвоста как тонкий, покрытый шрамами памятник. Одно крыло все еще лежало на крыше, а второе оторвалось, когда самолет упал на землю. Частично раскрывшийся парашют лежал на грязном снегу, подобный сбитой шляпке гриба. Каким-то чудом сборочная линия «Джемини» внутри здания не пострадала, хотя 14 рабочих предприятия получили ранения.

Сначала не было понятно, кто погиб в катастрофе. Нашли два тела, которые невозможно было опознать, а среди обломков валялись бэджики всех четверых. Пока пожарные тушили пламя, мы с Томом ходили по кругу в 30 км от аэропорта, ничего не зная о случившемся и в раздражении оттого, что диспетчер КДП изъясняется крайне туманно. Они нам ничего не сказали и просто оставили кружить в небе в гордом одиночестве и с ощущением, что нас, кажется, игнорируют. В конце концов топливомер подошел к нулю, нужно было что-то делать, и нам разрешили посадку.

Мы приземлились хорошо и не увидели ни дыма, ни каких-либо признаков аварии. Когда мы бежали по полосе, «башня» спокойно спросила, каковы имена пилотов на самолете NASA 907. Это были мы. «Стаффорд и Сернан», – ответил я. Вот таким путем они узнали, что погибли Чарли и Эллиот. Я запросил, был ли 901-й отправлен на запасной аэродром, но получил в ответ лишь ничего не говорящую инструкцию прибыть в оперативный центр компании McDonnell. Опять ничего… Мы так и не узнали, что случилось, пока не зарулили на стоянку, не открыли фонарь и не увидели группу людей с мрачными лицами, которые нас встречали.

Я немедленно позвонил Барбаре. «Произошла ужасная авария, но я в порядке, – сказал я, глубоко дыша, чтобы немного

успокоиться. – Чарли и Эллиот погибли. Больше я ничего не знаю».

Она все еще была в ночной рубашке, когда раздался звонок, и прямо так осела в кресло, словно убитая. Я попытался утешить ее настолько, насколько это можно было сделать из штата Миссури с холодной телефонной трубкой в руках, и попросил сразу же пойти к Бассеттам.

Для Барбары это был один из самых тяжелых моментов за все годы в космической программе. Джинни, очень симпатичная девушка, прямо-таки кипела от волнения по поводу предстоящего полета Чарли на «Джемини-9», и новость о том, что он погиб, совершенно ее опустошила. И когда Барбара постучала в дверь, чтобы быть рядом с ней в этот ужасный день, стало только хуже.

Смерть Чарли означала для Джинни, что она потеряла не только мужа, но и место на празднике. Барбара чувствовала себя вором, укравшим у лучшей подруги что-то очень важное. Теперь, когда Чарли погиб, на «Джемини-9» вместо него должен был полететь я. Все заголовки газет, все аплодисменты публики, всё преклонение, которое должно было прийти к Джинни, теперь предстояло собрать Барбаре. Об этом тяжело говорить, но она больше не была членом тесной компании жен астронавтов. Джинни осталась одна, с детьми на руках, а в космической программе не было места для вдов и сирот. Это было совершенно нечестно и ужасно.

Когда я положил трубку, мы поспешили на место падения. Я никогда не забуду эту мучительную сцену, при том что я был твердо уверен: эта катастрофа вполне могла не произойти. Через несколько часов Дик Слейтон позвонил Тому и мне и сказал: ««Джемини-9» ваш».

Для NASA настало время похоронить еще двоих, но если сравнить это с безумием, которое окружило «Аполлон-1» всего лишь годом позже, то смерть Чарли и Эллиота осталась лишь небольшой меткой в истории программы. Она шла вперед с еще большим темпом: быстрее, быстрее! Ведь всего за четыре недели до этого беспилотный советский аппарат первым совершил мягкую посадку на Луну.

Если они сделали это с помощью автомата, разве не могут они сделать то же самое с живым экипажем? Мы не могли терять время. Через 48 часов после гибели Си и Бассетта «Джемини-9» выкатили из здания № 101, провезли мимо флагштока, где зимний ветер трепал до половины спущенный флаг, и отправили на Мыс для заключительной подготовки к полету.

Я вновь надел синий мундир, чтобы выполнить печальную обязанность проводить друзей в последний путь. Двумя годами

раньше я надевал его в память о Теде Фримане, теперь – ради Эллиота и Чарли. Из четырнадцати человек в нашей группе двое, Тед и Чарли, были уже мертвы, и никто из нас еще не поднялся в космос. Поминальные службы прошли 2 марта в Техасе в методистской церкви Сибрука и в пресвитерианской Вебстера, и обе были заполнены до отказа. Астронавты на Т-38 пронеслись в небе в строю с промежутком на месте погибшего. Похороны состоялись на Арлингтонском национальном кладбище. Шел дождь, было холодно, я глубоко задумался и вздрогнул от удивления, когда раздались три залпа прощального салюта. *«Вперед, солдаты Христа!»*

Когда мы вернулись к работе, для меня все изменилось. Я был поражен, какая это огромная разница – состоять в основном экипаже и в дублирующем. До этого меня грела мысль о том, что я буду готовиться во всю силу, но работать все-таки доведется другому. Теперь же именно мне предстояло сидеть на верхушке этой чертовой МБР и лететь на ней к небесам, и чувство защищенности растворилось, как сахар в воде.

Программа набрала такой быстрый темп, что всего через месяц после катастрофы был запущен «Джемини-8» с Нилом Армстронгом в командирском кресле и Дэвидом Скоттом, летчиком-испытателем с магистерской степенью из Массачусетского технологического института, готовым к продолжительному выходу. Он располагал лишь ручным устройством с соплами на сжатом газе, подобно Эду Уайту, и не должен был испытывать ракетную установку AMU, но мы не сомневались, что Дейв принесет тонны ценной информации, которую я смогу использовать для подготовки к собственному выходу.

Они состыковались с ракетой «Аджена» и очень быстро попали в серьезную беду. Состыкованные объекты начали вращаться по рысканью и крену, а затем перешли в дьявольскую круговерть, и все это вне зоны связи с ЦУПом. Экипажу было не с кем посоветоваться, а ситуация ухудшалась с каждой секундой.

Они подумали, что источником проблемы является «Аджена», и Нил расстыковал аппараты. От этого проблема только усилилась – маленький «Джемини» стал вращаться с дикой скоростью, делая полный оборот за секунду. «У нас тут серьезная проблема, – умудрился сообщить по радио Дейв, когда связь восстановилась. – Мы кувыркаемся вовсю». Как оказалось, один из двигателей застрял во включенном состоянии и заставил «Джемини» крутиться подобно волчку, так что астронавты были близки к потере сознания. Нил сумел полностью отключить весь комплект двигателей орбитального маневрирования, а затем

медленно успокоил корабль до стабильного положения с помощью малых двигателей системы управления спуском в носовой части. Чтобы сделать это, он истратил большую часть топлива, выделенного на возвращение с орбиты.

Тем не менее они сумели вскоре приводниться в западной части Тихого океана и были спасены американским эсминцем – единственным кораблем, который оказался поблизости. Нил любил говорить, что поставил рекорд, который никогда не будет побит: встречавший их авианосец всё еще ожидал в Карибском море, а он плюхнулся в воду в 13 000 км оттуда, вблизи Окинавы. И несмотря на всю жуть, выпавшую им за десять часов полета, Нил и Дейв достигли важной цели программы: они доказали, что стыковка на орбите возможна.

К сожалению, досрочное прекращение полета заставило отказаться от запланированного выхода Дейва в открытый космос, а я лишился шанса узнать побольше об этой сложной работе. Отсутствие таких знаний очень дорого обошлось мне, когда я вышел наружу из «Джемини-9».

Не потребовалось много времени, чтобы некоторые в Отделе астронавтов начали критиковать работу Нила. *Он же гражданский пилот, и, быть может, слегка растерялся. Почему он сделал это, а не вот это? Они бы не стали крутиться так сильно, если бы он не расстыковался с «Адженой».* Эти великие специалисты по вопросу о том, *как надо было делать*, сидевшие на Земле в то время, как Нил и Дейв боролись за свое спасение в космосе, были безжалостны. В нашем сверхконкурентном братстве облажаться было недопустимо, а если ты это сделал, то можешь заплатить очень дорого. Кто знает, вдруг эти критические речи достигнут ушей Дика и изменят подбор будущих экипажей в пользу того, кто ябедничает? Увы, никто не был свободен от критики, если подал хотя бы малейший повод для нее. Никто.

Тот факт, что нас с Томом назначили после катастрофы в Сент-Луисе в полет на «Джемини-9», не просто изменил список экипажей. Для одного конкретного человека «круги по воде» от этого решения имели историческое значение.

Поскольку мы стали основным экипажем, нам нужны были дублеры. Джим Ловелл, который отлетал на «Джемини-7» и нацеливался на полет на «Аполлоне», согласился *в промежутке* поработать дублером командира «Джемини-10». Базз Олдрин, у которого полетного опыта не было, получил «дохлое» назначение пилотом в этот экипаж[60]. Но когда мы с Томом стали основными на «Джемини-9», Джима и Базза тоже сдвинули вверх по списку и назначили новым дублирующим экипажем для нас. А раз так, уже они оказались в очереди на последний полет в серии,

«Джемини-12».

Нет никаких сомнений в том, что Джим был обречен на полет на «Аполлоне», а вот в отношении Базза такого сказать нельзя. Не вскочив в последний момент на подножку «Джемини-12», он вряд ли попал бы на борт «Аполлона-11» и стал вторым человеком на Луне.

11
Мэр 19-й площадки

Утро вторника 17 мая 1966 г. в Атлантическом океане было ясным и чистым. Авианосец «Уосп» лениво крейсировал примерно в 1900 км восточнее Майами. Горячее тропическое солнце постепенно высушило лужи, которые появились на летной палубе во время вечернего шквала. Члены экипажа бродили возле своих самолетов и вертолетов, а группа гражданских фотографов и репортеров заряжала пленку в фотоаппараты и заправляла бумагу в пишущие машинки. «Уосп» был штатным спасательным кораблем для четырех предыдущих «Джемини» и должен был дежурить в расчетном районе, чтобы через несколько дней выловить из воды Тома и меня. В ангаре у лифта № 3 уже расстелили красную ковровую дорожку в ожидании нашего прибытия.

Когда утреннее солнце продвинулось еще немного к западу и осветило мыс Кеннеди, нас с Томом разбудили в гостинице для экипажей. Мы были готовы через четыре часа и 44 минуты начать 13-й американский пилотируемый космический полет.

Первым пунктом расписания было 20-минутное медицинское обследование. Затем Дик Слейтон и Ал Шепард присоединились к традиционному в день старта завтраку из стейка и яиц, приготовленному нашим коком Лью Хартцеллом, и к последнему обсуждению программы полета. Я изображал каменное, совершенно деловое лицо, но в животе у меня порхали бабочки, потому что я понимал – Этот День настал. После завтрака, надев оранжевую рубашку из банлона и бежевые штаны, я встретился с Ди О'Хара, невозмутимой медсестрой всех астронавтов, и мы отправились в маленькую комнату на частную мессу и причастие, которое провел отец Вермиллион, мой друг; по воскресеньям он служил в скромной деревянной часовне на авиабазе Эллингтон. Мои родители и сестра Ди со своей семьей должны были посетить этим утром церковь Святого Симеона в Беллвуде, а Барбара – покрыть голову шарфом и тоже пойти на утреннее богослужение. Таким образом, Господь был оповещен о моих планах.

Все еще одетые в гражданскую одежду, как будто собирались поиграть в гольф, мы с Томом влезли в небольшой микроавтобус вместе с Диком и покинули гостиницу экипажей на острове Мерритт. Полицейские машины с мигалками сформировали колонну, и мы тронулись. Ликующие толпы махали нам, когда мы пересекли по дамбе пролив Банана-Ривер, и через тщательно

охраняемые кордоны безопасности въехали в стартовую зону станции ВВС США. Вдоль берега возвышался ряд башен обслуживания с кранами, высоких стальных символов космического бизнеса, но вся активность возле них была остановлена и всё отключено, чтобы уделить полное внимание нашему старту.

Микроавтобус припарковался рядом с небольшим трейлером у 16-й площадки, и когда я выходил из машины, то мог видеть, как ракету «Атлас-Аджена» готовят на соседней 14-й. В другом направлении, на 19-й площадке, стоял «Титан-2» с нашим маленьким кораблем «Джемини» в головной части. Этот сукин сын казался огромным. Немногие темные облака портили своим присутствием сияющее голубое небо, и неустанный ветер ранним утром взбивал белые барашки на поверхности океана. Я глубоко вдохнул свежий просоленный воздух, зная, что скоро меня засунут в консервную банку.

За три часа до старта метеоролог сообщил, что эти угрожающие облака, висящие над нашей ракетой, скоро рассеются, и всё будет готово к старту. Ощущение реальности происходящего стало сильнее, когда медики и помогающие им техники приклеили к нашим телам биомедицинские датчики, а затем застегнули нас на пуговицы и молнии, зашнуровали и поместили в громоздкие скафандры. У меня на шее был образок, который я носил много лет – небольшой серебряный кружок с иконой Богоматери Лоретской и подписью: «Покровительница авиации, помолись за меня». В какой-то момент он вызвал горячий спор: доктора настаивали, что образок должен быть не у меня на шее, а в пакете с личными вещами, рядом с обручальным кольцом и тому подобным. Я отказался наотрез, и в конце концов Дик вынес решение: «Если хочешь, Джино, можешь оставить его». Вопрос был исчерпан.

На мои ноги надели эти самые негнущиеся, экранированные металлом штаны, а руки засунули в рукава защитного одеяния. Я попытался сжать пальцы и вновь убедился в отсутствии гибкости скафандра, даже еще не под давлением. Он был толще, чем тот, который носил Том, из-за лишних изолирующих слоев, необходимых, чтобы защитить меня от экстремальных температур, с которыми я столкнусь во время выхода.

Надевание скафандра было спокойным техническим процессом. Никакой славы и никакой церемонии, а лишь кряхтенье от усилий влезть в эти специально изготовленные многослойные одеяния. Я носил его уже много раз, но сегодня ощущал по-новому. Каждая складка, элемент текстуры, запах добавлялись к пьянящему чувству реальности, как будто полотно

космического костюма оставляло индивидуальные отпечатки на моей коже.

Техник дал мне стакан апельсинового сока, и в это время подошел Дик и сказал: «Том, мне нужно переговорить с тобой лично». Я бросил взгляд на Ти-Пи, а он пожал плечами и последовал за Диком в другую комнату. Мне это небольшое совещание не понравилось. До запуска всего пара часов, а босс хочет пообщаться наедине с командиром корабля? Темой беседы не может быть встреча на орбите, погода, вообще любая техническая вещь, потому что тогда в разговоре должен участвовать и я. Поскольку накануне вечером я звонил Барбаре, я знал, что дома тоже ничего не случилось. Следовательно, они вышли поговорить обо мне. Возможно, чтобы напомнить Тому, что я еще новичок – от этого предположения у меня буквально загорелась задница. Какой, к дьяволу, новичок?! Я астронавт, и если они мне не доверяют, то какого черта я стою здесь в этом дурацком скафандре?

Когда они вернулись, оба вели себя так, будто ничего не произошло. «В чем дело?» – спросил я Тома, сдерживая гнев.

«Всё в порядке, Джино. Ерунда».

Лишь через много лет каждый из них по отдельности открыл секрет этого разговора. Он был прост. Выход, который мне предстоял, был очень опасен, и существовала вполне реальная возможность, что произойдет что-то непредвиденное с реактивной установкой или с тросом, и я останусь висеть снаружи корабля, не в состоянии что-либо сделать. Если такое случится, сказал Дик Тому, единственный выбор будет состоять в том, чтобы обрезать трос, закрыть люк и вернуться на Землю без меня. Хороший выбор, правда? Мой друг по прозвищу Мямля дал единственно верный ответ: командир экипажа – он, и только Томас Стаффорд, а не кто-нибудь на Земле, включая и Дика Слейтона, будет решать, что делать, если сложится такая ситуация.

Мне не нравилась идея стать спутником по имени «Сернан», но я давно уже понял, что такая опасность существует. Я знал, что Том не сможет втащить меня обратно в корабль, если я сам не сумею справиться с проблемой. Конечно, он бы стал работать как дьявол, чтобы спасти меня, но в конечном итоге оказался бы вынужден меня бросить, потому что другого решения не было. Мы оба знали это. Такова была плата за вступление на новую территорию.

Они подстыковали наши шлемы, подключили подачу кислорода, и мы больше не могли ни коснуться внешнего мира, ни почувствовать его, ни услышать. Мы с Томом в этот день стали

другими по отношению ко всем остальным созданиям на Земле. Мы должны были дышать чистым кислородом в течение трех следующих часов, чтобы ткани наших тел избавились от азота, который может образовать пузырьки в крови при резком снижении давления. Примерно такое же болезненное состояние испытывает дайвер, который слишком быстро всплывал в воде.

Теперь не было и никакой связи, даже по радио, пока мы не сядем в корабль. В течение 45 минут мы лежали как спеленутые мумии на креслах в трейлере, медленно дыша и приспосабливаясь к той среде, в которой нам предстояло прожить трое суток. С такой тишиной я не сталкивался еще никогда. Свист кислорода, звуки вдоха и выдоха, и всё. В этом особом молчании я был наедине со своими мыслями о том, куда я вот-вот должен отправиться, и почти что слышал биение своего сердца. *Я сяду на верхушку ракеты и полечу в космос, и буду вписан в историю.* Если я и боялся, то не чувствовал этого, потому что был слишком взволнован.

Они помогли нам встать, затем подключили контуры скафандров к переносным источникам кислорода, и, подобно бабочкам из куколки, мы появились на свет в новом виде. Переваливаясь с ноги на ногу по дороге к микроавтобусу, мы теперь были одеты как астронавты, космические герои. Камеры щелкали и вспыхивали, и я осознал, что внимание всего мира сосредоточено сейчас на нас двоих.

В четверти мили отсюда, на 19-й площадке, нас ждал «Титан», безжизненный и странно молчаливый, как будто он хранил какой-то секрет. Он был намного крупнее, чем ракеты «Редстоун» и «Атлас», на которых улетали астронавты «Меркурия», но он и поднимал большую массу на большую высоту. Наш корабль «Джемини» на самой верхушке, казалось, находился в непрочном равновесии.

У ярко-оранжевой башни обслуживания не было толпы – лишь техники, которые делали свою работу, и, если не считать нескольких улыбок и поднятых вверх пальцев, нас почти никто не заметил. Они уже повидали немало астронавтов. Мы поднялись на громыхающем лифте, наблюдая, как сияющая металлическая шкура высокой ракеты ползет вниз мимо нас, а затем прошли по мостику из открытой металлической решетки, которая позволяла глядеть прямо вниз до уровня земли. Через небольшую дверь мы попали в «белую комнату», в чистую зону, где царил Гюнтер Вендт – беженец из Пенемюнде[61], который теперь возглавлял группу стартовых операций. Все здесь, в том числе и наши дублеры Джим и Базз, были одеты в длинные белые халаты и белые шапочки и напоминали гробовщиков.

Залезть в корабль «Джемини» было все равно что надеть на себя огромный стальной корсет. В нем совершенно не было свободного места, ни дюйма, и в результате Тома и меня запихнули в пространство размером не более переднего сиденья современного компактного автомобиля, которое мы еще и делили с приборной доской величиной с небольшой холодильник. У каждого из нас было меньше места, чем у единственного пилота «Меркурия». Даже в идеальных условиях залезть в корабль не так-то легко.

«Гробовщики» направляли нас через люки, и мы втиснулись в кресла и легли на спину. Громоздкие скафандры не позволяли свободно двигаться, а они ведь еще были не наддутые и мягкие. Мои специальные штаны из тканых стальных волокон зафиксировали ноги в определенном положении. Техники затянули нас ремнями, подстыковали шланги с кислородом и с проводами системы связи и аккуратно взвели опасные катапультные кресла. Мы стали частью машины.

Гюнтер взглянул на меня сквозь толстые очки в черной оправе и еще раз осмотрел внутреннюю часть корабля. Удовлетворенный, он похлопал меня по шлему и показал большой палец – это его традиционное благословение, с пожеланием каждому астронавту «С Богом!» с сильным немецким акцентом. После этого мой люк был закрыт и заперт снаружи. Если у тебя клаустрофобия, тебе не место в космической программе. Том и я были запечатаны в этом похожем на гроб корабле, как маринованные селедки в консервной банке. Я попробовал извиваться, изгибаться и смещаться в кресле, пытаясь так расположить скафандр, тяжелые специальные штаны, нижнее белье, перчатки, ботинки и шлем, чтобы получилось хотя бы отчасти комфортно. Невозможно! Естественно, у меня начало чесаться там, где было невозможно почесать. Оставалось дышать кислородом, слушать радио и ждать. Утренний свет лился внутрь через два небольших окошка, но всё, что мы могли видеть, – это голубое небо. Закрытый в крохотном корабле на заправленной ракете, я знал, что пути назад нет. Оставалось только лететь. Благодаря месяцам тренировок всё казалось и выглядело знакомым, но сегодня это была не тренировка. Всё происходило на самом деле.

На лужайках в Беллвуде и Нассау-Бей паслись стада репортеров. Один дилер по такому случаю одолжил маме и папе цветной телевизор, и знакомые и друзья собрались посмотреть старт вместе с ними. Папа взял недельный отпуск и имел достаточно времени, чтобы наблюдать весь полет. В средней школе Провизо, где я дважды выступал за последние месяцы,

учащиеся заполнили аудиторию, чтобы следить за стартом по расставленным на столах телевизорам.

Барбара в белом платье, подчеркивающем ее загар, сидела сразу перед двумя телевизорами в нашем доме на Барбуда-Лейн. Рядом с ней была ее мать, нервно сжимающая руки. Рай Фёрлонг, которая жила теперь в Коронадо в Калифорнии, где служил в составе авианосной группы Скип, и миссис Кук, наша хозяйка из Дель-Мара, прилетели, чтобы быть рядом с Барбарой. Пришли еще несколько жен астронавтов. Моя трехлетняя Трейси с яркой лентой в волосах проводила время с цветными карандашами и за игрой с лучшей подругой Эми Бин, дочерью Алана Бина и его жены Сью. Продюсер NBC Фред Рейнстейн привез Барбаре три бутылки шампанского – их предполагалось открыть при запуске, во время выхода и после посадки.

Пятнадцатиминутная готовность по системе «Атлас-Аджена». Мы на «Титане», уже в корабле и в полной готовности, нам предстоит пуск через 100 минут после «Атласа». Под нами, в брюхе ракеты «Титан», спокойно ждут почти 115 кубометров охлажденного топлива – ядовитой четырехокиси азота и смеси под названием «аэрозин-50». Эти две жидкости – плохие соседи: когда откроются клапаны в содержащих их баках, оба компонента будут распылены через форсунки в камеру сгорания, встретятся и сдетонируют при соприкосновении. Этот контролируемый взрыв и отправит нас в космос. Медленно проходили секунды, эти маленькие камушки времени. Они казались огромными булыжниками, которые теперь вместо бабочек ворочались у меня в желудке.

Но перед тем, как «Джемини-9» сможет подняться хотя бы на дюйм, должна была улететь эта птица ценой в 13 миллионов долларов – система «Атлас-Аджена», стоящая всего в 1800 метрах от нас. Ракета «Атлас» – одна из самых надежных в арсенале ВВС США, она подняла в космос Джона Гленна и других астронавтов. Она летала уже почти десять лет, запущено было примерно 300 таких ракет с прекрасным показателем надежности в 95 %. Из 60 последних «Атласов» потерпели аварию лишь два.

Комбинация «Атлас-Аджена» была рациональна от острого носа и до небольших стабилизаторов в хвосте, и очевидным образом делилась на нескольких частей. Ускоритель по имени «Атлас»[62] представлял собой нижнюю секцию. Сверху к нему стыковалась восьмиметровая «Аджена», а у нее на верху был смонтирован стыковочный конус, к которому после сближения на орбите должен был пристыковаться наш «Джемини». На старте тупой передний конус был закрыт фибергласовым аэродинамическим обтекателем, который и являлся гладким

острым носом системы, необходимым для прохождения через плотные слои атмосферы. Перед самым выходом на орбиту небольшие заряды должны были разорвать два узких стальных обруча, которые удерживали вместе две половинки обтекателя, и те улетели бы назад, освободив стыковочный конус.

Мы с Томом были включены в циркуляр и слышали, как наземная команда ведет заключительный отсчет перед стартом «Атлас-Аджены». Всё шло хорошо. Я пробежал глазами по приборам и убедился, что мои руки находятся далеко от D-образной ручки между ногами. Если я дерну за нее, мое катапультное кресло будет выброшено из корабля вместе со мной. Но это в аварийной ситуации, а я не хотел иметь к таковой никакого отношения, и всегда считал, что крайне глупо крепко удерживать такую ручку, когда тебя трясет и толкает во время полета ракеты. Я пришел на борт, чтобы лететь, а не спасать себя. Мой пульс немного повысился по отношению к нормальным 65-70 ударам в минуту.

План полета говорил, что после того, как «Аджена» отделится от пустого «Атласа» и достигнет орбиты[63], она вновь пройдет над Мысом в конце первого витка вокруг Земли. Ровно через 99 минут и 9 секунд после ее запуска мы стартуем и начинаем космическую погоню длиной в 130 000 км, чтобы настичь ее через три с половиной витка.

Пора! Телевизионные камеры передают изображения двух стройных ракет, ждущих почти что бок о бок, на всемирную аудиторию. Спокойный голос Ала Чопа в Центре управления убеждает публику в том, что все системы в порядке.

«Т минус 60 секунд, – произнесла Барбара, когда отсчет перед запуском «Атласа» достиг минутной отметки. – Девочки, скрестите пальцы».

Марта Чаффи стала считать, а ее муж и мой приятель Роджер присматривал за моими, готовый ответить на вопросы и успокоить. Барбара схватила Трейси одной рукой и свою маму – второй.

«Пять, – пропела Марта, – четыре… три… два… один!»

В 10:15 утра вспыхнуло пламя, заклубился дым, раздался грохот, и «Атлас-Аджена» стала мягко и спокойно подниматься над Мысом в вихре цветов. Земля сотряслась – я почувствовал, как мощная вибрация прошла по нашей ракете снизу доверху, и приглушенный рев заполнил мой шлем. Серебристая ракета-мишень взбиралась в небо, балансируя на струе огня, яркой, как солнце, и умчалась, пронзив маленькое белое облако над головой. Я удовлетворенно кивнул. *Давай, малыш, давай. Встретимся наверху.*

«Смотри на эту ракету, Трейси», – сказала Барбара, указывая на экран телевизора и обнимая нашу дочь. Все в комнате кричали и хлопали в ладоши, пока «Атлас» набирал скорость. Эйфория, которая автоматически охватывает всех наблюдающих за запуском, передалась даже репортерам на лужайке. «Атлас» тем временем все наращивал скорость. *Давай, давай, давай!*

«Папа, папа!» – закричала Трейси, прыгая на подушке.

«Нет, это не папа», – ответила Барбара.

«А кто в ней?»

«Никого».

Да, спаси Господи, никого.

Всего через 130 секунд после этого один из двух главных двигателей «Атласа» сошел с ума. Колоколообразное сопло, которое направляет тягу ракетного двигателя, качнулось и затем ушло вбок до упора, и, поскольку двигатель все еще работал в полную силу, перевело «Атлас» в кувыркание, из которого он уже не смог выйти. Спустя десять секунд эти двигатели выключились, как положено, «Аджена» отделилась, но было слишком поздно, слишком низко, слишком быстро и вообще всё не так[64]. Вся конструкция рухнула в Атлантику, оставив причудливый дымный след, повисший в воздухе подобно гигантскому знаку вопроса, примерно в 260 км от Мыса. «Мы потеряли ее, – тихо сказал Ал Чоп потрясенной аудитории. – Мы потеряли птичку».

Мы с Томом остались сидеть на заправленной МБР «Титан», в полном снаряжении, но без той цели, к которой собирались устремиться, и весьма впечатленные самой свежей демонстрацией закона Мёрфи – если что-нибудь может пойти неправильно, то обязательно пойдет. Американские ракеты все еще умели взрываться.

«О, *shit*», – произнес Том, но этот комментарий ребята из службы связи с общественностью облагородили, прежде чем передать аудитории. Я все еще сжимал побелевшие кулаки, когда руководитель миссии Билл Шнейдер отменил наш старт. Красная ковровая дорожка на «Уоспе» должна была пролежать намного дольше, а принесенная Фредом бутылка шампанского на запуск осталась запечатанной.

Мы с Томом приступили к трудоемкой процедуре выхода из тесного корабля, когда к нему от башни обслуживания вновь подвели поворотные опоры и зафиксировали их на «Титане». Мы аккуратно вернули на место чеку в каждое из кресел, чтобы обезопасить их от срабатывания, и команда Гюнтера открыла наши люки. Мы выползли обратно в реальный мир – оч-ч-чень осторожно, потому что ракета «Титан» все еще была заполнена топливом до краев.

Сняв шлемы, мы долго ехали на лифте вниз. Тело «Титана» ползло мимо нас, на этот раз в неправильном направлении, и я повернулся к Стаффорду, который уже дважды прошел через отмену старта. «Черт побери, Том, – спросил я, – ты все время вот так зарабатываешь себе на жизнь?» Я был усталым и разочарованным, совершенно опустошенным, но заметил и странное чувство облегчения. Х-ха, астронавты, конечно, держат такие мысли при себе.

В Беллвуде мама пригласила репортеров помочь съесть всю еду, запасенную в холодильнике, – не пропадать же добру.

Барбара несколько мгновений тихо и недвижно сидела на диване в доме в Нассау-Бей, кусая губы и уйдя в свои мысли. Телевизор пестрел изображениями ракеты, которая разрушила сама себя, а ее муж все еще был привязан к соседней ракете. Ее мама тихо заплакала, и это вывело Барбару из забытья. Собравшись, она вновь превратилась в Миссис Астронавт. Взяв Трейси на руки, она вышла из дома к репортерам. «Мы лишь отступим и попробуем снова, – сказала она с вымученной улыбкой. – Джин – пилот, он знает, что нужно достойно встречать неприятности». За несколько прошедших лет у нас появилось много друзей из числа журналистов, постоянно освещающих космическую программу, и страх, который мы изначально испытывали перед прессой, стал не столь острым.

А в доме у Тома Фей Стаффорд произнесла то слово, которое навсегда приклеилось к «Джемини-9». «Я думаю, что на мне лежит проклятье», – сказала она, и пресса зацепилась за это.

Мы вернулись в Хьюстон, чтобы побыть несколько дней с семьями и возобновить тренировки на тренажерах, а тем временем мозговой трест NASA срочно заседал в попытке решить, что делать дальше. Наш полет был отложен более чем на две недели, и эту задержку следовало рассмотреть в контексте всей программы отправки человека на Луну, потому что время уже поджимало. Проблема с «Атласом» перед «Джемини-6», гибель Си и Бассетта, катастрофа, едва не случившаяся с «Джемини-8», а теперь и авария «Джемини-9» из-за еще одной оплошности «Атласа» изменили весь график. День проходил за днем, и вся программа сдвигалась все дальше вправо. Наконец они определили, что мы можем – при отсутствии новых крупных неприятностей – провести четыре оставшихся полета «Джемини» до конца года и не помешать старту «Аполлона» в январе 1967 г. Это было возможно, если – очень серьезное «если» – мы будем запускать оставшиеся «Джемини» с фантастической частотой, раз в два месяца.

В этом случае осталось бы три года на то, чтобы выполнить

обещание Кеннеди и добраться до Луны до конца десятилетия. Не слишком много времени, если учесть, что до Луны четыреста тысяч километров, а мы все еще едва освоили полеты вокруг Земли, а иногда неспособны даже стартовать с нее. Давление было невероятным.

Помимо задержки графика, имелась и еще одна серьезная проблема. Компьютеров, необходимых для того, чтобы долететь до Луны, а тем более чтобы выполнить посадку на нее, еще просто не существовало. Действительно, одной из моих обязанностей на «Джемини-9» было, используя карандаш с ластиком на другом конце, блокнот, таблицы и логарифмическую линейку, выполнить некоторые вычисления в интересах встречи и стыковки, в то время как Том будет через свое окно визировать звезды с помощью похожего на секстант устройства. В общем-то, эта технология была недалека от той, с помощью которой Колумб прокладывал свой путь в Новый Свет. Я бы отдал правую руку, чтобы иметь возможность перенести в то время современный персональный компьютер, запустить под Windows программу, запросить навигационный спутник, ввести формулу и подождать, пока на жидкокристаллическом экране появятся точные данные о курсе. Современный наладонник в 500 раз производительнее того вычислителя, который мы имели на «Джемини-9». В 1966 году большая часть компьютеров была размером с корову, Кремниевая долина – одним из калифорнийских пастбищ, а Биллу Гейтсу, гению Microsoft, исполнилось лишь 10 лет!

Наш главный вопрос после отмены пуска состоял в том, сколько времени потребуется, чтобы вновь подготовить «Джемини-9» к старту. У нас не было другой «Аджены», готовой к полету, а без мишени мы не могли провести важные испытания по встрече. Однако в NASA хватало креативных инженеров, и они припасли ответ еще до того, как был задан вопрос.

После того, как «Аджена» взорвалась перед запуском «Джемини-6», NASA заказало альтернативную, более дешевую стыковочную мишень. За какой-то миллион долларов McDonnell Aircraft Corporation изготовила короткую штуку с длинным названием «увеличенный стыковочный адаптер мишени», что по-английски сокращалось до ATDA, а в обиходе вскоре стало называться «пузырь». Она уже пару месяцев проходила испытания на Мысе. Было решено вывезти на старт очередной «Атлас» и поставить на него этот «пузырь» вместо «Аджены». В сущности это была труба длиной 3,5 метра и диаметром 1,5 метра. Передний конец выглядел примерно как у «Аджены», там был стыковочный конус. Его закрывал обтекатель, который должен сброситься с выходом на орбиту.

Основная разница состояла в том, что «пузырь» не имел мощного двигателя «Аджены», который был нужен нам, чтобы подняться на большую высоту, а это было одним из основных заданий. Единственными двигателями на ATDA были два контура малых сопел, для стабилизации мишени во время встречи. Хорошая новость, однако, заключалась в том, что все прочее оставалось в силе. Старт был теперь назначен на 1 июня.

Летний дождь вымыл мыс Кеннеди в последний день мая, в то время как мы спешно закрывали последние вопросы, встречались с официальными лицами, тренировались в спортзале и беседовали с семьями. Мы рано ушли спать, а техники на площадке с любовью готовили нашу птичку в течение всей ночи.

Мы проснулись 1 июня в 05:11 утра и увидели полосы черных туч, висящих над темным океаном подобно траурному крепу. Однако спецы по погоде сказали нам, что волноваться не надо: в течение нескольких часов они уйдут, а ураган Альма еще слишком далеко, чтобы побеспокоить нас. Предстартовые операции во второй раз казались более рутинными, и к тому моменту, когда на меня надели шлем, чтобы я начал дышать кислородом, у меня было счастливое чувство déjà vu – всё это я уже испытал. После переноса моя уверенность возросла.

План полета был существенно изменен в той части, которая касалась использования ATDA вместо ракетной ступени «Аджена». В случае, если «пузырь» не выйдет на орбиту, мы просто исключим связанную с ним часть графика и отработаем технику встречи на выгоревшем теле ракеты «Титан», которая доставит нас в космос, а потом сконцентрируемся на моем выходе.

Мы с Томом вновь поднялись на лифте на десятиэтажную высоту «Титана». Нас вновь запихнули в корабль, и это было похоже на то, как человек вставляет ногу в ботинок с помощью рожка. Шел двойной предстартовый отсчет. На этот раз «Атлас» отработал отлично, стартовав с Мыса всего на три секунды позже расписания[65] и поднявшись вверх с ошеломляющей скоростью. Ракета достигла требуемой высоты и скорости, «пузырь» отделился по расписанию и менее чем через семь минут после того, как покинул старт, он уже оказался на почти круговой орбите.

Отлично, теперь у нас есть цель, так что давайте до нее доберемся. У нас было всего шесть минут для старта, с 11:38 до 11:44, когда ATDA вновь пройдет над Мысом. Мы намеревались догнать ее над Тихим океаном примерно через три витка, а затем состыковаться над территорией США при ярком дневном свете.

И тут заговорило радио. Озадаченные операторы заподозрили, что всё-таки что-то пошло не так, потому что на

пульте ярко горел транспарант, говорящий, что большой фибергласовый обтекатель, прикрывавший носовую часть «пузыря», мог не отделиться, как требовалось. После короткого совещания было решено, что мы продолжаем работать по плану и отправимся посмотреть на эту чертову штуковину, чтобы понять, что произошло.

Отсчет не прервался ни на мгновенье. Час. Полчаса. Пятнадцать минут. ATDA пересекла с запада побережье Калифорнии и шла в нашу сторону. Пять минут. Четыре.

Приготовились, старт всё ближе. Пределами моего существования являлись теперь стенки «Джемини», если не считать небольшого окошка, через которое не видно ничего, кроме отдельных облаков. Я начал глубоко дышать, чтобы подготовиться к перегрузкам во время запуска, и просматривал мигающую приборную доску с огоньками и приборами, обмениваясь данными с ЦУПом во время заключительного отсчета. Три минуты. Все параметры в зеленой зоне. Две.

Компьютер в ЦУПе отправил стандартное обновление для бортовой инерциальной навигационной системы, которой предстояло немного изменить нашу траекторию – так, чтобы вывести нас точно в хвост «пузырю»[66]. И где-то во внутренностях нашего «Джемини» система решила не принять эти данные. Прежде чем мы смогли отреагировать, компьютер повторил попытку и предложил информацию вновь, и наш «мудрец» снова отказался ее воспринять. В ЦУПе и на корабле зажглись тревожные индикаторы.

Тик-так. Тик-так. Одна минута. Пятьдесят секунд. Нужно принимать решение.

Стоп отсчет! Проклятье!

Отсчет отведен на трехминутную отметку, чтобы компьютеры могли «переговорить» между собой еще раз. *Чертова проблема!* Остановка. Попробуем еще раз. «Пузырь» беззвучно проходит над нами, ожидая, что мы вступим в игру. У нас всего шесть минут «окна», в течение которого мы можем стартовать, и компьютеры пожирают это драгоценное время. Еще один сигнал, еще один отказ принять данные – и всё. Время вышло, наш старт отменен во второй раз[67].

Мы подошли так близко, что я не мог поверить, будто что-то может вызвать такую внезапную остановку.

ЦУП соединил меня прямо в корабле по частному каналу связи с моим домом в Нассау-Бей. Барбара подняла трубку в спальне, куда спряталась от всех. Я услышал, что она плачет. «Ну ладно, мы с каждым разом подходим всё ближе», – пошутил я, пытаясь ее утешить. Наше общее разочарование почти что

ощущалось кожей, связывая нас через сотни миль от Техаса до Флориды. Я отправил ей еще один букет цветов, чтобы помочь справиться с волнением. А пока мы тихо говорили друг с другом, я увидел, как ребята из стартовой команды открывают люки. В Беллвуде отец начал сомневаться, успею ли я улететь до того, как кончится весь его отпуск.

Для встревоженной Фей Стаффорд этого оказалось достаточно. Она не вышла поговорить с репортерами. Слишком много неправильного уже случилось с полетами ее мужа. В Уэзерфорде, штат Оклахома, на родине Тома, его мать Мэри встала рано, чтобы посмотреть запуск, и теперь хотела, чтобы он позвонил, чтобы она могла лечь поспать снова. Мэри Стаффорд прибыла на Запад маленькой девочкой в фургоне переселенцев и не обращала внимания на мелочи.

Теперь старт был отложен всего на двое суток. Этого хватало, чтобы вновь заправить нашу ракету, проверить компьютеры, найти неисправность и доставить нас на 19-ю площадку. Мы еще раз отметили отмену старта, но сидели недолго, потому что все шутки уже приелись, а давление было таким, будто что-то мерцало перед глазами. В итоге мы зашли в Wolfie, где обсудили ситуацию, а я сжевал сэндвич с солониной и бастурмой, заедая его огромным кошерным соленым огурцом. Поступило указание, что мы назначены на 08:39 утра в пятницу 3 июня, когда «пузырь» вновь проплывет над Мысом.

Тем временем наземная команда пыталась понять, что могло случиться с этим фибергласовым обтекателем, который закрывал нос «пузыря». Если он не сошел, то попытка стыковки будет бессмысленной, потому что мы не сможем добраться до причального конуса. За столом для совещаний родилась среди прочих и такая идея: раз Сернан всё равно будет выходить в открытый космос, быть может, он заодно посмотрит на этот обтекатель и встряхнет как следует, чтобы он слетел? Конечно, в нем два с лишним метра в длину, и на Земле он весил 140 кг, но в космосе-то он не будет весить ничего, говорили люди, которым не грозило проделать это на практике. Почему бы на самом деле не пнуть его как следует и не посмотреть, что будет? Я полагал, что эта идея совершенно дурная, но если они хотят именно этого, то могу и попробовать.

В пятницу мы проделали всё описанное выше в третий раз. По дороге к старту Дик передал нам вырезанный из картона макет спички размером с хорошую дубинку, с красно-белым наконечником, и сказал, что мы можем использовать ее, чтобы зажечь ракету, если всё остальное не принесет результата. «Давай так и сделаем», – немедленно ответил Том. Он злился, узнав, что

его называют мэром 19-й площадки с учетом проведенного там времени.

Какой-то остряк повесил на двери лифта башни обслуживания записку: «Том и Джин, учтите, что этот лифт больше вниз не ходит. Доброго полета!» Под запиской подписалась команда, готовившая корабль. Все изобразили широкую улыбку. К счастью, мы не могли переговорить с ними лично, но юмор в этот день был определенно мрачным.

Джим и Базз в течение трех последних часов проверили в корабле каждый выключатель и объявили его готовым. Они тоже не удержались от подколки. Когда мы вошли в «белую комнату», то обнаружили на наших люках стихотворное послание следующего содержания:

Мы раньше шутили, ребята,
Но больше шутить не будем.
Отправьте в космос свои… э-э-э… себя,
Или дайте дорогу людям.

Джим и Базз

Я снова усмехнулся и подумал, что скорее в аду наступит прохлада, чем Базз Олдрин полетит пилотом «Джемини-9» вместо меня.

Парни в Центре управления отработали много долгих и тяжелых смен с момента нашей последней попытки, отказываясь уйти с поста, пока наш «Титан» не отправится туда, где ему надлежало быть. Причина неисправности, которая остановила старт в среду, оказалась в системе наведения, сделанной примерно из 2000 частей, где два маленьких модуля, каждый размером с ноготь, отказались «разговаривать» между собой. Новые блоки были испытаны по сотне раз, чтобы убедиться, что они работают, и лишь после этого установлены в корабле.

Примерно в тот момент, когда «пузырь» вновь пересек берег Калифорнии, уже на 30-м витке вокруг Земли, «белая комната» отошла от «Титана» и мы в третий раз остались одни – пара ничтожных человеческих существ, сидящих на носу МБР. Мы могли видеть лишь друг друга, а весь остальной мир уменьшился до радиоголосов в наших ушах. У меня было хорошее настроение. Брызнувший в кабину утренний свет я счел добрым предзнаменованием.

Отсчет шел гладко. На двухминутной отметке, когда компьютер сбойнул в прошлый раз, ЦУП выдал последнее уточнение в многократно испытанную систему инерциальной

навигации, и корабль вновь отказался принять эту передачу. *Только не это!*

Но на этот раз инженеры приняли необычное и не техническое решение. Черт с ней, ведь предыдущее уточнение траектории было сделано лишь 15 минут назад, его должно хватить[68]. Мы не будем останавливать отсчет! «С третьей попытки – вперед», – проворчал Том.

Отсчет дошел до отметки 10 секунд, и я почти что мог слышать фоном несуществующее крещендо волнующей музыки. *Поднять якоря!* Пять, четыре, три, два, один… есть зажигание!

До этого дня я не знал, чего ожидать. Тренировки говорили мне, что это должно быть похоже на старт с катапульты авианосца, короткий и резкий, но Том и другие, кто уже летал, уверяли, что оно будет… будет другим, но каким именно – объяснить не могли. Просто – *другим*.

На телеэкране было видно, как под днищем «Титана» вскипели пламя и дым, а внутри корабля мы заметили, как ожила приборная панель. Скакнули стрелки, ярко загорелись индикаторы, компьютеры выплевывали строки чисел, а операторы на Земле что-то быстро говорили. Ракета вздрогнула, когда топливо поступило в камеры и вспыхнуло, потом я почувствовал отдаленный толчок – это были подорваны пироболты, удерживавшие «Титан» на старте, и что-то удивительное произошло в десяти этажах ниже моей спины этим солнечным флоридским утром.

Я почувствовал движение и ощутил ровную пульсацию, а затем услышал низкий, тяжелый гул, и наше большое ракетное судно начало мучительно медленно подниматься над Землей. «Титан», гигант, который до этого спал, теперь полностью проснулся и разминал свои мускулы, готовый бежать вперед с невероятной силой в 195 тонн тяги, как фаворит вырывается из ворот на кентуккском дерби. Неторопливый поначалу подъем внезапно ускорился, и мы покинули Землю.

Бока ракеты ласкало сияющее Солнце, и «Титан» рвался вперед, набирая высоту и скорость каждое мгновенье. В ЦУПе руководитель полета Джин Кранц внимательно слушал доклады своих операторов, консоль за консолью. «Хорошо. Отлично. Всё в зеленом, всё работает!»

К этому моменту ракета уже мчалась галопом над Атлантикой, и сила тяжести навалилась мне на грудь, как кирпичи. Мое сердце стучало как сумасшедшее, я скрежетал зубами, и бросив взгляд на Тома, понял, что и он тоже.

«Вот мы и в пути». Том, оказывается, был способен говорить. На другой половине корабля его пилот-новичок совсем ничего не

мог сказать. Я выполнял требуемые от меня действия и одновременно чувствовал и видел вещи, которые не мог себе вообразить. *Боже, ну почему я не поэт.*

Теперь мы были всего лишь точкой на конце длинного белого парового следа, и с каждой секундой все больше удалялись от Земли, погруженные в мечту о чистой скорости, которая все нарастала, а ракета тряслась и моталась из стороны в сторону, продираясь сквозь атмосферу. Я был невероятно горд. Лишь пара десятков человек в мире прошла через то, через что я проходил сейчас.

Мы постоянно ускорялись, летя как стрела с огненным следом. Горящее топливо освещало нашу дорогу, атмосфера с высотой становилась всё тоньше и оказывала меньшее сопротивление. Мы справлялись с работой, но у меня было слишком много технических и пилотских задач, чтобы наслаждаться происходящим. После примерно двух с половиной минут полета мы дошли до конца работы первой ступени: два ее мощных двигателя выключились, и ступень отделилась, позволив вступить в дело меньшей по размеру второй ступени. Том сказал мне, что сейчас нас пнет как следует. Он был прав.

К моменту разделения нас прижимала к сиденьям сила в четыре с половиной раза больше нормальной силы тяжести, и вдруг вся эта мощь, которая толкала нас, пропала в мгновенье ока. Вот она горит и ревет, как демон, а затем бац! – и отсечка. Нас бросило вперед на ремни, и мы в такой степени потеряли момент движения, что находившийся позади нас гигантский огненный шар, все еще обладающий собственной скоростью, окутал корабль красно-оранжевым, с черной подбивкой облаком, в котором плясало и корчилось пламя и пульсировал дым, как во время страшного розыгрыша на Хеллоуин. Я видел огонь и только огонь, и хотя я точно знал, что происходит, и помнил, что этого нужно ожидать, моей первой мыслью было: *мы горим!*

Еще одно мгновенье, и включился двигатель второй ступени, бросив нас вперед через этот огненный шар. Опять стали расти перегрузки, и мы оказались прижаты к креслам, потому что вторая ступень вышла на полную мощь. Новая рука толкала нас дальше, прилагая все большее давление. На шестой минуте от начала полета мы выдерживали 7,5 g, хрипя, чтобы расправить легкие против этой невероятной силы.

Ракета израсходовала топливо за мгновенье до выхода на орбиту, и от борьбы с монструозным весом, не позволяющим даже дышать, мы тут же перешли к абсолютному ничто. Невесомость! Несколько гаек и болтов, забытых рабочими, выплыли из тех мест, где они скрывались, частицы пыли и небольшая веревочка

начали медленный танец перед моим носом. Мои руки всплыли в невесомости, а ноги, одетые в металлические штаны, стали легче перышка.

Когда Том развернул корабль, чтобы мы могли увидеть Землю, я с интересом посмотрел в окно. Далеко внизу был синий океан, разграфленный белыми облаками, а затем под нами появился берег Африки.

Я в космосе.

И это здорово.

12
Злой аллигатор

Успешный запуск «Джемини-9» получил двойную дозу похвал со стороны болеющей космосом американской публики, потому что это был наш второй триумф галактического масштаба за одну неделю. Накануне того дня, когда мы с Томом наконец-то отправились на орбиту, лунный зонд «Сервейор-1» совершил мягкую посадку на Луну и передал на Землю 144 фотографии. Таким образом, мы по крайней мере сравняли счет с Советами на беспилотном фронте, а может быть, даже немного вырвались вперед, потому что хотя их «Луна-9» села на Луну раньше, но передала только девять снимков. На пилотируемой же стороне космической гонки мы с Томом Стаффордом как раз и должны были подать на стол порцию новых космических рекордов.

В то время как я все еще приспосабливался к тому, что вешу ровно ноль фунтов, мою семью на Земле переполняли эмоции. Барбара в нашем доме в Нассау-Бей приободрилась после моего звонка и смотрела с оптимизмом. Но во время отсчета в доме висела напряженность, и Барбара нервно щипала и так уже рваную кожу вокруг ногтей. Когда телевизор показал, как наш «Титан» завис в воздухе в крутящемся облаке дыма и пламени, она повернулась к Роджеру и выдавила: «Это нормально?» Он ответил, что все выглядит хорошо, ракета пришла в движение, а затем и полетела. «Оле!» – закричала Линн Гиллиган, рыжая кузина Барбары, вскочила на ноги и взмахнула воображаемым плащом тореадора. Крики и аплодисменты сотрясли Барбуда-Лейн, а тем временем «Титан» ушел из поля зрения камеры, и Барбара упала на подушки дивана, и к ней вернулась способность дышать. «Скажи репортерам, что я очень устала», – попросила она подругу.

В конце концов Барбара совершила вылазку наружу и описала старт как чудесный и прекрасный. «Я знаю, что Том и Джин сейчас буквально на небесах», – сказала она, не уловив двойного смысла. Репортеры отметили, что лицо ее сияло, резко контрастируя с бледным и сосредоточенным видом после второй отмены. Трейси спросили, знает ли она, куда я утром отправился. «Папа собирается погулять и будет носить спасательный жилет», – сказала она, зевая. В это время она училась плавать и сопоставила мою реактивную установку со спасательным жилетом, который использовала в бассейне. Аналогия, придуманная моей дочерью, была лучше всех прочих.

«Вот ответ на наши молитвы, – сказала мама корреспондентам в Беллвуде. – Они и правда сделали это». В ее доме за стартом наблюдало шестнадцать родственников, друзей и соседей. «Это величайшее событие в моей жизни», – радовался отец, показывая всем застежку на галстуке с эмблемой «Джемини», которую я ему подарил. Он выкатил кофе и штрудель, а позднее выдал прессе холодное пиво. Ди дала своим третьеклассникам в начальной школе Линкольна выходной, чтобы посмотреть запуск.

Фей Стаффорд вышла из добровольной ссылки только после того, как пресса предложила взятку – репортеры обязались найти дом четырем котятам по имени Фузз, Фриц, Яп и Доктор Рандеву. Как всегда дальновидная, она предупредила, что проблемы «Джемини-9», возможно, еще не закончились. «Это было лишь первое препятствие», – сказала она, зная, что корабль «Джемини» делали вместе более 4000 подрядчиков из 42 штатов. Комик Билл Дейна, чей номер об астронавтах был настолько смешон, что Семерка дала ему звание Восьмого Астронавта, любил подчеркивать, что каждая из 1 367 059 частей корабля была поставлена подрядчиком, предложившим наинизшую цену. Помните ли вы, как при езде по грунтовке машина налетает на кочку, и ваш желудок на мгновенье упирается в глотку, а потом оседает обратно? Казалось, с наступлением невесомости «Джемини-9» наткнулся на фантастических размеров кочку, и мой желудок не хотел возвращаться на место. Из-за невесомости он продолжал болтаться где-то чуть ниже миндалин, и я почувствовал тошнотворный приступ болезни движения. Конечно, я ничего об этом не сказал – я же не какой-нибудь цыпленок в летнем круизе! Пройдет много лет, прежде чем астронавты признаются, даже друг другу, что большинство из нас чувствовало себя одинаково плохо в первые минуты в космосе.

Мы двигались по эллиптической, в форме яйца, орбите, по свежим следам «пузыря», а в это время внизу печатались специальные издания газет с заголовками вроде «Астронавты победили проклятье «Джемини». Расстояние между нами и целью было чуть более 1000 км. Сразу после выхода на орбиту Том поднял апогей, высшую точку нашей орбиты, с 267 км примерно до 275 км. Мы собирались настичь дрейфующую на высоте 299 км цель быстрее, чем это удавалось сделать раньше, и не ради чистого эксперимента, а потому что настанет день, и астронавты, покидающие Луну, должны будут выполнить как раз эту задачу. Через 49 минут после старта мы уже неторопливо пересекали Австралию и сделали еще одно включение, подняв нижнюю точку орбиты, перигей, со 159 до 231 км.

Нил Армстронг был капкомом в первой части нашего полета, и это особенно грело душу, потому что после того, как он едва разминулся с катастрофой на борту «Джемини-8», никто не представлял себе лучше опасности космоса. Могло произойти что угодно, и нам было приятно слышать его спокойный голос, передающий нужную информацию.

К моменту возвращения к Флориде в начале второго витка мы сократили дистанцию до «пузыря» до 740 км, причем оба объекта неслись со скоростью примерно 28 000 км/час. Каждый виток мы проходили через день и ночь, и полная Луна освещала ночное небо удивительным серебристым светом, а далекие звезды кивали нам. Время утратило смысл – земные часы стали похожими на минуты, потому что мы перепрыгивали из одной временной зоны в другую и облетали весь земной шар за полтора часа. Я углубился в расчеты, принимая данные с радара и от нашего примитивного компьютера, затем передал информацию Тому, и мы смогли подойти еще ближе к «яблочку» на орбите.

Законы орбитальной механики почти столь же загадочны, как инструкции налоговой службы. Читатель может вполне логично спросить, почему мы не могли просто подняться на нужную высоту, врубить максимальную скорость и догнать цель. Увы, это земное решение не работает в космосе. На самом деле чем дальше объект находится от Земли, тем больше времени ему требуется, чтобы сделать круг. Находясь на более низкой орбите, мы приближались к цели быстрее, и оставалось лишь подняться в нужный момент, чтобы настичь «пузырь». Мы шли ниже, потому что нам была нужна встреча, а не гонка.

На третьем витке, сделав четыре коррекции и превратив наш путь в почти идеальную окружность на высоте 274 км, мы вновь шли в ночном небе над восточной частью Тихого океана, когда заметили далеко впереди маленький мигающий огонек. Мы знали, что это не звезда, потому что за пределами атмосферы звезды не мигают. Это должен быть сигнальный огонь на ATDA. Мы нашли неуловимый «пузырь» в рекордное время, выполнив тем самым первое настоящее задание нашего полета, и были в прекрасном положении – в 24 км ниже его всего в 203 км позади. Мы стали аккуратно сближаться и вскоре уже ясно видели мигающий сигнальный огонь и яркие отблески от какого-то неизвестного источника. Но такого не должно быть. Что-то тут не так.

Мы подходили сквозь облако из примерно десятка мелких частиц космического мусора, которые раньше были частью полезного груза «Атласа» и остались на орбите, летя в строю с «пузырем» по темному небу. В нескольких газетах их назвали

«таинственными НЛО», и в течение многих лет после этого у меня периодически спрашивали о «подтвержденном» контакте с НЛО и загадочными мигающими огнями в космосе. Несколько репортеров решило, что мои категорические опровержения лишь подтверждают, что я состою в гигантском заговоре с целью скрыть нечто реально существующее. Ребята, скажу честно: это был просто космический мусор, а не что-то из сериала «Секретные материалы». На самом деле мы рассчитывали, что два куска из этого десятка будут секциями пластикового обтекателя, но когда в четвертый раз за этот день появилось Солнце, оно принесло скверные новости. Том использовал наши двигатели, чтобы подкрасться к «пузырю» и припарковаться в метре от него. Казалось, «пузырь» вышел прямо из лаборатории спецэффектов Голливуда – медленно вращался, кувыркался и крутился, совершенно неконтролируемо. Конический головной обтекатель все еще был на нем, и две его створки висели, разинув рот, образуя впереди огромную открытую челюсть. Том передал в Хьюстон: «У нас тут жуткая машина. Она выглядит как злой аллигатор».

Такие пластиковые обтекатели отправлялись в космос в качестве аэродинамической защиты в семидесяти предыдущих случаях и всегда сбрасывались без проблем в ответ на команду операторов с Земли. Надо полагать, на 71-й раз ее не хватило. Пара тонких стальных бандажей, или ободов, удерживала створки вместе, и только верхний из них слетел, отчего створки раздвинулись на переднем конце, а нижняя часть осталась на замке. В атмосфере ветер сдул бы их, но в космосе, где нет сопротивления воздуха, чертова конструкция осталась там, где была. Белые отблески, которые мы видели раньше, возникали при кувыркании этой свиньи в лунном свете.

Среди астронавтов я считался говоруном, по крайней мере отчасти, но пресса отметила, что Сернан был «необычно тих». Ну разумеется. Что тут скажешь? Мы вновь испытали сильное разочарование, а этот чертов злой аллигатор, казалось, насмехался над нами. Если застрявший обтекатель не удастся сбросить, то нашему упражнению со стыковкой пришел конец.

Операторы отправили поток сигналов, пытаясь открыть все еще закрытый стыковочный конус и спихнуть чертов обтекатель. От этого лишь слегка разошлась его задняя часть, вынудив второй, открытый конец, частично закрыться. Втягивание конуса имело противоположный эффект, и нам казалось, что эти движущиеся челюсти открываются и закрываются. Мы с Томом удерживали корабль в паре метров от вращающейся штуковины и обсуждали имеющиеся варианты с ЦУПом, где все эксперты

пытались выработать решение. В конце концов мы все приняли альтернативный план полета, который включал еще два маневра встречи, но не содержал стыковки как таковой, потому что до конуса добраться было невозможно, и отложили мой выход на несколько часов.

«Обтекатель мешает астронавтам». Новые заголовки заставили забыть и наш старт, и рекордное по скорости сближение, и показали миру, что проклятье «Джемини-9» никуда не делось и теперь приняло форму большого кувыркающегося небесного аллигатора, который пожирал космическую пустоту. Некоторое время обсуждалось, не может ли Том медленно подойти к «пузырю» и ткнуть его носом «Джемини». От этого отказались, потому что наши драгоценные парашюты были сложены как раз в передней части корабля, и были нужны нам неповрежденными, чтобы мы могли вернуться домой живыми.

Итак, мы висели рядом, наблюдая за «аллигатором», а в 300 километрах ниже нас шло горячее обсуждение. Одна идея, в частности, могла иметь серьезные последствия. Как вспоминал Дик Слейтон, Базз Олдрин предлагал, чтобы я вышел в космос и перерезал этот подпружиненный металлический бандаж хирургическими ножницами из бортового набора. Эксперимент на Земле продемонстрировал, что этим инструментом действительно можно перерезать удерживающий две створки обод, но показал также, что «пузырь» ощетинен опасными острыми краями. Дик говорил, что высшие руководители программы от этой идеи «просто пришли в ужас», а ведь еще нужно было вспомнить о существенном риске со стороны пироболтов, удерживающих части бандажа вместе, о беспорядочном вращении «пузыря», о почти полном отсутствии у нас опыта внекорабельной деятельности и о том простом обстоятельстве, что подпружиненный обод может расцепиться и «сыграть» – ударить в мой скафандр и проткнуть его. Словом, это был еще один способ превратить меня в спутник «Сернан». Дик писал потом, что после этого эпизода он с большим трудом убедил Боба Гилрута, директора Центра пилотируемых кораблей, сохранить за Баззом его место на «Джемини-12».

Злой аллигатор продолжал дразнить нас своим свиным рылом, а мы отступили примерно на 20 километров и начали второй эксперимент по встрече. На этот раз мы приняли за исходное положение, что наш радар не работает, и мы должны полагаться только на глаза, звезды, компьютер и мои верные карандаш и блокнот – просто чтобы доказать, что это возможно сделать таким способом. Когда-нибудь в каком-то ином полете такой шаг мог бы спасти жизни других астронавтов. Это

оказалось дьявольски сложным упражнением, которое потребовало невероятных умственных и физических усилий. Одна лишь задача найти точку в мировом пространстве без помощи радара была огромной проблемой с миллионами возможных осложнений. Стоит пролететь совсем недолго по неправильной траектории, и вы уже никогда ее не увидите. В конечном итоге мы нашли «аллигатора», все еще лязгающего челюстями, и подстроились к нему снова, ведя постоянные переговоры с Хьюстоном и между собой по интеркому.

Что-то было не так на нашем маленьком «Джемини». После такого объема тяжелой работы по подготовке к полету, напряжения от отложенных запусков, от реального полета и от проблем, связанных с двумя сложными сближениями, мы с Томом чувствовали себя истощенными. Нет, в смысле физической формы всё было в порядке, но мы чувствовали себя так, будто нас переехал грузовик, а постоянная смена дневного света и темноты сбила нас с суточного ритма. Мы уже не знали, какое сегодня число. ЦУП, увидев показания наших медицинских датчиков, понял, что мы устали, и распорядился отдыхать. Впереди у нас была тяжелая суббота с моим выходом в качестве гвоздя программы.

Мы были более чем готовы принять их рекомендацию, и Том отработал двигателями, чтобы обеспечить некоторое пространство межу нами и «аллигатором» – мы не хотели, чтобы он кувыркался рядом все время, пока мы спим. Мы припарковались на расстоянии около 30 км впереди, закрыли окна шторками и поужинали вкусными цыплятами и пельменями – обезвоженной пищей, упакованной в тюбик, как зубная паста. Впрысни туда немного воды, потряси, чтобы перемешалось, и выдавливай кашку прямо в рот. Никаких крошек, но и почти без вкуса. Затем я засунул невесомые руки под шланги скафандра и попытался заснуть, успокаивая себя музыкой фолк-группы Serendipity Singers. Было всего пять часов вечера пятницы.

Антракт со сном для нас означал перерыв и для наших жен и семей внизу, в Техасе. Все могли теперь выдохнуть с облегчением и съесть хотя бы часть еды, которая стояла на обеденных столах. Фей пришла к Барбаре, потому что только эти две женщины на Земле в тот момент могли понять чувства друг друга.

Мы с Томом официально поднялись через семь часов[69], когда ЦУП проиграл нам песню The Lonely Bull группы Tijuana Brass, и мы все еще чувствовали себя скверно. Звуки мексиканских труб в наших ушах, вероятно, способствовали этому. Мы пытались расслабиться и отдохнуть, но наш сон был больше похож на время бездеятельности. Безумная полная Луна

заглядывала в наш маленький орбитальный дом, обращающийся вокруг Земли со скоростью 28 000 км/час. Мое тело было втиснуто в некомфортный объем без капельки свободного места, воображаемые муравьи лезли мне в глазницы, а мой мозг обрел такую же чувствительность, как комок шелка. Взгляд на наручные часы Omega Speedmaster, выставленные по хьюстонскому времени, показал, что еще не наступила полночь пятницы, того же дня, когда мы стартовали.

Третье и финальное сближение с расстояния 148 км обещало стать самым сложным. Мы должны были отработать план, который может потребоваться пилоту командного модуля «Аполлона», чтобы прийти на помощь лунному модулю, застрявшему на низкой орбите. Это означало, что нам надо будет лететь носом вниз и подходить сверху, пытаясь найти наш «пузырь» на невероятно пестром фоне голубого моря, белых облаков и ярко освещенной суши планеты Земля. Мы могли использовать радар, но у нас были серьезные сомнения относительно некоторых показателей, выдаваемых компьютером. Поэтому такое сложное упражнение по навигации предстояло осуществлять за счет трудных, медленных и требующих большого напряжения ручных расчетов. Когда мы искали цель, воспринималось это так, как будто мы падаем прямо на Землю, и мы не смогли увидеть «аллигатора», пока не подошли к нему на пять километров.

Мы сумели закончить упражнение, выполнив беспрецедентное третье сближение за 24 часа. Однако оно потребовало намного больше времени, чем ожидалось, а расход топлива оказался пугающе велик. При запуске у нас было почти 310 кг топлива, а теперь осталось всего 52 кг, едва достаточно для завершения полета, а нам еще предстояли сложный выход и спуск в атмосфере.

Физическое состояние, однако, ухудшалось еще быстрее, чем падал запас топлива, так что мы с Томом отключили связь с Хьюстоном, чтобы обсудить его. Мы чувствовали себя так, будто накануне копали канаву чайными ложками, а не выполняли гламурные космические задачи. Мы едва могли держать глаза открытыми и страдали одышкой от напряжения, как собаки в жаркий летний день. На правах командира Том включил микрофон и выдал всем слушающим шокирующую правду. «Сейчас мы оба очень похожи на выжатый лимон, – сказал он операторам своим сухим, безэмоциональным и медлительным оклахомским говорком. – Мы крутились, как белка в колесе. Боюсь, что при здравом размышлении я не вижу возможности продолжать и прямо сейчас приступить к выходу. Мы с Джино

поговорили и считаем, что может быть лучше для нас обоих отложить его на некоторое время. Возможно, нам стоит подождать до завтрашнего утра».

Мы пытались дать руководителям полета нужную им информацию и в сущности говорили: *давайте рассмотрим наши переменные и изменим план полета, чтобы он соответствовал изменившимся обстоятельствам*. Первоначальный план всё равно был давно отброшен. Но наше обращение, которое казалось таким естественным для летчиков-испытателей, рассматривающих все возможные варианты, приобрело для некоторых людей на Земле совершенно другое значение. В первый раз в истории американской пилотируемой программы пара астронавтов ставила под сомнение назначенные им обязанности!

Приступ гнева был подобен землетрясению. Поскольку NASA не было военной организацией, нас не могли обвинить в мятеже или уклонении от выполнения законного приказа или в чем-нибудь еще в таком духе. Кроме того, все соглашались, что нам виднее в оценке того, что происходит на корабле. И все-таки, не было ли это похоже на попытку *уклонения от несения службы*? Астронавты не должны уклоняться. Однако мы с Томом, запертые в маленьком «Джемини-9», слишком устали, чтобы думать об этом.

ЦУП собрался, чтобы обсудить проблему. Раз Стаффорд и Сернан говорят, что слишком устали, чтобы продолжать работу надежно и безопасно, то наземные службы должны поддержать это решение. Нил вышел на связь и спокойным голосом произнес: «Земля рекомендует, чтобы выход был отложен на третий день. Вы согласны с этим?» – «Мы полностью согласны с этим предложением», – ответил Том. Мы запросили время на отдых, помахали аллигатору на прощанье, ушли от него на безопасное расстояние и провалились в сон, подобно двум младенцам.

Мы спали десять часов, а в это время люди, руководящие процессом, анализировали, что произошло, и старались удержать критиков в рамках разумного. Среди сотрудников программы не было и намека на критику. Джин Кранц заявил прессе: бывает, что астронавты устают в начале сложного полета. Наше летное братство оказало нам мощную поддержку, адресуя сомневающимся испепеляющие взгляды. Если Стаффорд и Сернан утверждают, что они устали, это в действительности означает, что они близки к потере сознания, говорили астронавты. Летчик-испытатель никогда такого не скажет, не имея очень веской причины, так что нужно взять под защиту наших пилотов. Нил сказал прессе так: «Командир обязан [принять такое решение], если он чувствует, что откусил слишком много, чтобы прожевать.

Я рад, что Том проявил исключительное здравомыслие». Один из врачей NASA добавил: «Если тебе удалось заставить астронавта признаться, что он устал, то это просто красный день календаря».

Шутливое настроение, которое охватило всех из-за истории со злым аллигатором, уступило место серьезным размышлениям о том, не идет ли «Джемини-9» навстречу неудаче. Тяжелая усталость – это не то, над чем стоит смеяться.

ЦУП провел много часов в совещаниях по вопросу о том, не следует ли вообще отменить выход с учетом нашего физического состояния. «Очевидно, если экипаж будет не готов, мы не будем выполнять выход», – сказал Кранц. Доктора пояснили, что часть проблемы – в том, что наши часы отдыха и работы почти что поменялись местами. На данный момент корабль имел мало топлива, стыковка с «пузырем» оказалась невозможной, впереди был трудный выход, а мы уже чувствовали себя изможденными, и это лишь после одних суток на орбите.

Итак, пришлось пересмотреть план игры еще раз. Когда мы окончательно проснулись в субботу, руководители полета приняли решение отказаться от каких-либо дополнительных операций с «аллигатором», и передали, что мы должны провести день, дрейфуя в космосе, чтобы сэкономить топливо, проводя кое-какие мелкие эксперименты и фотографируя, а в основном – отдыхать. Выход в открытый космос на два с половиной часа был отложен до утра воскресенья. Посадка была назначена на понедельник.

Наши жены, зная нас как людей, которые никогда не сдаются, были встревожены нарастающим физическим напряжением и сказали прессе, что рады реорганизации полета и тому, что нам дали немного поспать. Утром в субботу Барбара и Трейси срезали розы на заднем дворе, а после обеда пошли в церковь на службу. Фей Стаффорд и две ее дочери, 11-летняя Дионна и восьмилетняя Кэрин, отправились за покупками.

Все они, однако, оставались в напряжении и в состоянии неопределенности. В обоих домах громкоговоритель транслировал передачи из ЦУПа и с борта корабля. В то время как остальные довольствовались телевизором, наши жены внимательно прислушивались к искаженным голосам мужей, доносящимся из этих динамиков, выискивая знаки, которые никто больше не мог понять. Услышанное им не нравилось – они ведь изучили не только наши голоса, но и настроение и привычки. Мы могли задурить головы врачам, сказав, что чувствуем себя прекрасно и готовы к бою, но мы не смогли бы обмануть Барбару и Фей. Они знали, что мы подходили к физическому пределу возможностей.

13
Адский выход

Первый шаг в пустоту открытого космоса сделал советский космонавт Алексей Леонов 18 марта 1965 года, потому что Никита Хрущёв требовал нового космического подвига, невзирая на риск. Первым американцем в космосе стал Эд Уайт, который вышел из «Джемини-4» 3 июня этого же года, потому что мы не хотели, чтобы Советы делали нечто такое, чего не можем мы[70].

Классические фотографии Эда – одни из самых известных в истории. Человек в шлеме и в защитном костюме, держащий в одной руке похожее на палку устройство с реактивными соплами для перемещения, казалось, находился наверху блаженства, паря над прекрасной голубой планетой, соединенный с кораблем лишь извивающимся фалом.

Русское достижение, 12-минутный выход, как обычно, было окутано секретностью. Американский, который продолжался 21 минуту, как обычно, горел ярким пламенем публичности. Хотя мы тогда этого не знали, ни тот, ни другой выход не был таким, каким казался. Алексей, с которым мы в итоге подружились, никогда не говорил об этом публично, но мне рассказал о том, как боролся за свою жизнь во время своей короткой «прогулки». Эд, очень сильный физически, едва сумел залезть обратно в «Джемини-4» и был полностью истощен к тому времени, как удалось закрыть люк.

Сейчас, спустя более 30 лет, можно с полной уверенностью сказать, что мы абсолютно ничего не знали о работе в открытом космосе в тот момент, когда я открыл над собой люк «Джемини-9» – ровно через год и два дня после того, как Эд вышел на улицу на несколько минут поиграть. Это воспоминание очень отрезвляет меня, когда я думаю о тех днях, и я благодарен Господу за то, что получил такой опыт и все-таки остался жив.

В космической программе изначально все планировалось так, чтобы продвигаться вперед маленькими шагами. Сначала проводится тест с минимальными ожиданиями, затем второй, немного более сложный, и так далее, до того, как будет достигнута конечная цель. Каждый полет «Меркурия» немного расширял наши знания, и весь смысл программы «Джемини» был в том, чтобы проложить дорожку к «Аполлону».

Этот осторожный метод благополучно привел нас к тому месту, где мы находились, но политические соображения и темп создания новых и неиспытанных технологий начинали ломать

наше правило постепенности.

Одним из первых примеров, когда мы начали двигаться слишком быстро, как раз и оказался мой выход. Единственной задачей Эда было испытать скафандр, фал, который связывал его с кораблем и питал его систему жизнеобеспечения, и ручное реактивное устройство. От этого мы решили сделать нереалистичный скачок к двум с половиной часам тяжелой работы, которая и досталась мне. Если бы Дейв Скотт смог выполнить свой выход на «Джемини-8», мы бы знали намного больше, но этот выход отменился вследствие досрочного прекращения полета.

Моя «прогулка» содержала множество экспериментов и тестов. В ее высшей точке я должен был зафиксироваться в ракетном ранце и полетать по Вселенной за счет собственных ресурсов. Идея прекрасная, но положенные в ее основу ложные допущения, излишне амбициозные цели и подход, известный как «давай-давай», готовы были отправить меня в путь в незнакомую и опасную среду.

Уже вдали от «злого аллигатора» мы с Томом провели в воскресенье почти четыре часа за подготовкой к выходу. Тщательно прорабатывая план на 11 страницах, мы снизили орбиту. Затем я достал похожий на ящик нагрудный ранец с полки над левым плечом, зафиксировал на себе и подключил в его середину восьмиметровый фал. По нему ко мне будет подаваться кислород и электроэнергия от корабля, по нему пойдет связь и передача данных с медицинских датчиков, за показаниями которых будут следить на Земле. Извлечение фала из контейнера в невесомости напоминало борьбу с садовым шлангом – он так и норовил перегнуться в маленькой кабине. Затем мы помогли друг другу подстыковать шлемы, закрыть щитки, надеть поверх легких шелковых перчаток тяжелые герметичные и наддуть скафандры, которые теперь стали твердыми как камень. Когда я накачал свой скафандр до 0,25 атмосферы, он зажил собственной жизнью и стал настолько жестким, что не хотел гнуться вообще – ни в локте, ни в колене, ни в поясе, ни где-либо еще. Впечатление было такое, как будто мое снаряжение сделано из затвердевшего гипса – от кончиков пальцев на руках до пальцев ног.

Итак, начать нужно с того, что мой уникальный скафандр был весьма малоподвижен, и по очень простой причине. Внутри корабля астронавту не нужно такого же количества защитных оболочек, как во время выхода. Там, куда я собирался отправиться, температура под свободно падающими солнечными лучами в несколько раз выше, чем в середине дня в любой

пустыне на Земле, а ночной холод может заморозить сталь до такой степени, что она станет хрупкой как стекло. Без этих многочисленных слоев я бы в одно мгновенье вскипел или замерз.

Мы закончили стравливать кислород из корабля и убедились, что оба скафандра, мой и Тома, не имеют утечки. В это время мы шли в ночном небе, приближаясь к рассвету. Мой выход должен был начаться над территорией США для лучшей видимости и связи с Хьюстоном.

ЦУП прогнал последний цикл проверок всех систем и дал мне разрешение открыть люк. На 31-м обороте вокруг Земли, утром в воскресенье 5 июня по хьюстонскому времени, но все еще ночью с моей точки зрения, я схватил большой штурвал над головой и придал ему вращение. Я помнил, что перед стартом требовалось несколько человек, чтобы справиться с закрытым тяжелым люком, но в невесомости он отошел свободно, реагируя на легкое давление. «Говорит «Джемини-9». Мы выходим», – передал я всем.

Когда люк остановился вертикально, я едва оттолкнулся от пола кабины, и мой скафандр распрямился из сидячего положения. Я схватился за края люка и стал вылезать из своей норы, пока не встал ногами на кресло. Половина моего тела торчала теперь из «Джемини-9», и я ехал подобно праздному зеваке, ожидая, когда над Калифорнией взойдет Солнце. Господи, вот это было зрелище! Ничто не подготовило меня к мощной перегрузке органов чувств. Впечатление было такое, будто я всунул голову в калейдоскоп, где формы и цвета меняются тысячу раз в секунду.

«Аллилуйя! – это всё, что я смог изречь. – Ребята, как же тут красиво!» У меня не было слов, которые бы подошли к этой сцене, да и ни у кого не нашлось бы. Космос был мертвым и пустым, и одновременно живым и динамичным. Поскольку мы неслись на скорости 28 000 км/час, мы вскоре въехали в зарю. Полная темнота уступила место призрачному серому туману, затем вдоль широкого искривленного горизонта появилась тонкая, слабая полоска нежно-голубого цвета. Она быстро усилилась, под ней появились узкие полоски золота, и затем выпрыгнул сияющий диск Солнца, чтобы озарить небо, где всего за мгновенье до этого царствовала ночь, и его лучи стали медленно стирать тьму на планете внизу. По обе стороны Калифорнийского полуострова мерцала голубая вода, а пустыни нашего Юго-Запада сияли, как начищенная бронза. На многие мили тянулось кружево тонких, мягких облаков цвета слоновой кости. Казалось, что ты сидишь у порога Господа. Свод неба надо мной еще оставался черным, как сажа, но звезд уже не было видно, и холод космической ночи

уступил место температуре жаркой печи. В сиянии утреннего Солнца мы пересекли побережье Калифорнии, и я мог одним взглядом охватить пространство от Сан-Франциско и до середины Мексики.

Время, позволившее мне несколько мгновений впитывать эту панораму, было моим другом, но оно же могло стать и врагом. Усилием воли я оторвался от созерцания и приступил к работе. Том держал меня за ноги, чтобы дать мне опору, и я поставил на кронштейн 16-миллимет-ровую кинокамеру «Мауэр» и достал укладку S-12 с ядерной эмульсией, на которой «записывались» данные о космическом излучении и измерялись удары космических пылинок. Затем я потянулся вперед и закрепил на носу корабля небольшое зеркало. С его помощью Том сможет наблюдать за мной, когда я отправлюсь в путь к AMU.

После этого я подготовил первый большой эксперимент по оценке динамики фала. У меня не было космического «пистолета» для перемещения, подобного тому, каким пользовался Эд Уайт, и мне предстояло выяснить, способен ли человек маневрировать в космосе, имея в своем распоряжении лишь длинный фал, за который можно подтягиваться.

Итак, я оттолкнулся и вылетел вверх, как кукла на пружине. Я ничего не весил уже двое суток, так что в этом ощущении не было ничего нового, но теперь я двигался прочь из обжитого и кажущегося защищенным пространства кабины «Джемини-9». Вместо того чтобы сидеть в крохотном и тесном корабле, я внезапно оказался в безграничной Вселенной. Лишь два человека до меня смогли испытать такое. Я не чувствовал себя одиноким, потому что знал, что весь мир следит за каждым моим движением.

Некоторые из врачей NASA предупреждали, что если я посмотрю вниз и увижу, как далеко подо мной плывет Земля, меня может охватить космическая эйфория, как если бы я падал головой вниз. Странная логика. Мой мир строился не относительно Земли, а относительно корабля, с которым мы летели вместе с одной и той же скоростью. Никакой потери ориентации не возникало, и больше мы никогда о космической эйфории не вспоминали.

Моей единственной связью с реальным миром был фал, который мы называли «змея». Теперь он решил преподать мне урок законов Ньютона. Самое легкое движение воздействовало на все мое тело, далее волна шла по фалу и встряхивала корабль. Не желая того, мы начали играть с бичом – Том в «Джемини» и я на другом конце «змеи».

Поскольку мне нечем было остановить свое движение, я

утратил контроль над телом и стал кувыркаться. Когда фал растянулся, меня дернуло назад, как на резинке, и «змея» стала заматывать меня, как будто пыталась восстановить первоначальную форму. Я ничего еще не сделал – и уже почти проиграл сражение. Никто не мог предупредить меня об этих сложностях. Я уже вышел из пределов опыта Уайта и Леонова и оказался на незнакомой территории. Никто в истории еще такого не делал.

Мне казалось, что я сражаюсь с осьминогом. Фал жил своей жизнью, крутясь подобно ленте и норовя поймать меня, словно трос, который пытается захлестнуть рулонные шторы. «Боже, эта «змея» тут действительно извивается», – сказал я. Я делал безумные лихорадочные петли вокруг корабля, как если бы скользил по лужам космического масла, не в состоянии контролировать ни направление, ни положение, ни движение своего тела, а фал все это время пытался набросить на меня лассо. Конечно, я не потерялся в космосе, но был совершенно беспомощен. Не имея средства стабилизации, я не мог управлять фалом, и он делал что хотел. «Я не могу направиться туда, куда хочу, – раздраженно сказал я Тому. – «Змея» окружает меня со всех сторон».

Чтобы перемещаться по нему, как по веревке, я должен был тянуть фал медленно, в направлении центра тяжести моего тела, а это не представлялось возможным. Даже такое простое дело, как попытка выпрямить перекрут фала, разворачивало меня вверх ногами или спиной вперед, и я все время кувыркался. Это было похоже на медленный балет. Я смог обрести некоторый контроль над ситуацией лишь тогда, когда сумел ухватиться за то место, где фал выходил из люка – как будто взял собаку на короткий поводок. В остальном эта штуковина была гибкой, как червь, и упрямой, как запутанный провод телефона. Что-то точно посередине. Я боролся с ней около получаса и в итоге решил, что эта «змея», пожалуй, самое злонамеренное пресмыкающееся после того, которое Ева встретила в Эдеме.

Я уже превысил рекорд нахождения вне корабля и нуждался в отдыхе. Я уцепился за небольшой поручень и подтянулся к открытому люку, как тонущий, которому удалось схватиться за лесенку. Обретя стабильность, я глубоко вздохнул… и рыгнул. Соленый вкус того большого огурца, который я съел пять дней назад по поводу отмены старта, вернулся, чтобы не давать мне покоя до конца выхода.

Теперь, когда мои бесцельные мотания на фале закончились, я выдал Тому и ЦУПу свое заключение. Будущим пустолазам, попадающим в среду, где есть возможность только тянуть и

толкать, только действие и противодействие, будут нужны какие-то реактивные средства для контроля, а на корабле должно быть больше точек и поручней, за которые можно ухватиться. Без таких средств они тоже будут болтаться подобно тряпичной кукле.

Я устроил короткий перерыв, прежде чем двинуться к кормовой части корабля, где находилась установка AMU, и вновь поразился невероятному зрелищу. Это был праздник чувств. При взгляде через окно корабля космос имел лишь 15 сантиметров в ширину и 20 в высоту, а тут… ух!

Ничем не защищенное Солнце, сияющий белый огненный шар, смотрело на меня, посягнувшего на его владения. Невероятным с этой ветки в небесах был и вид Земли, которая проносилась у меня под ногами. Голубой цвет горизонта пропал, и теперь лишь тонкая искривленная полоска лазури переходила в черноту космоса. С точки, где не было никакой погоды, я глядел вниз на вершины грозовых облаков и на гигантские пушистые «пальцы» урагана Альма. В океане я мог видеть V-образные следы кораблей, а на суше – темные сетки больших городов. С горных хребтов в сторону океанов сбегали изящные реки, и я наблюдал, как Миссисипи вьется в своем движении к Новому Орлеану. Всю палитру цветов давали изумрудные тропические леса, бронзовые пустыни, сапфировые воды и облака цвета слоновой кости, а над всем этим царила полная чернота. Попытайтесь представить себе место, не имеющее границ, комнату без стен, пустой колодец, столь же глубокий и бесконечный, как ваше воображение, – вот там я и находился! И это место должно было оставаться моим домом еще несколько часов.

Между тем часы тикали, и мне нужно было добраться до кормовой части корабля, пока еще светло. Залезть в реактивное кресло и зафиксироваться в нем можно и в темноте. Дальше я должен буду пристыковать к своему нагрудному ранцу новый фал с питанием и кислородом от AMU и привязать себя к кораблю 38-метровым тонким нейлоновым тросом. Когда же Солнце взойдет вновь, Том щелкнет выключателем и подорвет единственный пироболт, удерживающий установку на «Джемини». И вот тогда я отплыву от корабля, сам управляя своим полетом, и стану первым человеком – самостоятельным спутником Земли. Хозяином Вселенной.

Но сначала я должен был добраться туда, где лежала установка, словно какая-то странная птица в своем гнезде. Мой скафандр препятствовал каждому движению. Мне требовались гибкость и мобильность, а у него не было ни того, ни другого. Он раздулся, как летающая фигура над парадом по случаю Дня благодарения в Нью-Йорке, и пытался сохранять свою форму, как

бы я ни старался изогнуть его. Надавите на воздушный шар – и он вернется к первоначальной форме, как только вы уберете палец. То же самое происходит и в открытом космосе. Чтобы сделать скафандр прочнее, в его ткань была вплетена сетка с ромбическими ячейками, которая придала всей конструкции гибкость ржавой кольчуги. Я мог согнуть руку в локте, но после этого требовалось все время прилагать усилие, чтобы удерживать ее в новом положении. От этого у меня повысилась частота сердцебиения, и я тяжело дышал, пытаясь найти опору. Как хорошо, что я долгие часы проводил в спортзале, накачивая мускулы.

«Джемини» имел коническую форму и состоял из двух секций. После того, как вторая ступень ракеты отделилась, в нашем распоряжении остался возвращаемый модуль, который служил нам жилым и рабочим помещением, а позади него – секция большего диаметра, напоминающая тормозной вагон в конце поезда. Этот агрегатный отсек, или «секция адаптера», имел правильную аэродинамическую форму и соединял возвращаемый модуль с ракетой. В нем содержались топливные элементы, баки с кислородом и механическая аппаратура.

Когда отделилась вторая ступень, обнажилось углубленное дно этой секции. В середине закругленного внутрь днища и находилась моя реактивная установка.

Я двигался вперед, перебирая руками, вдоль небольшого поручня, периодически останавливаясь, чтобы пропустить фал через кольца, примерно такие, какие держат кабель телевизионной антенны, идущий с крыши в дом. Если аккуратно фиксировать фал этими кольцами, моя «линия жизни» будет оставаться на месте и вне опасности. Точнее, я так думал, пока не обнаружил на конце секции адаптера неприятный сюрприз в виде зазубренного подобно пиле края. Он остался на поверхности, когда «Титан» отделился и ушел, и об этом никто не подумал, когда планировали мой выход. Аккуратно, пальцами я передвинул поддерживающие тросики так, чтобы они прошли над острым как бритва металлом. Теперь, пожалуй, моя «линия жизни» и мой скафандр останутся целыми. Скафандр с дырой в нем быстро стал бы защитным кожухом для трупа.

Когда я миновал поворот и скрылся за задней частью адаптера, более невидимый Тому в зеркало, Солнце погасло, и мы вошли в тень над Южной Африкой. Я развернул фиксаторы по бокам установки и включил пару слабеньких лампочек освещения. Зажглась только одна из них, давая не больше света, чем обычная свеча. Я поднял золотистый щиток, защищавший глаза от яркого Солнца, и крепко взялся за фиксаторы.

Боже, как я устал! Мое сердце колотилось с частотой 155 ударов в минуту, я потел как свинья, запах огурца действовал подобно яду, а настоящая работа еще только начиналась. Моя драгоценная жизнь будет зависеть от этих двух металлических фиксаторов, когда я полечу сквозь космос с невероятной скоростью почти в восемь километров в секунду.

Барбара встала этим утром рано и, выпив кофе, стояла перед шкафом, думая, что надеть. Женщины Америки будут глазеть на костюм Миссис Астронавт, когда она выйдет к микрофону сказать, как гордится своим мужем. Она выбрала розовый свитер и брюки до колен, а затем сделала из своих пепельных волос пирамиду завитков. Трейси тоже одели в розовое, в тон маме, и теперь они были красавицами, готовыми предстать перед камерой.

Уже немало астронавтов и космонавтов поднялись в космос на ракетах, поэтому запуск, даже такой проблемный, как у «Джемини-9», стал для огромной аудитории космофилов Америки в некоторой степени рутиной. Однако до сих пор лишь два человека выходили в открытый космос. Я объяснил Барбаре в максимально возможной степени, чего следует ожидать, но поскольку я сам не имел четкого представления о том, на что это будет похоже, нам обоим предстояло принять неизвестность. Наш старый друг Рой Нил из телекомпании NBC зашел навестить Барбару, и она призналась: «Я так боюсь!» Рой взял ее за руку и ответил: «Я тебе скажу кое-что, а ты никогда этого не забывай. Чем больше они летают, тем больше они учатся и тем выше шансы на успех».

Когда я открыл люк, всё, что она знала: сейчас ее 80-килограм-мовый муж видит и чувствует то, о чем человечество раньше только мечтало. Роджер Чаффи с утра разложил на столе схемы и описания, готовый объяснить каждую деталь и ответить на любые ее вопросы. Репродуктор транслировал из ЦУПа наши переговоры. Марта пришла вместе с мужем, чтобы оказать моральную поддержку, и постепенно наша комната заполнилась людьми. На телеэкране объяснения экспертов по части выхода дополняли изображения висящей куклы. Она должна была представлять меня.

Том теперь не мог видеть, как я готовлю установку к путешествию всей жизни, но проложенный по фалу кабель телефонной связи позволял мне объяснить, что дела идут не совсем так, как ожидалось. «Нужно очень постараться, чтобы добраться до этой штуки», – сказал я напарнику.

Единственной лампочки – немногим ярче, чем в карманном фонаре – категорически не хватало. Я с трудом мог видеть вообще

хоть что-нибудь, когда выполнял 35 различных действий, необходимых, чтобы заставить эту штуку полететь, – от нажимания кнопок и открытия клапанов и до подключения подачи кислорода. Сказывались физические перегрузки: то, что представлялось простым во время тренировок на Земле, было почти невозможно сделать в настоящей невесомости. Я сотню раз проделывал это упражнение на борту грузового самолета ВВС, который мог сделать «горку» и создать невесомость примерно на 20 секунд. *В самолете у меня получалось, почему же оно не работает сейчас?* Пот выступил на мне каплями и жег глаза, а шлем не позволял вытереть их. В конце концов я щелкнул последним выключателем и подал на установку электропитание. Пора было лететь – почти пора.

Через 1 час и 37 минут от начала работы, как раз после того, как я стал первым человеком, который сделал полный виток вокруг Земли вне своего корабля и увидел ночную планету во время выхода, наш старый враг, проклятье «Джемини», нанес новый удар.

Я с трудом различал что-либо, но не сразу понял, что виной этому не только темнота. Я работал так напряженно, что искусственная среда, созданная в скафандре, просто не могла поглотить всю углекислоту и всю влагу, которые я выделял. Через стекло шлема сейчас я мог видеть не больше, чем зимним утром через лобовое стекло машины, и я сказал Тому: «Мое стекло явно запотевает». В эту минуту командир должен был встревожиться и вспомнить короткую беседу с Диком о том, что делать, если я не смогу вернуться в корабль.

Почему плыть в космосе и щелкать переключателями так трудно? Проведите мысленно пару опытов. Соедините два садовых шланга, пустите воду, а теперь попробуйте одной рукой разнять их. А лучше так: возьмите бутылку газировки с отвинчивающейся крышкой и, держа ее на вытянутой руке, одной этой рукой отвинтите крышку. Чтобы эксперимент был ближе к реальности, пробегите перед его началом пару километров, чтобы устать и вспотеть, работайте в двух очень толстых перчатках и с закрытыми глазами, имитируя невозможность видеть. И еще иногда становитесь на голову, проделывая все вышеперечисленное, чтобы смоделировать кувыркание в космосе. В общем, вы поняли.

Главной моей проблемой было отсутствие всякой опоры при отсутствии тяжести. Пары тонких металлических стремян, которые должны были удерживать на месте мои ноги, оказалось совершенно недостаточно. Чтобы получить хоть какую-то стабильность, я пропустил правую ногу ниже стремени и встал в

него левой, как следует надавив на правую. Как старый моряк, который всегда держится за брас, работая с парусами, я прочно держался одной рукой за фиксатор и работал второй рукой. Лишь для того, чтобы оставаться на месте, требовалась немалая сила руки и кисти, и я снова порадовался, что мы с Чарли Бассеттом долгие часы занимались с тяжестями, чтобы усилить мышцы предплечий.

Когда мне удавалось стабилизировать один конец своего тела, второй тут же пытался «уплыть» прочь. Работа была изматывающей, я тяжело дышал, а сердце давало уже 180 ударов в минуту. Поскольку стекло запотело изнутри, я не мог снять шлем и вытереть его насухо. Единственное, что я мог предпринять – это потереть его изнутри носом и сделать небольшую дырочку, через которую можно было видеть.

Установка AMU представляла собой сложную машину, полную клапанов, рычагов и приборов. Многие из них находились в труднодоступных местах, вынуждая меня полагаться на отражение в полированном металлическом зеркале у меня на запястье, и на тактильное чувство, сильно ослабленное тяжелыми космическими перчатками.

Когда я попытался открыть один из таких клапанов, вступили в силу законы движения мистера Ньютона: клапан старался с такой же силой повернуть меня в противоположном направлении, и я снова начинал дрейфовать в космос. Без опоры было невозможно повернуть даже небольшую ручку: раз, и мое тело летит в другую сторону, пока я не вцеплюсь в новый поручень. В этот момент мои ноги вновь обретали свободу. Усталость грозила победить меня, тело криком кричало об отдыхе, но я не мог его дать, потому что должен был успеть до Солнца. У меня был всего один шанс, и я не мог себе позволить выйти из игры. На заре я должен был иметь на спине эту чертову установку, и, клянусь Богом, я собирался этого добиться. Если, конечно, выдержит организм. Я поглощал кислород с пугающей скоростью, а на краю моего сознания все время висела картинка того острого, похожего на пилу металлического кольца по краю секции адаптера. Оно грозило мне проколом скафандра, если я начну неуправляемо кувыркаться.

Для простоты укладки подлокотники AMU были сделаны телескопическими. Попытка развернуть их из сложенного состояния в рабочее напоминала выпрямление вареных макарон. Я тянул, подлокотник сопротивлялся. Я его гнул – а он старался изогнуть меня. Продвижение измерялось миллиметрами и частыми ударами сердца. В конечном итоге я сумел поставить подлокотники на замки и повернуть, поместил свой зад на

маленькое седло и затянул обычный привязной ремень.

В моем шлеме было холодно, а вот задняя часть тела горела как ошпаренная. Во время всех этих сальто в дневном эксперименте по динамике фала у меня разошлись задние швы на семи внутренних изолирующих слоях скафандра. Солнце добралось до треугольника незащищенной кожи, и там образовался большой солнечный ожог, с которым я не смогу сделать ничего, пока не сниму скафандр, а это будет только завтра. У меня было много других причин для беспокойства в эту минуту, так что я пытался не замечать жжения.

Теперь я должен был отстыковать фал, идущий из кабины корабля, и переключиться на запасы кислорода и электроэнергии в самой установке. Потребовалось еще немного поизвиваться, но теперь я был зафиксирован в седле и имел определенную опору, так что переключение получилось. В первый раз в истории человек оборвал «линию жизни», связывающую его с кораблем. Теперь я был сам по себе.

Одновременно я лишился и телефонной связи с Томом, которая тоже шла по фалу. Вместо этого должен был работать небольшой радиопередатчик в составе AMU. Но поскольку я находился в секции адаптера, а Том в корабле, слабый сигнал не мог преодолеть несколько стальных переборок между нами. Я говорил, но он слышал в основном лишь треск и помехи, и с трудом разобрал мои слова: «Я ничего не вижу перед собой».

Он передал операторам, которые не могли слышать меня совсем, что нагрузка оказалась в 4-5 раз выше ожидаемой, что связь ухудшилась и что я не могу видеть сквозь стекло гермошлема. «Если ситуация не улучшится… запретите AMU. Пусть он посидит на месте и немного отдохнет». Я знал, конечно, что он проявил разумную осторожность, но лучше бы он не говорил этого, потому что сейчас Том дал ЦУПу повод отменить полет на реактивной установке.

До отстыковки фала медицинская группа на Земле получала данные с моих датчиков. Теперь врачи их не имели и, будучи паникерами по природе, встревожились. Они потеряли контроль! Они знали, что у меня частое и напряженное дыхание, хотя я и старался не дышать слишком тяжело. Последнее, чего я хотел, – это чтобы важные решения принимались из-за пессимистов вокруг консоли летного врача. Я знал свое состояние куда лучше, чем кто-либо на Земле.

Тем не менее по их самым последним данным, я тратил энергию с такой скоростью, как будто бежал вверх по лестнице по 116 ступенек за минуту. Моя нормальная частота сердечных сокращений почти утроилась, и, по их экспертному мнению,

ситуация вышла из-под контроля, а я оказался в зоне, из которой могу и не вернуться. Сернан, заявили они, находится в большой опасности.

Я все еще не хотел признавать этого и сглотнул с чувством разочарования, понимая, что сейчас творится в ЦУПе. Я сделал уже так много, а теперь этот уникальный шанс совершить нечто, чего раньше никто не делал, мог ускользнуть от меня. Смешно, думал я, работать изо всех сил, продвинуться так далеко и не пройти весь путь. Если они собирались отменить полет, нужно было сказать об этом раньше, когда я боролся со «змеей». *Я подошел так близко!* Моя решимость не отступать может или привести к одному из величайших достижений в исследовании космоса, или иметь своим итогом окончательный крах и стоить мне жизни. Я чертовски устал, но все же хотел продолжать.

Сидя на своем маленьком троне, я еще раз потерся носом о запотевшее стекло шлема, сделал дырочку и посмотрел наружу. Была еще ночь, Австралия проплывала подо мной, виднелись огни Перта на западе и Сиднея на востоке, на противоположных концах этого просторного континента. Я знал, что на другой стороне мира, где все еще сияет Солнце, находятся моя жена и наша маленькая дочь, и все, что я люблю и чем дорожу. Космос в первый раз показался мне враждебным, словно я наконец-то встретил достойного противника. Мне пришлось признаться себе, что я держусь с трудом, но я все же хотел полететь на этой чертовой установке.

Мудрость осенила нас всех с восходом Солнца.

«Джино, ты вообще что-нибудь видишь?» – прохрипел голос Тома, слов было почти невозможно разобрать.

«Ты меня хорошо слышишь, да или нет?» – прокричал я в микрофон, но он едва мог меня понять. Сквозь помехи, на повышенных тонах мы обсудили ситуацию и пришли к разочаровывающему решению.

«О'кей, – сказал он. – Слышу тебя с ужасными помехами. О'кей. Ты всё понял? Я говорю – нет… потому что ты сейчас даже не видишь ручки ориентации. Переключись обратно на электрический фал от корабля».

Это было правильное решение, и Том не собирался его обсуждать. Он вышел на связь с Землей.

«Гавайи, это «Джемини-9»».

Станция слежения на Гавайях ответила на вызов.

«Мы прекращаем работу с AMU, – сказал Том. – У нас нет выбора».

«Принято, мы согласны», – пришел ответ.

«Джин просил передать, что очень сожалеет об этом, но у

него нет выбора, и у меня тоже».

«Принято. Мы поняли».

На этом обсуждение закончилось.

Со вздохом я закрыл глаза и повернул шлем в сторону утреннего Солнца, чтобы его тепло растопило хотя бы часть влаги на стекле. Я сделал всё, что мог. Я не сдался, я был готов бежать и дальше, если бы так решили. К сожалению, право выбора принадлежало не мне, и хотя мне не сильно нравилось оставлять работу незаконченной, я знал, что поступить так – правильно. Пора было возвращаться домой.

Оставалось сделать две вещи – избавиться от AMU и вернуться в корабль. Освободиться от притяга, вновь подключить фал от корабля и выбраться из секции адаптера, аккуратно сматывая за собой «пуповину», было легче, чем залезть туда, но все же отнимало много времени.

Но теперь я не был уже столь аккуратен и расчетлив. У AMU больше не было никакой цели в этом полете, и я более не беспокоился об этой чертовой штуке. ВВС США заплатили 10 миллионов долларов, чтобы создать такое чудо техники, а мы без тени сожаления собирались выкинуть его в космос и позволить ему сгореть в атмосфере.

Время летело, пока я выбирался из когтей AMU и выползал, цепляясь, на боковую сторону «Джемини» и вдоль нее к кабине. Наддутый скафандр вовсе не потерял своей жесткости за два прошедших часа, и стекло гермошлема было совершенно мутным. Последние силы уходили подобно отливу, а мои проблемы еще не кончились. На самом деле в ближайшие минуты мне предстоял тяжелейший этап выхода.

Мой выход в космос занимал умы почти всех. Профессиональный гольфист Берт Янси был так поглощен телевизионным репортажем в номере мотеля, что забыл о начале финального тура Memphis Open с призом в 100 тысяч долларов. В Риме папа Павел VI помолился за нас в Апостольском дворце. В эту минуту я был благодарен за любую помощь.

В Техасе в нашу комнату вползла тревога. То, что слышал Роджер через два часа после начала выхода, не соответствовало плану. Обеспокоенный, он вышел из комнаты, чтобы поговорить по специальному «красному телефону», который соединял напрямую с ЦУПом. Он вернулся с непроницаемым лицом и снова сел с Барбарой разбираться в циклограмме.

«У Джина есть еще около 25 минут до того, как вновь наступит тень, – сказал он. – Без Солнца ему будет холоднее, и стекло запотеет еще больше». А затем он обозначил проблему, о которой до сих пор мало кто думал: «Из-за этого ему будет

трудно войти обратно в корабль».

Барбара кивнула. «Как много времени нужно, чтобы зайти обратно?» – спросила она. Роджер посмотрел ей в глаза: «Примерно 20 минут». Пятиминутный запас еще никогда не казался таким маленьким.

Марта пододвинулась поближе и обняла мою жену. «Давай, Джин, – прошептала она. – Залезай обратно».

По опыту Эда мы знали, что проникнуть обратно в корабль будет чертовски нелегко. Вместо того чтобы сказать, что это трудно, Эду стоило объявить, что это почти невозможно. Если астронавт был выше 175 см, он не мог выпрямиться в тесной кабине, не упершись головой или ногами. Во мне даже без шлема было 183 см, а это означало, что мне нужно будет слегка сложиться, чтобы залезть внутрь. Я уже измучился, и к тому же на мне были стальные штаны. Но я помнил, что боевой вылет не закончен, пока пилот не сел на авианосец, а в открытом космосе работа не сделана, пока люк корабля не закрыт и не заперт.

Когда я вылез из люка, мы прикрыли его, оставив щель примерно в 8 см, чтобы «змея» могла выползать наружу, а внутренняя часть корабля была защищена от прямых лучей жгучего Солнца. Я стал вслепую нащупывать люк. «Не вижу», – сказал я Тому, отыскивая что-нибудь знакомое. Наконец мои шарящие перчатки обхватили люк, я открыл его, повернулся и засунул внутрь ноги. Том, который все это время сматывал фал, теперь мог до меня дотянуться – он схватил меня за коленку, чтобы придать опору и наконец-то положить конец моему балету в невесомости.

Я же задел фотоаппарат Hasselblad, которым Том фотографировал мой выход. Камера поплыла перед моими глазами, и я попытался ее схватить, как игрок с первой базы хватает отбитый мяч. Неуклюжая перчатка коснулась ее, но у меня уже не было сил, чтобы крепко сжать пальцы и удержать камеру, и фотоаппарат, крутясь, уплыл прочь. С ним ушли и фотографии моего выхода, но я сумел снять и сохранить кинокамеру.

Мы шли над Атлантикой, когда я, полный внутренних опасений, начал протискиваться в кабину. Том держал меня за ноги, потому что негибкий скафандр сопротивлялся, словно живой. Попытки сложить его напоминали складывание пополам надувного матраса. Том не мог оказать никакой другой помощи, и вокруг не было больше никого, так что именно мне приходилось сражаться со скафандром и кораблем одновременно. Я тяжело дышал от напряжения, но все же старался не сказать лишнего, потому что врачи внимательно слушали.

Я протиснулся пониже и сумел согнуть ноги до положения утиной ходьбы. Том держал меня за ступни на сиденье. Если он отпустит их, чтобы я смог засунуть ноги в проем перед сиденьем, я просто вылечу назад в космос, так что я попытался наклониться вперед. Мучительная боль пронзила мои бедра, но я тянул тело вниз, извиваясь, как космический акробат. Я сумел сдвинуть за край сиденья сначала пальцы ног, а затем пятки, одновременно запихивая колени под приборную доску. Мои ботинки зацепились за стальную плиту, которая закрывала кресло с передней стороны, пальцами вниз, и ноги неестественно изогнулись в форме буквы V, но я продолжал давить. У меня не было выбора – приступы боли приходилось игнорировать.

Моя цель состояла в том, чтобы впихнуть зад в кресло и прижаться спиной к его спинке, но это было невозможно сделать в наддутом до жесткого состояния скафандре. Усилия перешли в борьбу, а затем в настоящую битву с пространством, которое я отыгрывал по миллиметру, обливаясь потом. Мое сердце слегка успокоилось по дороге к люку, но теперь снова билось как сумасшедшее, пока я корчился, и я заглатывал воздух по сорок раз в минуту.

Впрочем, докладывать об этом ЦУПу не стоило. «Заходим, без проблем», – передал Том. «Без проблем», – согласился я. Не было смысла говорить врачам больше, чем им следует знать. Они все равно не могли мне помочь.

Я уцепился пальцами за нижнюю часть приборной доски и снова стал тянуть. Еще немного, и я впихнул под доску колени и теперь мог использовать их как точку опоры. Это было непросто сделать в мягком скафандре, и почти невозможно в наддутом. Происходило все примерно так: *ых-х-х!* И так: *ах-х-х!* Толкнемся, поерзаем, еще толкнемся, попробуем… *ох-х-х!*.. заставить скафандр согнуться. Это было труднее, чем засунуть пробку в бутылку с шампанским.

К этому моменту я был наполовину внутри корабля и наполовину снаружи, и все еще трудился на всю катушку, чтобы впихнуть свое тело в кабину. Я сумел опустить плечи ниже уровня люка, вдавил себя вниз так сильно, как только мог, согнул шею и голову под немыслимым углом и потянул за люк. Он ударил по верхушке моего гермошлема и не закрылся. Сукин сын! Я все еще не продвинулся в достаточной степени.

Том дотянулся правой рукой до рукоятки, похожей на ручку щетки, которая через цепь передавала усилие на люк, и потянул ее, чтобы опустить крышку пониже. Толчок, люк сдвинулся еще на десяток сантиметров и остановился. Ручка зацепила первый зуб трещотки механизма, и это было хорошо, но мне стало еще

хуже. Я был спрессован до такого состояния, что уже ничего не мог согнуть, а чертова дверь все не запиралась. Еще один толчок, и мне стало страшно больно. Человеческое тело не способно складываться подобно листу бумаги.

Наконец, защелки сработали, и я начал качать ручку так, чтобы люк уже не смог распахнуться. От боли у меня темнело в глазах, я совсем не мог пошевелиться, например, выпрямить ступни, которые все еще были завернуты назад. Я не мог опустить тело ниже, а колени не шевелились, потому что были вдавлены в нижнюю часть приборной доски.

Еще щелчок. Качаем, трещотка щелкает, я скриплю зубами. Ни одна кость пока не сломалась, хотя непонятно почему. Я никогда не испытывал такой боли. Я качнул ручку в последний раз, и люк наконец-то плотно закрылся.

Должен признаться, что я уже плакал, хотя только Том мог об этом знать. «Том, – прошептал я по внутренней приватной линии, чувствуя себя смертельно раненным, – если мы не сможем быстро наддуть кабину, и мне придется оставаться в таком положении до конца полета, я просто умру!» Я не мог больше находиться в этой ужасной позе. Воздух не поступал в легкие, пятна плясали у меня перед глазами, невероятная мука пронзала меня, и я был на грани потери сознания.

Том не медлил ни секунды, и свист поступающего в кабину кислорода стал для меня самым прекрасным звуком за всю жизнь. По мере роста внешнего давления скафандр милосердно смягчался. Когда я смог пошевелить ногами, я с болью вывернул ступни, выпрямился наконец и смог уместиться в маленьком кресле.

Я снял шлем и вдохнул свежий кислород. Лицо у меня было красное, как редиска, и Тома шокировал его вид. У нас было железное правило – никогда, ни в коем случае не распылять воду в кабине, потому что летающие капли могут замкнуть электрическую проводку. Но Том не колебался. Он схватил водяной кран, направил в мою сторону, как будто это был пистолет, и пустил струю жидкой прохлады на мою горящую кожу. Я облегченно закрыл глаза, чувствуя себя спасенным и воскресшим почти что из мертвых.

Я пробыл в открытом космосе два часа и девять минут, «пройдя» за это время примерно 58 000 км – один полный виток вокруг Земли и более трети второго. Работа была сделана, и я выжил и могу рассказать о ней, но даже сейчас, вспоминая это, я чувствую усталость.

Когда все тревоги остались позади, мы смогли отдохнуть до конца дня, и я был этому очень рад. Я устал, как не уставал

никогда в жизни, и когда я стянул с рук перчатки, я увидел, что ладони вздулись до такой степени, что металлическое кольцо перчатки срезало кусочек кожи. Но в этот момент я просто радовался, что живой, и потеря нескольких полосок плоти меня не волновала. Я был уверен, что никто не смог бы провести этот выход лучше меня, потому что те непредвиденные проблемы, с которыми я столкнулся, поджидали любого. Но факт есть факт: меня послали выполнить определенную работу, и я не смог этого сделать.

Я не слишком тревожился о том, что за мной наблюдал весь мир, потому что большинство людей все равно не понимало, что происходит. Меня беспокоили мои друзья-астронавты, потому что внутри себя я четко ощущал, что где-то сплоховал и всех их подвел. Я отдал работе всего себя, и теперь, спустя много лет, я знаю точно, что задание было чересчур амбициозным с самого начала. Но тогда я не понимал, как убедить ребят в серьезности проблемы. Конечно, они ничего не скажут мне в лицо, но в частных беседах в отряде прозвучит несколько ехидных комментариев. *Этот новичок не справился. Настоящий летчик-испытатель нашел бы какой-нибудь способ заставить эту штуку работать.* Будет ли считаться, что я потерпел неудачу? С нашим «Джемини-9» случилось слишком много неприятностей – быть может, этот полет станет для меня первым и последним? Поймут ли меня?

Ладно, по крайней мере мы собирались домой. Полет был практически закончен, и после восьмичасового сна нам предстояло подготовиться к спуску. Я спал тревожным сном, который был лишь отчасти смягчен мыслью о том, что я возвращаюсь на Землю намного более опытным, чем улетал с нее, и верой в то, что за оставшиеся несколько часов, когда почти ничего не надо будет делать, ничто больше не пойдет наперекосяк. Знал бы я, как будет на самом деле!

В Техасе была полночь, и всё уже успокоилось. Патрули присматривали за домом. Настала тишина, и только Барбара не могла заснуть после пережитых волнений. Она лежала в постели и прислушивалась к шороху помех из динамика, выведенного на малую громкость. В космосе ничего не происходило.

Конечно, ей стало легче, когда пришла новость о том, что я благополучно вернулся в корабль и что люк закрыт. Это событие праздновали тихо, потому что она все еще стояла у интеркома и слушала мой голос. Постепенно гости разошлись по домам, исчезла пресса, Рай и бабушка Кук ушли спать, Трейси тоже угнездилась под изношенным одеялом, и Барбара наконец осталась одна.

Она вышла во двор, встала на веранде, которую мы сделали вместе, и долго смотрела в темное небо. Где-то там летел ее муж, и она не могла ни увидеть его, ни достать, как и он не мог встретить ее. Запах роз и гладиолусов, которые мы посадили, окружал ее в эту теплую ночь. Она положила руку на поддон с красными кирпичами, из которых я постепенно складывал печь для барбекю. Этот проект, рассчитанный на будущее, подразумевал, что будущее наступит. Хотя я был далеко, я в то же время был и близко, и я возвращался домой. Тяжелая личная ноша жен астронавтов была, пожалуй, сравнима с чувством неопределенности у жен тех моряков, которые пять столетий назад повели через неизведанные моря «Нинью», «Пинту» и «Санта-Марию», чтобы открыть новый мир.

14
Воздаяние

Мы отстрелили установку AMU перед тем как лечь спать, чтобы избавиться от ее взрывоопасного топлива, эквивалентного ящику снарядов. Затем, утром в понедельник, мы отделили секцию адаптера, которая была одновременно гаражом для AMU и нашим отсеком оборудования, и наклонили корабль так, чтобы его тупой конец смотрел вперед и немного вверх четырьмя твердотопливными двигателями. Пришло время для тряской дороги домой, на планету Земля.

Где-то на пути от Гавайских островов к Калифорнии, в темноте на высоте 285 км над Тихим океаном, наземные операторы дали нам отсчет, и в 08:26 утра мы запустили двигатели. *Бах!* Вот это толчок! После трех суток в невесомости впечатление было такое, как будто ударом молотка нас отбросило обратно в Гонолулу. Мой всегда красноречивый командир предупредил, что зажигание тормозных двигателей будет «пинком под зад», и он ничуть не приврал. Дикая мощь ударила нас с такой силой, что на мгновенье я потерял дар речи. Это продолжалось лишь несколько секунд, и скорость корабля снизилась всего на 500 км/час, но этого было достаточно, чтобы земное притяжение потянуло нас вниз. Мы отделили бесполезную теперь тормозную установку и обнажили смонтированный под ней теплозащитный экран.

Мы лежали спиной к экрану, и наши маленькие окна вдоль тонкого носа корабля, который теперь был поднят над горизонтом, смотрели в черноту космоса. Небольшой акселерометр на приборной панели зашевелился и показал, что мы дошли до уровня в одну двадцатую ускорения свободного падения *g*. Давление было еще столь легким, что мы его не чувствовали, но прибор говорил, что мы начинаем тормозиться.

Мы пересекли берег Калифорнии на высоте 170 км и снизились до 111 км над Нью-Мексико. Молекулы воздуха начали колотить по кораблю, и перегрузки стали быстро расти. Мое внимание захватила новая, ни на что не похожая сцена, формирующаяся за нашими окнами. Это была линия оранжевых вспышек, похожая на след молнии, который мгновенно исчезал в космосе. С другой стороны появилась полоска зеленого цвета, и тут же вокруг нас всё быстрее и быстрее закружились яркие полосы синего, красного и пурпурного оттенка: тупым концом вперед «Джемини-9» вошел в плотные слои атмосферы. От трения

при падении сквозь воздух со скоростью многих тысяч миль в час вокруг корабля образовался огненный шар, а в кабине становилось теплее и теплее. Последнее, что мы услышали по радио, прежде чем на высоте 75 км пропала связь, было: «Доброго пути домой».

Компьютер сообщал нам, как идет спуск, и Том разворачивал наш корабль со смещенным вниз центром тяжести – сначала на 50° влево, потом на 38° вправо[71], чтобы с опорой на числа на экране прийти в заданную посадочную зону в 560 км восточнее мыса Кеннеди, за полмира впереди от нас.

Эти аккуратные повороты туда и сюда заставляли длинные языки пламени, летящие за кораблем подобно элегантным крыльям, закручиваться и искривляться относительно друг друга и ярко флуоресцировать в темноте. Оранжевые и желтые тени, красные отблески и полосы синего и зеленого переплетались, образуя витки цветной спирали. Наша кинокамера снимала струи огня со стороны экрана, которые вливались в этот пламенеющий хвост. Отдельные искры садились на мгновенье на нос корабля, прилипали и блестели, как играющие чертики, но затем их сносил сильнейший ветер, создаваемый нашим движением. Такое прощание с тьмой, такой привет свету не снились никакому рок-концерту. Потом пламя полностью поглотило нас, и зарево покрыло весь корабль, распространяясь от горящего экрана до самого носа и сливаясь в какой-то невидимой точке далеко позади.

Перегрузки уверенно росли, они превысили 4 *g*, затем 5 *g* и поднимались еще выше, пока мы прожигали себе путь сквозь стену тишины.

Ощущение было такое, будто на моей груди пляшет Зеленый Гигант из Миннесоты[72]. Радиоволны не могли пробиться через этот огненный вихрь. Я мог видеть только пламя в те четыре минуты, когда молчало радио, а мы летели сквозь ад с температурой под 1700°. Говорят, что в окопах не бывает атеистов; я понял, что их нет и на космических кораблях, падающих к Земле в огненном шаре, и произнес короткую молитву. На нас были перчатки и шлемы, мой еще пропитанный потом от выхода в космос, и мы лежали на спине без движения, не имея никак других вариантов, кроме как оседлать бурю.

Цвета, порождаемые нашей огненной колесницей, завораживали меня. Сегодня я хорошо понимаю, почему один из моих приятелей-астронавтов, Алан Бин, стал на склоне лет художником. Увиденное нами нельзя объяснить словами, но только в красках.

Мы с Томом пронеслись сквозь атмосферу как сияющая

адская летучая мышь. Наконец вырвавшись из пламени, мы обнаружили, что планета быстро надвигается на нас. Корабль «Джемини», на орбите легкий как ангел, теперь имел аэродинамические характеристики летящей пробки от ванны.

«Уосп» обнаружил нас на радаре за семь минут до приводнения и сообщил, что мы идем точно по расчетной траектории. В это время на высоте около 8 км мы выпустили небольшой вытяжной парашют, чтобы обрести стабильность. Он вышел из носовой части корабля, и мы повисли экраном к воде, так что глаза наши смотрели в небеса и с интересом разглядывали этот маленький купол; он же трясся как мокрая собака. На высоте примерно 5 км колебания усилились, и мы отстрелили вытяжной парашют и ввели основной. Он был зацеплен так, чтобы наклонить корабль набок, чтобы мы могли приводниться, сидя в правильном положении. Мы быстро замедлились и стали качаться, как маятник часов.

«Вы нас видите?» – спросил Том. С авианосца ответили: «Вас видит весь мир». Телевизионные камеры передавали картинку нашего снижающегося корабля, качающегося под полосатым парашютом.

«Джемини-9» с размаху вошел в воду, и лишь только мы успели подумать, что победили, как проклятье еще раз достало нас.

На море было волнение, и корабль подошел к концу своей дуги как раз в тот момент, когда под нами оказалась ложбина между двумя полутораметровыми волнами. В последнем качании назад тупой конец корабля врезался со страшной силой в стену набегающей волны, все равно как если бы мы грохнулись об бетон. Из нас почти что выбило сознание, а к моменту, когда мы смогли собраться с мыслями, у наших ног уже плескалась вода. Наши переговоры по интеркому звучали примерно так: «О черт, мы разбили корпус! Вода плещется внутри корабля. Нужно вылезать из этого сукина сына!»

Мы решили, что корпус корабля лопнул, и что после трех дней на орбите мы сейчас пойдем на дно, словно тяжелый якорь. Том был выпускником Академии ВМС, я – морским летчиком, но никому из нас не нравилась идея уйти на дно вместе с кораблем.

Волна ударила в окно, и нас резко качнуло вверх и вниз, а вода в кабине вскипела, как джин, который перемешивают, чтобы приготовить мартини. Ситуация была в точности по поговорке: «Куда ни кинь, всюду клин». Если мы не выбьем люк и не вылезем отсюда, то корабль может стать нашим запаянным и тонущим гробом. Если же мы откроем люк, то следующая же волна может захлестнуть его, и разница будет состоять лишь в том, что мы

утонем с открытым люком, а не с закрытым. И тут я почувствовал воду в своем скафандре! Если там есть разрез, и я все-таки сумею выпрыгнуть в океан из ставшего таким опасным корабля, скафандр наполнится водой и утянет меня вниз за какие-то секунды.

«Мы начинаем набирать воду, давайте скорее пловцов», – передали мы на авианосец. Когда вертолет приблизился, и парашютисты спрыгнули в волны, мы поняли, что вода у наших ног не поднимается. Как оказалось, «Джемини-9» вовсе не тонул. От жесткой посадки лопнула внутренняя водяная магистраль, и остатки питьевой воды пролились в кабину. Я посмотрел на Тома, а тот на меня. Мы улыбнулись и хлопнули ладонями в знак победы. Мы провели в космосе трое суток и 21 минуту, мы сделали 45 оборотов и пролетели 1 900 000 км и снова были на Земле, совершив наиболее точную посадку в истории американской космической программы. Мы плюхнулись в воду всего в 700 метрах от расчетной точки и в 6500 метрах от ожидающего нас спасательного корабля. Очень неплохо для работы по заказу правительства.

Пловцы обернули корабль спасательным «воротником», мягкий восточный ветер подталкивал нас к авианосцу. Мы сняли шлемы и перчатки и открыли люки. Солнце, свежий воздух, запах дома.

Никогда еще авианосец не был таким приятным зрелищем для пилота. Огромный «Уосп» подошел к нам, опустил крюк и поднял обгоревший «Джемини-9» на палубу, всё еще с нами внутри. Мы встали, помахали камерам и вступили на красную ковровую дорожку под приветственные крики тысяч моряков. Я шагал с трудом, вода плескалась где-то около лодыжек, как если бы я нес по аквариуму на каждой ноге. Наши первые слова благодарности никто не услышал, потому что большой корабельный оркестр грянул «Поднять якоря» во всю силу своей меди.

«Смотри, Трейси! – прокричала Барбара. – Смотри, мистер Стаффорд и папа возвращаются из космоса!» Дочь увидела меня на экране и завопила: «Папа! Папа!» Ее бабушка Джеки Мей Этчли раздала всем бумажные платочки. Слезы в нашей комнате текли рекой.

Фей Стаффорд улыбалась прессе на лужайке перед домом, избавившись от тревог, но выразила странную надежду на будущее: «Когда я вновь приду в этот мир, я хочу быть замужем за почтальоном, который работает с девяти до пяти, а не за астронавтом».

Репортеры, толпящиеся на лужайке в Беллвуде, услышали

донесшееся из дома «Ура!» в момент касания, а затем появились мои родители. Папа поцеловал маму и с широкой улыбкой на лице поднял вверх два больших пальца. «Я так счастлив, что не могу ясно мыслить, – сказал он. – Мой мальчик вернулся».

Каждому из нас дали по телефонной трубке, и президент США Линдон Джонсон поздравил нас со своего ранчо в Техасе. Сказав, как гордится нами весь народ, президент обратился ко мне: «Эта небольшая прогулка, Джин, стала одной из лучших страниц во всей нашей космической программе». А затем он объявил о присвоении мне досрочно очередного звания коммандера. Такова была традиция – астронавтам давали следующее звание после выполнения первого полета, и Том получил серебряные листья подполковника ВВС всего шестью месяцами раньше, когда закончился полет «Джемини-6». Мое продвижение означало, что я пробыл лейтенант-коммандером (тоже получив это звание досрочно) всего год, и теперь опережал нормальный порядок присвоения званий на шесть лет. Кто сказал, что стать астронавтом – значит поставить крест на военной карьере?

Когда мы с Томом добрались до медицинского отсека, я в первый раз за трое суток попал в душ и получил возможность соскрести с лица жесткую щетину и почистить зубы. Когда техники извлекли меня из скафандра, они перевернули его вверх ногами и вылили больше литра воды. Та влага, которую я почувствовал после приводнения и когда шел по палубе, оказалась рекой пота, оставшегося от выхода. В космосе ему некуда было испариться, и когда мы вернулись к тяжести, он стек вниз по телу и собрался в ботинках. После этого медики поставили меня на весы и обнаружили, что за трое суток я потерял шесть килограммов. Они также заинтересовались солнечным ожогом в том месте, что пониже спины. Было трудно убедить их, что я чувствую себя хорошо, потому что я был тощий, как пугало.

После двухчасового медосмотра и переодевания в свежие синие полетные костюмы NASA нам наконец-то разрешили позвонить женам. На обоих концах линии было множество свидетелей, и вообще разговор шел по открытому радиоканалу. Он получился слегка неестественным, но голоса Барбары и Трейси помогли мне вернуться в реальный мир. «Джемини-9» ушел в тень, когда я говорил с моими девочками.

На «Уоспе» мы с Томом все время сталкивались с преклонением. Должен признать, это было довольно мило, и дело не ограничивалось адмиралами и капитанами. Мы съели вместе с экипажем два огромных торта и наспех осмотрели обугленный

корабль, который трое суток был нашим домом. Я пожал несколько сотен рук, изобразил улыбку на нескольких сотнях фотографий и послушал гул одобрения сотен ликующих голосов.

Мы знали лучше, чем кто-либо, насколько был полон проблем наш жуткий полет, но впечатление создавалось такое, что беды трех последних дней никто не заметил. Эти люди хотели услышать об успехе, а не о неудаче, и относились к нам как к особам королевской крови. Президент, командование флота и тысячи моряков видели в нас людей, великолепно выполнивших свою работу. По телевизору Уолтер Кронкайт сказал, что мы вошли в историю. Астронавты! Не так давно я был лишь никому не известным пилотом А-4 на авианосце, очень похожем на этот. Теперь все знали мое имя. Я чувствовал себя настоящим, положа руку на сердце, космическим героем.

Через шесть часов мы стартовали с «Уоспа», на этот раз в качестве вторых пилотов на паре винтовых самолетов, которые доставили нас на мыс Кеннеди. Там мы пронеслись над полосой крыло к крылу, а затем приземлились как раз тогда, когда над этим районом мрачно собирался шторм. Быть может, это был знак свыше, но мы оставили всю героическую мишуру на палубе авианосца.

Одно дело пудрить мозги прессе, и совсем другое – предстать перед нашим крестным отцом Диком, который с флегматичным выражением на морщинистом лице наблюдал, как мы вылезаем из самолетов. Дик руководил четырехдневным подробным разбором со специалистами NASA, которые знали план полета так же хорошо, как и мы.

Наше победное возвращение было для них отклонением от существа вопроса, потому что эксперты хотели знать, и знать в точности, что именно происходило там, наверху. Я потряс руку Дика и пробормотал что-то насчет получения «некоторых реальных неплохих данных». «Хорошая работа, ребята», – ответил он. Это мало утешало, потому что такие же слова он говорил каждому вернувшемуся астронавту.

В течение четырех дней мы с Томом выкладывали всю подноготную на магнитофонные пленки, потом улетели домой в Хьюстон, и там Ал Шепард, Ледяной командир, глава Отдела астронавтов, прогнал нас через еще одну неделю допросов. Шепард, который некогда был самым известным человеком в Америке, на мой новый статус знаменитости плевать хотел. И не важно, что я мог сказать – я чувствовал, что этот выход висит над моим будущим подобно гильотине. Еще тяжелее, чем ответить за свои действия, было признаться Шепарду, что я встревожен случившимся. У этого человека с нытиками разговор короткий.

Тем временем высшее руководство программы давало СМИ совершенно правильные разъяснения. Боб Гилрут, директор Центра пилотируемых кораблей, заявил, что полет «Джемини-9» был исключительно успешным, невзирая на все осложнения, и что мы можем много узнать «из непредвиденных вещей». Чак Мэттьюз, менеджер программы «Джемини», подвел итоги лучше всех. Он сказал, что мы находимся «в стадии летных испытаний в отношении космоса», во время которой положено делать ошибки и учиться на них. «И прогресс достигается», – заверил он, приведя в качестве примера наши успехи в области встречи на орбите и способность управлять кораблем на спуске, чтобы приземлиться близко к цели. Что же касается моего выхода, они до удивления тщательно выбирали выражения. Врачи заявили, что озадачены тем фактом, что астронавты во время работы в открытом космосе устают быстрее, чем в условиях земной тяжести. Они использовали множественное число, но поскольку я был единственным астронавтом, который делал в космосе какую-либо *работу*, было нетрудно понять, о ком идет речь.

Мне также стало известно о разговорах, которые вели в своих кабинетах за закрытыми дверями мои приятели-астронавты. Те же, кто язвил в отношении Армстронга и Скотта за их работу на «Джемини-8», теперь целились мне в задницу, намекая, что если бы на орбите был Чарли Бассетт, или Майк Коллинз, или Дик Гордон, или любой из хорошо подготовленных летчиков-испытателей, привыкших аккуратно разруливать неожиданные проблемы, возможно, дела бы пошли иначе. Сернан, в конце концов, лишь один из середняков, который по чистой случайности прыгнул вверх по графику полетов и, наверное, оказался не в своей лиге.

Во время детального разбора стало ясно, что работа в космосе принципиальным образом отличается от того, что ожидалось, и я пришел к пониманию, что мой выход, в общем-то, оказался уникальным. Тем не менее молчаливая критика была направлена на меня, и самозваные судьи сумели заронить семя сомнения даже в мои мысли: *а что, если проблема действительно во мне?* Я с трудом сдерживал бешенство, но до того, как будут сделаны какие-либо официальные выводы, мог только молчать и ждать.

Барбара и Трейси встретили меня на базе Эллингтон, когда мы прилетели с Мыса, и я сгреб в охапку свою трехлетнюю малютку и поцеловал жену. Пока мы ехали домой по знакомым улицам, я узнал, что течет кран и его нужно починить, что Трейси поцарапала коленку в детском саду и что надо что-то срочно делать с лужайкой, по которой потопталась пресса. Из научно-

фантастического романа Айзека Азимова я вернулся в обычные домашние хлопоты, и нашел в этом успокоение. Господи, как же хорошо дома.

Относительно моей работы в космосе могли быть сомнения, но Барбара нанесла упреждающий удар еще в день приводнения. В белом летнем платье, словно идеальная Миссис Астронавт, она сказала репортерам, что хотя за время полета и сгрызла все свои ногти, но оба мы хотим, чтобы Джин полетел снова. «Это его работа. И это лишь начало нашего пути к Луне». Ее слова и снимки нашей дочери в красно-бело-синем морском костюме дали космическому агентству хорошую прессу в момент, когда оно очень нуждалось в этом.

Конгресс существенно сокращал бюджет NASA, и предстояло уволить примерно 60 тысяч человек, половина из которых была занята исследованиями и разработками, потому что по некоторым контрактам федеральное финансирование прекращалось. Соревнование за бюджетные деньги обострялось, и публичный облик NASA становился более, а не менее важным. Маленькая девочка в цветах американского флага давала неплохой глоток добрых чувств для страны, которая на других важных фронтах отступала.

В Миссисипи в день нашего приводнения участник марша за гражданские права Джеймс Меридит был ранен из засады, после чего арестовали белого человека. LBJ пытался смягчить нарастающий бунт черных новыми программами Великого общества.

Во Вьетнаме наши пилоты наносили жестокие удары по северовьетнамцам, но военная машина Ханоя не несла от этого особого урона. Примерно в то самое время, когда меня встречали как героя после полета «Джемини-9», мой приятель Фред Болдуин был дважды сбит и получил серьезные ранения. Боб Шумахер тосковал в ханойском «Хилтоне» в качестве военнопленного. Рон Эванс, пришедший на подготовку в отряд, о Вьетнаме не рассказывал, а мой приятель Скип Фёрлонг собирался вот-вот отправиться на войну. Я строил картину происходящего по газетам, но для меня было вполне очевидно, кто на самом деле является настоящим героем.

С такими заголовками стране были нужны добрые новости, и эта работа досталась NASA и его астронавтам. Казалось, что больше ничего хорошего не происходит, а вот в космической гонке мы выглядели неплохо – мы уже опередили Советы по количеству пилотируемых полетов, тринадцать против восьми; во встречах на орбите – пять против нуля; наконец, Сернан и Уайт вместе набрали 2 часа и 36 минут в открытом космосе против 12

минут Леонова.

Разбор продолжался, и все больше свидетельств указывало на то, что мы просто не предвидели проблем, с которыми столкнутся астронавты, если попытаются работать в космосе, а не просто гулять там. Я почувствовал, что ситуация стала меняться в мою пользу, когда д-р Чарлз Берри отметил: «Сложность физической работы в наддутом скафандре оказалась одним из больших открытий этого полета». Берри и астронавты обычно оказывались по разные стороны баррикад, а теперь он согласился со мной, и это было очень важно. В конечном итоге фокус дискуссии сместился в сторону того, как решить проблему, и я смог расслабиться.

В конце июня я оказался в Чикаго и в Беллвуде в роли, которую не мог себе вообразить. С момента приземления в Международном аэропорту О'Хара и до отлета тремя днями позже меня приветствовали как легендарного воина, вернувшегося с чужих берегов. Очень мягко говоря, размах встречи дома был для меня сюрпризом.

Под песню Синатры My Kind of Town, исполняемую оркестром пожарной охраны Чикаго, Барбара, Трейси и я сошли с трапа принадлежащего NASA «Гольфстрима». Нас обняли мама и папа и приветствовал мэр Чикаго Ричард Дейли. Кортеж домчал нас до Беллвуда, где все 55 фонарных столбов украшали флаги, а наш маленький дом по Маршалл-Стрит, 939 был окружен тысячью поклонников. Город выпустил в мир тощего студента и получил космического героя – чем не повод для праздника!

Повсюду стояли модели космических кораблей, почти над всеми домами в Беллвуде развевался американский флаг, и едва ли не каждый из 23 000 жителей размахивал еще одним. На следующий день на удушающей жаре примерно 200 тысяч человек выстроились вдоль маршрута парадной процессии, кое-где в шесть рядов. В памяти сильнее всего отпечатался старичок в шляпе Американского легиона, стоявший у обочины с маленьким флажком. Я понятия не имел, кто он, но он нашел время прийти, отстоять на солнцепеке и приветствовать человека в два с лишним раза моложе его.

Город переименовал в мою честь улицу и парк возле моего дома, Американская молодежная торговая палата удивила меня картиной, изображающей моих близких, щедрый официальный обед венчал церемонию. Но самый лучший момент был, когда я зашел на малюсенькую кухню нашего дома и обнаружил, что там сидят два человека с закатанными рукавами, в рубашках, мокрых от пота, с галстуками, съехавшими набок, пьют пиво, смеются и травят байки – мой отец и один из его кумиров, мэр Дейли. Это

было здорово.

Неделей позже празднования повторились в Оклахоме, в родном штате Тома, с парадом ямщиков, ковбойскими сапогами и стетсоновскими шляпами. Один из политиков обещал не лететь на Луну, если Том пообещает не выдвигаться на выборах. Ти-Пи сказал, что не будет этого делать, но я ему не поверил, как не поверил и озабоченный конгрессмен от Оклахомы.

Такого приема у себя дома удостаивался почти каждый астронавт, слетавший в те далекие годы. Американцы гордились нами, а также и собой. В конце концов, именно они как налогоплательщики дали деньги на отправку нас в космос.

«Джемини-10» стартовал 18 июля в трехсуточный полет с Джоном Янгом в качестве командира, а Майку Коллинзу предстояло провести пару выходов и снять научную аппаратуру с ракеты «Аджена». Майк должен был использовать для перемещения «космический пистолет», подобно Эду Уайту, безо всякой AMU, и провести оба выхода в дневное время. Его первый выход пришлось отменить в самом начале, потому что какое-то токсичное вещество попало в воздушные магистрали скафандра и вызвало серьезное раздражение глаз. Во второй раз он вышел наружу и перелетел на «Аджену», но стал соскальзывать с нее, так что был вынужден залезть руками внутрь и ухватиться за жгут кабельной сети, чтобы остановить свое движение.

Еще через два месяца пришел черед Дика Гордона на «Джемини-11», с командиром Питом Конрадом, и все думали, что если кто-то и сможет укротить дракона по имени Выход, то это Дик Гордон. Но проблемы с солнцезащитным щитком гермошлема начались у него уже в корабле, а систему жизнеобеспечения Дик перегрузил еще до старта. Он выбрался наружу уже разгоряченный и вспотевший, а потом так устал во время выхода, что уселся на «Аджену» верхом, будто на лошадь, просто чтобы отдохнуть, причем полный сил Конрад еще и кричал: «Езжай, ковбой!» Эти два парня были лучшими в нашей программе, и их проблемы окончательно подтвердили мои. Я перестал быть единственным астронавтом, испытавшим трудности при работе в открытом космосе.

После трех проблемных выходов отношение к ним стало другим. Инженеры NASA изменили конфигурацию следующих кораблей и установили на них множество новых поручней, перил и стремян, в которых будущие астронавты могли бы зафиксировать свои ноги. Стремена оказались настолько удачными, что мы назвали их «золотыми тапочками». А поскольку я сравнил выход в открытый космос с плаванием в условиях невесомости, агентство арендовало бассейн для тренировки

астронавтов. Среди первых погрузились в него, одетые в космические скафандры, мы с Баззом Олдрином, которому предстояло выполнить выход в последнем полете «Джемини». Гордон Купер и я были дублирующей командой «Джемини-12».

Дик, однако, до последней минуты сомневался относительно Базза и предстоящего полета. На «Джемини-12» вновь планировалось испытать AMU, и по мере того, как приближалась октябрьская дата старта, стало казаться, что эта все еще не освоенная установка – «слишком большой укус», хотя ее заказчики из BBC и протестовали. Я же был единственным, кто по крайней мере сел в седло этого устройства в космосе.

Дик вызвал меня к себе, закрыл дверь кабинета и начал говорить еще до того, как опустился в кресло: «Джино, как быстро ты можешь подготовиться к новому полету?» Я подумал, что он собирается назначить меня в один из первых экипажей «Аполлонов».

«Как только ты скажешь, Дик. Когда?»

«Прямо сейчас. Ты согласен перейти из дублеров в основной экипаж? Полететь на двенадцатом вместе с Ловеллом?»

На моем лице отразилось удивление. Чтобы я оказался на борту, нужно снять с полета Олдрина. «Могу я знать, в чем дело?»

«В AMU, – ответил он. – BBC не отпускают нас и просят испытать установку еще раз, и я хочу, чтобы на ней полетел ты. Ты можешь это сделать?»

У Базза была шаткая репутация среди руководящих работников NASA из-за того, как он принимал решения. Он был блестящим специалистом и поэтому не мог просто принять некий предмет, он хотел всё переделать, а у нас не оставалось времени, чтобы заново изобретать то или иное колесо. Учитывая доклады о его работе на тренажерах и о других направлениях подготовки, сказал Дик, он считает, что Базз не будет способен на всестороннее испытание AMU. А у меня уже был опыт, и Дик хотел видеть меня в кресле «водителя».

Когда Дик спрашивает, согласен ли ты принять задание, на это есть только один ответ, иначе попадешь под раздачу. «Да, сэр, – сказал я ему, окончательно решив, что уверенность Дика во мне не поколеблена. – Будьте уверены на все сто, я сделаю это».

Но еще до того, как Дик успел внести изменения в список экипажей, задача полета стала другой. Опасную AMU сняли, а выход решено было посвятить простейшим упражнениям, чтобы понять, можно ли делать в космосе хотя бы элементарные вещи[73]. Баззу предстояло выйти наружу, тщательно зафиксировать ноги в «золотых тапочках» и привязаться к кораблю несколькими фалами, используя также поручни и

перила. Вместо того чтобы возиться со сложной установкой AMU, он должен был теперь стоять на надежном «якоре» у учебной панели и резать кабели, закручивать болты ключом, накидывать петлю на крюк, снимать предметы, закрепленные на липучках, и тому подобное.

«Джемини-12» оказался очень успешным полетом, а Базз установил рекорд продолжительности работы за бортом почти в пять часов за три отдельных выхода. Благодаря внесенным изменениям после трудных выходов Майка, Дика и моего он даже не слишком тяжело дышал, влезая обратно в корабль. В своей обычной манере он позднее утверждал, что лично решил все проблемы с выходом и что его работа прошла столь гладко оттого, что он был подготовлен лучше, чем остальные. Мы же, откровенно говоря, считали, что он занимался лишь обезьяньей работой. Выводы делайте сами.

15
Самый страшный год

Десять пилотируемых полетов «Джемини» были блестящим успехом, они доказали, что мы можем решить все важные задачи на пути к Луне. Менее чем за два года мы оставили Советы далеко позади – теперь представлялось, что это они тащатся за нами. Они все еще не провели настоящего сближения в космосе, они ни разу не состыковали два космических аппарата и имели всего лишь 12-минутный опыт работы в открытом космосе в одном выходе. И так же как «Джемини» последовал за «Меркурием», колоссальный эксперимент под названием «Аполлон» уже шел полным ходом, когда в середине ноября 1966 года приводнился «Джемини-12». Однако когда был сорван последний листок календаря и наступил 1967 год, у нас оставалось лишь 36 месяцев, чтобы осуществить посадку человека на Луне – если, конечно, это возможно, – и выполнить обещание Кеннеди в установленный им срок до конца десятилетия.

Уже несколько лет я наблюдал, как в космопорте на мысе Кеннеди расцветает космическое будущее в форме гигантского Здания вертикальной сборки VAB. Это огромное сооружение имело 160 метров в высоту, 218 метров в длину и 158 метров в ширину и было самым большим в своем роде на Земле. Любой из четырех его внутренних отсеков мог с легкостью поглотить небоскреб штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке. VAB был настолько объемен, что рабочие на верхних ярусах находились в другой атмосфере, нежели внизу: временами их окутывали облака, а дождь затуманивал лица, и все это за закрытыми створками гигантских ворот. Достаточно сказать, что здание производило чертовски сильное впечатление. VAB стоил 100 миллионов долларов, он занимал восемь акров площади и доминировал над плоским флоридским ландшафтом. Внутри у техников была «тихая гавань» для сборки из отдельных ступеней монструозных ракет программы «Аполлон».

За две недели до того, как мы с Томом стартовали на «Джемини-9», дверные створки VAB, каждая высотой в 48 этажей[74], с грохотом отворились, и изнутри под яркое флоридское солнце выползла она – огромная ракета-носитель «Сатурн V», стоящая вертикально «на спине» транспортера размером с бейсбольное поле – самого большого гусеничного средства в мире. У транспортера было восемь гусениц, похожих на танковые, по две на каждом углу. Каждая гусеница имела 57

звеньев, и каждое звено весило тонну. И пока транспортер дюйм за дюймом преодолевал дорогу и поднимался по уклону к стартовому комплексу, верхушка ракеты, которую предстояло использовать в беспилотном испытании[75], не отклонялась от вертикали более чем на диаметр баскетбольного мяча.

В течение 1966 года состоялось три успешных беспилотных испытания ракеты «Сатурн IB». Мыс Канаверал пребывал в готовности.

Дик был занят сильнее, чем тренер бейсбольной команды перед трудной игрой. Он формировал тройки астронавтов для первых полетов «Аполлона», переставлял людей туда-сюда, вычеркивал одних и вписывал других. В конечном итоге он остановился на том, что в полет на «Аполлоне-1» отправятся Гас, Эд и Роджер[76], и после многих месяцев тщательных тренировок они тоже были готовы. Им предстояло стартовать в космос на ракете «Сатурн IB», потому что их полет имел ограниченные задачи исключительно на околоземной орбите, так что им не требовалась неимоверная мощь полноценной лунной машины «Сатурн V».

Казалось, все уже на месте, и неистовая энергия, почти безумная и нереальная, охватила всех нас. Мы можем это сделать! Мы полетим на Луну и побьем русских! Таков был наш лихорадочный настрой.

Я всей душой ушел в работу. Выход на «Джемини-9» не стал поводом отодвинуть меня в сторону, напротив, я получил назначение в дублирующий экипаж второго «Аполлона» вместе с Томом Стаффордом и Джоном Янгом. Объявление об этом, сделанное за три дня до Рождества 1966 года, заставило меня сиять не хуже новогодней елки в нашей гостиной.

В каждом полете «Аполлона» должны были участвовать трое, а не двое, как на «Джемини», и тем более не как одинокий астронавт «Меркурия». Дело в том, что по существу это были два совершенно новых корабля с мириадами сложных систем. План полета требовал, чтобы один астронавт – пилот командного модуля – оставался на орбите вокруг Луны, а другие двое – командир и пилот лунного модуля – спустились на ее поверхность. Командный и служебный модули, которые держались в связке вплоть до входа в атмосферу, все называли тремя буквами CSM, а похожий на паука модуль для высадки на Луну фигурировал под обозначением LEM. Вскоре NASA выбросило из второго названия слово на букву E («экскурсионный»), сочтя его слишком фривольным, так что он стал просто лунным модулем, или LM[77].

Выбрав Гаса, Эда и Роджера в экипаж «Аполлона-1», Дик

первоначально назначил Уолли Ширру командиром основного экипажа «Аполлона-2», поставив пилотом командного модуля Донна Айзли и Уолта Каннингэма в качестве «водителя» LM[78]. Хитрый Дик чувствовал, что Уолли собирается уходить в отставку, а потому, по его словам, «это не был экипаж, который я планировал использовать в лунной экспедиции». Однако он отлично подходил для выполнения полета, который был всего лишь копией уже спланированного «Аполлона-1» с целью дальнейших испытаний систем корабля «Аполлон» на комфортной околоземной орбите.

Это задело Уолли очень сильно. Ему нисколько не хотелось повторять то, что уже делал Гас. Он настолько убедительно жаловался на полную бессмысленность «Аполлона-2», что NASA в конечном итоге согласилось и отменило его полностью[79]. Уолли выиграл битву, но проиграл войну – после отмены столь ненавистного «Аполлона-2» ему пришлось стать дублером Гаса на «Аполлоне-1», точно так же, как уже было на «Джемини». Удивительно, что он вообще решил остаться в программе, получив столь чувствительный удар по самолюбию.

К этому времени мы вычислили, что Дик имеет обыкновение ставить дублирующий экипаж основным на третий от текущего полет в графике, поэтому я ликовал, узнав, что вместе с Томом и Джоном назначен дублировать «Аполлон-2» (еще до того, как из-за жалоб Уолли его выкинули в мусорную корзину). Плюс три полета – это значит, что мы можем оказаться на борту «Аполлона-5», и есть шанс, что тогда и состоится посадка на Луну. Мы с Томом изначально были среди кандидатов на роль первого человека на Луне. Но когда «Аполлон-2» отменили, мы стали еще одним дублирующим экипажем для важного первого полета «Аполлона»[80].

И вот в это время, когда всё продвигалось так хорошо, когда экипажи готовились к первым полетам, а ракеты выходили со сборочных линий одна за другой, за несколько ужасных минут на Мысе все пошло к черту. Всего через 27 дней после начала 1967 года, когда на всех приборах значилось «Готов!», этот проклятый пожар поглотил «Аполлон-1», убил Гаса, Эда и Роджера и намертво остановил американскую космическую программу. Ни один американский полет не мог состояться до тех пор, пока расследование не определит, что случилось на «Аполлоне-1», а мне новый полет в космос не светил еще долго.

Трагедия заблокировала нам дорогу к Луне и оставила Америку в уязвимом положении. У наших советских соперников, которые держали свои планы в тайне, появилась возможность восстановить лидерство в космической гонке, и они быстро

двинулись вперед, чтобы отыграться на фоне нашей потери. 23 апреля, всего лишь через несколько месяцев после трагедии «Аполлона», они запустили космонавта Владимира Комарова со смелой программой, которая должна была сокрушить нас до состояния полной катастрофы с точки зрения общественности. Полковник Комаров стартовал на борту новейшего корабля «Союз-1», который, по убеждению советских инженеров, мог отправить советских космонавтов на Луну[81]. В то время как наша программа пребывала в оцепенении и развале, Комаров вознесся на орбиту. Мало того, что он стартовал успешно, – план его полета был потрясающе интересным. Когда он будет пролетать над космодромом Байконур, стартует второй «Союз», затем два корабля встретятся, и два космонавта выйдут в открытый космос и переместятся из второго «Союза» в первый.

Однако как только «Союз-1» начал свой первый виток, выяснилось, что одна из солнечных батарей, жизненно важных для электропитания корабля, не раскрылась. Работая вместе с операторами на Земле, Комаров сделал всё возможное, чтобы освободить ее, но она застряла, будто сломанное крыло, и, за отсутствием того типа аккумуляторного питания, которое мы использовали в своей программе, электрические цепи на «Союзе» начали барахлить, а затем отказали. Ухудшилось качество связи, не работали индикаторы приборов, не реагировали на команды двигатели[82]. Всего через пять витков советские инженеры знали, что Комаров в смертельной опасности, и отменили старт второго «Союза». Ошалевший корабль летел вокруг Земли, и с каждым новым витком становился все более беспомощным. Стараясь стабилизировать свое возвращение, управляя вручную теми немногими средствами, которые у него остались, космонавт стремительно нырнул в плотную атмосферу и каким-то образом сумел пройти через опасную фазу торможения в ней[83], но затем столкнулся со скручиванием строп парашюта. «Союз-1» теперь представлял собой лишь большой раскаленный стальной шар, летящий вниз без какого-либо управления на скорости свыше 800 км/час. Крестьяне в Орской области России содрогнулись от мощного взрыва, когда он врезался в землю. Советы постигла неудача, Комаров погиб, и советская космическая программа потерпела катастрофу вместе с ним. Однако мы в Америке не понимали, насколько серьезным был этот удар. Из прошлого опыта мы знали, что смерть космонавта не остановит их[84], и полагали, что у русских, вероятно, есть еще козыри в рукаве.

На официальном уровне мы направили соболезнования, но на самом деле тихо радовались, испытывая, вероятно, те же самые чувства, что и русские после трагедии «Аполлона-1». Годы спустя,

как это случалось с вражескими летчиками после многих войн, американские астронавты и советские космонавты встретились, мы узнали в лицо тех, чьи имена до того только слышали, обменялись воспоминаниями за полными до краев рюмками водки, и тогда на поверхность вышло взаимное уважение, переросшее в дружбу. Но в те ранние дни мы хотели, чтобы их чертовы ракеты взрывались! Между нами шла война. Если они первыми достигнут Луны, это будут Спутник и Гагарин еще раз, но намного хуже, и мы потерпим поражение. По-человечески мы жалели Комарова, но он был солдат и, как и все мы, понимал риски космического полета.

Мы получили перерыв. У нас теперь было больше времени и шансов. Мы все-таки могли опередить их в гонке к Луне.

А пока у натренированных морских летчиков оказалась уйма свободного времени. Полторы тысячи человек разбирались с обломками «Аполлона», изучая каждую гайку и каждый болт, каждую панель и каждый прибор, каждый дюйм из 15 миль внутренней кабельной сети. Стало понятно, что на поиски причин пожара уйдут месяцы, если не годы.

У нас наконец появилась возможность обратить свои взоры на Вьетнам, где с каждым месяцем становилось всё жарче. Теперь там находилось более 475 тысяч американских военнослужащих, больше, чем в Корее в зените той войны, и мы успели сбросить на врага больше бомб, чем за всю Вторую мировую войну. Генерал Максвелл Тейлор[85] заявил, что мы побеждаем.

Многие из нас ощущали царапающее чувство вины за то, что другие летчики сражаются, а мы отсиживаемся в стороне. Странное это состояние ума, но нам действительно было неуютно ходить в образе героев, в то время как наши товарищи истекают кровью, попадают в плен и погибают в настоящих воздушных боях, к которым мы до того готовились. Разные антивоенные заявления злили нас. Из бесед один на один в Отделе астронавтов, из посиделок с пивом после работы и долгих дискуссий за барбекю в выходные дни родилась идея. Зачем, спрашивается, мы сидим в Хьюстоне и ничего не делаем? Если Пит Конрад, Дик Гордон, Ал Бин, я или любой другой астронавт достаточно сильны, чтобы летать на космических кораблях NASA, то мы определенно можем усовершенствовать квалификацию в части посадки на авианосец и отправиться в эту вьетнамскую заваруху, чтобы использовать наши боевые способности во время паузы в космической гонке.

Еще до того, как мы пришли с этой идеей к Дику, мы знали, что она ему не понравится, но нужно было попытаться – хотя бы чтобы облегчить муки совести. Вероятно, Дик нашел наш план

самым глупым из всего, что он когда-либо слышал, но остался верным своему железному правилу и сказал, что не будет никого удерживать. Это было смелое заявление, если учитывать, что ему грозила потеря полудюжины опытных астронавтов или около того. Однако, добавил он, вряд ли мы действительно понимаем, о чем речь. «Вы можете отправиться туда, но я не могу гарантировать вам работу, когда вы вернетесь», – сказал он.

Пентагон забил последний гвоздь в гроб этой идеи. Разумеется, мы можем вернуться на действительную службу, если желаем того, и даже сможем летать, но никогда и никто не позволит нам отправиться в бой. Представьте себе, как запоет пропаганда, если противник захватит в плен астронавта! Так наша идея и пошла под откос. Вьетнам не мог стать нашей войной.

Задним числом я понимаю, что не так уж плохи были наши дела и на своем месте. Конечно, мы могли позволить себе воинственные настроения, поскольку в реальности никто бы нас на войну не отправил. И уж если честно, мы, вероятно, признали бы, что ездить на «корветтах» и выступать в качестве настоящих американских героев дома было намного приятнее, чем подставлять свои задницы зениткам над Ханоем.

Ни пожар «Аполлона», ни гибель «Союза» не стали концом космической гонки. В то время как Советы занимались собственной катастрофой, мы исправляли в «Аполлоне» всё, что нужно было сделать лучше, и возвращались к работе с твердым намерением доказать: Гас, Роджер и Дик не зря отдали свои жизни. Наша решимость была сильнее, чем когда-либо. И хотя к нам вновь вернулось ощущение гонки, теперь мы работали немного медленнее и с большей надежностью, мы проверяли всё не по одному разу, а по два и по три. Мы не могли остановиться и сойти с дистанции – если нам нельзя сражаться во Вьетнаме, то мы совершенно точно можем вести битвы Холодной войны в космосе.

Через четыре месяца после пожара «Аполлона-1» на Капитолийский холм в Вашингтоне доставили документ весом почти в девять килограммов. Отчет Комиссии по расследованию аварии Конгрессу выявил десять возможных причин катастрофы, и все они сводились к электрическим отказам в одной и той же части корабля.

С точки зрения политики существовали опасения, что комиссия, назначенная NASA, чтобы расследовать аварию NASA, может заняться сокрытием и замазыванием проблем, но она отнеслась к работе серьезно и подвергла жесткой критике руководство и агентства, и компании North American, которая

изготовила командный модуль. Сенаторы и конгрессмены точили ножи для расправы, и было ясно, что покатятся головы – это диктовала логика гонки.

Вашингтон был волен делать свое дело, но что касается нас, то мы получили программу для того, чтобы вернуться на правильный путь. Выступая перед Конгрессом, Фрэнк Борман открытым текстом потребовал от его членов «прекратить охоту на ведьм» и перестроить свои взгляды так, чтобы мы смогли заняться своей работой. И даже Конгресс не стал спорить с разъяренным астронавтом.

Одним ярким апрельским утром Дик вызвал нас – восемнадцать астронавтов – в небольшой конференц-зал корпуса № 4 Центра пилотируемых космических кораблей. В гражданской одежде мы не выделялись из тысяч других «рабочих пчелок» Центра. Отец Слейтон пристально осмотрел свою беспокойную, привязанную к Земле паству. Пара человек из эпохи «Меркурия» все еще входила в нее, но большинство составляли ветераны «Джемини», а также несколько парней из нашей Группы Четырнадцати, кто еще не летал. Не было никого из ученых, потому что они все еще учились летать на самолетах, а членам последнего набора астронавтов было еще слишком рано участвовать в подобной встрече.

Дик ошеломил нас словами: «Парни, которые полетят в первые лунные миссии, – суть парни в этой комнате». Пронесся легкий гул комментариев – мы переваривали его заявление. Дик только что дал всем нам под зад. Это значило, что пора заняться делом.

Я быстро огляделся. Я хорошо знал этих людей, я знал, каковы они, знал их жен и детей, знал, кто как летал и кто на что способен. Том Стаффорд потянулся вперед и кивнул. Нил Армстронг, на судьбу которого это объявление повлияло в самой большой степени, не проявил никаких эмоций. Рядом были Майк Коллинз, Джон Янг, Дейв Скотт, Дик Гордон… какой прекрасный набор! Я вспомнил первые дни в летной школе, первые посадки на авианосец, первые встречи с NASA во время отбора, когда я ощущал робость и почти что считал себя ниже любого из окружающих. Такого больше не было. Тот факт, что я оказался среди элитных пилотов, никого уже не мог возмутить. В моем сознании не мелькнуло ни тени сомнения в том, что я заслужил право сидеть здесь. Господи, я заработал это кресло тяжелым трудом. Да, я *соответствовал* этой комнате.

После этого Дик бросил второй ботинок. Отложенный из-за пожара первый пилотируемый полет «Аполлона» состоится после еще нескольких испытаний различного оборудования. Он будет

называться «Аполлон-7», и его командиром будет единственный и неповторимый Уолли Ширра. Вновь, как и прежде, пилотом командного модуля у него будет Донн Айзли, а лунного модуля – Уолт Каннингэм[86]. Дублирующий экипаж составят Том Стаффорд, Джон Янг… и я.

Однако 1967-й не был бы собой, если бы позволил нам поднять голову. В июне один из новых астронавтов, Эд Гивенс, разбил свой «фольксваген», возвращаясь с вечеринки, и умер на обочине дороги всего в десяти милях от дома. Для меня это был личный удар, потому что Гивенс в ВВС руководил проектом по созданию установки перемещения AMU – той самой, которая принесла мне так много хлопот на «Джемини-9». Мы провели вместе много времени, сверяя наши бумаги по AMU. Эд был хорошим парнем, и его гибель отозвалась болью. Мне пришлось снова почистить мундир и проводить в последний путь еще одного друга.

А всего через четыре месяца Си-Си Уильямс поднялся с Мыса на новом Т-38; органы управления самолета отказались работать, и он впилился прямо в болотистую почву Флориды. Уильямс катапультировался слишком поздно. Гибель компанейского Си-Си, всеобщего приятеля, потрясла все космическое сообщество. Кто-то сказал, что он упрямо отказывал каждому в праве *не быть* его другом. Его молодая жена Бет ждала второго ребенка, а я был крестным отцом их первой дочери. Смерть Роджера Чаффи стала для меня ударом, но гибель Си-Си разбила мое сердце. Я устал терять друзей.

Си-Си был четвертым членом нашего набора, который погиб, и пятым астронавтом всего лишь за год. Добавьте сюда Комарова – за 1967 год мы потеряли шестерых космопроходцев. В этот черный год Барбара не смогла даже написать друзьям традиционные рождественские письма: настроения не было никакого.

Надеясь хотя бы отчасти снять стресс, мы с Барбарой приняли приглашение друзей и в выходные отправились на охоту на оленей на ранчо Льяно в Техасе. Мы прилетели на «Сессне-172» на следующий день после Рождества. Но не успели мы туда добраться, как позвонила моя сестра Ди. Утром отца увезли в больницу, и незадолго до того, как она смогла найти меня, он умер. На ранчо было уже темно, так что мы зажгли огни возле грунтовой полосы и вылетели обратно в Хьюстон. На следующий день, по пути в Чикаго, я чувствовал себя душевно опустошенным, не способным уже ничем поделиться. Я ушел в хвост самолета, заперся в маленькой кабине туалета и заплакал. Как и в январе, когда мы летели из Калифорнии в Хьюстон после

пожара на «Аполлоне», мне предстоял долгий путь домой.

Лишь благодаря отцу я смог добиться столь многого. Именно он дал мне личный и моральный компас, с которым я сверяюсь до сего дня. Он был верен маме, он никогда не сделал плохо ни ей, ни Ди, ни мне. Я уважал и любил его, но, как это бывает между многими отцами и сыновьями, между нами не было близкого личного контакта.

Он несколько лет болел диабетом и принимал инсулин, но долго отказывался изменить свои привычки и перестать курить и пить. Я приезжал нечасто из-за занятости по работе, так что когда я все-таки добирался до дома, папа доставал бутылку скотча и настаивал на том, чтобы выпить ее с единственным сыном. Он уже заметно ослабел, и мы знали, что здоровье у отца неважное, но он так гордился сыном-астронавтом, что отказаться выпить с ним означало бы сокрушить те остатки духа, что еще жили в этом слабом теле. Так он пытался сказать, насколько на самом деле заботится обо мне. Он был моим отцом и достойным человеком, и я любил его. Как жаль, что он не прожил еще немного, чтобы увидеть, как я шагаю по Луне… но мне хочется верить, что он знает об этом и о том, что я думал о нем там.

Летчики – это особая порода людей. Мы верим, что смерть не должна править жизнью. Гас Гриссом, непростой человек, однажды сказал: «Если мы умрем, мы хотим, чтобы люди приняли это. Мы надеемся: что бы ни случилось с нами, оно не задержит программу. Покорение космоса стоит риска для жизни».

За несколько поколений до того, как Гас впервые надел скафандр, 18-летний Джон Гиллеспи Мэги вступил в ряды Королевских канадских ВВС, чтобы драться на фронтах Второй мировой войны и погиб в воздушном бою. Однажды он поднялся на 9000 метров и получил такой заряд вдохновения, что сочинил поэму, которая стала гимном пилотов. Я нашел ее в конце 1967 года, чтобы обрести душевное равновесие и восстановить веру.

Я выскользнул из кандалов земли;
Вверяясь воле серебристых крыл,
Забрался к солнцу, где, смеясь, вели
Свой танец облака; что я творил,
Вам и не снилось – плыл, кружил, парил…
В безмолвия сияющий провал –
Настичь ревущий ветер – я клонил
Дерзающее перышко, и гнал
Вверх, вдоль безумной, жгучей синевы, –
С небрежной грациозностью мечты;
Там ни орла, ни жаворонка вы

Не встретите… Волнуясь, я проник
В чистейшую святыню высоты,
Простер ладонь – и тронул Божий лик[87].

16
Восставший феникс

Уолли хотел назвать его «Фениксом», и это было бы самое подходящее имя. В арабской легенде эта царственная птица заканчивает свою 500-летнюю жизнь в пламени погребального костра, а из пепла рождается новая. Для древних египтян она олицетворяла Солнце, которое умирает каждый вечер и возрождается поутру. Отличное было бы имя для новой «птицы» Ширры, которая возродилась из пепла несчастного «Аполлона-1».

Но бесцветные технократы из NASA не любили давать космическим кораблям личные имена. Воображение не являлось их сильной стороной, и они постановили, что полет ракеты «Сатурн IB» за номером SA-205 и командного модуля 101 (лунного модуля не предусматривалось) будет называться «Аполлон-7». Соединенные Штаты были вновь готовы лететь.

В течение 1968 года почти вся программа была сосредоточена на одной цели – благополучно запустить Уолли, Уолта и Донна. На «Аполлон» работали 33 000 человек, получающих жалованье в NASA, и 383 тысячи в частном секторе. Боевой корабль вполне мог бы плыть в поту, который они все вместе пролили. Если бы преданность делу превращалась напрямую в ракетную тягу, они бы смогли отправить «Аполлон-7» на дальние окраины Галактики, подобно кораблю «Энтерпрайз» в новом популярном телевизионном проекте Star Trek.

Уолли стал сущим дьяволом. Этот приятный в общении человек, любящий пошутить и слегка развязный, превратился в сосредоточенного, недружелюбного ублюдка, раздающего «пистоны» направо и налево. Став командиром первого «Аполлона», отправляющегося в полет, он взял на вооружение большой молоток и пускал его в ход без промедления. Он стоял над душой у всякого, кто имел обязательства по изготовлению нового корабля, или же вцеплялся ему в хвост, тут же доводя до сведения виновника, если он сам или кто-то из членов экипажа был недоволен работой. «Не вам предстоит лететь на этой штуке, – гремел он, – а нам! А те ребята, которые попытались сделать это в прошлый раз, сгорели заживо. Такого при мне не будет, братан». Донн и Уолт тоже разговаривали в раздраженном духе, хотя и не настолько.

Дошло до того, что персонажи поменялись ролями – Фрэнк Борман, всегда жесткий и решительный, обратился вдруг в миротворца. Он был отряжен работать с руководящей группой,

которая отвечала за изготовление командного и служебного модуля для «Аполлона-7», и видел, что занудство Уолли уже не помогает, а вредит делу. Фрэнк сказал Дику, что Ширра зарывается, что все уже много раз слышали его хотелки и что этот ураган требований начинает мешать работе. Вправьте этим ребятам мозги, сказал Борман Дику, иначе North American не сможет закончить изготовление корабля и он никогда не поднимется в космос. Слейтон согласился, и это был не последний случай, когда Уолли и Дик схлестнулись по поводу полета «Феникса».

В конце концов стал обретать плоть корабль, по сути спроектированный заново и включающий тысячи улучшений, которые обошлись в полмиллиарда долларов. Изменилась вся его внутренняя начинка, начиная с новой краски и новых тканей, которые отказывались гореть даже в чистом кислороде. Люк, который не смогли открыть астронавты «Аполлона-1», перепроектировали так, чтобы его можно было распахнуть всего за три секунды. Приняли решение, что до старта астронавты будут находиться не в чисто кислородной среде, а в намного более безопасной атмосфере из азота и кислорода.

Приземистый командный модуль, чем-то похожий на бумажный стаканчик для воды, который весил пять тонн, но имел всего 3,9 метра в диаметре, привезли из Калифорнии на Мыс для финальных проверок и подготовки к старту. В конечном итоге все, и даже Уолли, согласились, что он безопасен, пригоден и работоспособен. Запуск был намечен на осень 1968 года, и темп тренировок стал ускоряться.

Время на тренажерах оказалось в дефиците, потому что экипаж «Аполлона-7» не был единственным в графике, хотя им и давался приоритет на всех имеющихся установках. В качестве дублеров, мы с Томом и Джоном тоже оттачивали свои навыки, тем более что мы должны были не только помочь подготовиться основному экипажу, но и отработать свои действия для полета на «Аполлоне-10».

Дик произвел новые назначения, и эти ребята тоже вышли на подготовку. К «Аполлону-8» тренировались Джим МакДивитт, Дейв Скотт и Расти Швейкарт в качестве основного экипажа и Пит Конрад, Дик Гордон и Ал Бин как дублеры. По их следам предстояло пройти «Аполлону-9», на который были назначены Фрэнк Борман, Майк Коллинз и Билл Андерс. Их дублировали Нил Армстронг, Джим Ловелл и Базз Олдрин[88].

План полетов выглядел примерно так:

«Аполлон-7» даст нам новый старт и позволит полностью испытать системы командного и служебного модуля в 11-

суточном полете на околоземной орбите. Он будет запущен ракетой «Сатурн IB».

Через несколько месяцев после этого команда МакДивитта первой отправится в полет на гигантской ракете «Сатурн V», взяв с собой первый лунный модуль[89]. На орбите они должны будут отделить LM от командного модуля и испытать лунный модуль в качестве отдельного космического аппарата, а затем вновь состыковаться с основным кораблем.

Экипажу Бормана на «Аполлоне-9» предстояло выполнить такую же программу, но на значительно более высокой орбите, с апогеем около 6400 км над Землей, чтобы проверить работу всех систем в условиях дальнего космоса.

Если все эти испытания пройдут успешно, то у нас появится хороший шанс, что «Аполлон-10» преодолеет весь путь до Луны – и совершит посадку на нее! И тогда Тому Стаффорду и мне предстоит спуститься в лунном модуле до самой лунной поверхности и сделать исторические шаги по ней. Конечно, ничего еще не решилось окончательно, и были весьма серьезные доводы за то, что первая посадка достанется Питу Конраду на «Аполлоне-11» или Нилу Армстронгу на «Аполлоне-12»[90]. Все зависело от сроков, обстоятельств и от успеха предыдущих полетов.

Я ничего не мог предпринять по этому поводу и сосредоточился на новой работе пилота лунного модуля, который, однако, еще никогда не видел «во плоти». Поэтому за несколько месяцев до полета «Аполлона-7», уже набрав весь возможный опыт работы на «своей» части командного модуля, я урвал немного времени, чтобы посетить Бетпейдж в штате Нью-Йорк, родину корпорации Grumman, где создавались лунные модули.

Модуль LM-4 выглядел аляповато. Имея почти семь метров в высоту, он сидел на паучьих ногах на просторном полу цеха, искоса посматривая на меня треугольными глазами. Тело его напоминало раздавленную пачку сигарет, обернутую в мятую золотую фольгу. Он был больше похож на двуглазого и однорогого летающего пурпурного людоеда, нежели на космический аппарат, который сможет доставить меня на Луну. Другие лунные модули на разных стадиях строительства свисали с потолочных балок, зацепленные за траверсы и качающиеся под ними, словно механизмы для взбивания коктейля, а некоторые обитали на полу – скелеты, ожидающие своей кожи. Внутри эта штуковина выглядела не сильно лучше. Том и я должны были стоять в пространстве размером с телефонную будку, удерживаемые на месте притягами, и пилотировать лунный

модуль, глядя через окно, считывая числа с компьютера и играя электрический концерт на паре сложных клавиатур из приборов и органов управления двигателями.

Я привык летать на самолетах и на космических кораблях, сделанных из прочной стали, – на машинах, издающих гулкий звук, если ударить их молотком, на крепких и тяжелых аппаратах, выходящих из ворот предприятия, которое летчики гордо называли Металлическим заводом Grumman. Насколько же противоречил этому образу лунный модуль! Кожа этой птички была сделана из металла столь тонкого, что он казался почти прозрачным. Вместо того чтобы нагромождать стальные конструкции, Grumman теперь обещал премию в 25 000 долларов за каждый фунт, который удастся соскоблить с лунного аппарата и, клянусь Богом, их уже осталось совсем мало. А то немногое, что все-таки осталось, выглядело устрашающе в прямом смысле слова. Стоило уронить отвертку, и она бы прошла насквозь. Два стеклянных окна довели до столь малой толщины, что они изгибались при наддуве кабины.

Однако внешность обманчива. История покажет, что этот хрупкий, похожий на большого жука лунный посадочный аппарат сможет сделать всё, что от него требуется, а сверх того окажется спасательной шлюпкой, которая сохранит жизнь трем астронавтам.

С предприятия я ушел под впечатлением от заразительного энтузиазма груммановских парней. Я не шучу: они на самом деле *целовали* каждый построенный лунный модуль, прежде чем отправить его в NASA. И если они были готовы любить эту машину, то я был готов лететь на ней.

Мое внимание в этой первой командировке было полностью сосредоточено на LM-4, модуле, которому предстояло лететь в составе «Аполлона-10». Если бы я был награжден чутьем, я бы прошел вдоль сборочной линии и провел некоторое время рядом с другим аппаратом, с тщедушным LM-12, который пребывал на ранней стадии творения. И хотя LM-4 навсегда остался особым для меня изделием, именно LM-12 оказался моим домом на Луне.

Горючим, которое должно было доставить нас на Луну, являлся не аэрозин-50, не четырехокись азота, не жидкий кислород или водород и даже не Wheaties, поглощаемый культуристами, а деньги, а их становилось мало. На 1968 финансовый год NASA запросило 4,3 млрд долларов, но Конгресс утвердил лишь 3,9 млрд. Это была минимальная сумма уже за пять лет, а меж тем «Аполлон» еще даже не совершил первого пилотируемого полета. Поговаривали, что средств может не хватить на оплату всех запланированных полетов до

«Аполлона-20» включительно[91]. Астронавты, впрочем, не слишком беспокоились о федеральном бюджете. В нашем мире существовала лишь космическая гонка, которая опять обострилась до предела. Мы снова находились в состоянии лихорадочной спешки, и в сутках не хватало часов, чтобы провести все необходимые тренировки, а тем более – чтобы решать проблемы свихнувшегося мира.

В январе Северная Корея захватила американский корабль «Пуэбло», а в феврале телевизионные кадры печально знаменитого северовьетнамского наступления вошли в американские дома и принесли с собой кровавую драму Вьетнама. В апреле убили Мартина Лютера Кинга, и его философия ненасилия умерла вместе с ним. В городах американской глубинки разгорался пожар. В июне застрелили Бобби Кеннеди, который должен был стать кандидатом в президенты от Демократической партии. Бунтовали американские студенты. Советские танки совершили жестокий рейд на родину моих предков, в Чехословакию. И с каждой плохой новостью утекали федеральные доллары, на которые жила космическая программа.

Большинство американцев могло согласиться, пожалуй, лишь с одной идеей: мы должны, мы просто обязаны опередить русских на пути к Луне, и мы – астронавты – были полностью поглощены тем, чтобы довести «Аполлон» до старта. И без того невероятное давление на нас продолжало расти, оставляя мало времени на газеты или телевизионные новости, а на сон грядущий мы читали план полета. Нам приходилось отрывать время от семейных дел по выходным, и мы чувствовали себя ворами. Даже на вечерних посиделках в баре после 12 часов на тренажере все разговоры крутились вокруг полета, всегда вокруг полета. Первые испытательные запуски беспилотного лунного модуля и командного модуля на ракете «Сатурн V» прошли успешно[92]; Юрий Гагарин погиб в авиакатастрофе всего через семь лет после того, как стал первым человеком в космосе; в Хьюстон прибыла очередная партия новых астронавтов – так много, что я не смог запомнить все имена; Советы восстанавливали свое положение в космосе в огненном сиянии мощных новых ракет. Беспилотный «Зонд-4» совершил полет на высоту 330 000 км над Землей, пугающе похожий на наши планы с «Аполлоном»[93]. Через несколько месяцев под именем «Зонд-5» еще один беспилотный «Союз» пронесся над обратной стороной Луны[94], и среди компьютерных данных мы услышали голос космонавта. Это была лишь запись на пленке, но нас она потрясла до глубины души. Плохие парни снова участвовали в гонке, и в их распоряжении

был беспилотный корабль, который первым облетел Луну и вернулся.

Шефы NASA в спешке пытались решить, как ответить на новую угрозу. Неужели русские действительно первыми полетят к Луне? Смогут ли они это сделать? Мы знали, что они уже однажды справились с катастрофой – в 1960 г., когда беспилотная ракета, наполненная 400 тоннами топлива, взорвалась подобно бомбе на стартовой площадке и убила более 60 ведущих ракетчиков[95]. Сейчас, очевидно, они также смогли восстановиться после трагедии «Союза-1» и были готовы лететь снова. Этот скрипучий голос космонавта с пленки магнитофона, облетающего Луну, терпеть было просто невозможно!

И все же сложная композиция нашего «Аполлона» еще не была вполне готова. Я проводил на тренажерах часы, дни и недели, обучаясь летать на том, что никогда еще не летало, и реагировать на аварийные ситуации, придуманные дьявольски изобретательными инженерами, которые вели наши тесты. Мне приходилось «падать» и «гореть» на их придуманной Луне, когда я не успевал быстро принять правильное решение. В таком случае полагалось выпить кофе и повторить все сначала, потому что там, у Луны, у провалившего экзамен не будет второго шанса. Ты должен сделать это снова, потому что русские занимаются тем же самым.

И вот настал день испытания под названием «Аполлон-6» – предстояло испытать в полном составе «Сатурн V» и большую часть оборудования, которая доставит «Аполлон» на Луну, с тем исключением, что на борту не будет экипажа и лунного модуля. Огромную ракету проверили заранее и со всей суровостью, она прошла бесконечные тесты на надежность, были изучены все ее уголки и щели, потому что мы не могли позволить себе еще одной неудачи. Если и была в истории космическая «птица», полностью готовая к полету, то это «Аполлон-6». Задача была проста – всего лишь проверить космический аппарат при возвращении на Землю. Предполагалось по умолчанию, что эта чертова штука по крайней мере выйдет на орбиту.

4 апреля 1968 г. ракета красиво поднялась над Мысом и почти немедленно столкнулась с серьезной проблемой. Имя ее было POGO – оно совпадало с названием известной палки-попрыгунчика и дословно, и по сути: на первой ступени ракеты развились серьезные продольные колебания. Изделие трясло настолько сильно, что в ходе подъема оторвалась одна из панелей адаптера, которым соединялась третья ступень ракеты со служебным модулем корабля. Тем не менее первая ступень закончила работу по графику, и эстафету приняла вторая. На ней

же один за другим выключились два маршевых двигателя J-2. Будь это пилотируемый старт, такая неисправность повлекла бы автоматическое срабатывание системы аварийного спасения. Башня с ее двигателями вытащила бы командный модуль из теряющей устойчивость «птицы», и астронавты приводнились бы в Атлантике.

Компьютеры слегка сошли с ума из-за противоречивой информации, поступающей в их маленькие электронные мозги, а движение ракеты драматически замедлилось[96] – она получила приказ продлить работу трех оставшихся двигателей, чтобы скомпенсировать отсутствующую тягу двух утраченных. Она ушла с траектории, двигаясь выше, чем следовало, а система управления пустилась во все тяжкие, чтобы выправить положение. В какой-то момент нос ракеты был направлен прямо вниз, потом она перевернулась, летя почти что задом наперед, но в конечном итоге выползла змеей на кривую, похожую на яйцо орбиту. Было поразительно, что она вообще сумела это сделать[97].

Центр управления полетом надеялся, что оставшаяся часть задания на втором витке вокруг Земли пройдет без отказов, и дал команду на второе включение третьей ступени S-IVB, но она не запустилась. Вместо этого был включен единственный маршевый двигатель служебного модуля корабля, который унес его от ракеты и самостоятельно вытащил на довольно «кривую» орбиту. В конечном итоге тяготение Земли заставило корабль войти в атмосферу, и он приводнился в Тихом океане. Инженеры сказали, что они смогут легко исправить те вещи, которые работали неверно, но итог выглядел так: свой второй жизненно важный тест ракета «Сатурн V» не отработала ни на грош.

Глядя с высоты прошедших лет, я понимаю, что нам, наверное, следовало тогда остановить всё до тех пор, пока мы не проведем полностью успешный полет. Однако русские стреляли раз за разом «Союзами» и «Зондами», «Протонами» и Н-1, и Бог знает, что у них еще могло оказаться в запасе[98], и решение было принято. Хотя полет «Аполлона-6» прошел донельзя отвратительно, его все-таки признали достаточно хорошим, чтобы дать зеленый свет «Аполлону-7». Этот корабль должен был выйти на околоземную орбиту на «Сатурне IB», а не на «Сатурне V», который принес столько неприятностей. Сердце программы вновь билось в ритме «давай-давай-давай».

Время для семьи стало теперь еще более дефицитным, чем на доступ к тренажерам. Трейси исполнилось пять лет, но меня на праздновании не было. Лишь иногда нам вдвоем удавалось урвать несколько часов в субботу, чтобы поездить верхом по пыльным сельским дорогам, которые вскоре покроет хьюстонский

асфальт. Даже сегодня, когда Трейси выросла и воспитывает трех маленьких дочерей, я безусловно ценю проведенное вместе с ней время, чувствуя, что должен возместить всё потерянное много лет назад.

Мы с Барбарой пытались обратить в свою пользу те немногие дни, которые могли провести вместе. Мы побывали на Багамах, посетили Лас-Вегас в рамках турнира по гольфу среди знаменитостей и с лучших мест наблюдали автогонку в Индианаполисе. Но и туда мы отправлялись в качестве званых гостей и были окружены другими людьми, а это совсем не то же самое, как вдвоем. Программа не принимала во внимание тяжелые проблемы, которые создавала нам в личной жизни. Напряжение стало сказываться и на Барбаре, и на мне, но мы не хотели слышать блюз расставания, потому что это была часть цены за то, чем мы занимаемся.

Я возвращался домой настолько усталым, как будто нес рюкзак, полный камней, и вряд ли мог поднять жене настроение. Постоянные командировки и тренировки в условиях невероятного напряжения собирали свою жатву – физическую, эмоциональную и душевную.

Я ощущал, что теряю время во сне, обманывая тем самым коллег, и не несу причитающуюся мне долю груза, потому что мы должны были еще так много узнать. Наступало туннельное зрение, постепенно входило в обыкновение пропустить день рождения, годовщину и другие важные события. Приходилось идти на жертвы, а пропустив дату однажды, легче сделать это и в следующий раз, и снова.

Я устало извинялся по телефону: «Мне жаль, дорогая, но я не смогу приехать домой, чтобы мы смогли поужинать в честь нашей годовщины». Она столь же устало отпускала меня: «Всё в порядке, я понимаю. Не бери в голову». Волны напряжения бежали по телефонной линии.

Трейси отмечала день рождения, а меня не было в городе, и я не мог посмотреть, как она задует свечи на торте. Мне было тяжело, а ей еще тяжелее. «Мама, а почему папа не пришел? Он же обещал!» Что ей ответить? Моя пятилетняя дочь не могла понять, почему я пропускаю важные события в ее жизни, и должна была настать минута, когда и жена этого не поймет.

Учитывая прошлое, в котором семейные связи значили так много, сердце мое обливалось кровью, но, пусть это и прозвучит эгоистично, у меня не было выбора. Я собирался лететь к Луне, черт подери!

В октябре Барбару пригласили в Филадельфию с выступлением о жизни в космической программе. Она считалась

лидером среди жен астронавтов и вдохновляющим примером для новых женщин, чьи мужья присоединялись к нам. Несмотря на весь опыт, она страшно нервничала, улетая в Филадельфию вместе с Лёр-тон, женой Дейва Скотта, чтобы представлять программу на авиационном конгрессе. Она писала речь от руки на листочках из школьной тетради Трейси, плакала, зачеркивала слова и переписывала все вновь, вкладывая в работу всю душу. Первое, что люди хотят услышать, сказала она, каково быть женой астронавта, и тут же вышла из образа и стала честно отвечать на свой вопрос. Быть женой астронавта – это значит большую часть жизни провести в одиночестве и почти что потерять мужа, потому что его нет всю неделю, каждую неделю, и не случается настоящего отпуска, чтобы снять напряжение. Быть женой астронавта – значит положить свое «я» на полку, в то время как весь мир молится на твоего супруга. Это значит растить детей в одиночку, уметь чинить водопровод и заменять спустившее колесо, разбираться с денежными проблемами и семейными бедами, потому что мужа рядом нет и посоветоваться с ним нельзя. Это значит беспокоиться о том, все ли с ним в порядке, и ждать поздним вечером телефонного звонка, чтобы услышать его голос – ведь в очередную неделю ближе вам не оказаться. (Бетти Гриссом, вспоминая о смерти Гаса, позднее напишет с горечью: «Мне будет не хватать телефонных звонков, потому что именно их я получала от него обычно. Телефонных звонков».) Барбара сказала, что жена астронавта должна уметь предстать с гордым видом перед телекамерой, какие бы кошки ни скребли у нее на душе, должна выдерживать боль похорон и видеть, как другие жены становятся вдовами, должна спрятать свои эмоции и никогда не показывать слабости. Она, наверное, подумала еще, но не сказала, что жене приходится размышлять о том, чем занят ее герой нынешним вечером в Нью-Йорке, в Лос-Анджелесе или во Флориде. *А действительно ли он думает обо мне?*

Такую ношу можно вынести, сказала она, лишь только если верить в программу так же истово, как верит твой муж. Мы принадлежим к особому обществу, в котором нормальные правила жизни не действуют. У жены астронавта есть долг: она обязана выполнять свою работу столь же эффективно, как муж свою, и никто не может жить своей жизнью. Все мы – часть команды, и только так система может функционировать.

Догадываюсь, что это было адски трудное выступление, но я не понимал этого тогда. «После трех порций «кровавой Мэри» и двух таблеток транквилизатора я могу сделать всё», – сказала она мне тем вечером. По телефону. Миссис Астронавт поворачивалась ко мне невиданной ранее стороной, но я был

настолько погружен в программу и в полетное задание, что почти не замечал, что происходит в моей личной жизни.

Ее уверенные слова свидетельствовали о том, что жены астронавтов уже не согласны оставаться молчаливыми партнерами с лозунгом «я так им горжусь». И уже несколько из них использовали те немногие часы, которые каждую неделю проводил дома муж, чтобы произнести слово на букву Р – развод.

11 октября 1968 г. мы с Джоном Янгом как часть дублирующего экипажа помогли Уолли, Донну и Уолту зафиксироваться в креслах командного модуля «Аполлона-7» и закрыть за ними люк. Мы оставили их внутри в окружении двух миллионов функционирующих деталей – и сидящими на столбе летучего жидкого кислорода. Прошло немного времени, и «Сатурн IB» стартовал по графику с шумом и грохотом, сотрясая пески Флориды, словно тяжело ступающий гигант, и три праведных пилота возвратили США в космос. 21 месяц миновал со времени пожара «Аполлона-1», и это были очень долгие месяцы.

Следующие 11 дней эти трое с поразительным успехом делали две вещи – выполняли все предписанные испытания и доставали всех участников программы, от инженера низшей категории до руководителя полета. Большая часть споров шла по открытому радиоканалу. Задиристость, которую они проявили, надзирая за строительством командного модуля, обернулась припадками злости – в течение всего полета они ворчали и рычали. У всех троих развилась простуда, так что сорваться стало еще проще. Им не нравилась пища. Они смотрели на многие задания как на чепуху в духе Микки-Мауса. Уолли назвал одного из менеджеров идиотом, а Донн бурчал, что хотел бы переговорить наедине с тем, кто дал вот это, особенно глупое, по его мнению, задание. В самом лучшем случае они поставили себя над программой, а в худшем – верили, что они-то и есть программа.

В какой-то момент Уолли прорвало, и он заявил ЦУПу: «Мы не будем больше принимать эти новые игры и проделывать дикие тесты, о которых раньше ничего не слышали». Для военного и офицера отказаться выполнять приказ было невиданным делом. Донн и Уолли пустились в пререкания из-за какой-то навигационной проблемы и целый день только и делали, что летали вокруг Земли и дулись друг на друга. Уолт заявил, что Донн заснул на дежурстве. Парни в ЦУПе, уставшие от гримас и жалоб в Шоу Уолли, Уолта и Донна, втихомолку обсуждали, не посадить ли их прямо в середину тайфуна. Все трое отказались надевать перед сходом с орбиты гермошлемы – Уолли боялся, что

они могут повредить барабанные перепонки в простуженном состоянии. Они не выполнили прямой приказ Дика Слейтона и утратили его доверие, вернувшись с репутацией мятежников и изгоев. Ни один из троих больше не полетел в космос.

Уолли, единственному астронавту, который отлетал на «Меркурии», «Джемини» и «Аполлоне», было всё фиолетово. Ступив вновь на твердую землю, он перестал скандалить и вновь стал обаятельным парнем. Донна назначили в дублирующий экипаж «Аполлона-10», но его жена Харриет впаяла мужу дело о разводе из-за шашней с какой-то Сьюзи из Флориды, и вскоре от него осталась лишь строка в истории. Уолт Каннингэм в полете старался уйти с линии огня, но и его затянул водоворот обид, который он сам же создал с годами. Он так и остался прикованным к офисному столу и впоследствии писал, что, по его ощущениям, весь экипаж Ширры вымазали дегтем и вываляли в перьях. *Пожалуй, за дело.*

И все же плохие парни с «Аполлона-7» выполнили свою работу, и в особенности в части многократного включения двигателя служебного модуля в космической среде. Эта чертова штука работала! Души Гаса Гриссома, Эда Уайта и Роджера Чаффи смогли наконец обрести покой. «Аполлон» отправился в путь.

А боссы NASA уже два с лишним месяца сидели в засаде. Вооруженные отчетами, в которых «Аполлон-7» значился полным успехом, они были готовы ответить Советам и их докучливому «Зонду». Небольшое изменение в планах, ребята: «Аполлон-8» пойдет к Луне!

Первым делом надо было понять, кто на нем полетит. Изначально «Аполлон-8» был за Джимом МакДивиттом. Он и его экипаж долго и упорно отрабатывали каждый кусочек назначенного задания, которое заключалось в том, чтобы стартовать на «Сатурне V» с полным комплектом из командного и лунного модуля и устроить им на околоземной орбите полноценный прогон, выжав все возможное[99]. Дик предоставил Джиму право согласиться на измененный план полета или отказаться от него – и не опечалился, услышав, что МакДивитт отказался лететь к Луне и предпочел сохранить первоначальное задание.

Такое решение меня просто ошеломило. Я считал, что быть астронавтом имеет смысл лишь для того, чтобы отправиться к этой офигительной Луне… но Джим ответил «нет» на предложение, которое делается раз в жизни.

Дик обратился тогда к следующему в очереди парню, к *герру* Фрэнку Борману, и этот невысокий, плотного сложения сукин сын

едва не оставил тормозной след на спине Слейтона, рванув от него к стартовой площадке. Борман, Майк Коллинз и Билл Андерс должны были повторить на «Аполлоне-9» упражнение МакДивитта с модулями CSM и LM, но на околоземной орбите, уходящей далеко в космос. Однако Фрэнк только и мечтал избавиться от этой скучной работы.

Итак, экипажи восьмого и девятого переставили местами, но с одним изменением. Майк Коллинз несколько лет назад повредил спину при катапультировании и только что сделал операцию, чтобы вернуться в норму. Он все еще носил шейный корсет и сомневался, сможет ли сесть за штурвал даже какого-нибудь «кукурузника», а потому Джим Ловелл занял его место в новом экипаже «Аполлона-8». Узнав, что он вынужден пропустить первый полет к Луне, Майк был безутешен.

Сделанный в этой точке выбор стал важным звеном в цепи исторических событий, которые привели к тому, что Нил Армстронг оставил первые следы на Луне. Дублером МакДивитта в первоначальном «Аполлоне-8» был Пит Конрад, который по ротации стал бы командиром «Аполлона-11». Но когда Джим отдал Фрэнку визит к Луне и был сдвинут на «Аполлон-9», дублирующий экипаж с Питом во главе последовал за ним. В конечном итоге Конрад оказался командиром «Аполлона-12», а Нил, который дублировал Бормана в старом «Аполлоне-9», сдвинулся на одну важную позицию вперед и через три старта полетел на «Аполлоне-11».

Вьетнам добил президента Джонсона, и на ноябрьских президентских выборах Ричард Никсон со скрипом выиграл у Хьюберта Хамфри и Джорджа Уоллиса. Но пока 1968-й подходил к концу, Линдон все еще сидел в Белом доме – и решил, что настал час попраздновать с космическими ребятами из родного Техаса. В общем, возьмем Бормана и его группу, Ширру и его людей, и тех ковбоев, которые оседлают ракету в полете «Аполлона-9». А, ну еще пригласим троих молодых, которых назначили в основной экипаж «Аполлона-10», то есть Стаффорда, Янга и Сернана. Лунные люди, да.

9 декабря целая галактика астронавтов прибыла на посиделки на Пенсильвания-авеню № 1600. Потом кое-кто сравнивал их с печально знаменитым днем открытых дверей у Эндрю Джексона[100], когда его приятели в куртках из оленьей кожи гарцевали на лошадях по коридорам, стреляли из карабинов с балкона и плевали на пол. Нет, ничего подобного не произошло. Лошадей при нас не было, Секретная служба не позволила бы сделать ни одного выстрела, и большинство из нас, вероятно, даже не плюнуло на пол. По правде говоря, по сравнению с

обычной вечеринкой астронавтов эта встреча была изрядно скучной.

Уже далеко за полночь, когда LBJ ушел спать, изрядно возбужденный вице-президент Хамфри распорядился, чтобы оркестр Морской пехоты продолжал играть и чтобы принесли еще выпивки. Когда наконец-то настало время разъезжаться, гости прошли парадным строем по первому этажу Белого дома и вниз по элегантной мраморной лестнице к выходу вблизи Розового сада. Барбара начала спускаться по лестнице, оживленно с кем-то беседуя, а я решил попасть вниз быстрее – съехать на попе. Хьюберт смеялся и хлопал в ладоши, агенты Секретной службы остановились в изумлении, Барбара наблюдала за мной, побагровев от стыда, но я закинул ногу на длинные, прекрасно отполированные перила и заскользил вниз с громким боевым кличем. Молодой часовой-морпех четко отдал мне салют, когда я спрыгнул внизу – слегка пьяный, но все еще держащийся на ногах астронавт, выполнивший замечательную посадку. Барбара проедала мне плешь всю дорогу до гостиницы, но я все равно считаю, что это было здорово. Друзья Энди Джексона гордились бы мною.

За день до Рождества «Аполлон-8» приблизился к лунному серпу, вырулил на орбиту высотой 111 км над поверхностью, и Борман, Ловелл и Андерс смогли первыми из людей изучить кратерированный лунный ландшафт на столь малом расстоянии. В 20:11 по хьюстонскому времени, проведя на орбите целый день, они вновь появились из-за обратной стороны, восстановив с восходом Земли радио- и телевизионную связь, и прочли землянам в Сочельник отрывок из Книги Бытия: *«В начале было…»* Все мы чувствовали в эту минуту, что присутствуем при рождении новой эры.

Но они еще не были в безопасности: предстояло вернуться домой, а единственный шанс сделать это заключался в разгонном импульсе, во включении двигателя, который вынесет корабль с окололунной орбиты и направит его по безопасной дороге к Земле. В нашей программе это называлось включением для отлета к Земле, или TEI, и должно было выполняться за Луной, вне контакта с Хьюстоном. Если двигатель отработает правильно, корабль появится из-за Луны в 00:19 в ночь на Рождество.

Я никак не мог им помочь, но все же провел большую часть дня в ЦУПе, с восхищением слушая доклады с обращающегося вокруг Луны «Аполлона-8». После этого мы с Барбарой отправились на полуночную службу в маленькую часовню на базе Эллингтон.

Приближалось время включения, и весь мир был взбудоражен

до предела, потому что все понимали: в эту рождественскую ночь три астронавта поставили на кон свои жизни. Мы вошли в часовню, но я не мог сосредоточиться на богослужении и, даже преклоняя колени, тайком бросал взгляд на часы. Когда подошло время восстановления связи, я не выдержал и, тихо покинув службу, выскользнул наружу. Я полагал, что с учетом обстоятельств Господь меня не осудит. В машине на темной автостоянке я включил радиоприемник, прислонился к крылу и стал вглядываться в висящий в небе ноготочек Луны.

Должно было пройти примерно 20 минут от включения двигателя до восстановления связи. Если потребуется намного больше времени, это будет означать, что включение не получилось и что наши ребята остались в ловушке на окололунной орбите. Я посмотрел на часы – время наступило и прошло, и стал покрываться холодным потом, как и все мы. И тут радиоприемник затрещал, и голос Джима Ловелла произнес: «К вашему сведению, Санта-Клаус». Да! Они сделали это!

Первый полет на настоящей ракете «Сатурн V» стал историческим успехом, «Аполлон-8» шлепнул русских хворостиной по спине. Мы выиграли гонку к Луне, но нужно было еще сесть на нее.

Меня в эти дни интересовало другое. Да, победа над Москвой была сладкой, а чтение Библии с орбиты – находкой настоящего мастера, но еще больше меня потрясли сделанные с «Аполлона-8» фотографии голубой Земли над пустынным лунным горизонтом, знаменитые снимки восхода Земли. Да, мы видели подобные фотографии с орбитальных камер, но эти были намного более реальными – их сделали люди, а не машины.

Я не мог дождаться минуты, когда отправлюсь туда сам и все это увижу.

17
Зверь-машина

Комик Дон Риклз, который зарабатывал себе на хлеб, поддевая сильных мира сего, устроил мне подставу однажды вечером во время раскованного юмористического представления в Лас-Вегасе. В зале присутствовал Алан Шепард и смеялся всякий раз, когда Риклз крутил на вертеле любого, кто попадал ему на глаза. В тот момент, когда комик узрел первого американца, полетевшего на ракете, он не смог удержаться от шпильки. «Алан! – позвал он. – Мой приятель Джин Сернан сейчас готовится полететь вокруг Луны. А то, что сделал ты, с точки зрения моего бизнеса годится лишь на разогрев!» Широкая улыбка сползла с лица Шепарда, как снег с горячего камня. Спасибо за издевательство над моим боссом, Дон.

Как я обнаружил, знакомство со знаменитостями в чем-то приятно, а в чем-то опасно. Эта история определенно относилась ко второму случаю. Тем не менее Риклз стал мне добрым другом, а Алан оправился от удара.

Нас с Барбарой затягивало в мир, совершенно отличный от того, в котором мы выросли. Вскоре мы стали получать пропуска за кулисы в Вегасе, присутствовать на голливудских вечеринках и на модных обедах в Нью-Йорке, обмениваться байками с политиками, кинозвездами и светскими львами. Мы довольно легко освоились и обнаружили, что, если не обращать внимание на рекламу, некоторые знаменитости вполне симпатичны. Певец Уэйн Ньютон, например, услышав, что Трейси учится ездить верхом, подарил ей прекрасного арабского жеребчика – простой дружеский подарок. Я играл в гольф с Бобом Хоупом, готовил спагетти с Фрэнком Синатрой и всерьез подружился с Рональдом Рейганом, Филом Харрисом, Конни Стивенс, Бэрроном Хилтоном и даже с моим кумиром Джоном Уэйном.

Мы с Барбарой встретили новый, 1969 год в Акапулько, а затем прилетели в Вашингтон на инаугурацию президента Никсона. Мы вновь оказались в Белом доме – второй раз за два месяца, теперь по приглашению конгрессмена Джеральда Форда, будущего президента. Среди блистательного великолепия процессий и званых обедов мы часто обнаруживали себя в компании с представительной парой, с которой сразу почувствовали взаимную симпатию – это были новый вице-президент Спиро Агню и его очаровательная супруга Джуди. Вскоре Никсон поставил Агню во главе Целевой космической

группы, и он глубоко окунулся в проблемы лунных экспедиций. Прошло не слишком много времени, а соседи по Нассау-Бей уже знали, что если около нашего дома внезапно появился агент службы безопасности, то, вполне вероятно, причиной тому вице-президент и его жена, которые остановились у нас сыграть в пул на заднем дворе, пока я жарю гамбургеры. Много было проблем, которые поглощали Теда Агню в течение злополучной политической карьеры, но наша личная дружба всегда оставалась выше этого.

В начале 1969 года мы обнаружили, что полет «Аполлона-8» нарушил график отправки человека на Луну. Грандиозная задача, которую поставил перед нами президент Кеннеди, не была еще полностью решена. Даже если мы больше не соревновались с Советами, мы определенно бежали наперегонки со временем. До конца десятилетия оставалось 365 дней – время пошло!

Полет Бормана, Ловелла и Андерса доказал, что у нас есть носитель, способный доставить нас к Луне, но совершенно необходимый посадочный модуль еще не был проверен и допущен к эксплуатации человеком. Это было задачей «Аполлона-9» в марте, но что дальше? Первоначальный план, от которого отказались лишь несколькими месяцами ранее, состоял в том, что Джим МакДивитт проверит лунный модуль в полете «Аполлона-8», Борман затем наведет окончательную ясность на «Аполлоне-9» и откроет тем самым дорогу для посадки на Луну «Аполлона-10». Но после изменения программы у Бормана в его отчаянном броске в облет Луны на раздетом наполовину «Аполлоне-8» вообще не было лунного модуля. Как следствие, важное испытание не состоялось, и, скорее всего, именно это перечеркнуло наши с Томом шансы первыми достичь лунной поверхности.

К январю 1969 года пара факторов продиктовала очевидное решение. Экипаж МакДивитта еще не испытал лунный модуль даже на околоземной орбите, а наш LM-4 хотя и был легче трех предшественников, но все же слишком тяжел, чтобы сесть на Луну с надежным запасом. Программа подчинялась жесткому календарю, не дававшему свободы, и хотя следующий на конвейере лунный модуль, LM-5, делался уже достаточно легким для прилунения, он не успевал к запланированной дате нашего майского старта. Кроме того, были буквально миллионы вещей, каждая из которых могла не получиться или у МакДивитта, или в нашем полете, и из-за этого программа могла задержаться. Мы просто не могли отложить «Аполлон-10» до того момента, как будет готов LM-5, – оставалось слишком много неизвестных в части его эксплуатационных возможностей. В общем, после

испытательного «заезда» по околоземной орбите на «Аполлоне-9» требовался еще один убедительный тест – необходимо было проверить, как лунный модуль отработает во враждебной окололунной среде.

Решения были приняты в конце января: «Аполлон-10» станет генеральной репетицией и сделает всё, за исключением посадки на лунную поверхность. Дик дал экипажу Нила Армстронга историческое задание попытаться в первый раз сесть на Луну, но все понимали, что этого может и не случиться. Если в полете «Аполлона-10» основной корабль или лунный модуль не покажут себя достаточно хорошо, график сдвинут вновь, чтобы провести дополнительные испытания на «Аполлоне-11». В этом случае первая попытка посадки достанется «Аполлону-12» или даже «Аполлону-13»[101]. Ничего еще не было ясно в этот момент, кроме того, что «Аполлону-10» не суждено привезти домой лунные камни. Оглядываясь сегодня назад, я должен признать это решение верным. И тогда, вместо того чтобы впасть в разочарование, Том, Джон и я с радостью приняли на себя новые роли лунных разведчиков.

Всё было сложно, и всё стало еще сложнее: новое событие заставило еще раз перетасовать экипажи. Ал Шепард вновь вступил в игру.

Конечно, мы знали, что Шепард сделал бы почти что угодно, чтобы вновь полететь в космос, но не верили, что у него получится. Слишком многое произошло со времен его первого полета годы назад, и даже если бы Алу удалось вернуть допуск по медицине, ему бы пришлось встать на путь ученичества, занять место в очереди после многих очень опытных астронавтов, отработать в дублирующем экипаже, пройти долгий и утомительный путь обучения полету на технически сложном корабле «Аполлон». Иными словами, мы полагали, что его время прошло. Мы не учитывали вес Шепарда в программе, его бульдожью хватку и то глубокое сочувствие, которое испытывала по отношению к Алу американская публика.

В течение 1968 года состояние его внутреннего уха ухудшилось до такой степени, что он рисковал упасть, просто проходя по комнате. Ал отчаянно нуждался в решении, потому что теперь под угрозой оказалась вся его карьера, и не кто иной, как мой приятель Том Стаффорд пришел на помощь. Том рассказал Алу об операции, которую сделал, чтобы избавиться от небольшой проблемы с ухом – из-за нее он сам едва не остался за бортом космической программы. Ал ухватился за идею с такой силой, как будто это был спасательный круг: он без огласки организовал аналогичную операцию[102], затем долгие месяцы

восстанавливался после нее, и никто из нас даже не знал об этом. А узнали мы уже о том, что Большой Ал вернулся! Врачи допустили его к полетам[103], он хотел лететь и почти что приказывал NASA собраться во имя Господа и посадить его на ракету как можно скорее. Чтоб тебе пусто было, Дон Риклз! Ну а если другим астронавтам не слишком-то нравится, что Ледяной командир врывается в голову очереди на «Аполлон», то пусть и им будет пусто.

В январе было также объявлено, что Майк Коллинз завершил реабилитацию, потребовавшую нескольких месяцев после операции на шее, и восстановился в летном статусе, а поэтому Дик назначил Майка пилотом командного модуля «Аполлона-11» – на то самое место, которое освободил Джим Ловелл[104], заменив Коллинза на «Аполлоне-8». Теперь список экипажа «Аполлона-11» был утвержден: Армстронг, Коллинз и Олдрин[105].

В здании VAB Космического центра имени Кеннеди появилась новая «сборка». Армия техников роилась вокруг многоступенчатой ракеты «Сатурн V», которая носила обозначение AS-505, а нам была известна под именем «Аполлон-10»[106]. «Корабль мечты» Вернера фон Брауна для полета на Луну воистину был зверем мифологических пропорций.

Одна лишь нижняя секция, то есть первая ступень S-IC, изготовленная компанией Boeing, имела 42 метра в высоту при диаметре 10 метров. Она весила 130 тонн, и это без топлива. Пять двигателей F-1 могли развивать тягу 3500 тонн, а их топливные насосы имели мощность, соответствующую 30 дизельным локомотивам. Вдоль по баку ступени могли бы ехать три микроавтобуса по трем параллельным полосам.

Верхом на ней стояла вторая ступень S-II производства North American. Тоже десятиметровая в диаметре, она имела почти 25 метров в высоту и – пустая – весила 37 800 кг. После того, как израсходует свое топливо первая ступень, включатся пять двигателей J-2, питаемые кислородом и водородом, производящие 450 тонн тяги.

Еще выше сидела третья ступень S-IVB родом из McDonnell-Douglas. Она была более узкой, «всего лишь» 6,6 метра в диаметре, и задавала форму аэродинамического «шпиля». Она добавляла к высоте ракеты еще 18 метров и весила более 11 тонн без топлива. Единственная задача всех трех ступеней – создавать тягу, и, если не считать двигателей, они представляли собой не более чем гигантские бензобаки, которые нужно было сбрасывать один за другим, когда топливомер покажет «пусто». При максимальной заправке они вмещали достаточно топлива, чтобы

заполнить им 96 железнодорожных цистерн. Наконец, двигатели трех ступеней имели такую же суммарную мощь, как 543 боевых реактивных самолета, пронзающие небеса на форсаже.

На верхушке третьей ступени находился двухтонный приборный отсек, изготовленный IBM, – электронный мозг, который говорил большой ракете, что и когда нужно делать.

И это не всё – до вершины еще 25 метров! Следующей секцией был летающий гараж, внутри которого, со сложенными ногами, подобно спящему насекомому, покоился LM-4, наш лунный модуль от Grumman. Стенами круглого гаража служили четыре панели, похожие на лепестки, которые сужали ракету еще сильнее, до диаметра 3,9 метра, и соединялись с донной частью служебного модуля. Эта секция высотой 7,5 метра содержала наши системы жизнеобеспечения и электрогенерирующее оборудование. В хвостовой части модуля стоял единственный мощный двигатель, который служил для коррекций траектории и выдавал жизненно важные импульсы для перехода на окололунную орбиту и для схода с нее. Столь важен был этот двигатель для выполнения полетного задания, что его топливные баки имели совершенную защиту и изоляцию: ледяной кубик, помещенный внутрь, растаял бы лишь через 8,5 часов.

Командный модуль стоял следующим, сужая конструкцию еще сильнее. Это и был отсек экипажа, в котором нам предстояло жить и работать. Выше располагались стыковочный туннель и наши парашюты. Командный модуль заполняли 24 прибора, 566 переключателей, 71 лампа и 40 аварийных индикаторов. Наконец, выше его, подобно острию стрелы, смотрела в небо твердотопливная спасательная ракета, которую можно было сбросить вскоре после отправки в путь.

В момент старта «Сатурн V» был на 18 метров выше статуи Свободы и весил в 13 раз больше. Часть, включавшая полезный груз – от «гаража» с лунным модулем и до верхушки командного модуля, – была почти такой же высоты, как вся система «Меркурий – Атлас», которая доставила на орбиту Джона Гленна, а ракета системы аварийного спасения, торчащая на носу нашего «Сатурна V», могла развить большую тягу, чем «Редстоун» Шепарда. Нам предстояло покинуть Землю на машине высотой 111 метров, а вернуться – нырнуть в воды океана – в стальном конусе высотой не более трех метров.

Таким был великолепный зверь, который мог унести нас к Луне. В полностью собранном виде это чудо техники имело все элементы, необходимые для достижения поставленной Кеннеди цели.

Мы часто проверяли сборку по мере того, как она обретала

форму, и единственным серьезным нарушением была замена кислородных баков служебного модуля. Старый набор пришлось снять, чтобы техники получили доступ к непослушному топливному элементу, и его заменили новым комплектом годных к полету баков. Наши же после ремонта поставили на «Аполлон-13», где они послужили причиной катастрофы в космосе. Никогда не узнаешь, что готовит тебе судьба.

Русские подошли чертовски близко к тому, чтобы опередить нас в гонке к Луне. Они имели «Зонд-7» в готовности к облету Луны примерно за две недели до «Аполлона-8», но перед запуском советские инженеры обнаружили проблему, и старт был перенесен. В январе 1969 года «Зонд» был запущен в беспилотный испытательный полет, но на большой ракете вскоре развились мощные колебания типа POGO, и она буквально разорвала себя на куски[107].

И даже после этой неудачи Советы все еще имели в запасе последнюю «космическую стрелу» – гигантскую ракету, известную как Н-1, длиной с футбольное поле, большую, чем наш «Сатурн V», и приводимую в движение 30 массивными двигателями. В конце февраля стартовый комплекс на Байконуре сотрясся от мощи этого гиганта, развившего в первом беспилотном пуске все 4500 тонн тяги. Если бы она сработала, то один космонавт, или даже трое, могли быть на борту следующей Н-1, стремясь высадиться на Луну раньше нас. Однако она не сработала. Одна неисправность в быстром темпе следовала за другой после того, как Н-1 начала свой путь в небеса, и она развалилась на части – эффектный взрыв разметал обломки на 50 км[108]. Авария «Зонда» и гибель Н-1 означала, что Москва наконец-то оказалась вне игры. Нам оставалось доказать, что мы действительно сможем «поймать медное кольцо»[109]. Ведь если не так, то чем же мы тогда занимались в прошедшие 10 лет?

Полет «Аполлона-9» – десятидневное путешествие астронавтов-ветеранов Джима МакДивитта и Дейва Скотта и новичка Расти Швейкарта – имел целью устроить первое настоящее испытание в космосе для лунного модуля. Чтобы в радиопереговорах не путать два корабля, летающих одновременно, NASA уступило астронавтам и разрешило дать им личные имена. Эта команда, недолго думая, назвала два объекта так, как они выглядели. Командный модуль «Аполлона-9» был назван «Леденец» («Гамдроп»), а длинный и тощий лунный модуль – «Паук» («Спайдер»).

За неделю до того, как в марте нашей Трейси исполнилось шесть лет, Барбара прилетела ко мне на Мыс, чтобы посмотреть запуск[110], но, когда он был отложен, мой друг Фрэнк Джеймсон,

президент Teledyne Ryan, пригласил нас на несколько дней в свой дом на Санта-Люсии в Карибском море. Это был мой последний шанс немного отдохнуть и провести время с семьей, так что мы приняли приглашение.

Но и по пути на этот солнечный остров мы говорили о полете «Аполлона-10», до которого оставалось всего два месяца. Я погрузился в беседу с Диком Айверсоном, вице-президентом Ryan, – он отвечал за разработку радиолокатора, который должен был помочь найти место посадки на Луне. В определенной точке в космосе, когда корабль ориентирован по отношению к Луне под заданным углом на конкретной высоте, радар должен был начать сканировать поверхность и найти точное место посадки. Мы обсуждали конкретные числа, и тут Дик в изумлении открыл рот и, запинаясь, произнес: «Но ведь он не рассчитан на это, Джин!» Я беспомощно посмотрел на него. Этот чисто случайный разговор вскрыл тот факт, что нечто важное ускользнуло от нас. Очевидно, разработчики программного обеспечения для посадочного радара работали на основании старой версии плана полета, а когда нашу траекторию изменили, это почему-то не довели до фирмы Ryan. Новый путь нашего корабля не проходил через ту невидимую, но важную точку, которая была нужна для работы текущему программному обеспечению радара. И если бы мы с Диком не переговорили, «Аполлон-10», прибыв на указанное место, столкнулся бы с неприятным сюрпризом. И пока все остальные отдыхали на карибском пляже, Дик поспешил в Сан-Диего, чтобы решить этот вопрос.

Если не считать нескольких небольших проблем, полет «Аполлона-9» прошел как по маслу. Проведя пять дней на орбите вокруг Земли, Джим и Расти проплыли в невесомости по стыковочному туннелю из командного модуля в лунный, закрыли люк, проработали контрольные карты и двинулись на «Спайдере» в космос. Особую трезвость взгляда и мысли им придавало понимание того, что теперь единственный путь на Землю лежал через повторную стыковку с Дейвом Скоттом, который пилотировал «Гамдроп», потому что лунные модули не были рассчитаны на самостоятельное возвращение. «Спайдер» летал в одиночестве 6 часов и 20 минут, используя собственные двигатели, чтобы удалиться от материнского корабля на 178 км. Вся суть летных испытаний заключалась в этом эксперименте – сесть в совершенно не проверенную машину и отправиться в путь, имея только два возможных исхода – успех или провал.

Сам лунный модуль состоял из двух самостоятельных и четко различимых половин. Посадочная ступень с мощным ракетным двигателем должна была доставить аппарат с окололунной

орбиты на Луну, а затем превратиться в одноразовый стартовый стол для возвращения. Взлетная ступень, имеющая в своем составе кабину экипажа и пульт управления, оснащалась меньшим по тяге двигателем, который должен был поднять ее на орбиту для встречи. Этот двигатель тоже был критически важен, потому что только он давал возможность взлететь с Луны.

Включив несколько раз двигатель посадочной ступени и доказав, что она работает, Джим и Расти отстрелили ее и использовали двигатель взлетной ступени, чтобы отыскать «Гамдроп», летящий намного выше их. Медленно, но четко они прошли путь до командного модуля, где Дейв нетерпеливо ждал, готовый в любую минуту броситься вниз на помощь, если это потребуется. Постепенно две космические машины выбрали промежуток между ними, и наконец громкий удар отметил срабатывание стыковочных замков. По голосам астронавтов было заметно, насколько вдруг уменьшилось напряжение. Теперь они точно вернутся домой вместе.

Этот полет был отмечен важным откровением – Расти нарушил «обет молчания» относительно космической болезни. Все знали, что каждый попавший на орбиту чувствует тошноту, а кому-то приходится и выдать завтрак наружу, и не единожды, но никто никогда об этом не говорил сам, и товарищи по экипажу тоже молчали. Признать себя больным означало проявить слабость, и не только перед публикой и перед другими астронавтами, но и перед врачами, которым это дало бы повод лишний раз поколоть нас иголками. И, разумеется, не хотелось, чтобы Дик подумал, что ты не в состоянии выполнять свои задачи из-за непорядка в желудке.

На самом деле в некоторых полетах тошнота уже становилась серьезной проблемой. Фрэнк Борман в конце концов рассказал, что был совершенно не в себе всю дорогу до Луны, но об этом знали лишь Джим Ловелл и Билл Андерс, которые, разумеется, держали язык за зубами. Однако Расти чувствовал себя настолько плохо, что временами он вообще не мог ничего делать, и был вынужден это признать. Из-за его болезни пришлось переделывать на ходу план полета. Тем самым был открыт путь к тщательному изучению неприятного явления, явно необходимому, если мы хотели продолжать осваивать космос. Расти заплатил эту цену за всех нас[111]. Публично ему не было высказано ни одного упрека, но в космос он больше не полетел.

Близился старт «Аполлона-10», но даже теперь в руководящих кабинетах спорили, а нельзя ли дозволить нам прилунение. Сторонники такого решения говорили, что нам все равно предстоит пройти через множество опасностей, взять на себя все

риски от снижения до высоты 14 км над Луной и сделать всё, что нужно для посадки, – так почему же не пойти дальше и не совершить последний шаг? Более осторожные предупреждали, что посадочный аппарат перетяжелен, что еще слишком многое неизвестно – черт возьми, мы только что и чисто случайно обнаружили, что посадочный радар не в порядке – и что даже если мы сумеем посадить двух астронавтов на Луну, из этого еще не следует, что мы сможем вернуть их обратно[112].

Мы с Томом и Джоном не участвовали в этих спорах и продолжали тренироваться. Если задача изменится, что ж, мы полетим туда, куда нас пошлют. Но наши тарелки и так уже были достаточно полны, и нынешний план полета представлялся – говоря столь памятными словами из эпохи «Джемини-9» – «действительно амбициозным». Мы должны были соединить путешествие к Луне «Аполлона-8» с испытаниями лунного модуля на «Аполлоне-9», а затем проникнуть еще дальше в неизведанное.

Роль первопроходцев диктовала нам стартовать на борту «Сатурна V», преодолеть 400 тысяч километров космического пространства и оставить Джона на орбите вокруг Луны, в то время как мы с Томом пронесемся в посадочном аппарате над самой лунной поверхностью. Никто еще не делал этого. Оставалось еще много «а что если?», поэтому инженеры, отвечающие за подготовку на тренажерах, вовсю напрягали свою дьявольскую фантазию, стараясь придумать новые несчастья, с которыми мы можем столкнуться. Это было уже слишком, и за несколько недель до расчетной даты старта нам пришлось переговорить с ними.

«Ради бога, давайте покончим с этой постоянной подготовкой к неудаче. Вы уже убили нас раз десять, взорвали на части при запуске, оставили умирать на Луне, сожгли в пепел при возвращении. Уже хватит. Давайте теперь сделаем такие прогоны, в которых всё идет правильно! Ведь иначе мы не будем знать, как выглядит успех».

За две ночи до запуска «Аполлона-10» вице-президент Агню приехал поужинать с экипажем, и было видно, что он полностью ушел в работу Целевой космической группы. Он был до краев полон энтузиазмом и поведал нам о некоторых целях, которые они планируют рекомендовать в качестве следующих шагов в освоении космоса. Среди них были большая околоземная база, способная вместить 50 ученых, постоянная лунная база, а для нас, астронавтов, – пилотируемый полет на Марс не позже конца XX века. Многообещающая программа, и вице-президент был уверен, что деньги на нее найдутся. Пока Агню был у нас, его жена Джуди в частном порядке ужинала с Барбарой на авиабазе Эдвардс. Фей

Стаффорд и Барбара Янг предпочли остаться в Техасе.

На следующий день, когда время до старта измерялось уже часами, Дик с неохотой отпустил меня съездить в последний раз к семье. «Только, ради Бога, не дай репортерам или фотографам увидеть тебя на пляже! Никому не говори, кто ты такой!» – посоветовал Дик столь убедительно, как мог сделать лишь он. Не дожидаясь, пока его настроение переменится, я запрыгнул в арендованную машину и уехал прочь. По проселочным дорогам я добрался до дома на берегу, где уединенно жили Барбара и Трейси. Я нуждался в их тепле после многих недель стерильности и механической точности тренировок. Ревущая ракета-монстр кипела жидким топливом в нескольких милях отсюда, и завтра я должен подняться на ее борт, но сейчас несколько часов я мог быть не астронавтом, а просто Папочкой и Мужем.

Много месяцев я знакомил их обеих настолько, насколько мог, с нашим полетом к Луне, который был опаснее любого из предшествующих в космической программе. Барбара подготовилась до предела своих возможностей, но я не был уверен, что смог донести происходящее до Трейси, которая все еще смотрела на Луну глазами шестилетней девочки.

Я понимал, что очень важно внушить ей уверенность, и ни за что бы не признался ребенку, что в полете может случиться что-то плохое. Этим вечером, когда она сидела у меня на коленях, я еще раз рассказал ей всю историю. «Мелкая, завтра папа отправляется к Луне. Это долгая дорога и это не то место, куда ездят все подряд. А вдруг папа не сможет вернуться с Луны?» Я думал, что после этого вопроса повиснет пауза, но у нее наготове был ответ: «Ладно, тогда я просто прилечу, заберу тебя и привезу домой». Ребенок, сущий ребенок.

Узлы в моем желудке ослабли, нервы успокоились. Барбара поцеловала меня на прощанье и прошептала, чтобы я поскорее был дома, а Трейси столь энергично обняла меня, что едва не оставила следов на шее. Здорово, но пора было возвращаться на работу. Я двинулся в сторону Мыса, и на большом расстоянии видел нашу белую ракету «Сатурн V», сияющую в лучах прожекторов, как яркий маяк на пути к небесам. Даже с расстояния в несколько миль, даже стоя на старте, она, казалось, уже находится на полпути к Луне.

Задумавшись, я слишком сильно надавил на газ, проезжая по Банана-Ривер-Драйв. Красный мигающий сигнал полицейской машины вернул меня к действительности. Черт, и что теперь? Я остановился. В вечернем мраке подошел полицейский: «Куда вы так несетесь?»

Он был молод и вежлив, в свежей форме заместителя

шерифа. *Что делать-то?* «Полисмен, если я скажу, вы все равно мне не поверите».

Решив, что нарушитель еще и нахал, он попросил у меня права. В те далекие времена, когда я их получил, военнослужащим в Калифорнии давали бессрочные права. Вот и в моих было написано, что они действительны до конца дней.

Полицейский прочитал переднюю половину, затем заднюю, прищурился, разглядывая мелкий шрифт. «Без срока годности? – спросил он в изумлении. – Где вы проживаете?»

Упс… «В Хьюстоне».

«А права выданы в Калифорнии».

«Да, сэр. Так и есть. Я там служил в ВМС». Предупреждение Дика звенело в моей голове, как швейцарский колокольчик. *«Никому не говори, кто ты!»*

«Вы проживаете в Техасе, права у вас калифорнийские, а ездите вы по Флориде?»

«Да, сэр». Я начал отступать. С одной стороны, я не хотел, чтобы он узнал меня. С другой, если узнает, то он, скорее всего, отпустит меня. Но Дик велел не говорить никому, так что придется молчать.

«А документы на машину? Дайте их, пожалуйста». Заместитель шерифа был слегка встревожен. Кто знает, с кем можно столкнуться перед самым стартом. Всякие бездельники вечно рассказывают сказки о том, почему заслужили хорошее место на завтра.

Я пошарил в бардачке. Ничего. «Документов нет. Прошу прощения. Машина взята напрокат».

«А договор аренды?»

«Я оставил его в номере». Я не собирался говорить ему, что это номер в служебной гостинице астронавтов.

«Ага». Он скрестил руки, покачался на пятках и посмотрел на меня. «И зачем вы приехали сюда поздним вечером?»

«Прошу прощения, полисмен, я не могу вам этого сказать». Я старался вести себя скромно.

«Не можете? Ладно, приятель, попробуем иначе. – Он вновь прочел права и, как и многие другие, неправильно произнес мою фамилию, начав ее с твердого «к» вместо мягкого «с»: – Курнин, Юджин – вас действительно так зовут?»

«Полисмен, я и этого не могу вам сказать». *Если теперь до него дойдет, Дик меня убьет.*

«Смотрите, все ли я понял правильно. Вы отказываетесь назвать свое настоящее имя и сказать, что вы здесь делаете. У вас права, выданные в Калифорнии, без срока годности, но вы проживаете в Техасе и в данный момент находитесь во Флориде.

Документов на машину нет, договора аренды тоже. Пока все верно?»

Я кивнул в знак согласия, понимая, что дерьмо вот-вот попадет в вентилятор.

«Примерно так… сэр».

«Знаете что, мистер Курнин или кто вы там на самом деле? Думаю, что вам придется проехать в участок».

«Э, вы не можете сделать этого. На самом деле не можете!» Разговор определенно пошел в неправильном направлении, и я уже видел мысленным взором заголовки утренних газет: «Арест астронавта отменяет полет к Луне».

«Завтра я должен отправиться кое-куда, и вы просто не имеете права забрать меня в полицейский участок!»

«Хотите поспорить? – Полицейские не любят слышать подобные вещи. – Пожалуйста, выйдите из машины».

Он уже потянулся за наручниками, когда я увидел самое прекрасное за всю жизнь зрелище. На другой стороне дороги с визгом остановился потрепанный «фольксваген», человек в очках в толстой черной оправе выглянул в окно и с изумлением прокричал: «Ш-шино! Ш-што ты тут делаеш-шь? Ты должен готовиться!»

Полицейский повернулся к Гюнтеру Вендту – «фюрер площадки», как его называли за глаза, спешил на помощь[113]. Молодой коп был теперь в окружении и в полном замешательстве. Я протянул руку в сторону далекого «Сатурна V» и объяснил, что происходит.

«Гюнтер, у меня тут настоящая проблема. Вы не могли бы объяснить полисмену, почему он не может сегодня арестовать меня?»

«А пош-шему ты не объяснишь сам?»

«Дик запретил мне это».

«Дик? Он тош-ше здесь?» – Вендт огляделся, столь же удивленный, как и полицейский. На нас смотрели люди, приближался еще один полисмен.

«Нет. Он разрешил мне уехать на несколько часов к семье. Гюнтер, мне нужно выбраться отсюда, пока никто меня не узнал».

Вендт кивнул, аккуратно взял полисмена под руку и отвел в сторону, а я устало облокотился на машину. Он показал на ракету, потом снова на меня, взволнованно роняя в вечернее тепло гортанные слова с сильным немецким акцентом. Через несколько часов ему предстоит закрыть за мной люк космического корабля, и я отправлюсь к Луне. Наконец, полицейский всё понял и вернулся ко мне с ухмылкой.

«Я слышал за время службы много невероятных историй, и

если ты думал, что я поведусь на эту, то очень зря, – сказал он. – Тут вокруг тысячи людей, а я должен поверить, что поймал астронавта по дороге к Луне? Но история шикарная. Давай, вали отсюда. – Он засмеялся, махнул мне рукой и добавил: – Лети на свою Луну».

Уезжая, я видел тупую корму старого «фольксвагена», колесницы моего спасителя из Пенемюнде, которая зафыркала и покатилась прочь по дороге. Теперь я начал приходить в себя и подумал, что появление Гюнтера в ту самую минуту могло оказаться больше чем совпадением – возможно, это был добрый знак для нашего «Аполлона-10».

Уже в темноте мы с Томом отправились на площадку 39B посмотреть на ракету, которая вознеслась на 36 этажей над нами, и каждый ее дюйм сверкал в свете прожекторов. Она весила теперь изрядно – 2 940 780 кг, и говорила на своем нескладном языке – шипела, стонала и булькала. Даже в неподвижности, привязанная к старту стальными узами, она выглядела живой и, казалось, понимала, что должна сделать что-то очень важное.

«Да, это не похоже на «Джемини»», – сказал Том, когда мы стояли перед троном «Сатурна», словно пара восхищенных школьников. У меня никогда не было такого чувства, даже когда я размышлял о полете на межконтинентальной ракете «Титан». Та ракета ждала в зловещем спокойствии, как будто неодушевленная, и должна была остаться такой до того самого момента, когда компоненты ее высококипящего топлива сольются вместе и взорвутся. Нет, наша ракета была совсем другой девочкой. Мне казалось, что она превратилась из металлической в настоящую, из плоти и крови, и что-то шептала мне.

На «Титане» мы сидели всего лишь на двух двигателях. На «Сатурне», на одной лишь его первой ступени, было пять монстров по имени F-1, и каждый был вчетверо мощнее, чем весь «Титан». Они поглотят 43 тонны керосина и жидкого кислорода за девять секунд грома и бушующего пламени на старте, прежде чем ракета станет свободной.

«Нервничаешь?» – спросил Том с ухмылкой.

«Черт возьми, нет, – возразил я. – Жду с нетерпением».

«Черт возьми, нет. И я тоже», – согласился он и громко захохотал, шлепнув меня по спине.

Но почему же я тогда чувствовал себя таким *маленьким*?

18
Жарь, малыш, жарь

Люди из службы NASA по связям с общественностью, озабоченные имиджем агентства, которые чувствовали, что названия «Гамдроп» и «Спайдер» недостаточно серьезны на фоне исторического значения «Аполлона-9», получили еще более тяжелый удар, когда карикатурист Чарлз Шульц разрешил нам окрестить командный модуль «Аполлона-10» «Чарли Браун», а лунный модуль – «Снупи» в честь героев комикса и мультсериала «Мелочь пузатая»[114]. Пиарщики проиграли по полной программе, потому что этот неуклюжий парень и его отважная гончая были известны всей планете, и их имена обрели небывалый успех. Бесстрашный Снупи в шлеме-пузыре с развевающимся красным шарфом, летящий к Луне в своей конуре, тут же сделался символом выдающегося мастерства, и когда шумиха улеглась, изображения этой собачонки появились повсюду – на наклейках и плакатах, на куклах и ранцах, на футболках и пуговицах. Ничего подобного в истории программы еще не было.

Столетием раньше, еще до того, как были изобретены аэропланы, Жюль Верн написал роман о полете на Луну, удивительно похожем на наш. У него были три астронавта и многоступенчатая ракета – «лунный поезд»[115], запуск производился из Флориды… и экипаж сопровождал пес по имени Сателлит. Неплохо угадано, правда? Подходило время старта, который был назначен на воскресенье 18 мая 1969 г. в 12:49 восточного летнего времени[116]. Опыт предыдущих полетов позволял воспринимать события как безопасную и знакомую рутину. Я проснулся в 06:50, за сорок минут до Тома и Джона, чтобы посетить вместе с Ди О'Хара частное богослужение отца Каргилла, близкого друга семьи. Затем позавтракал традиционным стейком с яйцами вместе с примерно десятью друзьями-астронавтами. Мы прошли медосмотр, получили доклады о состоянии систем и о метеоусловиях, облачились в скафандры и проехали семь километров до самой дальней части Космического центра, где располагалась площадка 39B. Дорога заняла 15 минут; когда мы стартуем, то за 12 минут достигнем орбиты.

Мы вышли из микроавтобуса за три часа до старта, излучая спокойствие. Почему бы и нет? Мы самый опытный экипаж в программе – у нас за плечами пять полетов на «Джемини». Мы

старые друзья и полностью уверены друг в друге. Мямля и Крутой Джон знакомы со времен службы курсантами на линкоре «Миссури» двадцать лет назад. Каждый из них уже дважды слетал в космос, а я один раз, но получил дополнительный опыт адски тяжелого выхода. Том, с которым я опять оказался вместе, был волшебником орбитальной встречи и лидером в планировании полетов «Аполлона». Джон командовал своим экипажем «Джемини» и лучше многих других освоил ремесло управления командным модулем «Аполлона». Я же как пилот лунного модуля знал своего «жука» сверху донизу. Им по тридцать восемь, мне тридцать пять. Мы работаем в тех же самых ролях уже три года, сначала как дублирующий экипаж для полета, который должен был стать «Аполлоном-2», а потом, после Пожара, как дублеры «Аполлона-7». Мы не просто знаем свои машины, мы стали их продолжением, а «Снупи» и «Чарли» сделались членами нашего экипажа.

Перед стартовой командой предстали трое парней, герметично упакованных в скафандры и несущих в руках портативные кондиционеры, с американскими флагами на левом рукаве. Мы казались им расслабленными, радостными и счастливыми, потому что вышли наконец на свою тропу. Мы были готовы сесть на верхушку этой огромной ракеты, получить последовательный разгон от каждой из трех ступеней, достичь орбиты, а затем рвануть к Луне.

«Сатурн V» покоился на ажурной сети оранжевых ферм, каждая высотой с небоскреб, упершись носом в пелену низкого тумана. От металлической кожи ракеты отваливались нагревшиеся льдинки.

Дверь лифта захлопнулась, и мы стали подниматься все выше и выше, наблюдая окрестности через отверстия в ней. Каждый дюйм ракеты рядом с нами гудел и вибрировал. Куски льда, похожего на стекло, скользили вниз, а криогенная «кровь» – жидкий кислород и жидкий водород – кипела и пузырилась в ее внутренностях. *Она жила!* Лифт резко остановился на отметке 97 метров, и мы вышли. «Добро пожаловать на экспресс 12:49», – произнес один из инженеров-системщиков.

Рукой в перчатке я заслонил глаза от сияния утреннего солнца и глянул на берег, тянущийся на много миль. Машины и грузовики были припаркованы бампер к бамперу, сотни тысяч людей собрались на пляжах и чуть поодаль. Американские флаги, яркие цветные флажки на антеннах машин, частные дома округа Бревард. Трибуны для важных гостей в пяти километрах от стартовой площадки были заполнены, как и все открытые пространства вплоть до Джетти-Парка в 25 км отсюда.

Полторы тысячи репортеров со всего мира собрались в штабе для прессы; их рабочее утро нарушил визг одной журналистки, перед которой по ступенькам проскользнула черная змея больше метра длиной. Мужчина из службы связи с общественностью схватил безобидную рептилию и выпустил ее в ближайших кустах. Корпус прессы, вновь почувствовав себя в безопасности, навел бинокли на ракету и стал прислушиваться к регулярным предстартовым сообщениям представителя NASA Джека Кинга. «Пока все в порядке; до старта 2 часа 37 минут и 42 секунды, отсчет продолжается.

Говорит Центр управления».

Астронавты Джо Энгл и Донн Ай-зли провели много часов за проверкой корабля, и теперь могли вылезти и присоединиться к кругу «гробовщиков». Гордо Купер уехал со старта раньше, чтобы включиться в группу операторов связи, в которую также входили Джек Лаусма, Чарли Дьюк, Брюс МакКэндлесс и Джо Энгл. Первым в 10:06 в командный модуль «Аполлона» влез Том Стаффорд и сдвинулся в левое кресло, на традиционное место командира. Я вошел следующим и сел в правое парусиновое кресло, и наконец Джон разместился в центральной позиции. Вскоре Гюнтер Вендт объявил, что все готово, постучал по нашим шлемам, сверкнул оптимистической улыбкой и по традиции пожелал нам доброго пути «с божьей помощью». Затем он распорядился, чтобы люк был закрыт и чтобы все покинули «белую комнату». Наверное, он почувствовал облегчение, увидев меня вовремя и без наручников.

Мы взялись за проверки по огромной контрольной карте, зачитывая данные для ЦУПа и принимая уточнения для компьютера. «Проверьте систему стабилизации и управления, телеметрию и радиосвязь, радиомаяки слежения и систему ориентации и наведения. Взведите пиротехнику. Проверьте полетные аккумуляторы. Проверьте автоматическое программное устройство. Проверьте его повторно. А теперь в третий раз». «Мы находимся на отметке Т минус 41 минута, отсчет продолжается. Старт по-прежнему назначен на 12:49. Говорит Центр управления».

Времени на раздумья не осталось, нужно было работать. Но мы так часто практиковались, что наши пальцы и глаза летали над приборами, как у профессиональной машинистки, которая печатает сто слов в минуту. «Наддуйте систему реактивного управления. Введите поправку в высотомер». Время бежало вперед. «Вице-президент Агню прибыл в центр управления. У нас 24 минуты 53 секунды, отсчет продолжается; говорит Центр управления».

Почти всё что можно уже было сделано, и мы молились лишь о том, чтобы ничто не вышло из строя, понимая, что даже самая небольшая неисправность может поставить полет под угрозу. Несколько проблем действительно всплыло, но со всеми удалось справиться.

У нас с Томом был обширный опыт отмен на «Джемини», так что мы ничто не воспринимали как должное. Луна ждала нас в 400 тысячах километрах отсюда. «Отключите внешний источник питания и перейдите на топливные элементы. Активируйте ручки управления вращением. Последняя проверка состояния систем. Навигационную систему – на инерциальное. Погода в норме». Рокко Петроне, руководитель запуска на Мысе, докладывает о готовности. Руководитель полета Глинн Ланни в ЦУПе в Хьюстоне – они готовы. «Шестьдесят секунд, отсчет продолжается. Мы готовы к старту к Луне в заданное время. Говорит Центр управления».

Управление отсчетом взял на себя главный компьютер. Пока секундная стрелка описывала последний круг, шел наддув баков. Фермы для доступа к ракете отошли назад, Стаффорд запустил заключительную проверку бортового компьютера.

На отметке Т минус 8,9 секунды открылись клапаны и ожили с ревом пять больших двигателей первой ступени. Пламя рвануло в бетонный лоток и взметнулось вверх вдоль ракеты. Оно ежесекундно поглощало многие тысячи литров, и двигатели набирали полную тягу 3500 тонн, необходимую для того, чтобы поднять ракету весом 2900 тонн и ее пассажиров. «Есть старт процедуры зажигания, двигатели включились, пять, четыре, три, два, все двигатели в работе».

В пяти километрах отсюда, на пляже, на трибуне для важных гостей включение увидели намного раньше, чем услышали. Потом неземной стон пронесся над водой и нанес им тяжелый удар. Зрители закрывали уши; они почувствовали кожей толчок горячего воздуха и дрожь ударной волны. Бельгийская королева Фабиола от неожиданности вцепилась в руку мужа, короля Бодуэна. Иорданский король Хуссейн, ветеран многих стартов, вздрогнул. Трейси, испуганная оглушающим стаккато, спрятала лицо в красной юбке матери, а Барбара ощутила удар всем лицом. Стаи цапель и пеликанов метнулись прочь в панике. У основания ракеты, где страшный жар превратил песок пляжа в стекло, не выжило ничто и никто.

Наверху мы восприняли глубокий, приглушенный рокот, мы почувствовали его в той же степени, как и услышали, когда вибрация поднялась по шпилю и сотрясла внутренности корабля. Теперь пути назад не было. Гигантская ракета ожила, и ее

чудовищная мощь была поистине страшна. Я вжался в кресло, слушая, как уходят последние секунды. Я не спешил вздохнуть полной грудью, поскольку не привык покидать старт по графику, и успел задуматься о том, как вообще может что-то работать правильно в этом столбе ревущего пламени.

Всего через полсекунды после «круглого» расчетного времени огромные захваты, удерживавшие нас на площадке, отпустили ракету, и наш «Сатурн» пришел в движение, изрыгая огонь из гигантских сопел и слегка покачиваясь, чтобы его нос смотрел точно вверх. Ракета обрела равновесие и после одного или двух ударов сердца стала подниматься. «Есть старт. Подъем. Старт в 49 минут после часа… Ракета прошла башню»[117]. Мы устремились вверх, оставляя за собой громыхающий подобно перфоратору столб раскаленного оранжево-красного пламени, более яркого, чем горелка сварщика.

«Сатурн» пронзил покрывало высоких облаков, которые отчасти затеняли солнце, так что оно сияло не ярче нашей ракеты, и стал лениво ложиться на курс в направлении на юго-восток, чтобы выйти на опорную орбиту вокруг Земли. Всего через несколько мгновений мы были вне пределов видимости любого человека во Флориде. Когда грохот утих, Трейси отняла руки от ушей, повернулась и увидела пустое небо. «Мамочка, – спросила она, – а папа уже на Луне?»

«Как идет, – сообщил я миру, когда перегрузки стали вдавливать меня в парусиновое кресло, – как идет!» Система «Джемини – Титан» в сравнении с этим была жалкой хлопушкой. За полторы минуты мы преодолели несколько десятков километров и испытывали уже 4,5g перегрузки. Восторг от полета был омрачен наступлением POGO – нас стало трясти в направлении вверх и вниз, словно боги смешивали мартини. Мы ожидали этого и не беспокоились. Первая ступень ракеты несла неимоверный груз, но она становилась легче с каждой микросекундой по мере поглощения топлива, и в итоге набрала скорость 7200 км/час, то есть 2000 метров в секунду. Всего через пару минут мы были уже на высоте 74 км, готовые к тому, что двигатели первой ступени лишатся топлива и остановятся[118] и в работу вступит вторая ступень.

Мы ожидали примерно такого же толчка при разделении ступеней, как на «Джемини», но отключение оказалось мощнее, и нас швырнуло сначала назад, а потом вперед на привязные ремни с такой силой, как будто мы врезались в стену. Огненный шар, остававшийся до того позади, окутал нас полностью. Джон Янг позднее сравнил этот удар с крушением поезда.

Затем включилась вторая ступень, нас снова отбросило в

кресла, и мы во мгновенье ока покинули огненный шар. На «Сатурне» всё это происходило *очень* быстро.

А вот POGO осталось с нами, и ощущалось даже хуже, чем прежде, пока еще 416 тонн жидкого водорода и жидкого кислорода сгорали жарко и тяжело в течение семи с половиной минут, а мы ускорялись с захватывающей дух силой. Мы еще были живы, наш корабль говорил с нами, и то, что он хотел сказать, нам не нравилось. Низкие стоны и скрипучие вздохи указывали, что металлу позади нас больно, что он весь в напряжении. Болтанка намекала, что там, внизу, назревают большие проблемы. Но что, черт побери, происходит? Поскольку мы летели на вершине системы размером с небоскреб, мы не могли видеть, что творится двадцатью этажами ниже. Единственное открытое окно было перед Томом; все остальные еще скрывались под защитным экраном, к которому присоединялась башня аварийного спасения. По сути мы были слепы.

Затем эта башня, в которой мы больше не нуждались, сорвалась с громким лязгом и ушла прочь. «Сатурн» преподнес еще один сюрприз: хотя я и знал, что это должно случиться, и ожидал как раз в это время, детонация была настолько внезапной и мощной, что на какое-то мгновенье мне показалось, что она вырвет корабль из ракеты. Через мгновенье башня исчезла, стащив заодно аэродинамический экран с наших окон, и я наконец смог увидеть, что происходит снаружи. Это оказалось нечто весьма знакомое, и я произнес: «Три года – это немалый срок, но вот он, берег Африки, и он вновь выглядит прекрасно».

Вторая ступень закончила работу через 11 минут 47 секунд после старта, оставив нас нестись вперед на скорости 25 010 км/час, но это была еще не орбитальная скорость[119]. Несмотря на все шатания и вращения, нам было радостно вновь оказаться в космосе. «Как в старые добрые времена», – пошутил Джон.

Мы получили еще один сеанс пляски с притопом, когда третья ступень включилась на три минуты – этого хватит, чтобы доставить нас на орбиту высотой 187 км на скорости 28 230 км/час[120]. Внезапно она решила везти нас с мягкостью «кадиллака»: после отделения второй ступени пропало и POGO[121]. И вот мы начали плавание в невесомости. Никто не испытывал эйфорию от отсутствия тяжести, потому что всем нам это ощущение было знакомо, и нас больше беспокоило, насколько велик ущерб, который мог потерпеть корабль из-за дикой тряски при выведении, и не нарушит ли он все наши планы.

В момент запуска управление было передано из Флориды в Хьюстон, и Глинн Ланни отрядил воинство ЦУПа определить по

телеметрии, может ли корабль продолжать полет, и в особенности – не получил ли повреждений хрупкий лунный модуль. Они знали лишь, что что-то было неправильно, но данные компьютеров не давали ясной картины. Ланни провел опрос по принятым данным и получил ответ, что ничего плохого не произошло. Когда мы вновь вышли на связь через станцию Карнарвон в Австралии, ЦУП дал разрешение на повторное включение третьей ступени, которая отправит нас к Луне.

Ожидая этого решения, мы сделали полтора витка вокруг земного шара, и теперь запустили отсчет к последнему импульсу, который уведет нас с околоземной орбиты и направит к Луне. Этот маневр был известен как «старт к Луне», или TLI. По какой-то странной причине мы всегда обращались по орбите вверх ногами, так что теперь, когда я выглянул из окна, я увидел огни Сиднея далеко внизу – и при этом над моей головой. Затем запустился могучий двигатель, и Сидней пропал из виду; австралийцы же удивились, когда в ночном небе над ними загорелась новая яркая звезда.

В отличие от «Джемини», где восход наступал сравнительно медленно, сейчас мы просто ворвались в солнечный свет, взбираясь над Землей на все более высокой скорости. «Какой прекрасный способ наблюдать восход», – изумился я. Колебаний типа POGO давно уже не было, но мы столкнулись с новым, более жестким типом вибрации, настолько сильной, что она мотала нас на притяжных ремнях[122]. Металл визжал, приборная панель танцевала как на пружинах, пока наш корабль пытался освободиться от притяжения Земли. У нас не было зеркала заднего вида, мы не могли посмотреть, что там происходит, но понимали, что ситуация быстро ухудшается. Мы *чувствовали* агонию ракеты. Какой бы ни была наша проблема, она становилась все серьезнее.

Я посмотрел на Ти-Пи и на Джона. *Вы слышите это? Чувствуете это?* Том в левом сиденье аккуратно держал руку возле рукоятки аварийного выключения, и я начал прикидывать, чем это грозит, хотя приборы тряслись так сильно, что я едва мог прочесть показания. До конца работы двигателя оставалось две минуты. *Не останавливайся, малыш! Не дай нам потерять полет!*

Некоторые астронавты описывали отправление к Луне как естественное продолжение полета. Я обязан сказать, что это не так. Когда вы покидаете Землю, это полный разрыв с известным, с тем, что вам знакомо, на что вы привыкли полагаться как пилот. Эти мозголомные броски туда-сюда в космосе – квантовый скачок по сравнению с летными испытаниями, где работа пилота состоит в том, чтобы подвести самолет к пределам его возможностей и

найти ответы на заранее поставленные вопросы. А здесь приходилось противостоять чуждой и враждебной среде, где не было ни горизонта, ни верха, ни низа, где скорость и время приобретали новые значения, и мы не только не видели ответов, но и не знали самих вопросов.

Казалось, что наш корабль пытается растрясти себя до смерти. Если Том сейчас решится на аварийный останов и дернет рукоятку, ракетный двигатель немедленно выключится, и мы по крайней мере останемся единым целым. «Аполлон-10» проведет тогда пару дней в свободном полете по орбите, которая в конечном итоге приведет нас в Тихий океан. *Но ворон каркнул: «Ни хрена!»*

Мы проскакали на этой брыкающейся лошади весь импульс TLI, и Том не убирал руку в перчатке от аварийной рукоятки, даже когда докладывал на Землю, что мы испытываем «час-тот-ны-е… ви-бра-ци-и», выдавливая слог за слогом через стиснутые зубы из-за сильнейшей, оглушающей тряски. Быть может, он вспоминал бесстрашие Уолли Ширры в сходной ситуации на «Джемини-6» и оттягивал роковое решение. Мы набрали уже 32 000 км/час и в конце концов дотянули до 39 120 км/час[123]. «Аполлон-10» скрипел и стонал, как старый дом зимой. Черт с ним, дай нам шанс. *Не бросай нас, малыш. Давай! Жарь!*

Мы угадали правильное решение. Третья ступень выключилась строго по расписанию, тряска прекратилась и воцарилась тишина. Мы вышли в свободный полет к Луне. Я был доволен и испытал облегчение, обнаружив себя все еще в целом виде, одним куском. Люди фон Брауна построили фантастическую машину. Том медленно убрал ладонь от аварийной рукоятки и своим фирменным протяжным оклахомским говорком выдал в сторону Хьюстона скромное и смущенное: «Мы уже в пути».

19
И нет им конца

Мы – телегерои!

Неспособность астронавтов рассказать в деталях, что мы видим в космосе, всегда представляла проблему. Мы были инженерами и пилотами, и остальной мир уже начал уставать от наших «прекрасно» и «ух ты». Правда, я полагаю, что поэту или водопроводчику было бы столь же трудно описать подобное зрелище. Фотоснимки и черно-белое кино не могли передать реальное великолепие, с которым мы сталкивались в полетах. После «Джемини-9» я чувствовал себя эгоистом, будучи не в состоянии поделиться с другими тем, что смог увидеть и прочувствовать.

«Аполлон-10» впервые нес цветную телевизионную камеру, чтобы добавить к космическому путешествию новое и неожиданное измерение. Наконец-то налогоплательщики могли увидеть, на что пошли их деньги. За восемь дней полета мы провели 19 телевизионных передач, набрав в сумме 5 часов и 44 минуты эфирного времени, почти втрое больше, чем за все предыдущие телесеансы из космоса. Результаты были столь потрясающи, что нам досталась телевизионная премия Emmy. Цветное телевидение означало, что мы можем взять с собой к Луне любого, по крайней мере опосредованно.

Я пустил камеру в ход примерно через три часа после старта, когда Джон Янг занимался последней в этот день серьезной работой – он должен был развернуть командный модуль задом наперед и состыковать его с лунным модулем. Мягко оттолкнувшись, Джон отвел нас примерно на 15 метров от опустошенной третьей ступени и выполнил аккуратное полусальто. По мере этого медленного поворота на 180° в первый раз показалась Земля, и это было уникальное, ошеломляющее зрелище. На «Джемини» мы пролетали над берегами, озерами и городами, путешествуя вокруг света, но теперь мы быстро удалялись от Земли и могли одним взглядом охватить целый океан или континент. На орбите горизонт искривлялся подобно гигантской радуге, но теперь он замкнулся, и перед нами предстала вся Земля, от которой мы удалялись со скоростью почти 40 000 км/час[124]. Наш голубой глобус, укутанный в белые облака, был окружен чернотой столь глубокой, что я в первый раз осознал, что действительно совершаю космическое путешествие.

Переполненные изумлением, мы не имели права на опасную

езду. Нам предстояло вытащить лунный модуль из использованной третьей ступени. Ракета отделилась, но все еще шла рядом, как наш персональный спутник, потому что наши скорости оставались одинаковыми, и «Снупи» все еще был спрятан в маленьком «гараже» в ее носовой части. Четыре белые панели, которые защищали его во время выведения, отвалились назад, подобно лепесткам цветка, когда Джон приближался к нему дюйм за дюймом, целясь носом командного модуля в воронкообразную приемную часть на верхушке лунного посадочного аппарата. Яркое солнце сверкало на металлической коже ракеты. Я наехал камерой на лунный модуль с такой детальностью, что можно было пересчитать все его заклепки. В Центре управления все слегка обалдели. Эти парни, прикованные к Земле в течение стольких лет, теперь могли почувствовать, что находятся на корабле рядом с нами, что наконец-то участвуют в полете на самом деле, в эту самую минуту.

Джон попал точно в «яблочко», и два аппарата состыковались. «Щелк, щелк, и мы тут», – доложил он. Затем он медленно изменил направление тяги и вытащил «Снупи» на свободу, а мы нехотя завершили телешоу, чтобы привести лунный модуль в порядок.

Я заплыл в туннель и открыл люк командного модуля, намереваясь заняться проверкой прочности конструкции – мне нужно было убедиться, что все замки, удерживающие вместе «Чарли Брауна» и «Сну-пи», прочно закрыты. Внезапное изменение атмосферного давления в момент открытия люка сорвало с его задней стороны часть майларовой обивки[125], и в 23 253 км от Земли я обнаружил себя в центре снежного бурана. Целая волна хлопьев тепловой изоляции излилась из поврежденного места, прежде чем я сумел вновь закрыть люк. Я вернулся в кресло с волосами и бровями, облепленными этим белым материалом, словно перьями. Я выглядел так, как будто ощипал цыпленка, причем мне сразу захотелось почесаться.

Тем не менее мы были готовы к следующему шагу – избавиться от присутствия бесполезной теперь третьей ступени, которая все еще следовала за нами в безвоздушном пространстве. Через четыре с половиной часа после запуска Джон увел наш маленький поезд из «Чарли» и «Снупи» от опасного соседства. По сигналу с Земли двигатель ступени был включен еще раз, чтобы отправить ее на гелиоцентрическую орбиту – это означало, что она будет вечно обращаться вокруг Солнца. Естественно, мы показали это драматическое событие по телевидению.

Поскольку большая часть динамических операций этого дня была завершена, мы решили провести еще один телесеанс и

показать Землю ее обитателям. Но когда мы посмотрели в иллюминаторы, мы не смогли ее найти. Хотя мы были на свету, всё, что мы могли видеть – это черноту и звезды. Капком Чарли Дьюк попросил нас поискать еще раз. «Она где-то внизу, – протрещал он. – Спросите штурмана, он должен знать». К сожалению, штурман в этот момент был занят вылавливанием летающих хлопьев изоляции.

В конечном итоге наш мир нашелся, и камера стала давать отличную цветную картинку, причем я умудрился поместить весь «глобус» в кадр. Показались заснеженные Скалистые горы и красновато-коричневый Калифорнийский полуостров, как будто это был урок географии из космоса. Арктическая ледяная шапка, туманная Аляска, покрытая облаками Канада, штормовая Новая Англия и бирюзовая вода Карибского моря создавали живой контраст с самой черной чернотой, которую можно было себе представить. «Для протокола замечу, что это, похоже, довольно приятное место для жизни», – произнес я. Телевизионная камера была предметом моей невероятной гордости, потому что она обеспечивала людям некоторую долю участия в этой истории и давала перспективу их дома в Солнечной системе.

Наш первый день в космосе закончился коррекцией траектории, которая была столь мала, что к нашей скорости потребовалось добавить всего 50 км/час[126]. «Чарли Браун» и «Снупи» мчались прямо по Космическому шоссе № 1, медленно вращаясь, как барбекю над огнем, чтобы равномерно распределить солнечное тепло. Все мы очень устали и решили уйти спать. Я находился в 36 662 км от моей Барбуда-Лейн и двигался прочь от дома.

Барбара излучала полную уверенность на дневной пресс-конференции в мотеле Коко-Бич, призванной дать репортерам некоторое понимание того, о чем думает бывалая Миссис Астронавт. То же самое в Техасе проделывали Фей Стаффорд и Барбара Янг. Никто из них не был новичком в этой игре, и моя жена легко «брала» вопрос за вопросом. «Это наша работа, наша жизнь, – объясняла она. – Я никогда не беспокоилась о его безопасности. Знаю, что звучит фальшиво, но это правда». Она не стала говорить о том, что прекрасно понимала: я ни в коем случае не мог отказаться от такой задачи. Я обязан был идти в полет, который для любого летчика, наверное, представлялся мечтой всей жизни. Барбара высказала полную уверенность не только в этом полете, но и во всех будущих путешествиях «Аполлонов» и добавила, что надеется увидеть меня командиром в одном из них. Трейси возилась в комнате, фотографы пытались ухватить ее улыбку, которой недоставало двух верхних передних зубов. Для

нее переживания уже остались позади, и она была готова вернуться домой, в Нассау-Бей, к щенкам кокер-спаниеля, одного из которых она, разумеется, назвала Снупи. В Иллинойсе мама показала репортерам цветы, которые я послал перед запуском, и назвала их «стартовым букетом».

Добраться до Луны вовсе не трудно после того, как ты наконец-то оказался на дороге, при условии, что машина сделает свою работу, а наш полет после ухабистой фазы запуска проходил гладко, как по учебнику. Инженеры объяснили вибрации и шум тем, что ракета сбрасывала излишнее давление, и заключили, что оснований для беспокойства нет.

Летите дальше! На середине пути, примерно в 200 тысячах километров от Земли, мы прокрутили ЦУПу песню Фрэнка Синатры «Унеси меня на Луну».

Мы еще поиграли с телевизионной камерой, показав миллионам зрителей на Земле, как выглядят трое небритых астронавтов, плавающих в условиях невесомости. Мы проверили всё возможное и переловили разлетевшиеся хлопья теплоизоляции. Мы обменивались шутками и ныряли в пакетики для еды, опробуя новейшее изобретение – космическую ложку, к поверхности которой прилипает пища, что придает некоторую долю нормальности процессу питания в невесомости. И мы все время смотрели, как родная планета становится все меньше и меньше – пляжный мяч, баскетбольный, волейбольный… Она величественно плыла сквозь космос с замыслом, который я не мог постичь, вращаясь вокруг таинственной оси, которую я не мог видеть, хотя и знал, что она есть, и я много часов размышлял о том, зачем всё это, но находил больше вопросов, чем ответов.

У меня было более чем достаточно времени для раздумий, и я вновь и вновь задавался вопросом, который так часто возникал у меня в космосе: неужели это на самом деле происходит со мной? Очевидно, это так, но незаурядность ситуации просто ошеломляла меня. После космического путешествия я сделался намного более склонным к философии, и временами не мог даже сфокусироваться на мелких земных проблемах, потому что они казались совсем незначительными по сравнению с тем, что я испытал в тех местах, где сумел побывать. Мои друзья-астронавты, летавшие к Луне, столкнулись с разными степенями той же самой болезни; у нас сломалась знакомая матрица жизни, и мы не могли ее починить.

К примеру, глядя на Землю, я видел только далекую бело-голубую звезду. Там были океаны, глубокие и обширные, но сейчас я мог охватить их целиком, и они казались такими маленькими. И каким бы глубоким и широким не было море, у

него всегда имелись берег и дно. Мчась же сквозь космос, я был окутан бесконечностью. И даже само слово «бесконечность» потеряло свое значение, потому что я не мог измерить ее, а без закатов и восходов время означало не более чем один из пунктов в контрольной карточке, который нужно выполнить в конкретной точке нашего пути. Вон там висит звезда Альферац, а за ней еще одна, и еще. А вот Нунки, и с ней то же самое. За Фомальгаутом звезд особенно много, так много, что трудно себе вообразить. Звезды и извечная далекая чернота повсюду, и нет им конца.

Я не слишком религиозный человек, но определенно верующий, и когда я смотрел вокруг, я видел красоту, а не пустоту. Никто, будучи в здравом уме и созерцая такую картину, не станет отрицать духовное начало этого переживания, равно как и то, что есть Высшее существо, и все равно, зовут ли их бога Будда или Иисус Христос, или как-нибудь еще. Имя менее важно, чем признание Создателя. Кто-то, какое-то существо, какая-то сила поместила наш маленький мир, наше Солнце и нашу Луну, туда, в черную пустоту, где они пребывают поныне, и это построение отвергает какой-либо логический подход. Оно слишком совершенно и прекрасно, чтобы возникнуть случайным образом. Я не могу сказать вам, как или почему оно существует именно в таком виде, но оно существует, я знаю это наверняка, потому что я там был и видел бесконечность пространства и времени своими собственными глазами. И не случайно мы, трое ветеранов-астронавтов, взяли с собой на «Аполлон-10» стихотворение Джона Мэгги «Высокий полет», потому что были мгновенья, когда я на самом деле чувствовал, что могу «простереть ладонь – и тронуть Божий лик».

На третий день мы преодолели гравитационные объятия Земли, и лунное притяжение подхватило нас и потащило, как листочек в водовороте. В назначенный момент нам нужно было включить двигатель служебного модуля – так сказать, вдарить по тормозам. Операторы ЦУПа навели нас очень точно – приближаясь с расстояния в 400 тысяч километров, мы должны были пройти на высоте 113 км над движущейся Луной на огромной скорости – несколько тысяч миль в час. Невероятная точность попадания! Небольшой просчет, и мы могли бы стать еще одним кратером на этой немилосердно избитой поверхности, или же просвистеть мимо и вылететь на орбиту вокруг Солнца.

Чтобы полет еще сильнее действовал на нервы, мы приближались к Луне с ее теневой стороны и просто не могли ее видеть. Может, оно и к лучшему. Если бы мы могли окинуть ее взглядом, то это огромное нечто, летящее прямо на нас, стерло бы из сознания все остальное и наши сердца действительно

забились бы с перебоями.

Мы погрузились в лунную тень за пару часов до того, как достигли самой Луны, и теперь парили над ней в темноте. В командном модуле было спокойно – мы прорабатывали контрольную карточку включения двигателя, веря, что рано или поздно выйдем из тени с другой стороны. Даже радиоволны не могли проникнуть сквозь ту массу, которая отделяла нас от Земли. Мы были здесь одни, и хотя и не могли видеть Луну, но ощущали ее неодолимое присутствие. Я перекрестился и дотронулся до маленького серебряного образка на шее.

Я плавал головой вниз, уткнув нос в окно, и внезапно уловил какое-то отражение на тонированном стекле. Луч света попал мне в глаза, и я клянусь, в это мгновенье Луна показалась мне голубой! Но это продлилось лишь секунду, прежде чем с большим количеством света проступили ее настоящие цвета, серовато-бурые. «Вот она! Вот она!» – прокричал я и бросился в свое кресло. Оставалось всего три минуты до тормозного импульса, который переведет нас на окололунную орбиту, и его необходимо было сделать на первом витке позади Луны, когда ЦУП еще не имеет связи с нами и не может помочь. Но как я мог проигнорировать такое зрелище? Конечно, никто из нас не мог, и командный модуль летел, медленно вращаясь и позволяя видеть эту поразительную картину через пять своих иллюминаторов.

Теперь или никогда! Том наконец-то призвал всех к порядку, потребовав следить за приборами и произвести маневр, и мы это сделали.

Но когда мы вышли на орбиту, все изменилось. Мы стали похожи на трех обезьянок в клетке, теснящихся у окон, чтобы внимательно рассмотреть эту большую серую штуковину, которая поворачивалась под нами. Мы видели покрытые шрамами горы и долины, глубокие кратеры и еще более глубокие каньоны, борозды и овраги, возможные древние вулканы, которые были белыми снаружи и черными изнутри, и круглые кратеры всех размеров, от поля для бейсбола до штата Род-Айленд. И никаких признаков жизни.

А потом мы завернули за угол и стали свидетелями первого восхода Земли. От вида нашей планеты, поднимающейся из-под лунного горизонта, захватывало дух, а ее резкие цвета, казалось, хотели согреть мрачность космоса. Она была не просто всепоглощающе прекрасна, – теперь, когда мы вновь видели наш мир, мы смогли восстановить радиоконтакт с Центром управления, где люди с тревогой ждали, когда мы появимся из-за обратной стороны Луны. Том кашлянул и нажал кнопку микрофона: «Сообщите миру, что мы прибыли».

20
Почтовый дилижанс

На девятом витке вокруг Луны, после беспокойного периода расслабления, ЦУП выдал нам Тони Беннетта, спевшего «Лучшее еще придет». Мы устроились в привязанных спальных мешках, но были слишком возбуждены, чтобы крепко заснуть, и в течение шести часов считали коров, перепрыгивающих Луну. Пока мы занимались домашними делами – завтракали, перезапускали по очереди вентиляторы в криогенных баках, снимали показания дозиметров, капком Джек Лаусма зачитывал новости с Земли. Президент Никсон назначил Уоррена Бергера председателем Верховного суда США. Тур Хейердал отплыл из Мексики на папирусной лодке, рассчитывая пересечь Тихий океан. Попытка Найджела Тетли пройти под парусом вокруг света в одиночку внезапно закончилась, потому что его судно затонуло в Атлантике. Молодец Тур, а вот про Найджела нам лучше не рассказывайте. В Советском Союзе Москва показала отрывки телепередач с «Аполлона-10». Хьюстонские «Астро» выиграли, а мое Чикаго проиграло – а в этом что нового?

В мягкой одежде я проплыл через туннель, открыл люк лунного модуля и нырнул вниз, попав, подобно Алисе, в Зазеркалье – в совершенно иной мир. Я поначалу не мог сориентироваться, потому что пол оказался у меня над головой, поэтому я свернулся в невесомый клубок, сделал поворот и дал глазам привыкнуть к новой обстановке, чтобы восстановилось чувство равновесия. Я глянул в тонированное желтым окно, увидел темно-оранжевую Луну и улыбнулся.

Еще до того, как начать запитывать лунный модуль, нам опять пришлось повозиться с этими раздражающими частицами майларовой теплоизоляции, которые разлетелись из обивки туннеля. Некоторые из них заблокировали клапаны, необходимые для управления подачей воздуха в туннель и в лунный модуль, поэтому мы тщательно очистили корабль, чтобы мусор не попал в чувствительные приборы, и придумали нештатный способ сделать полный наддув[127]. После этого проблему подкинул радар. Один из его приборов отказал, и дальномерное оборудование не хотело работать. После этого накрылась система связи. Наконец, «Снупи» развернулся на 3° влево по рысканью, угрожая сломать металлические замки туннеля, соединяющие его с командным модулем. Каждая такая неприятность приносила дозу разочарования, потому что «Снупи» не мог уйти в

самостоятельный полет, если не всё будет работать отлично. Мы провозились со всем этим три часа с помощью ЦУПа, летая вокруг Луны и бойко разговаривая на «космоязе».

Капком: «Снупи», «Чарли», это Хьюстон. У нас, похоже, небольшая проблема с вашей гироплатформой – угол поворота гироскопа по оси X немного великоват; мы бы хотели, чтобы вы повторили проверку дрейфа. Прием.

«Снупи»: Хорошо, вы хотите повторить проверку дрейфа. Принято.

Секундочку.

Капком: Принято. Это на странице 43.

«Снупи»: Когда я загружаю K-вектор, я просто отправляю его как действие, в 90-ю, да?

Капком: «Чарли Браун», Хьюстон. Мы бы хотели еще раз услышать показание дельта-P между CM и LM[128].

Вот примерно так. В конечном итоге мы справились со всеми проблемами нашего щенка, ушли за Луну на 12-м витке и вновь лишились связи с Землей. Последние слова капкома подбадривали нас:

«О'кей, «Чарли Браун» и «Снупи», вы уходите за холм. Даю разрешение на расстыковку, увидимся на другой стороне».

Мы снова могли полагаться лишь на себя, на этот раз при выполнении рискованной процедуры разделения, и хотя все мы были взволнованы, все трое сосредоточились на деле. Поскольку теперь мы находились под защитой скафандров и шлемов, громоздкие перчатки затрудняли даже самое простое действие, а на ошибки не было времени.

Том встал на командирское место в левой части лунного модуля, а я в правой. Мы стояли в невесомости, заякоренные к полу подпружиненными притягами. Глаза смотрели на приборные доски перед каждым из нас, руки легко лежали на ручках управления двигателями. Луны в двух маленьких окнах видно не было, и мы полагались на мигающие красные цифры компьютера основной системы навигации и наведения PNGS[129] на панели между нами. Они должны были говорить нам, где мы находимся. Система PNGS была выставлена по звездам – настолько далеким, что их можно было считать неподвижными и получать точные навигационные данные по отношению к ним. У меня под правой рукой был второй компьютер, известный как аварийная система наведения AGS. Технически AGS считался вспомогательной навигационной системой для использования ближе к Луне и на ней, но его реальная функция состояла в том, чтобы вытащить нас из беды, если возникнет непредвиденная проблема. Обе системы должны были сыграть очень важную роль

в неожиданный критический момент, до которого оставалось совсем недолго.

Здесь нужно короткое техническое пояснение. На приборной доске любого самолета есть прибор в виде пляшущего черно-белого шарика. Он называется авиагоризонт и показывает ориентацию самолета по отношению к горизонту. Если машина летит ровно, пилот видит нижнюю половину шарика черной, а верхнюю белой. Если самолет кренится, шарик поворачивается на соответствующий угол. Этот замечательный информатор помогает пилоту лететь ровно в темноте, в тумане или в облачности. Наш космический вариант прибора, так называемый шаровой индикатор полета, был сложнее, но имел то же общее назначение. Он выставлялся по трем гироскопам и был связан с компьютером PNGS, чтобы сообщать нам, в каком положении находится космический аппарат по отношению к лунному горизонту. И был еще термин «складывание рамок», который мы очень не хотели услышать. Он означал, что гироскопы перестали работать, а авиагоризонт сделался бесполезным. Чтобы выйти из такого положения, нам потребовалось бы перезагрузить компьютеры и вновь выставить инерциальную платформу[130], а эта процедура требовала наблюдений навигационных звезд, ввода сложной информации и уймы времени. В типичной же ситуации складывание рамок означало, что все это хитроумное «железо» не может сказать вам ни слова, что у вас нет никакого представления, где вы в этом темном небе и куда направляетесь, что у вас авария и вовсе нет времени искать звезды и стучать по кнопкам ввода данных компьютера. Это означало, что вы в глубоком йогурте.

Джон Янг теперь остался один в командном модуле и взял на себя процедуру расстыковки над обратной стороной Луны. Замки раскрылись с тихим глухим ударом, и Джон аккуратно отвел «Чарли Брауна» от «Снупи». Это был волнующий момент, потому что наши билеты домой находились теперь у Джона. Мы с Томом включили малые двигатели «Снупи», чтобы набрать побольше дистанции и подправить наше положение. Вокруг нас не было толстого слоя изоляции, и каждое включение двигателя «Снупи» сопровождалось таким звуком, как будто кто-то бьет молотком по мусорному баку.

ЦУП ждал, ждал и ждал. Через 36 минут после того, как мы ушли со связи, Хьюстон получил сообщение из Мадрида, где радар показал не один, а два аппарата раздельно, выходящие из-за края Луны на расстоянии 15 метров друг от друга! Джон схватил телевизионную камеру и показал зрителям на Земле прекрасную картину, на которой жестяные плоскости «Снупи»

блестели под светом Солнца, а паучьи ноги были разведены в стороны. Модуль определенно хорошо себя чувствовал в домашних условиях – над песчаным фоном лунной поверхности. Ребята в ЦУПе расплылись в улыбках до такой степени, что могли бы проглотить банан боком.

А пока мы с Томом готовились к нырку к Луне, по Флориде вновь полз гигантский транспортер, на этот раз он тащил сборку «Аполлона-11» из VAB к старту и к его исторической судьбе. Приятно было знать, что все сделали ставку на успех «Аполлона-10».

Мальчик и его собака принялись за работу. Совместный полет «Чарли Брауна» и «Снупи» на скорости 5000 км/час требовал планирования с точностью в доли секунды. Мы расходились друг от друга, и меня очень грело знание о том, что наверху в командном модуле сидит Джон Янг. В число пилотов командного модуля входили лучшие в нашем деле летчики. Мы работали и готовились вместе так плотно, что Джон всегда знал в точности, что мы делаем и где именно находимся. Никто лучше его не смог бы послужить нашим спасителем. Спросите у любого астронавта, который ходил по Луне, о том парне, что оставался на орбите, и вы не услышите ничего, кроме самой высокой оценки. И когда Дик стал искать будущих командиров лунных экспедиций, первые четверо, кто получил такое повышение, были Ловелл, Скотт, Гордон и Янг – все опытные пилоты командного модуля. Без них ничего бы не получилось, и мы доверяли Янгу на все сто.

Закончив прорабатывать детальнейшую контрольную карту, мы с Томом оказались на пороге одного из самых тяжелых испытаний, доставшихся космическому экипажу. Задач у нас было много, а обязанностей только две – достичь поставленной цели и выжить. Мы начали отсчет к запуску двигателя посадочной ступени на две минуты, но немедленно получили уточнение от Чарли Дьюка, нашего капкома, который сообщил, что Хьюстон определил продолжительность импульса всего в одну минуту. «Большой Брат следит за тобой», – сказал он. Спасибо ребятам в задней комнате! Слишком долгая работа двигателя была бы надежным способом разбиться об лунную поверхность[131].

«Адиос, – сказал Джон. – Встретимся примерно через шесть часов». «Желаю хорошо провести время, пока нас нет», – ответил я. Джон вздохнул, летя в одиночестве по окололунной орбите – в истории не было еще человека столь далекого от всех остальных: «Ни за что не поймешь, насколько велика эта штука, пока не останешься в ней один».

Наши слова не соответствовали ситуации, и по очень серьезной причине. В эту минуту никто из нас не знал, что будет

дальше и удастся ли «Снупи» и «Чарли Брауну» встретиться вновь. У нас не было никаких гарантий.

Двигатель нашей посадочной ступени проработал 59 секунд[132] и увел лунный модуль прочь от «Чарли Брауна». Джон отследил нас телекамерой в прямом эфире и показал, как «Снупи» съеживается в размере до маленькой собачки, убежавшей далеко от дома. С моей точки зрения, меньше становился «Чарли Браун».

Включение имело целью снизить нашу скорость и сбросить нас с круговой орбиты высотой 111 км к покрытой кратерами поверхности, как если бы мы собирались совершить посадку на Луну. Однако нашей целью было лишь достичь другой, более низкой орбиты, которая позволит нам пронестись менее чем в 16 км над поверхностью, и вскоре мы там оказались. ЦУП услышал взволнованный голос Янга, наблюдающего за нами с высоты: «Они бродят между этими булыжниками!»

Мы шли ниже и ниже, и Луна из большого серого шара превратилась в плоскость и показала нам горизонт. Ощущение было почти такое же, как при полете над аризонской пустыней, но ни одна земная пустыня не имела такого рельефа. Стены кратеров, на которые мы раньше смотрели сверху, приобрели теперь отчетливый и зловещий вид надвигающихся горных хребтов, казалось, что мы летим ниже их пиков. Поля булыжников выросли в размерах, удлинились тени между стенами каньона, который вдруг вырос с обеих сторон от нас – как будто его плоские вершины находились выше нашего маленького летящего жука.

«Мы иду! – прокричал я Хьюстону, когда мы в первый раз проходили над юго-западным углом Моря Спокойствия, в восторге от увиденного. – Мы спустился к ним, Чарли»[133]. Капком Чарли Дьюк ответил: «Слышу, вы, наверное, плететесь по шоссе».

В момент 100 часов 43 минуты и 20 секунд от старта мы должны были достичь периселения – этим красивым словом называлась самая близкая к Луне точка орбиты. Я смотрел на избитую и иссеченную лунную поверхность, пока вместо нее не открылась чернота космоса. Пока мы снижались, я заметил нечто, из-за чего мое сердце затрепетало. Из-за Луны поднялась голубая Земля с накидкой из облаков, словно Господь положил на подставку бесценный алмаз, специально, чтобы я его увидел. «О Чарли, – прошептал я в трепете нашему далекому капкому. – Мы только что наблюдали восход Земли, и он великолепен».

«Они так спешат, словно везут почту», – произнес Чарли Дьюк, слушая, как «Снупи» несется над Морем Спокойствия.

Наши устные сообщения были короткими и отрывочными, мы столько всего увидели, о стольких вещах могли бы поговорить, и, черт побери, нужно было столько сделать! Мы мчались над Луной на меньшей высоте, чем я иногда пролетал на самолете над своим домом в Техасе, развернутые вверх ногами и лицом вниз, и грязная поверхность расстилалась перед нами как тряпка.

«Фантастическое зрелище. Различные оттенки коричневого и серого», – сказал Том. Одним из наших основных заданий было сфотографировать возможное место посадки «Аполлона-11», и Том принялся заряжать свой «Хассельблад», хотя мы все еще несли восхищенную чушь, как двое взволнованных детей, уткнувших носы в окно поезда. Чтобы не нажимать постоянно на кнопку для выхода на связь, мы оставили микрофон включенным, и нас могли слышать все. «Скажите Джеку Шмитту, здесь достаточно булыжников, чтобы засыпать весь Галвестонский залив».

Проходим над хребтом «Аполлона»… Борозда Сайдуиндер имеет сотни метров в глубину и очень гладкая, края определенно округлые… Вокруг кратера Цензорин А огромные булыжники… Вот Маскелайн и цепочка кратеров, ведущих прямо к посадочной площадке… А вот Бут-Хилл и Мольтке. «Говорю тебе, мы низко, мы близко, бэби», – комментировал я голосом, полным восхищения. *И вот оно, внизу! Место посадки!* Оно было довольно гладкое, вроде сухого русла в Нью-Мексико, но с полем булыжников на одном конце. Дьюк-Айленд прошел слева от нас, а Уош-Бейсин – справа. Мы были так близко, что мне казалось: стоит вытянуть ногу, и мои пальцы зацепят за вершины гор. Немного обидно, что мы не можем просто замереть и наслаждаться полетом. Так много дел и так мало времени!

У Тома возникли проблемы с фотоаппаратом, предназначенным для картографической съемки места посадки. «Этот проклятый фильтр у меня не работает. Мой «Хассельблад» сломался. Чертова камера». Он взялся за запасной аппарат, но и его заело. К счастью, ругался Мямля неразборчиво, потому что микрофон был включен, и миллионы слушали нас на Земле.

Мы с трудом продвигались вперед с испытанием посадочного радара, проверкой компьютеров и поиском подповерхностных «магнитов», которые были способны сделать бесполезной навигационную информацию[134]. Мы пытались выявить каждый сюрприз, который Луна могла приберегать для следующих экипажей.

И очень быстро настало время уходить. Мы заложили на «Снупи» еще один виток вокруг Луны с самой высокой точкой над обратной стороной[135], и совершили крутой спуск в стиле

пикирующего бомбардировщика к периселению над Морем Спокойствия, готовясь имитировать старт почти с той же точки, откуда «Аполлону-11» предстояло подняться над поверхностью.

В это время мы должны были разделить на две части наш лунный модуль. Нижняя часть, посадочная ступень, с помощью которой мы спустились, должна была теперь стать миниатюрной стартовой платформой, подобной стартовым комплексам Мыса, а взлетная ступень – вновь поднять «Снупи» на орбиту для встречи с командным модулем.

Мы держали курс на разделение. Две половинки были соединены четырьмя болтами, разрываемыми на части небольшими зарядами. Через наносекунду после этого, освободившись от тяжелой посадочной ступени, запустится взлетный двигатель, и мы отправимся на поиски «Чарли Брауна» – выше и примерно на 500 км впереди нас.

Поскольку мы должны были проверить всё, с чем может столкнуться «Аполлон-11», мы собирались имитировать аварийную ситуацию и поручить управление взлетной ступенью резервной системе AGS, а не более изощренной основной PNGS. Мы с Томом миллион раз проделали эту процедуру на тренажере без единой проблемы, но в реальной жизни вещи не всегда ведут себя так, как на подготовке.

В соответствии с контрольной карточкой я вытянул левую руку и переключил управление навигацией с PNGS на AGS. Мы были настолько заняты и знакомы с этой системой, что даже не смотрели на переключатели, которыми манипулировали. Мгновеньем позже Том вытянул правую руку и инстинктивно щелкнул этим же самым тумблером, зная, что его нужно перевести из одного положения в другое – и вернул назад, в состояние, в котором тот находился секундой раньше[136].

Мы думали, что готовы к разделению, а потому подготовили к включению посадочный взлетный двигатель и подорвали пироболты. И как только мы это сделали, на нас обрушился ад. «Снупи» тронулся умом.

«Складывание рамок!» – простонал Том.

«Сукин сын! – прокричал я в микрофон. – Черт, что происходит?» Мы внезапно начали вращаться во всех трех направлениях, летя на скорости почти 5000 км/час на высоте менее 14 км над скалами и кратерами – и даже ниже, если вспомнить про эти чертовы горы, которые, казалось, ухмыляются вокруг нас гигантскими выпавшими зубами.

Думая, что мы находимся под управлением AGS, Том прокричал: «Давай перейдем на PNGS» и еще раз щелкнул переключателем, отдав нас обратно в руки AGS. «Черт подери!»

Компьютеры теперь совершенно запутались и были бесполезны. Радар, который должен был искать «Чарли Браун», обнаружил значительно большую цель, Луну, и предлагал лететь в этом направлении вместо того чтобы подниматься к обращающемуся по орбите командному модулю.

Все пошло кувырком, и я увидел за окном круговерть лунной поверхности, затем острый край горизонта, затем черноту и снова Луну, но на этот раз с другого направления. Мы полностью потеряли контроль. «О'кей, – выдохнул я, – давай проведем этот маневр на AGS, бэби». Мы пытались остановить вращение.

Пятью секундами позже Том устроил новую серию сердечных приступов ЦУПу, где люди в наушниках вскочили с мест, не понимая массовую атаку предупреждений, вспыхнувших на их терминалах. «У нас неприятности!» – передал Том. Хьюстон не мог разобраться, что за ерунда происходит, а ситуация менялась слишком быстро, чтобы они могли помочь.

Чертова старуха Луна снова просвистела перед моим окном, на этот раз слева направо, и она выглядела опасно близкой. Я бросил взгляд на шаровой указатель, но он бешено болтался, не понимая, где находится горизонт. Лунная поверхность промелькнула снова, на этот раз снизу вверх. «Какого дьявола! – прокричал я. – Давай на AGS. Я заставлю эту чертову штуку работать».

«Снуп», Хьюстон, – подал голос встревоженный Чарли Дьюк. – По нашим данным, вы близки к складыванию рамок!»

Думая, что у нас мог застрять в работающем положении один из двигателей ориентации, как у Нила Армстронга и Дейва Скотта на «Джемини-8», Том начал действовать через голову компьютеров и взял на себя ручное управление кораблем. И тогда этот устрашающий эпизод закончился столь же быстро, как начался. Целая жизнь прошла за эти пятнадцать секунд, мы сделали примерно восемь кувырков над Луной, прежде чем Том натянул ошейник и привел «Сну-пи» к подчинению. Старый Мямля знал толк в летном деле. Когда на Земле проанализировали данные, эксперты спрогнозировали, что если бы наше вращение продолжалось еще пару секунд, нас с Томом ждала бы катастрофа[137].

То, что произошло, заставило нас не просто слегка напрячься. Черт подери, я перепугался до смерти. Однако мы смогли быстро вернуться в норму, и Том доложил в Хьюстон: «Все шары собраны». Мы перезапустили всё, что требовалось, и к своему изумлению обнаружили, что еще успеваем включить по графику двигатель взлетной ступени.

Бабах! Двигатель запустился, и мы пошли вверх отличным

темпом. «Бэби, сделай это. Мы жарим, – сказал я, отсчитывая секунды[138] по мере того, как двигатель тащил нас прочь от этой бесплодной поверхности. – Осталось семьдесят восемь. Пятьдесят. Двадцать. О, отлично, отлично».

«Поздравляем, – передал Чарли Дьюк из Хьюстона. – Похоже, маневр получился».

«Ребята, от этого мне становится лучше», – произнес я с истинным облегчением. Лунная поверхность уходила вниз и больше не покушалась на то, чтобы захватить нас.

Более чем через три часа после того, как мы оставили Джона в одиночестве, мы пустились за ним вдогонку. Еще через два с половиной часа «Снупи» был всего в 65 км позади «Чарли Брауна» и подходил всё ближе. Мы настигли его при появлении из-за Луны, и Джон выполнил стыковку. Славный звук щелкнувших замков отметил успешный захват. Когда связь с Хьюстоном восстановилась, Том радировал: «Сну-пи» и «Чарли Браун» обнимают друг друга».

Как это было похоже на возвращение домой! Мы простояли внутри «Снупи» 12 часов и изрядно вымотались, но перед тем, как отдохнуть, мы должны были попрощаться со старым другом. Когда мы вновь ускользнули за лунный диск, мы отстрелили «Снупи» и отослали нашу верную собачку вечно путешествовать по орбите вокруг Солнца, неся с собой звездно-полосатый флаг и флаги всех штатов страны. После этого мы отправились спать на целых девять часов. «Аполлон-10» нарисовал большую полосу как раз в середине космического шоссе, ведущего от мыса Кеннеди до Моря Спокойствия.

21
Авантюра

Возвращение было легкой задачей – после того, как мы прошли критический момент старта к Земле, то есть TEI. Уравнение было простым: если включение не пройдет в точности как надо, нам не вернуться в Хьюстон и вообще на родную планету.

Мы выполнили 31-й, и последний, виток вокруг Луны, быстро и с волнением прорабатывая контрольную карточку. Мы закончили подготовку слишком рано и получили целых полчаса, чтобы подумать о том, что произойдет дальше, при этом стараясь загнать поглубже знание о том, что предстоящий маневр до сих пор проводился лишь однажды. В корабле повисла напряженная, ощутимая тишина. Не было ни шуток, ни комментариев. Никто не говорил ни слова. Проболтавшись вокруг Луны 61 час и 30 минут, мы уже не смотрели в окна, чтобы лишний раз увидеть кратеры, но находились в напряжении и готовности, как никогда в жизни. От предстоящего включения зависело всё. В эти очень тихие тридцать минут я закрыл глаза, перекрестился и про себя произнес молитву, благодаря Бога за то, что он дал мне возможность побывать у Луны. «Пожалуйста, верни нас к нашим семьям», – попросил я.

Ракетный двигатель включился в точности когда ожидалось, нас вдавило в кресла, и мы принялись отсчитывать бесконечно медленные секунды. Остановись он в любой момент запланированной длительности, и игра окончена. Через две минуты и 44 секунды «Чарли Браун» ушел прочь с окололунной орбиты. Импульс TEI был безукоризненным, и теперь крепкая хватка орбитальной механики отправила нас в долгое падение назад к Земле с невероятной и все время возрастающей скоростью.

В течение трех следующих дней мы наблюдали, как Луна менялась от такой большой, что только ее мы и могли видеть, до чего-то размером с баскетбольный мяч, а Земля соответственно становилась крупнее. «Вы идете точно по фарватеру, – передал ЦУП, – и оттуда сюда всё время будет по течению». Напряжение разрешилось, мы могли радоваться.

В процессе празднования мы проделали нечто, за что нас поминало добрым словом множество астронавтов, пришедших следом: наш экипаж впервые успешно побрился в космосе. В предыдущих полетах медики запрещали нам использовать

опасную бритву, считая, что если астронавт порежется, то может истечь кровью в невесомости. Другое опасение состояло в том, что волоски могут заплыть в «нежную» аппаратуру космического корабля и нанести неисчислимый ущерб. Мнительность, она такая. Они предложили небольшую электрическую бритву, способную всасывать срезанные волоски, но она ни черта не работала и была забракована, поэтому астронавты возвращались на Землю после длительных полетов[139] с щетинистыми подбородками и выглядели грязновато. Экипаж «Аполлона-10» сыграл роль первопроходцев и в этом деле: мы намылили щеки плотным гелем для бритья, соскребли щетину безопасной бритвой и собрали полный волосков крем влажной салфеткой. Всё прошло отлично! Затем мы почистили зубы – и это тоже было верхом комфорта по сравнению с временами «Джемини», когда приходилось проносить на борт упаковки жевательной резинки, чтобы освежить рот. Мы почувствовали себя рожденными заново, и когда включили телекамеру для очередного репортажа, она показала троих чисто выбритых и вполне счастливых парней. Дин Мартин с бортового магнитофона пел «Возращаясь в Хьюстон».

55-часовой обратный путь прошел без каких-либо проблем и потребовал лишь одной маленькой коррекции. Мы с победой возвращались домой в понедельник, набрав такую скорость, что был риск отскока корабля от атмосферы вместо погружения в нее. У нас оставался запас топлива, когда мы покидали Луну, и оно сгорело в двигателе SPS, разогнав нас на подходе к Земле до более чем 40 000 км/час и сделав тремя самыми быстрыми людьми в истории.

Наш коридор входа в атмосферу был очень узким, всего плюс-минус полградуса, это всё равно что ударить по мячу для гольфа в Море Спокойствия и попасть в лунку на пляже Пеббл-Бич в Монтерее. Нам приходилось верить, что парни с логарифмическими линейками справятся с этой задачей, потому что если на тренажере всегда есть второй шанс, то в полете мы не могли сыграть эту часть заново. Всё или ничего!

После того, как был отделен служебный модуль, обнажив теплозащитный экран, мы повернулись к атмосфере тыльной стороной командного модуля и начали спуск с американских горок. Бедные Том и Джон были поглощены своими инструментами, а вот я, пилот лунного модуля, уже лишенный его и потому не имеющий обязанностей, чудом оказался в лучшем зрительском кресле.

После восьми дней невесомости сила тяжести приветствовала нас на входе в привычный мир, и перегрузки быстро росли, пока мы пробивались через тяжелый воздух. Половина g… один g…

два g… четыре… шесть… семь…

Вокруг нас образовался огненный шар, и я размышлял, станет ли он таким же красивым, как тот зелено-сине-красный, который я видел на «Джемини». Но я не мог угадать, какое зрелище развернется перед моими глазами. Иная форма возвращаемого аппарата и огромная скорость очень сильно изменили формулу, и вокруг нас заскользил, как перчатка, шар белого и фиолетового пламени. Сила его нарастала, и пламя начало относить назад, как полы платья невесты, оно протянулось на сто метров, а затем на тысячу, а потом на многие мили, и все это время нас зверски мотало внутри корабля. Белые мерцающие сполохи жевали внешнюю поверхность «Чарли Брауна». Потом среди этого хвоста огня сформировался небольшой горящий шар, маленькое золотистое солнышко, и замер в хрупком равновесии в бушующей реке, которая сияла позади поджариваемого корабля, а он несся внутри пурпурного щита чистого пламени. Из всех углов в южной части Тихого океана мы были видны как яркая падающая звезда, вспыхнувшая на небе.

Мы выбрались из этого огня на высоте примерно 30 км над Тихим океаном, подкрашенным первыми апельсиновыми лучами зари, так что видно было еще плохо. Вытяжные парашюты вышли, чтобы замедлить наше падение, когда мы миновали отметку 7300 метров, а основные раскрылись на трех тысячах – три больших гриба-дождевика, наполненных воздухом, нежно опустили нас в почти спокойное море где-то в 650 км восточнее Паго-Паго в Американском Самоа. Первый вертолет, прилетевший с «Принстона», имел на борту надпись: «Приветствую, «Чарли Браун»». «Аполлон-10» находился в полете 8 суток 3 минуты и 23 секунды.

Многие спрашивали меня за прошедшие годы, был ли я разочарован тем, что «Аполлон-10» не совершил первую посадку на Луну. Как мы могли подойти так близко и не сделать последнего шага?

Хотел ли я попытаться сесть? Конечно, хотел бы. Однако мы все верили в важность нашего задания, потому что знали, что «Аполлону-11» потребуется каждая крупинка информации, которую мы можем собрать, чтобы успешно выполнить свою задачу. Мы знали, как сесть на Луну, но не обладали необходимой техникой – «Снупи» был чересчур тяжелым, и перед нашим полетом оставалось еще слишком много неизвестного о посадке на Луну.

И как я мог быть разочарован, улетев на ракете «Сатурн V», самой мощной из когда-либо построенных, на орбиту и затем на расстояние в 400 000 км от Земли, увидев невероятные картины,

зависнув на три дня у Луны, спустившись на 14 км над ее поверхностью, вернувшись на родную планету и проделав великолепный огненный вход в атмосферу на высокой скорости, чтобы приводниться в Тихом океане?

И кроме того, у меня была мечта – я собирался вернуться туда.

На борту вертолета мы переоделись в чистые, белые как пудра костюмы NASA и получили бейсбольные кепочки с золотым рисунком, чтобы выйти на палубу в лучшем виде – чисто выбритые и опрятно одетые астронавты с рекламного плаката, которых не стыдно предъявить телекамерам. Сказать честно, мы больше недели не были в душе и все еще оставались в том же нижнем белье, а потому благоухали весьма и весьма. Экипаж авианосца устроил нам оглушительный прием, а мы уверенно махали встречающим, спускаясь по красно-синей ковровой дорожке к огромному торту в нашу честь. После восьми дней в невесомости нас так шатало, что каждый шаг по качающейся палубе был небольшим приключением.

Теперь, когда полет закончился, я мог разделить восхищение нашей экспедицией, которое испытывали люди во всем мире. Радостные крики экипажа «Принстона» были воодушевляющей наградой за то, что мы взяли их с собой благодаря телевизионной камере на корабле. Первые экипажи, вернувшиеся с Луны, немедленно помещались в карантин, и мне было их очень жаль, потому что из-за этого они пропускали одну из главных составляющих полета – они не могли увидеть лица и почувствовать эмоции людей, которые наблюдали, как они ходили по Луне.

Мы оставались на «Принстоне» всего четыре часа и за это время получили по телефону поздравление от президента Никсона, который пригласил нас на торжество в Белый дом. Мы первыми отправились к Луне при нем, полет можно было рассматривать как знак того, что его президентство пройдет хорошо, и Никсон намеревался извлечь из космической программы как можно больше популярности. Как оказалось, она ему пригодилась.

После того, как я в первый раз за неделю поел горячей пищи (яичница-глазунья и филе-миньон), мы перелетели в Паго-Паго – это еще примерно час на вертолете – где нас встречали, размахивая флагами, примерно 5000 человек. Я убедился, что восхищение не ограничивается военными, но захватило и гражданских. Внешний мир пребывал в экстазе. До меня начало доходить, что путешествие «Аполлона-10» было действительно очень важным для всех этих людей.

Барбара посетила службу на авиабазе Эдвардс, а потом приехала в ЦУП вместе с Барбарой Янг. Обе они, как и Фей Стаффорд, в течение всего долгого полета работали заботливыми и смелыми Миссис Астронавт. Теперь моя жена знала, чего ожидать от прессы и что СМИ хотят от нее. Барбара чувствовала себя как актриса, вышедшая на сцену в главной роли, и умела произнести свои слова с грацией и вкусом.

В течение всего полета она высоко держала знамя, и пресса просто влюбилась в нее и в Трейси. Наша дочь, носящаяся кругом в забрызганных ковбойских сапогах и в шортах, поведала репортерам, что у нее в детском саду есть целый рой шмелей.

Подруга посоветовала Барбаре подшутить над прессой, которая, несомненно, напишет всё, что услышит от нее, и она решилась на поэтическую выходку. «На самом деле Халиль Джебран сказал об этом лучше всех, – произнесла она и выдала цитату: – «И когда ты достиг вершины, ты должен начать подъем. Ибо в этот день ты узнаешь тайную цель во всём». Нет, такой цитаты от жены астронавта они не ожидали. Где же здесь про «гордость» и «счастье»? Она едва сдерживала смех, глядя на вытянувшиеся лица репортеров. И какой вообще Халиль Джебран? В конце концов Барбара дала им то, чего они хотели, чего хотела страна. «Да, я горда настолько, что не нахожу слов, – сказала она. – Это было фантастическое путешествие».

Фей предупредила Барбару, что пережить второй полет будет тяжелее, чем первый. Душевный подъем быстро уступил место тревоге, затем пришло ощущение реальности, и Барбара обнаружила себя одинокой в доме, полном гостей и с засорившимся водопроводом. Поздними вечерами, когда все остальные спали, она в одиночестве вслушивалась в ЦУПовский динамик, плотно сжимая бокал с коктейлем, который помогал выдержать долгие часы в напряжении.

Когда я передал в Хьюстон, что полет вокруг Луны – это пара пустяков, Барбара не согласилась: «Для меня это определенно не пара пустяков». Ее слова не на публику были намного острее. Да, ее мать и Рай Фёрлонг могли подержать ее за руки, Дейв Скотт и Расти Швейкарт – ответить на технические вопросы, жены других астронавтов – оказать поддержку. Однако она должна была пройти этот путь одна. Я был ее мужем, а не их, и она не могла найти себе места. «Я понимала, что есть миллион всего, что может пойти не так, – сказала она мне позже. – Я не знала, увижу ли тебя снова».

Когда мы начали неуправляемо вращаться над лунной поверхностью, ее нервы, и до того напряженные до предела, едва не дошли до срыва. Она повернулась к Дейву Скотту и

взмолилась: «Что они делают? Неужели они упадут?» Дейв, конечно, знал лишь то, что выкрутасы «Снупи» абсолютно точно отсутствуют в плане полета, но, к счастью, этот эпизод быстро закончился. К тому времени, как мы вырвались из цепкой лунной хватки, выполнив маневр TEI, и оказались на пути домой, морщины беспокойства вокруг глаз Барбары стали еще глубже.

Она играла предписанную роль для прессы, но позднее писала близким подругам, что, наверное, во время всех этих передряг выпила слишком много спиртного. В момент приводнения в доме на Барбуда-Лейн открыли шампанское, и Барбара даже произнесла тост или два за успех полета, но Джеки Этчли смотрела на все это осуждающе. «Думаю, она слишком много тостует», – заметила ее мать. Барбара не отрываясь следила по телевидению за спасательной операцией, и когда я позвонил ей с авианосца, то услышал, что ее голос дрожит.

Далеко от Хьюстона, в городе моих предков Висока-над-Кисуцоу в Чехословакии, маленький телевизионный экран мерцал в комнате, заполненной счастливыми словаками. Одним из них был Имрих Чернян, как и я, праправнук Андрея Черняна, в честь которого назвали моего отца. Имрих поднял свой бокал и тоже произнес тост: «Они вернулись на родную планету. Давайте выпьем за нашего космонавта!» Позже он втихомолку жаловался, что «у Юджина теперь появляется все больше и больше родственников».

С десяток часов потребовалось на перелет из Паго-Паго на авиабазу Нортон вблизи Лос-Анджелеса, дозаправку и дальнейший путь на базу Эллингтон, где мы приземлились во вторник 27 мая около 11 часов утра. Нас встречал Дик, а с ним Уолли Ширра, Донн Айзли, Джек Шмитт и прочие астронавты, а также военный оркестр, который грянул «Глубоко в сердце Техаса». Сотни гражданских толпились вдоль ограды базы.

Я первым выбрался из самолета, игнорируя трап, который свешивался с огромного С-141, и спрыгнул на полосу, чтобы на несколько секунд раньше встретиться с семьей. Одетая в белое Трейси бросилась ко мне, я взял ее на руки, а она крепко ухватила меня за шею. В это мгновенье подбежала Барбара. Я притянул ее к себе, и мы превратились в остров плачущих Сернанов. Я надел им на шеи цветочные гирлянды с Самоа. Черт побери, как здорово вернуться! Завтра начнутся 11 дней детальных послеполетных отчетов, но остаток этого дня был мой, и я мог радоваться вместе со своими девочками.

Этим теплым звездным вечером мы вышли на задний двор дома. Я поднял на руки шестилетнюю дочь, все еще очарованный ее свежестью, и показал на Луну. Как же объяснить ей, что

именно я сделал? И все-таки она была уже не маленьким ребенком, в сентябре должна пойти в первый класс. Наверное, она поймет, если я буду тщательно подбирать слова, потому что я хотел, чтобы она запомнила эту минуту.

«Мелкая, – сказал я, – твой папа и мистер Стаффорд улетели на «Снупи» к Луне. Ты знаешь, это далеко в небе, там, где живет Бог. Твой папа был ближе к Луне, чем кто-либо раньше».

Она подумала немного над этой информацией, накручивая локон волос на маленький пальчик и, быть может, вспоминая те случаи, когда я разочаровал ее в прошлом, и ответила: «Папа, теперь, когда ты был на Луне, когда же ты собираешься взять меня с собой в поход… как обещал?»

Это было все равно, как если бы она ударила меня камнем. Я пытался произвести впечатление на мою маленькую девочку, а она напомнила мне о чем-то намного более важном, чем слушать папины разговоры о полете на Луну. Моя юная дочь только что вернула меня обратно на Землю, и мир громких «ура» утратил свою важность и стал почти бессмысленным. Ей нужен был папа, а не астронавт. Господи Иисусе, подумал я, ведь есть в жизни что-то намного более важное и ценное, чем полет на Луну, и я сейчас держу его в руках. Я вспыхнул от злости на самого себя. Я так долго смотрел на Луну, что упустил из виду свою семью? «Скоро, мелкая, скоро, – сказал я ей и обнял. – Мы скоро пойдем в поход». Черт возьми, это было обещание, которое я собирался выполнить.

По дороге домой с базы Эллингтон Барбара фыркнула: «А ты там вел себя не слишком прилично, не правда ли?»

«Ты о чем?» – спросил я, не понимая, что она имеет в виду.

«А ты знаешь, что ты в прямом эфире произнес «сукин сын»?»

«Нет. А такое было? – удивленно спросил я. – Это когда?»

И она поведала мне историю о том, как я ругался при включенном микрофоне, и это слышали миллионы людей. «Твой голос был громким и четким», – сказала она, и мы посмеялись над этим.

«Ладно, если ты так утверждаешь, то, наверное, я такое действительно сказал. В ту минуту дела были не слишком хороши».

Она откинулась в кресле и закрыла глаза. «Я не знала, что происходит, – сказала она, и я услышал в ее голосе подавленное напряжение. – Всё случилось так быстро, и никто так и не объяснил этого мне».

Подъезжая по знакомым улицам к дому, я снова подумал об этой Луне, вращающейся буквально за окном посадочного аппарата. «Это было смертельно опасно, солнце. Наш «Снупи» вышел из-под контроля». От одного лишь воспоминания у меня

по коже поползли мурашки. «Черт побери, если говорить честно, я был напуган до смерти».

Барбара посмотрела на меня в изумлении, не веря, что она действительно это слышала – что я сказал, что чего-то боялся. Я улыбнулся ей и добавил: «Только никому не говори».

Я не знал этого тогда, но мои чертыханья в момент сильнейшего стресса уже сдвинули лавину критики.

Много воды утекло с того времени, когда люди из службы NASA по связям с общественностью заменили разочарованное «O, shit» Тома Стаффорда при отмене старта «Джемини-9» на неуместное «Чушь какая». На «Аполлоне-10» мы говорили так, как привыкли, и наша речь была пересыпана весьма приземленными англо-саксонскими выражениями.

Когда один из нас произнес вслух слово из четырех букв, молодая машинистка в Хьюстоне, которая записывала на лету наши переговоры, вскочила из-за пишущей машинки, как будто ее ударило электрическим током. NASA разрешило ей напечатать вместо этого «черт», чего раньше тоже не допускалось. Товарищи-астронавты, уставшие выполнять опасные полеты и в то же время следить за каждым своим словом, были довольны. Это был еще один знак того, что мы возвращаемся в реальный мир.

Всё началось весьма невинно, когда ЦУП спросил, не имеет ли неприятного вкуса хлорированная питьевая вода, а раздраженный Том ответил «да, клянусь твоей свежей задницей». Еще интереснее стало, когда наша троица освоилась и заговорила открытым текстом. К тому моменту, когда я прокричал «сукин сын» и вслед за этим «черт, что происходит?», наши стенографистки успели привыкнуть и к «черт побери», и к «шиту», и к слову из четырех букв, и узнали, что астронавты в космосе могут взбеситься по полной. Мы знали намного больше слов, чем эти юные стенографистки.

Когда ЦУП упомянул, что экипаж на Самоа встретят танцующие девушки, Том спросил, будут ли они выступать топлес. А в последний день полета, докладывая о нашем состоянии, я сказал Земле, что все трое счастливы, здоровы, голодны и сексуально привлекательны. Наш капком Джо Энгл ответил: «У нас есть решения и лекарства от всего перечисленного, кроме четвертого пункта». Нет сомнения, «Аполлон-10» предназначался только для взрослой аудитории, и другие астронавты шутили, что наш послеполетный фильм будет с соответствующей пометкой.

К субботе создалось такое впечатление, что всё, что мы сделали за прошедшую неделю, затмевает негодование по поводу нашего языка. Один заголовок гласил: «Небо в бешенстве –

астронавты подорвали имидж хладнокровных». В тексте говорилось, что мы сломали кандалы самоограничений в части языка, что никто из официальных лиц по этому поводу не жалуется и что другие астронавты согласны – сейчас самое то чертово время, чтобы им позволили оставаться людьми.

Но если бы все было так просто! Преподобный д-р Ларри Поланд, президент Библейского колледжа в Майами, был чрезвычайно разочарован тем, что мы донесли до Луны «слова, которые вы обычно видите на стенах туалета». Возмущенный преподобный доктор отправил президенту Никсону и в NASA телеграмму с требованием принести публичные извинения и призвал Тома, Джона и меня «раскаяться в сквернословии, вульгарности и кощунстве». Тысячи людей выступили в нашу защиту, заявляя, что в сходной ситуации, вероятно, выражался бы намного хуже любой нормальный человек, а возможно, и сам достопочтенный доктор. Из каждой сотни пришедших писем 99 поддерживали нас. Однако NASA сдалось напору и выбрало меня в качестве виновника. Джона огонь этой схватки не задел, а Мямля бормотал свои ругательства себе под нос, так что мир не мог услышать, что именно он говорит. А вот по части сказанного мною никаких сомнений не оставалось, и нужно было принести извинения, чтобы снять пятно с тиары астронавта. Я согласился, но при условии, что сделаю это так, как сочту нужным, и на пресс-конференции произнес: «Тем, кого я оскорбил, я приношу извинения. Тем, кто меня понимает, я благодарен».

Преподобный д-р Ларри Поланд сказал, что прощает меня, хотя мне от этого было ни холодно ни жарко. Я не собирался прощать этого самодовольного ханжу. Кусок свинячьего дерьма.

Что-то в этой картине не складывалось. Том Стаффорд был дублером командира «Аполлона-7» и командиром «Аполлона-10», плюс три номера. Нил Армстронг из дублера командира «Аполлона-8» был переведен в командиры «Аполлона-11». Пит Конрад дублировал командира «Аполлона-9» и командовал «Аполлоном-12»[140]. Гордо Купер был дублером командира «Аполлона-10», но командиром «Аполлона-13» назначили Алана Шепарда. Правило «третий полет твой» было отброшено. Большой Ал вернулся в город, и Купера, бесшабашного летуна, который входил в Первую семерку, просто выкинули. Гордо это очень не понравилось, и он решил, что пора уйти в отставку.

Почти сразу после возвращения на Землю я начал продвигать свой новый план. В то время как окна сотрясали аплодисменты по случаю нашего успеха, в программе происходили очень важные вещи. Барбара после нескольких долгих и серьезных разговоров благословила мою идею, хотя думала, наверное, что это лишь

безрассудная схема из серии «всё или ничего».

События развивались так быстро, что в день нашего приводнения в ЦУПе уже висел плакат с надписью «До старта 51 сутки». Человеку предстояло вскоре пройти по Луне, но это не значило, что все остальное должно было остановиться.

После нашего возвращения планировалось еще десять полетов. Дик выстраивал своих любимцев в очередь в следующие экипажи и без колебаний решил посадить своего приятеля Ала Шепарда на водительское место на ближайший доступный полет, то есть на «Аполлон-13».

Невзирая ни на что, Шепард все еще оставался в нашем деле одним из лучших пилотов, и если кто-то и заслужил место на «Аполлоне», так это он.

Не всем это понравилось. В конце концов, прошло восемь лет после того, как он отправился на ракете лишь в короткий суборбитальный полет. С той поры сменилось множество технологий. Он не работал дублером командира «Аполлона», не был даже дублером пилота командного или лунного модуля, и как внутри программы, так и снаружи открыто раздавались тревожные голоса: он может не успеть подготовиться. Одно дело давным-давно в одиночку слетать вверх и вниз на «Меркурии», и совсем другое – командовать экипажем в сложной экспедиции на Луну на «Сатурне V». Мы все знали, что Ал хорош, но был ли он настолько хорош? Общее мнение в Отделе астронавтов сложилось так, что он должен встать в очередь, как остальные.

Дик пошел на уступку головному офису агентства и убедил Ала подвинуться вправо на один полет, чтобы получить больше времени на подготовку. На основной экипаж «Аполлона-14» планировался Джим Ловелл. Дик переставил его вместе с Кеном Маттингли и Фредом Хейзом на один полет влево – на «Аполлон-13». Как следствие, Ал перешел на освободившееся место на «Аполлоне-14» и получил на подготовку четыре дополнительных месяца. Ни рыжеволосый Стю Руса, его пилот командного модуля, ни пилот лунного модуля Эд Митчелл еще не были в космосе, так что к ним немедленно приклеился ярлык «экипаж новичков», что оказалось не таким уж малым уколом самолюбию Ала, который так много лет топал на всех нас.

Зарубив шанс Гордо Купера полететь на «Аполлоне-13», Дик и Ал определенно сделали пробоину в борту теории ротации («твой полет будет через три»). Теперь меня занимал вопрос о том, каковы перспективы Тома Стаффорда, Джона Янга и Джина Сернана. Том уже смотрел в другом направлении, нацеливаясь либо на новую административную должность в программе, либо на место в Сенате от штата Оклахома. Выглядело так, что мы с

Джоном идем на дублерство новой команды Ловелла на «Аполлоне-13» – Джон как командир и я вновь как пилот лунного модуля – с хорошей перспективой стать основным экипажем «Аполлона-16» и пройти по Луне. Отлично, это была бы прекрасная работа, вершина карьеры любого астронавта. Для того мы сюда и пришли! Одна беда – я этого не хотел. Я не имел желания вернуться к Луне в качестве пилота лунного модуля. Для меня просто пройти по Луне было недостаточно.

Я всегда верил, что судьба человека – это результат его личного выбора. Нужно тщательно продумать свое решение, оценить побочные эффекты, принять риск возможной ошибки и после этого идти к цели. Моя цель, лежавшая в основе всего, что я когда-либо делал, состояла в том, чтобы командовать самому. Если бы я все еще служил во флоте, я бы старался получить под командование эскадрилью. Сейчас же я обладал и опытом, и уверенностью для того, чтобы возглавить собственную экспедицию к Луне.

Дик дал мне возможность вновь поработать с Джоном, и его глаза округлились от изумления, когда я дал неожиданный ответ. «Дик, я ничего не имею против того, чтобы полететь с Джоном, но думаю, что я заслужил собственную команду», – сказал я.

Он моргнул и кашлянул, оценивая то, что услышал. Этот человек, который никогда ничего не обещал, только что предложил мне почти гарантированный шанс полета на «Аполлоне-16», и я ответил – спасибо, нет. «Джино, – сказал он, не веря своим ушам, – ты отказываешься от возможности пройти по Луне?» Его голос вызывал ощущение самой грубой наждачной шкурки.

«Да, сэр, Дик. Я бы хотел пройти по Луне, но я хочу отправиться туда в левом кресле». Я готовился к этому разговору, но мой живот скручивало от нервного напряжения.

Крестный отец положил руки на бедра и склонился ко мне, нависая лицом, как опытный сержант над новобранцем. «Подумай, Джино, ты знаешь, что бюджет будут резать. Быть может, осталось не так уж много полетов, а у меня хватает ребят, которые готовы лететь. Если ты не идешь с Джоном, я не знаю, удастся ли тебе полететь вообще. Лучше принимай место на Тринадцатом». Он был заметно ниже меня, но в минуты стресса, казалось, становился больше нормального роста. На Дика Слейтона невозможно было посмотреть сверху вниз. Мы стояли лицом к лицу, и я глядел на него снизу, как ребенок, который осмелился сказать «нет» родителю.

«Я понимаю, Дик, но я хочу использовать свой шанс». Я выложил на стол все карты – мне было важнее стать командиром

собственного корабля, чем пройти по Луне. Моя карьера астронавта висела на волоске, и я знал, что она запросто может закончиться с этим разговором. Я рисковал так, как рисковал очень редко за всю свою жизнь. На оставшиеся места на «Аполлонах» претендовало так много астронавтов, что это была чистая авантюра. Я мог запросто получить билет в одну сторону до станции Забвение.

Мы с Диком какое-то время молча смотрели друг на друга – видимо, он ждал, не изменю ли я своего мнения. Затем он внезапно развернулся на пятках и почти отпрыгнул, качая головой от непонимания и, вероятно, думая, что я – один из величайших идиотов во всем мире. Он знал то, чего не знал я, и спустя много лет написал, что, как ему тогда казалось, у меня «мало шансов» получить место командира.

Через несколько дней после этого разговора он вывесил для информации дублирующий экипаж «Аполлона-10». Джон был его командиром, пилотом командного модуля – Джек Свайгерт[141], а на лунном модуле вместо меня значился Чарли Дьюк. На «Аполлоне-16» Джон и Чарли действительно прошли по Луне.

А я? Что ж, на данный момент должности у меня не было. Дик уступил моей просьбе и оставил меня размышлять о том, какую дикую глупость я только что сделал.

22
Ледяной командир

Базз Олдрин довел себя до неистовства, пытаясь стать первым человеком на Луне. Однажды он пришел ко мне в кабинет в Центре пилотируемых кораблей, хлопая крыльями, как рассерженный аист. Он притащил с собой схемы, графики и статистику, чтобы доказать, на его взгляд, очевидное: именно он, пилот лунного модуля, а не Нил Армстронг, командир экипажа, должен первым сойти по трапу «Аполлона-11».

Поскольку я сидел в одном кабинете с Нилом, который в тот день был на тренировке, я нашел аргументы Олдрина оскорбительными и смешными. С того момента, как узнал, что «Аполлон-11» сделает первую попытку посадки на Луну, Базз упорно преследовал цель проползти в историю, хоть и встречал на каждом углу рассерженные взгляды и ругательства, произносимые вполголоса его друзьями-астронавтами. Как Нил терпел эту ерунду так долго, прежде чем приказать Баззу перестать делать из себя посмешище, для меня остается загадкой.

12 июня, через две недели после того, как «Аполлон-10» вернулся от Луны, когда эксперты закончили изучать компьютерные записи, NASA объявило, что «Аполлон-11» стартует 16 июля. Нилу, Майку и Баззу предстоял полет в историю. А пока их тренировки подходили к концу, Дик уже смотрел вперед, обдумывая, как эти три астронавта могут вписаться в его дальнейшие планы, и он не был слишком удивлен, что подходит только один из них.

Понятно было, что Нил постарается спрятаться от преклонения и славы, которые придут вслед за его историческим шагом. Что еще остается?

Что касается Олдрина, то Дик не имел намерения дать ему еще один полет, так что Баззу предстояла трудная жизнь и необходимость справиться с тем, что он второй человек на лунной поверхности. То, что большинство людей приняли бы как великий почет, Базз считал поражением, ведь он будет вторым, вторым навсегда. Нил Армстронг и кто там еще? Это вгонит его в спираль депрессии.

А вот Майк Коллинз – совсем другое дело. Майк полностью восстановился после операции на спине и выдвинулся в лидеры космической программы, имея великолепный послужной список и как летчик-испытатель, и как астронавт «Джемини», и теперь, когда он готовился в качестве пилота командного модуля

«Аполлона-11». Дик очень хотел поручить Майку командование одним из следующих полетов.

Они возвращались вдвоем на Т-38 с предстартового смотра летной готовности в Космическом центре имени Кеннеди, и Дик «выстрелил» вопросом: готов ли Майк пойти дублером Алана Шепарда на «Аполлон-14» и затем командовать основным экипажем «Аполлона-17»? По внутренней связи этого маленького самолета Майк вежливо отказался. Это предложение означало еще два или три года тяжелых, постоянных тренировок, а Майк уже решил проводить больше времени с семьей и поискать новые выходы своим талантам. Как оказалось, Майк был первым препятствием на моем пути к командирскому посту, но мне рассказали об этой важной беседе лишь много лет спустя. Если бы я знал, что первым кандидатом был Майк, я бы, наверное, по-другому оценил свои шансы, когда Дик предложил мне должность пилота лунного модуля в экипаже Янга.

Талантов у астронавтов было целое море, широкое в плане количества, но не обязательно глубокое в смысле опыта. Некоторые из стариков типа Уолли и Гордо уходили из программы, а внутренние продвижения прореживали наши ряды. Том Стаффорд прощупывал почву на предмет избрания в Сенат, но вместо этого занял место за столом Ала Шепарда в качестве главы Отдела астронавтов, и это означало, что у меня появился довольно-таки высокопоставленный приятель. Джима МакДивитта выдвинули в начальники Отдела программы «Аполлон», а другие ветераны, такие как Пит Конрад, Дейв Скотт и Дик Гордон, по уши погрузились в подготовку к предстоящим полетам.

Помимо Майка, был, как мне кажется, еще один астронавт с достаточно высоким рейтингом, чтобы иметь право на место командира в начале очереди: Билл Андерс, который участвовал в знаменитом рождественском полете с Борманом и Ловеллом в качестве пилота несуществующего лунного модуля на «Аполлоне-8». Борман после полета повесил шпоры на стенку, Шейки Ловелл должен был командовать «Аполлоном-13», а Билл, парень исключительно яркий, собирался лететь с ним снова, на этот раз как пилот командного модуля. Это открыло бы ему дорогу к собственному экипажу.

В отличие от меня, Билла напрочь не волновал вопрос о командирстве. Он был истинный астронавт, черт побери, и его цель состояла в том, чтобы пройти по Луне. Для него принять должность пилота командного модуля означало, что на «Аполлоне-13» он просто намотает над Луной еще несколько кругов, в то время как командир Ловелл и Фред Хейз, который

заменил Билла в должности пилота лунного модуля, выйдут на поверхность. Андерс считал, что на «Аполлоне-8» уже достаточно полетал вокруг Луны. А поскольку никто не знал точно, сколько полетов будет после «Аполлона-13», Билл полагал, что его шансы на превращение в конечном итоге в командира и на прогулку по Луне весьма невелики. И точно так же, как я прошел мимо должности дублера пилота лунного модуля, а Майк отказался от командирского места, Андерс отклонил предложение стать пилотом командного модуля на «Аполлоне-13». Ошарашенному Дику Слейтону приходилось привыкать, что целая куча опытных астронавтов не принимает его предложения отправиться к Луне.

Дик попросил Андерса помочь программе и временно занять должность в Национальном космическом совете в Вашингтоне, и Билл нехотя согласился на том условии, что он сохраняет летный статус и остается кандидатом для назначения, которое гарантировало бы ему прогулку по Луне. Но как только Билл променял Банана-Ривер на Мысе на реку Потомак, он расстался с этой мечтой. Правда, Вашингтон вознаградил его за способности, но направил по другому карьерному пути. В конечном итоге он стал послом в Норвегии при президенте Форде, а позднее – главным исполнительным директором компании General Dynamics. Так еще один мой хороший друг и потенциальный соперник ушел с ринга. С таким темпом отставок и назначений, подумал я, мои шансы на командование, с учетом старшинства и опыта, увеличиваются. Дик однако молчал.

Несколько лет назад Билл Андерс рассказал мне, что вскоре после перехода на новую работу он сидел рядом с главой Национального научного фонда в рейсе на Вашингтон. Глава фонда имел в те годы немалую власть, включая возможность влиять на бюджет NASA. В полете в разговоре о космосе Билл сделал экспромтом такое замечание: «Не могу поверить, что вы не отправите геолога на Луну». Глаза его соседа зажглись так, словно он только что открыл смысл жизни. Очень скоро нам всем предстояло расхлебывать последствия этого короткого разговора.

Том Стаффорд, Джон Янг и я собрали свой урожай славы после прибытия на Землю. Казалось, все в Америке хотят пожать нам руки и сказать: «С возвращением, вы отлично выполнили работу». Разве что кроме этого библейского ушлепка из Майами.

С той минуты, как мы прибыли на Эллингтон, на нас пролился дождь поздравлений. Дети прогуливали школу, чтобы взглянуть на нас хотя бы одним глазком, а рабочие в Хьюстоне брали отгул, чтобы присоединиться к толпе. Восхищение было заразным, и с Эллингтона все только началось.

В начале июня мы отправились в ураганный национальный

тур в интересах NASA. Он начался в Калифорнии, где Том, Джон и я потолкались локтями с телевизионной элитой и получили золотые статуэтки Emmy за драматические цветные передачи из космоса. Одним из самых популярных телешоу в том году было «Почтовая служба Мейберри», в которой Опи, сына Энди Гриффита, играл мальчик по имени Рон Хоуард. Наши пути пересеклись четверть столетия спустя, когда Рон, выросший и ставший режиссером, поставил чудесный фильм «Аполлон-13».

Губернатор Рональд Рейган объявил, что Золотой штат на неделю поступает в наше распоряжение, и мы смогли сказать «спасибо» Чарлзу Шульцу за разрешение отправить «Чарли Брауна» и «Снупи» на Луну. Сан-Франциско салютовал нам огромным количеством серпантина. Парады прошли еще в Окленде, Сакраменто, Сан-Диего и Лос-Анджелесе, обеды и приемы заполнили все вечера, но мне удалось увидеться со старыми друзьями времен летней практики на Aerojet и учебы в Монтерее. Барбара и Трейси совершили великолепное путешествие в Диснейленд, где их встречали Гуфи и Микки-Маус.

В нашу честь устроил праздник мэр Нью-Йорка Джон Линдси. Затем было волшебное возвращение на мыс Кеннеди, и губернатор Флориды объявил во всем штате День Чарли Брауна. Центр управления полетом переместился в Хьюстон во время программы «Джемини», и с тех пор астронавты перестали приезжать на Мыс, чтобы выразить благодарность участникам работы после полета. Однако нам позволили символически завершить наше путешествие в 800 000 км длиной там, где оно началось. Люди реагировали с таким энтузиазмом, что вгоняли нас в краску. Школьники убегали с уроков, люди стояли в пять рядов на тротуарах Тайтсвилла и Коко-Бич, были устроены частные приемы, и мы получили возможность поблагодарить команды NASA и подрядчиков, которые отправили нас на Луну. По какой-то причине я испытывал особое стремление поделиться нашей радостью с этими людьми, не зная тогда, что через несколько лет мои усилия принесут большие дивиденды. Выступая перед примерно десятью тысячами рабочих, собравшихся в огромном Здании вертикальной сборки, я сказал: «Самая высокая награда после нашего полета – это вернуться сюда и встретиться с вами… Это не вы в нашей команде – это мы в вашей». Я узнал, что один семилетний мальчик, приехавший со школьной экскурсией, почувствовал себя плохо и поэтому не дождался встречи с астронавтами, и тогда я сам пришел в его комнату вместе с врачом из NASA, который его осмотрел. Мальчик оказался в порядке и отправился домой, став предметом зависти одноклассников. На завтраке я подолгу болтал с

семилетней девочкой, а не с официальными лицами. Эти встречи не только позволили ребятам почувствовать себя причастными к лунной программе, но и принесли мне в будущем очень нужную помощь.

А теперь в Иллинойс! Беллвуд, который уже устроил первоклассное празднование моего полета на «Джемини», еще раз увидел, как мы с Томом проезжаем по его улицам, обсаженным ровными рядами деревьев. Флаги и дети, многочисленные Снупи и машущие руками соседи, улыбки и крики «ура». Затем Беллвуд отдал нас в руки мэру Дей-ли, и мы потрясли Чикаго. Пожарные катера на реке струили в небо водные занавеси, а парад по деловому центру города смотрели примерно 100 тысяч человек; после него был частный прием в Паркер-Хаузе. Салюты вновь ошеломили меня. Единственный неуместный эпизод случился, когда мэр Дейли попросил меня разрезать большой торт, и когда я взмахнул огромным ножом, оказалось, что торт – пластмассовый.

Мы вернулись на несколько дней в Хьюстон, а затем отправились в Вашингтон и в Белый дом в третий раз за шесть месяцев, на сей раз на официальный обед в нашу честь. Президент и миссис Никсон приветствовали нас у северного портика, и глава государства очень суетился, когда мы подъехали на лимузинах. Астронавты «Аполлона-10» были для Никсона тем же, чем Джон Гленн для президента Кеннеди, – всем понятным знаком того, что он является лидером успешного предприятия. Пожимая ему руку, я подумал, что мы нашли нового сторонника.

Вице-президент и Джуди Агню ожидали нас в желтой овальной комнате на втором этаже. Барбара в длинном, лимонного цвета платье и с проседью в прическе, бросила на меня предупреждающий взгляд, когда я оказался рядом с любимыми перилами.

Еще двадцать три гостя из вашингтонского «списка № 1» присоединились к нам за обедом в большой гостиной, где мы жевали говяжью вырезку на трумановском фарфоре. Вечер завершился выступлением лауреата премии «Оскар» композитора Генри Манчини с серенадой «Лунная река».

Мы завершили тур посещением Оклахомы. Если Беллвуд не знал уже, что придумать, чтобы отметить мои достижения в космосе, представьте себе Уэзерфорд, пытающийся найти что-то новое в честь Тома Стаффорда, который приехал уже в третий раз. Стараясь достойно встретить земляка, они едва не выдали ему право собственности на весь штат. Сегодня в Оклахоме стоит больше памятников генералу Томасу Стаффорду, чем двум другим выдающимся землякам, актеру Уиллу Роджерсу и пионеру

авиации Вилли Посту, вместе взятым.

Прокатив почти что по всем углам США, NASA посадило нас на самолет и отправило на пять дней в Финляндию. И что же Финляндия? Там было то же самое. Чтобы увидеть нас, на одно из мероприятий в Хельсинки собралось примерно 200 тысяч человек. Космическая магия работала повсеместно.

У нашего визита в Белый дом был определенный подтекст. Всего за два месяца до него президент Никсон представил в Конгресс бюджет NASA на предстоящий финансовый год в сумме 3,83 миллиарда долларов, то есть примерно на 25 % ниже, чем пиковый бюджет 1965 года. Вот такой сторонник. Конгресс срезал еще немного, оставив 3,69 миллиарда.

Программа марсианской экспедиции и другие планы Целевой космической группы Теда Агню, которые требовали где-то 78 миллиардов на ближайшие десять лет, так и не ушли дальше этапа «хорошая идея, но мы не можем себе этого позволить».

Даже в дни, когда «Аполлон» блистал во всем своем великолепии, еще до того, как «Аполлон-11» оторвался от Земли – из-за урезания бюджета вокруг мыса Кеннеди сокращали примерно 5000 рабочих мест, цены на жилье в округе Бревард падали, мелкие предприятия и мотели закрывались, а новое четырехэтажное офисное здание в Коко-Бич с гордым названием «Аполлон» стояло пустое. «Некоторые из нас уже в панике», – говорила жена одного инженера, которая помнила дни недавнего бума. Но, возможно, эти славные времена еще вернутся? В конце концов, еще не была совершена первая посадка на Луну, еще оставалось в плане множество полетов, до «Аполлона-20» включительно. Кроме того, будет «Скайлэб», а может, и что-то еще. Быть может, волшебство вернется и принесет с собой те доллары, что утекали в другие федеральные программы, точно так же как отлив на пляжах Флориды неизбежно сменяется приливом?

Пока мы были в космосе, американские десантники попали в мясорубку в атаке на бесполезный клочок вьетнамской земли под названием Гамбургер-Хилл. Число погибших в войне американцев уже превысило общее число погибших в Корее, а тут еще всплыла история с убийством американскими пехотинцами жителей деревни Сонгми. Генерал Уильям Вестморленд заявил, однако, что ситуация никогда еще не была лучше.

Народ США резко разделился не только по вопросу о Вьетнаме, но и в смысле культуры. На Бродвее в рок-мюзикле «Волосы» демонстрировали нудизм и секс. В университетских городках студенты захватывали кабинеты своих деканов. На улицах длинноволосые хиппи призывали к открытому бунту.

Одним из наиболее консервативных лидеров оказался новый вице-президент Тед Агню, который издал «крик тревоги, который должен был проникнуть сквозь какофонию подстрекательской чуши». Когда вице-президент брал в руки микрофон, никто не мог быть уверен, что он собирается сказать, и он с радостью нападал на «никчемную банду бесстыдных выскочек, которые выдают себя за интеллектуалов», и прочих «трепачей – набобов негативизма». От таких заявлений уровень его поддержки в опросах общественного мнения поднимался всё выше, и вскоре Агню стал третьим по популярности человеком в Америке, сразу после преподобного Билли Грэма и президента Никсона.

Самый памятный момент для нашего поколения, а быть может, и во всем XX столетии, наступил в воскресенье 20 июля 1969 года, в день, когда человек произвел посадку на Луну.

Нил, Базз и Майк стартовали с Земли без проблем за четверо суток до этого, и, пока «Аполлон-11» несся сквозь космос, нарастало невероятное чувство всемирного ожидания. Эра глобальной связи уже пришла, и предстояло событие с максимальным в истории освещением. Когда посадочный аппарат «Орел» («Игл») отделился от командного модуля «Колумбия» и два корабля ушли вместе по орбите за Луну, весь мир затаил дыхание. Когда они появились вновь, невозможное уже было готово случиться, хотя люди, которые собственноручно управляли этими машинами в тот день, оценивали свои шансы выполнить посадку на Луну не более чем в 50:50.

Я был в ЦУПе, я наблюдал за происходящим и покрылся испариной, как и все остальные, когда «Аполлон-11» ушел из зоны радиоконтакта. Напряжение охватило «белую смену» руководителя полета Джина Кранца, операторы вглядывались в помехи на экранах телевизионных мониторов. Кранц запер двери в зал; далеко за стеклянной стеной осталась комната, переполненная высокопоставленными лицами из NASA, гостями и другими астронавтами. Внутри зала управления можно было бы услышать, как упадет булавка.

Потом «Аполлон-11» показался из-за края лунного диска, и две радарные отметки стали двигаться по огромной карте Луны на передней стене зала. Вновь стали поступать радиосигналы, пошла «живая» телеметрия, и мы развили бурную деятельность. «Орел» сместился ниже и начал свой последний забег. Мы делали в своем полете почти то же самое, и потому Том Стаффорд и я знали Море Спокойствия лучше, чем кто-либо еще в комнате. Мы подсказывали операторам, с чем именно сейчас встречаются Нил и Базз.

Дела шли не очень хорошо. Радиосвязь с «Орлом» то

появлялась, то пропадала, вспыхивали неожиданные сигналы тревоги, а перегруженный компьютер показывал странное, когда лунный модуль ушел ниже отметки в 15 км. Но волшебники ЦУПа дали Кранцу информацию, которая была необходима для продолжения посадки. И они пошли вниз.

Почти у поверхности мы увидели, как лунный модуль вдруг начал мотаться из стороны в сторону – это Нил пытался найти свободное место на площадке, усеянной булыжниками, а затем облетел кратер размером с футбольное поле. Эти непредвиденные маневры сжигали бесценное топливо, и капком Чарли Дьюк выкрикивал зловещие числа, которые показывали, что оно вот-вот кончится. На все еще опасной высоте 18 метров над Луной и с запасом топлива лишь на минуту маневров следовало выдать команду на аварийный подъем. Мы знали, что этот полет не может быть успешным только на 99 %. Серьезная неисправность, а тем более катастрофа могли стать непреодолимым препятствием для программы исследования Луны. Когда топлива осталось на 30 секунд, модуль все еще болтался в трех метрах над поверхностью – Нил нежно тянул за ручку, чтобы противостоять легкому сносу назад. Внезапно Базз увидел световой сигнал, который указывал, что один из длинных щупов, свисавших под аппаратом, коснулся грунта. Он объявил этот сигнал, и Нил нажал кнопку выключения двигателя. Лунный модуль мягко плюхнулся на место успешной посадки, пища аварийными сигналами и с 15-секундным остатком топлива[142]. Скрипучая радиолиния донесла голос Армстронга: «Хьюстон, База Спокойствия. «Орел» сел».

Все в Центре управления взорвались криками и аплодисментами, мы хлопали друг друга по спине, как будто только что выиграли Суперкубок и заодно в лотерею. Счастливый Чарли Дьюк подтвердил: «База Спокойствия, принято. Мы вас слышим. Тут много народу едва не сошло с ума. Теперь мы снова дышим».

В этот знаменательный миг в зале не возникло ни малейшей тени зависти: «Черт, я бы хотел быть на его месте». Посадить «Орел» и его команду на Луну было для всех нас такой великой целью, что для зависти просто не осталось места, кипело одно лишь ликование. В этом конкретном полете все мы были пассажирами одного вагона. Вряд ли я когда-либо еще чувствовал такую гордость, как в ту минуту, когда на трех очень больших экранах на стенах ЦУПа появилась усеянная помехами картинка: мой друг Нил Армстронг в скафандре показался из лунного модуля. «Я у подножия трапа. Я собираюсь сойти на грунт, – сказал он и сделал, как сказал. – Это маленький шаг для

человека, но гигантский скачок для человечества».

Мы сделали это, и весь мир пребывал в восхищении.

Через несколько месяцев Дик вызвал меня к себе в кабинет в корпусе № 1. «Твоя авантюра выгорела, Джино. Я хочу дать тебе шанс. Ты – командир дублирующего экипажа «Аполлона-14»[143]. Он не сказал мне, да я и не ждал такого обещания, что это назначение одновременно является мандатом на командование «Аполлоном-17», но это определенно было шагом в правильном направлении. Если бы я не получил дублерскую должность, игра была бы проиграна. Теперь же я по крайней мере оставался в гонке.

Хорошая новость состояла в том, что я сделался командиром, хотя бы и всего лишь дублирующего экипажа. Плохая заключалась в том, что я дублировал Ледяного командира – кэптена Алана Шепарда.

Мы с Диком быстро согласовали список экипажа, поставив в него двух новичков. Моим пилотом командного модуля стал старый товарищ по Монтерею и ветеран Вьетнамской войны Рон Эванс. На должность пилота лунного модуля мы выбрали Джо Энгла, представительного парня, который заработал «крылышки» астронавта ВВС за полет на X-15 на высоту более 50 миль[144] еще до того, как был отобран в космическую программу. Оба мне нравились, к обоим я испытывал уважение и твердо намеревался сделать наш экипаж лучшим из лучших.

Осталась лишь одна большая проблема – найти подход к Шепарду.

Он был очень плохого мнения о тех астронавтах, которые думали, что он не готов к полету на «Аполлоне-14», и хотя я не входил в их число, он этого не знал. Ал имел заслуженную репутацию бескомпромиссного человека, и первое, что мне необходимо было сделать, – это сломать барьер между нами. Мне было нужно каким-то образом заслужить уважение и доверие человека, которого я долгое время избегал, уже будучи астронавтом и даже совершив два полета. Он всегда был моим боссом, но мои слова, обращенные к нему, обычно звучали как «Да, сэр» и «Нет, сэр». Я не знал его хорошо, но полагал, что он должен был согласиться с мнением Дика о том, кто будет у него дублером. Если бы Шепард не хотел видеть меня рядом, я бы никогда не получил этого места.

Я обратился к Дику. В конце концов, он знал Ала лучше, чем кто-либо еще в программе. Ответом было нетерпеливое ворчание. «Просто иди к нему и скажи, что ты столь же хорош, как и он», – произнес Крестный отец. Его железное правило состояло в том, что любой экипаж может выполнить любое задание, а потому мне

лучше и не начинать демонстрировать слабость после того, как он поставил на меня. Я отсалютовал шефу и ускользнул из его общества.

Я решил последовать его совету и смело двинулся в кабинет Ала. Его секретарша всегда держала на столе кубик, на одной стороне которого было нарисовано улыбающееся лицо, а на другой – хмурое, и ставила его к двери картинкой, отражающей текущее настроение босса, чтобы предупредить посетителей о том, что может их ожидать. Сегодня кубик показывал хмурое лицо. Я вздохнул.

Шепард сидел в кресле, отклонившись на спинку, с руками, скрещенными на животе. Глаза его не выражали никаких эмоций и казались безжизненными, как у змеи, готовой заглотнуть мышь. Он не выпрыгнул из кресла и не стал хлопать в ладоши, узнав, что я буду его дублером.

«Поздравляю, Ал!» – с энтузиазмом выпалил я. Кивок, и больше ничего. Сукин сын знал, ради чего я стараюсь, и не собирался облегчить мне задачу. И потом, зачем я его поздравляю? Он-то давно уже командир.

Я решил пойти дальше. «Ал, мой экипаж сделает все возможное, чтобы твой был готов к полету». Он кивнул, и короткой вспышкой своих нездешних глаз показал, что посмеивается над моими затруднениями. Черт тебя дери!

Я сделал паузу, но затем слова так и полились. «Я хочу заверить тебя, что если необходимо, мы будем готовы к полету, и обещаю тебе прямо сейчас, что полечу, если ты не сможешь». Не останавливайся, сказал я себе, второго шанса может не быть. В конце концов, я имею успех, а он может выставить меня из своего кабинета лишь один раз. «Я намерен подготовиться, чтобы сделать твою работу не просто так же хорошо, как ты, но и лучше тебя».

Ну теперь я точно «попал». Кажется, мой рот отрекся от здравого смысла. Сказать первому американцу в космосе, что я стану лучше его, вероятно, не было самым умным шагом в моей жизни. Все знали изначально, что у дублера Шепарда нет шанса полететь вместо него. Да, два командира будут готовиться вместе, но лишь один из них будет Высшим существом, и ничто, кроме самой смерти, не сможет оставить Ала за бортом корабля.

Ал молчал, только глаза заблестели, и я знал, что у него нет промежуточных ступеней между «ты мне нравишься» и «не нравишься». В какое-то мгновенье мне почудилось, что он сейчас откроет ящик стола, достанет пистолет и пристрелит меня на месте в предостережение будущим дублерам командира о вреде самонадеянности. Ты, дерзкий мальчишка, хочешь сделать работу

лучше, чем я?

Вместо этого Ал встал, наклонился через стол и пожал мне руку. «Джино, мы сработаемся», – сказал он. Лед растаял, железный щит рассыпался, и меня впустили в святая святых, в узкий круг друзей Ала. На его лице проступила задиристая улыбка летчика-истребителя, солнце засияло вновь и запели птицы.

Я по сей день верю, что зловредный старый Дик дал мне это назначение в качестве проверки на вшивость. Если я смогу завоевать уважение Ала, то я определенно в состоянии возглавить экспедицию на Луну. Ну а если нет, то эпитафию себе написал я сам.

23
Секретное задание

В 1969 году лопнул пузырь разводов, и его обломки приземлились повсюду, нарушая деликатную, невидимую систему поддержки, которая защищала астронавтов и их семьи от уродств реального мира. Так много браков, испытывающих столь безжалостное напряжение в течение долгих лет, да еще в аквариуме общественного внимания, выдержать просто не могло, насколько бы мы не хотели обратного.

Развод Донна Айзли был лишь первой ласточкой. Его семейная жизнь трещала по швам еще в то время, когда он летал на «Аполлоне-7», и когда ему позволили продолжить работу в дублирующем экипаже «Аполлона-10», наши жены задумались о том, не стали ли менее опасными последствия развода для астронавта, чем они были до этого. Обстановка немного разрядилась, когда Айзли выгнали: Дик считал, что Донн утратил интерес к работе, и, может быть, как раз в результате развода и повторной женитьбы. Значит, решили жены, угроза по-прежнему висит как молоток над головой: астронавт, потерявший жену, потеряет и полет на ракете. Кстати говоря, большая часть женщин осталась верна первой жене Донна и не хотела иметь дела с новой невестой, и не потому, что она была плохим человеком, а потому что стала символом нежелательных перемен. Этот раскол чувств разорвал плотную социальную ткань нашего сообщества, и разрыв так и не затянулся.

Год продолжался, и личные проблемы, которые не были известны за пределами населенных астронавтами пригородов, начали выходить на свет с разрушительными результатами. Трещина прошла между Джоном Янгом и его женой, Ал Уорден был на грани развода, слухи о других непрочных браках растекались как жидкая нефть. Ал имел билет на «Аполлон-15», Джон должен был командовать «Аполлоном-16», и Дик не уволил ни того, ни другого. Они намеревались лететь. Словно сейсмический удар сотряс семьи в Нассау-Бей, Эль-Лаго и Тимбер-Коуве. *Женщины, которые помогали этим мужчинам исполнить свои космические мечты, уходили, и их заменяли симпатичные молодые девушки!* Не заразно ли это?

Мы с Барбарой держались прочно, по крайней мере, так думал я, поэтому прежде чем я окунулся в подготовку к новому полету, мы взяли давно уже необходимый отпуск. Мы поехали на ранчо в Неваду, где мы с Трейси катались на лошадях, а Барбара

отдыхала и читала книги, или же все мы отправлялись купаться. Потом мы выдвинулись в Сан-Диего и дальше по берегу в Монтерей, и вернулись в Лос-Анджелес на праздничный обед, который президент Никсон дал в честь астронавтов «Аполлона-11». Когда Трейси начала учиться в первом классе, мы с Барбарой на неделю улетели на Гавайи со Стаффордами. Но вокруг нас рушились браки других астронавтов, и никто из нас уже не принимал ничего на веру.

И дело было не только в разводах. Нам стало ясно, что меняется весь мир, когда через несколько месяцев после знаменитого полета «Аполлона-11» к нам приехали советские космонавты. Эти парни считались до сих пор нашими врагами в космосе, но теперь нам пришлось позвать их в дом, приятельствовать с ними и вести себя как ни в чем не бывало. Разумеется, приятное взаимное открытие, состоящее в том, что ни у кого из нас нет рогов и хвоста, было сделано очень быстро, и вскоре мы поладили как нормальная безбашенная банда авиаторов. В будущем мне предстояло тесно подружиться со многими советскими коллегами.

Мы с Барбарой пять дней играли роль хозяев для генерал-майора Георгия Берегового и для Константина Феоктистова, ученого, которого в 1964 году посадили в первый трехместный корабль «Восход», чтобы он перестал говорить о потенциальной опасности этого полета. NASA оплачивало все расходы, и мы хватили через край, игнорируя резкие контрасты в политических взглядах. «Политики мешают нам», – говорил в это время Армстронг в Пакистане, где у астронавтов «Аполлона-11» была середина мирового тура по 22 странам.

В Сан-Диего мы повели гостей в Морской мир, а затем на футбольный матч «Чарджеров», где после объявления почти 60 000 зрителей встали и приветствовали нас. Я рисовал диаграммы, объясняя, что происходит на поле, а удивленный Береговой поднимал руки и описывал американский футбол как игру, в которой «все падают, потом все встают и падают опять». Добавьте хот-доги и пиццу и симпатичную блондинку в качестве переводчицы для сына-подростка генерала Берегового.

Георгий был экстравертом, большим счастливым человеком, и резко контрастировал с худым и хилым инженером Феоктистовым. Он пил водку, как нормальный человек пьет лимонад, и долгими вечерами, когда произносились тосты за всё, что придет на ум, с каждой рюмкой Георгий становился лишь веселее и контактнее. Он переделывал мое имя Юджин так, чтобы его было удобнее произносить по-русски. «У-жин! Еще по одной! – призывал он, когда я пытался закрыть глаза и съехать под стол. –

Давай, У-жин, всего одну!»

На вечеринке в Ла-Холле в стоящем на обрывистом берегу шикарном доме Фрэнка Джеймсона, президента Teledyne-Ryan, Георгий запросто надел передник, чтобы помочь мне приготовить большой запас барбекю, в то время как мексиканский ансамбль-марьячи гудел вдалеке, а жена космонавта Лидия наткнулась на стеклянную дверь. Было выпито много тостов за будущую дружбу. «У-жин! Еще по одной!» Георгий игриво подергал за уши Микки-Мауса в Диснейленде и оседлал молодого бычка на арене Коу-Пэлис в Сан-Франциско.

Деловая часть тура началась, когда мы повезли Георгия и Константина в Дауни и провели по цехам North American Rockwell, где временно хранились мой «Аполлон-10» и «Аполлон-11», и двое космонавтов почти с благоговением смотрели на пилотируемые корабли, которые летали к Луне. Сегодня «Аполлон-10» находится в лондонском Музее науки, а «Аполлон-11» обрел подобающее ему место в Вашингтоне, в Национальном аэрокосмическом музее.

Голливуд поучаствовал, организовав большое застолье в доме Кирка Дугласа, и каждая звезда Тинсел-Тауна хотела поблистать для людей из космоса. Барбара сидела за столом с двумя ее любимыми актерами, Гленном Фордом и Уолтером Маттау, и их женами. В толпе дефилировали Клинт Иствуд, Голди Хоун, Дина Шор, Ли Марвин и Гручо Маркс, и русские без переводчика болтали с многоязычным Юлом Бриннером и актрисой Натали Вуд, фамилия которой когда-то была Захаренко.

Поскольку Советский Союз тогда сторонился американских фильмов и музыки, наши русские друзья не узнавали большую часть знаменитостей – они не имели понятия, кто эти люди. Среди встречающих был Фрэнк Синатра, и я представил его Георгию, который тепло приветствовал Голубоглазого Старину, а затем прошептал: «А кто это?» Комик Дэн Роуан немедленно покинул очередь и отправился пить. «Какой мне смысл встречать их, если они не знают Синатры», – объяснил он.

В ноябре 1969 года стартовал «Аполлон-12» с Питом Конрадом, Диком Гордоном и Алом Бином. Для нас внутри программы этот полет был столь же сложным и опасным, как любой предыдущий. То, что мы однажды сели на Луну, не означало, что мы сможем это повторить. Теперь мы хотели проверить, насколько мы сильны, можем ли мы на самом деле выбирать там пути-дороги, и эти ребята сделали великолепную работу. Мало того что они преодолели удар молнии в «Сатурн V» во время запуска, их лунный модуль «Интрепид» («Неустрашимый») сел на поверхность Луны всего в десяти

метрах от назначенной цели – от кратера в Океане Бурь, в который двумя годами раньше опустился автоматический аппарат «Сервейор-3». Пит и Ал были известны склонностью к преувеличению.

А вот переменчивая публика дезертировала от нас толпами. То, что нам представлялось изумительным результатом с точки зрения техники и летного мастерства, американский народ воспринимал как скучную рутину. Мы же уже были на Луне! Мы побили русских! Мы видели цветные телепередачи из дальнего космоса! Телевизионные сети становились жадными по части бесплатного эфирного времени, потому что изображения мужиков, парящих в невесомости и прыгающих подобно кроликам по Луне, не выдерживали конкуренции с рекламой стиральных порошков, пива и зубной пасты. Нарастающее равнодушие привело к уменьшению общественной поддержки, и тем самым создало дополнительную угрозу финансированию, которое и так было недостаточным, а становилось еще более скудным.

Сложные и опасные полеты выглядели как легкая прогулка, и в результате мы стали жертвой собственных успехов! Растущий хор политиков призывал направить лунные доллары на земные дела, и в основном на те проблемы в избирательных округах, на которых можно «навариться» в политическом смысле. Зачем тратить деньги на космический мост, если значительно меньшее по длине сооружение через какой-нибудь Криппл-Крик поможет конгрессмену сохранить свое место?

NASA решило, что настало время договориться с докучливым научным сообществом и получить финансовую и политическую поддержку в обмен на отправку на Луну настоящего ученого. Вскоре после возвращения «Аполлона-12» на Землю сделка была заключена.

Дик Гордон ярко проявил себя в качестве пилота командного модуля у Пита Конрада и был повышен до дублера командира «Аполлона-15», что давало ему возможность возглавить основной экипаж «Аполлона-18». Если кто-нибудь из нас и заслуживал командирскую нашивку, так это Дик, вместе с которым я когда-то совершил памятный перелет из Монтерея в Хьюстон в поисках жилья для юных астронавтов. Новичок Вэнс Бранд стал пилотом командного модуля в команде Гордона. И настоящие стоны раздались во многих кабинетах астронавтов Центра пилотируемых кораблей, когда Дик объявил, что пилотом лунного модуля будет Джек Шмитт. Геолог! Джек был любимцем среди ученых, но кто-то из летчиков в этот момент потерял свое законное место.

Научное сообщество все время било Дика по голове и плечам,

и он счел, что подобный компромисс может принести ему тишину и покой. Назначение Джека в дублирующий экипаж не давало никаких гарантий, и Шмитт все еще оставался очень далеко от полета на Луну[145]. Но и самые голосистые среди ученых понимали это, и решение Дика им вовсе не понравилось. Давление с целью посадить своего человека на борт стало усиливаться. Нечаянная реплика Билла Андерса в адрес босса Национального научного фонда начала приносить свои горькие плоды.

Год 1969-й закончился событием для нас и большим сюрпризом для моего лучшего друга Скипа Фёрлонга, когда вице-президент Агню пригласил астронавтов «Аполлона-10» в официальный тур в Азию.

Я только начал тренироваться к полету «Аполлона-14», но, когда вице-президент просит, надо ехать. NASA, нуждающееся в помощи из высоких сфер, быстро перестроило планы и выкроило мне некоторое время без тренировок. *Сернан приятельствует с вице-президентом! Это может дать программе больше денег!* Мы договорились, что Барбара будет некоторое время сопровождать меня.

18-дневная поездка началась на Рождество и открыла нам новый мир. Поход в Тихий океан на авианосце, как оказалось, сильно отличается от того, когда тебя возят как члена официальной делегации президента на борту самолета Air Force Two с обслуживанием по высшему разряду. Мы с Барбарой попали в страну фантазий на экзотический маршрут, проходящий через Гавайи, Гуам, Манилу, Тайбэй, Куала-Лумпур, Непал, Афганистан, Гонконг и Токио; она затем отправилась в Бангкок, а я наконец добрался до Вьетнама. Короли и королевы, президенты и премьер-министры и уйма первых леди – казалось, мы везде были желанными гостями.

На Тайване генералиссимус Чан Кайши дал официальный обед всего для десятка человек; к сожалению, его жена болела и не могла присутствовать. Он был настолько малого роста, чуть больше 120 сантиметров, что во время Второй мировой войны генерал Джо Стилуэлл называл его Малыш. Генералиссимус большую часть вечера уделил Барбаре, в которой было 165 сантиметров и которая надела желтое вечернее платье без бретелек и с глубоким вырезом. Округлившиеся глаза Чана все время находились на одном уровне с ее *настоящим американским бюстом*, и остаток поездки Тед Агню поддразнивал Барбару, утверждая, что из-за этого чуть не случился международный инцидент.

Сайгон стал для меня горьким откровением, потому что я

прилетел туда как важный гость, а не как простой флотский летчик-штурмовик. Я был вместе с Агню на завтраке в президентском дворце с премьером Нгуеном Као Ки и проехал по старому колониальному городу в открытом джипе с армейским полковником в качестве эскорта. Я наивно спросил, зачем он держит под рукой заряженный «кольт» калибра .45 при езде по людным улицам. «А вдруг придется использовать», – ответил он. Мы отправились на артиллерийскую базу примерно в 150 км от Сайгона и провели там день в разговорах с солдатами, причем летели кружным путем в группе вертолетов «Хьюи», так, чтобы ни один вражеский солдат не смог определить, в каком из них находится вице-президент. В Сайгоне часовые на блок-постах носили оружие, над головой пролетали самолеты с близлежащей авиабазы Тан Сон Нхут, а вдалеке слышалась артиллерийская канонада. Этот народ определенно сражался не на жизнь, а на смерть, и пока я цедил деликатесный суп из птичьего гнезда из сияющей фарфоровой чаши, на соседних жарких улицах нищие просили подачек у американских солдат. Потом меня часто донимала мысль, что я так и не получил своей доли в этой войне.

Мы вылетели в Манилу, и мои мысли обратились к Скипу Фёрлонгу, который, как я думал, был где-то там, на севере, и водил в бой эскадрилью F-4. «Ты бы хотел встретиться с ним?» – внезапно спросил вице-президент.

«Да, сэр, конечно», – ответил я, полагая, что он лишь пытается поддержать разговор.

«О'кей». Вице-президент подозвал помощника и послал запрос в свой офис в Вашингтоне. Оттуда он поступил в Пентагон, который немедленно перенаправил его командующему военно-морской авиации на Тихом океане. Последний перебросил запрос в командование флота в Гонолулу, а оно отбило срочную депешу командиру авиационной группы авианосца «Констеллейшн», который, как выяснилось, стоял у пирса в Субик-Бее после боевого похода к берегам Северного Вьетнама. Все это заняло час или около того. Мой невинный ответ Агню с каждой передачей увеличивал свою важность и вскоре стал приказом с пометкой «молния», от которого встали на уши командиры на всем Тихом океане.

«Коммандер Фёрлонг, коммандер Фёрлонг! Внимание, коммандер Фёрлонг! Прибыть немедленно и доложить вестовому у главного входа. Вице-президент требует вашего присутствия». Скип покупал крем для бритья в лавке на авиастанции Куби-Пойнт, и тут из громкоговорителя раздалось его имя, и все движение замерло.

Озадаченный, он неторопливым шагом двинулся к петти-

офицеру первого класса в синей форме, которого за ним послали. «Вице-президент чего?» – спросил Скип.

«Содиненных Штатов, сэр. Адмирал просит вас немедленно вернуться на корабль. Машина ждет у входа».

Скип быстро расплатился за покупку, вскочил в машину, и та понеслась обратно к пирсу.

Морпех-часовой привел его прямо на мостик корабля, где ожидало в тревоге все вышестоящее начальство – адмирал, начальник штаба, капитан «Констеллейшн» и командир авиакрыла. Приказ с пометкой «молния» обычно привлекает к себе внимание. «Фёрлонг, – произнес адмирал, – что происходит, черт побери?»

«Сэр, не имею представления», – ответил мой недоумевающий приятель, а старшие офицеры заключили, что Скип, известный им лишь как вполне достойный летчик реактивной авиации, на самом деле был чем-то большим – возможно, участвовал в какой-то секретной шпионской операции, к которой они, простые адмиралы и офицеры флота, не имели допуска. *Его хочет видеть лично вице-президент Агню!* «Спуститесь вниз, приведите себя в порядок и возьмите вещи. Вертолет за вами уже выслан».

Скип поспешил в свою каюту, надел чистую форму, собрал небольшой саквояж и выбежал обратно на палубу, где уже ждал вертолет Морской пехоты, не выключая двигателя. И не простой вертолет, а стильная машина с белым верхом, используемая только для перевозки важных лиц. Все глаза на «Конни» провожали эту таинственную машину, уходящую в неизвестном направлении и с непонятной целью. Скип расстегнул привязной ремень и наклонился вперед, чтобы поговорить с настоящим полковником, сидящим за штурвалом.

«Что всё это значит, сэр?» – спросил он.

Полковник даже не взглянул на него. «Я пилот вице-президента, и я должен доставить вас в отель «Интерконтинентал» в Маниле». Конец разговора.

Вертолет мягко приземлился на широкой зеленой лужайке, где Скипа встретили два агента Секретной службы. Они провели его сквозь двери, охраняемые морпехами, шагая рядом и не говоря ни слова. Молча они поднялись на лифте на верхний этаж, где еще один агент в штатском за столом проверил его документы. Молчаливая пара проводила Скипа через холл, завела в комнату и закрыла дверь, оставив в одиночестве.

Он оказался в большой, роскошно отделанной комнате отеля, и всё еще не имел никакого понятия, что происходит. Два дня назад он летал над Вьетнамом и попадал под обстрел, а сейчас

его одного по приказу вице-президента доставили в элегантный отель в Маниле, где на столе лежали свежие фрукты и стояли цветы. По крайней мере, подумал он, посмотрев в окно на раскинувшийся город, это не тюремная камера, а значит, я не арестован, хотя в коридоре и выставлена охрана.

Он повернулся на звонок колокольчика из полированной бронзы и увидел, как медленно открывается дверь. Я вступил в комнату и произнес: «Попался!»

Три следующих дня боевой пилот Скип был участником официальной делегации вице-президента в Маниле и исполнял государственные функции – посещал парады и коктейльные вечеринки, обеды, которыми разбрасывался президент Фердинанд Маркос, и даже танцевал с первой леди Имельдой. Мы ехали обратно в отель в лимузине вице-президента после новогоднего праздника в американском посольстве, и ровно в полночь филлипинцы хлынули на улицы с ураганом взрывающихся фейерверков, приводя в бешенство охрану из Секретной службы.

Когда эта сказка подошла к концу, моего приятеля на том же самом спецвертолете вернули на «Констеллейшн», где все старшие офицеры ожидали его, желая узнать, что случилось. «Прошу прощения, адмирал, – ответил Скип с каменным лицом и без тени улыбки, – мне запрещено об этом говорить».

Особое задание Фёрлонга осталось одним из самых больших секретов Вьетнамской войны.

24
Бип-бип

Ближе всего США подошли к катастрофе в космосе во время кошмарного полета «Аполлона-13» в апреле 1970 года, когда мы чуть не потеряли целый экипаж на пути к Луне. Джим Ловелл, командир, и его товарищи Фред Хейз и Джек Свайгерт отправились с Земли на задание полные оптимизма. Что могло случиться? «Аполлон-10» долетел почти до лунной поверхности, «Аполлон-11» произвел первую посадку, а «Аполлон-12» придал точность посадке на Луну и всему делу космических полетов. Они не сомневались в успехе, особенно имея во главе экипажа Шейки Ловелла, совершающего свой четвертый полет.

Еще до того, как «Аполлон-13» оторвался от Земли, у меня с ним были странные связи. Чарли Дьюк, который заменил меня в должности пилота лунного модуля в дублирующем экипаже, за несколько дней до запланированного старта сообщил Дику, что один из его детей свалился с краснухой. Медицинские карты показали, что в основном экипаже все, кроме пилота командного модуля Кена Маттингли, переболели ею в детстве и имели иммунитет. Мнительные врачи решили, что краснуха у Маттингли может развиться уже на орбите вокруг Луны, и поэтому Кена, который на самом деле так и не заболел, отставили, а Джека Свайгерта перевели из дублирующего экипажа ему на замену.

Спустя довольно долгое время после старта, когда они были уже примерно в 330 000 км от Земли, дефектный нагреватель закоротил и выдал фонтан искр. От этого взорвался один из кислородных баков, он устроил полный разгром в служебном модуле и выбил ту его часть, где содержались системы жизнеобеспечения экипажа[146]. В космосе развернулась борьба со смертью. Телевизионные сети, которые всего за несколько часов до взрыва отказывали NASA в эфирном времени, теперь принялись топтаться на драме с «Аполлоном-13». Позднее я с ужасом узнал, что кислородный бак № 2, который взорвался, был одним из тех, что сняли перед стартом с нашего «Аполлона-10».

Что касается отряда астронавтов, то мы все кинулись на помощь. Мы отбросили в сторону любые мелкие мотивы, предубеждения или личные разногласия, всё, что не имело прямого отношения к задаче благополучно вернуть «Аполлон-13», мы забыли все знаки различия. Трое наших парней попали в беду далеко отсюда, и все мы боролись за то, чтобы они вернулись

домой.

В командном модуле «Аполлона-13», где обитал экипаж, стало не хватать кислорода для дыхания, а поврежденные топливные элементы были не в состоянии генерировать электричество, необходимое для работы корабля. Командный модуль быстро умирал, его компьютеры работали неуверенно, и троим астронавтам пришлось искать укрытия в маленьком лунном модуле «Аквариус» («Водолей»), который не был предназначен для спасения в такой тяжелой ситуации. Центр управления наполнился экспертами. Срочно вызвали людей из фирмы Grumman, которая построила лунный модуль, и тех волшебников, что запрограммировали бортовые компьютеры. Посадка на Луну была уже невозможна, и ее отменили. Цель стала совсем другой и бесконечно более важной – сделать так, чтобы астронавты в этом ненадежном аппарате остались живы достаточно долго, до возвращения.

Мы с Джоном Энглом готовились в дублирующем экипаже следующего корабля «Аполлон-14», и мы засели в огромном тренажере лунного модуля в Хьюстоне, чтобы помочь выработать программу безопасного возвращения. Около двух суток мы с Джо почти непрерывно прогоняли все возможные сценарии полета, с пугающей регулярностью разбивая свои задницы или уходя в бесконтрольное кувыркание. Просто не существовало плана полета на лунном модуле вместе с командным и служебным, висящими на его носу мертвым грузом. И по мере того, как мы работали, наши находки постоянно передавались Ловеллу, Свайгерту и Хейзу, которые облетали Луну в спасательной шлюпке вместо настоящего корабля.

Пока мы лихорадочно искали новую программу действий в Техасе, парни в кроссовках из Массачусетского технологического института переписали программный код, который указывал лунному модулю, что делать в его новой неожиданной роли. Катушки с перфолентами нового кода привезли самолетом из Бостона в Хьюстон, срочно доставили в Центр пилотируемых кораблей и загрузили в тренажер. Мы с Джо прогнали эти свежие идеи из MIT через пресс реальности. Еще несколько неудач и предложений, новые катушки, летящие через всю страну, новые срочные телефонные звонки – попробуем это, попробуем то, и цикл повторялся. Инженеры из Grumman роились вокруг с целью выяснить, до каких точно пределов можно растянуть возможности лунного модуля.

Результаты собирались медленно, в мучительных усилиях на пути проб и ошибок. Тем временем «Аполлон-13» проплыл над обратной стороной Луны, получил гравитационный «эффект

пращи» и направился к Земле. Было чудом, что ребята все еще живы и преодолевают одну сложность за другой. Наконец, время вышло. ЦУП передал по радио наилучшие процедуры из тех, что мы все вместе смогли придумать, и оставалось только молиться: или получится, или нет. Каким-то образом наземные команды и экипаж в космосе сумели справиться со всеми ужасающими трудностями, и Ловелл, Хейз и Свайгерт вышли из переделки живыми и благополучно вернулись на Землю.

Много лет спустя Джим написал книгу об этом полете, и по ней был поставлен драматический фильм «Аполлон-13». Забудьте фильмы ужасов – посмотрите его, если вам хочется, чтобы кино действительно испугало вас. Вспоминая эту историю сегодня, я понимаю, что мы прошли на волосок от гибели экипажа.

Этот полет стал критическим моментом для американской космической программы, но весьма своеобразным способом. Хотя он напомнил нам, что ничто в космосе нельзя считать гарантированным, спасение «Аполлона-13» должно было бы привлечь внимание к положительным аспектам наших достижений. Мы сделали почти невозможное, но эта победа несла в себе и семена проигрыша, потому что дала пораженцам серьезное оружие для воздействия на будущие исследования космоса. JFK однажды сказал: «Мы решили лететь на Луну не потому, что это просто, а потому, что это трудно». Теперь страх потерять экипаж вытеснил ту смелость, с которой программа начиналась, и ощущение близкой катастрофы лишило силы воли некоторых лидеров NASA.

Мысль о гибели экипажа в космосе теперь нависала над ними постоянной угрозой, и они заключили, что лучший способ не погубить астронавтов в полете на Луну – это не летать туда вообще. Менее чем через два месяца после того, как экипаж Ловелла вернулся домой, была отменена последняя из запланированных лунных экспедиций на «Аполлоне-20»[147], а поступающие из Вашингтона новые бюджетные раскладки показывали, что на этом потери не кончатся.

Космическая гонка была завершена, Луна покорена, и мы утратили приоритет в получении федеральных средств. Пессимисты выступали за то, чтобы сосредоточиться на какой-нибудь другой, более доступной космической цели, которая не будет так дорого стоить и не будет столь опасной. Например, новая симпатичная многоразовая платформа, которая будет обращаться вокруг Земли, чтобы ученые – ученые! – могли проводить эксперименты с невесомыми мышами, лягушками-быками, водорослями и горными породами. Изучение же космоса можно оставить роботам. По головному офису NASA ходили

слухи, что «Аполлон-14» может оказаться последним полетом к Луне, и я спрашивал себя, а случится ли вообще «Аполлон-17», которым мне хочется командовать.

Положение выглядело очень мрачно, и в это время Пентагон информировал меня, что я выбран для досрочного производства в звание кэптена – капитана 1-го ранга. Я достиг этого звания после всего лишь 14 лет службы, в 36-летнем возрасте, и стал самым молодым его обладателем в ВМС США. Четыре полосы на погонах! Никогда не думал, что я смогу стать одним из *них*.

В 1970 году, пока я тренировался как дублер Шепарда, в Хьюстоне, Вашингтоне и на Мысе начались серьезные политические дрязги относительно того, кто должен лететь на «Аполлоне-17», если таковой случится. Дело не казалось срочным, но будущие полеты подвергались бюджетной хирургии, а ответа на этот важный вопрос не было, и Дик не мог бесконечно уходить от него. Так как же насчет ученого?

У меня была прекрасная команда в лице Джо и Рона, но аккурат за нами висел запасной экипаж «Аполлона-15» – Дик Гордон, Вэнс Бранд и Джек Шмитт. Проблема заключалась в том, что Джек был признанным экспертом по геологии в нашей программе, и если NASA потребуется умиротворить научное сообщество, то именно он подойдет для этого как нельзя лучше. Скорее всего, Дик назначит его на реальный полет. Вопрос сводился к тому, полетят ли «Аполлон-18» и «Аполлон-19», куда можно пристроить ученого. Они пока еще финансировались и находились во вполне летном состоянии, однако признаки жизни у двух этих экспедиций едва чувствовались, и в сентябре топор наконец ударил, и еще два полета «Аполлона» были отменены[148]. Последней остановкой на авеню «Аполлонов» оказался Семнадцатый.

Тот факт, что Том Стаффорд стал главой Отдела астронавтов, определенно помог мне, но Джим МакДивитт, новый шеф программы «Аполлон», был большим сторонником Дика Гордона, равно как и старый приятель Дика и его партнер по полетам, влиятельный Пит Конрад. Наверняка в следующие месяцы Слейтон слышал много доводов с разных сторон, но я все равно ничего не мог сделать, кроме как корпеть над текущим заданием. Он откладывал решение, но, наверное, размышлял над ним каждый день – экипаж Сернана или экипаж Гордона? Моей задачей на то время, пока со всем этим разбираются где-то там, наверху, было не попадать в неприятности, отработать наилучшим образом Четырнадцатый и – самое главное – не облажаться.

Рон и Джо пришли в программу с талантливой группой 1966

года, у обоих был безупречный послужной список, и я не мог желать лучших товарищей для работы в дублирующем экипаже «Аполлона-14», чем эти два молодца. Рон был родом из небольшого городка Сент-Френсис в Канзасе и получил степень инженера-электрика в Университете Канзаса, прежде чем сделать магистерскую работу по авиационной технике в Военно-морском университете ВМС и выполнить 100 боевых вылетов во Вьетнаме. Джо тоже происходил из канзасской глубинки и был выпускником Университета Канзаса. Он вырос в рядах ВВС и попал в элитное летное братство на авиабазе Эдвардс. Он совершил 16 полетов к границе космоса на X-15, прежде чем NASA приняло его в качестве астронавта. На базе Эдвардс он стал любимчиком большого босса Чака Йегера и его напарником в выездах на охоту и рыбалку. Для меня они не были посторонними, когда мы стали экипажем, потому что Рона я знал со времен учебы в Монтерее и научился уважать способности Джо, когда он входил в команду поддержки «Аполлона-10».

Я собирался сплавить из нас троих нечто большее, чем дублирующий экипаж, потому что я не мог не думать о том, что мы втроем можем полететь на Луну на «Аполлоне-17». В качестве командира я должен был заботиться не только о переключателях и о числах – я знал, что справиться с проблемами людей обычно намного труднее, чем с фокусами «железа», и что любой их провал будет и моим провалом. Я должен был понять, что движет Джо и Роном на личном уровне, и завоевать их доверие ко мне как к командиру. С этим, однако, не было никаких проблем. Эти двое включили верхнюю передачу с самого начала и не останавливались. Все ближайшие месяцы мы тесно работали почти каждый день, провели вместе множество нерабочих часов и даже допустили своих жен и детей в тесный круг мужской дружбы.

Джо был великолепным летчиком, возможно, даже слишком хорошим, потому что предпочитал улететь на выходные поохотиться с Чаком Йегером, нежели засесть в тренажер и получить дополнительный опыт. Его летные таланты не вызывали сомнения, но он не изучил хитроумные системы лунного модуля настолько хорошо, как мне хотелось бы. Поскольку я был командиром, я чувствовал ответственность за него, и после долгого рабочего дня мы часто собирались вечером в комнате мотеля для дополнительных уроков в частном порядке. Со временем я понял, что ему нужно еще больше заниматься компьютерными программами, но не слишком беспокоился об этом с учетом удивительных летных способностей Энгла. Если и когда мы действительно сядем в лунном модуле на Луну, он

будет со мной, а я сам бывший пилот LM и знаю системы «жука» в совершенстве. Я заключил, что мы с Джо вместе справимся с любыми проблемами.

Нас не было дома с понедельника до пятницы, и я пропустил большую часть волнений, когда Трейси пошла во второй класс, поступила в отряд девочек-скаутов и принялась изучать католическое вероучение. Барбара с тоской думала о том, что этот режим никогда не прекращающихся тренировок отнимает ее силы уже в третий раз. Говоря языком самых популярных книг года, моя жена чувствовала, что подписывалась на «Историю любви», а получила «Сто лет одиночества».

Иногда нам все еще приходилось появляться на блестящих вечеринках, и я несколько раз замечал, что Барбара старается дистанцироваться, когда ее представляют как «жену Джина», как будто ее что-то беспокоит. Позднее она сказала мне, что ощущала на некоторых таких мероприятиях, что мы присутствуем исключительно из-за моей должности, а не потому, что нравимся хозяину и хозяйке, и что они вообще могут нас не знать. Она говорила, что некоторые вполне прозрачны по части дружбы и просто используют нас в качестве приманки для других гостей, – точно так же они могли бы показывать изящный дубовый комод, который тетя Агнес привезла из Англии. Задним числом я должен признать, что она была права.

Наверное, я был слишком нацелен на работу и поглощен своими делами, чтобы заметить напряжение. Требования к космической жене начинали надоедать Барбаре, и пара коротких поездок в Лас-Вегас и Акапулько не улучшили ей настроение. Блеск и слава потеряли прежнее значение для бывалой Миссис Астронавт. *«…А это жена Джина».* Я старался дать всем понять, что она не просто моя жена, но и партнер, и что мы совершили долгое восхождение на пирамиду космических полетов рука об руку. На одном обеде, куда меня пригласили выступить, ее попросили встать и сказать несколько слов. Она оглядела присутствующих с широкой улыбкой, аудитория аплодировала, а потом кто-то спросил: «А что вы думаете о том, что Джин полетит на Луну?»

Она ответила мгновенно: «Если вы считаете, что полететь на Луну трудно, попытайтесь остаться дома».

Все опасения, смогу ли я работать с Алом Шепардом, быстро развеялись. Вместо того чтобы вести себя холодно и доминировать, Ал включил на полную силу магию личности и завоевал нас всех. Он был так счастлив, что снова сможет летать, что превратился в человеческое существо. Никто никогда не сомневался ни в его лидерских способностях, ни в летных

умениях, и он не боялся делегировать ответственность и привлекать мой мозг, чтобы понять, каково это – находиться в дальнем космосе. В конце концов, я был там дважды и уже летал к Луне, а на его счету все еще оставался лишь один суборбитальный полет. Шепард впитывал всё как губка и изучил свой корабль до последнего дюйма. Его рвению просто не было конца. Экипаж Шепарда – Стю Руса и Эд Митчелл – относился к нему с уважением, и за время совместной подготовки Ал связал членов основного и дублирующего экипажей столь же прочно, как если бы они были братьями.

Проходили месяцы тяжелого труда, и нам с Алом становилось все приятнее работать вместе. Я доказал, что не пытаюсь увести у него полет, но лишь желаю столь же сильно, как и он сам, увидеть Ала Шепарда идущим по Луне. Когда запуск был отложен, чтобы дать экспертам возможность разобраться, что произошло на «Аполлоне-13», мы получили дополнительное время и тренировались до тех пор, пока не стали столь же остры, как финский нож.

Это не значило, что всё шло прекрасно: одну проблему нам пришлось решать в последнюю минуту, и она касалась наших пилотов лунного модуля. Блестящий Эд Митчелл был признанным экспертом по LM, а Джо Энгл, вероятно, мог бы взлететь даже на газонокосилке, и тот факт, что из-за этих ребят мы попали в неприятности, вызывал смех и одновременно разочарование. Проблема отчасти заключалась в том, что они оба были настолько хороши, что их внимание отвлекалось на другие вещи.

Однажды, всего за месяц до запуска, Дик вызвал меня и Ала и высказал нам все, что думает. Он был сыт по горло склонностью Митчелла к экспериментам по экстрасенсорному восприятию – тот даже хотел провести какие-то тесты в этой области по дороге к Луне. Эду просто не разрешат этого сделать, объявил Дик и добавил, что ему неприятен сам факт того, что Митчелл не отдает всё свое внимание предстоящему полету.

Дик поднял правую руку с двумя пальцами, сведенными на пару сантиметров друг от друга. «Я вот настолько близок к тому, чтобы снять Эда с полета и заменить его Джо Энглом, – сказал он. – Что думаете, парни?» Напряжения добавляло то обстоятельство, что Митчелл недавно отказался принять назначение в дублирующий экипаж «Аполлона-16», на одну из тех важных должностей, которые требовали большого объема невидимой работы. Дик сказал ему, что уже получив прогулку по Луне, так вести себя нельзя, и если он не хочет взяться потом за эту важную, но бесперспективную работу (уже не было

«Аполлона-19», на который он мог бы рассчитывать), то он может не попасть и на Четырнадцатый и прямо сейчас вылететь на улицу. Дик был очень зол оттого, что Эд как будто не полностью посвящает себя программе. Если не хочешь помогать, то будь осторожен, чтобы дверь не стукнула тебя по заднице по пути наружу.

Недовольство Дика Митчеллом оказалось для нас полным сюрпризом, и Ал подтвердил, что вся эта экстрасенсорная фигня раздражает и его, но охарактеризовал Эда как специалиста высшего класса по системам LM, который полностью готов к полету по всем остальным пунктам. Ал не хотел перетряхивать экипаж настолько поздно. «Мой парень сможет сделать эту работу», – сказал я Дику об Энгле, хотя было бы более честно признать, что Джо тоже не имел 110-процент-ного уровня прилежания, который мне хотелось бы видеть. Поэтому нам предстояло положить на чаши весов Джо, прирожденного пилота, который всё еще слегка «плавал» в части знания систем, и Эда, чародея лунного модуля, запавшего на какие-то глупости.

Поскольку решение поменять их местами сказалось бы на выполнении полетного задания очень сильно, Дик в конечном итоге оставил всё как есть. Много лет после этого в свете одного неизвестного фактора, который ожидал нас буквально за поворотом, я чувствовал вину за то, что не стал более энергично настаивать на переводе Энгла в экипаж Шепарда. Из-за того, что мы не сделали этой замены, Джо навсегда потерял свой шанс пройти по Луне.

Для страны оказалось удачей, что Ал был следующим в очереди командиром лунной экспедиции. В свое время старый и надежный Уолли Ширра был призван восстановить нашу веру в «Аполлон» после Пожара, теперь от Ала требовалось спасти еще раз веру американцев, потрясенных случившимся на «Аполлоне-13». Это была вполне естественная роль для первого американца, севшего на ракету. Ал ни на минуту не усомнился, что сможет это сделать, и эта заразительная уверенность расходилась кругами до тех пор, пока мы тоже не перестали сомневаться, что он выполнит в точности то, что обещает.

Он даже взял на вооружение наши добрые подколки в адрес его экипажа из трех новичков. Рон, Джо и я называли себя Первой командой, из чего можно было заключить, что мы лучше их. Я всегда шутливо предупреждал Ала, чтобы он не наделал ошибок, потому что Первая команда стоит рядом в готовности сесть в корабль и стартовать на этом «Сатурне», если старик, толстяк и милый рыжий малыш не справятся.

К каждому полету готовилась персонализированная эмблема

экипажа, и у «Аполлона-14» всё было как у всех, за одним различием: мы стали первым и единственным дублирующим экипажем, у которого тоже была эмблема! Эта безумная идея была рассчитана на то, чтобы достать Ала, потому что эмблема изображала белобородого Хитрого койота с надписью «Трое новичков», еще только поднимающегося с Земли и обнаружившего, что Дорожный бегун с табличкой «Первая команда» уже стоит на Луне и пищит свое знаменитое «бип-бип!»[149].

Каждый раз, когда мы подкалывали его бибиканьем, Шепард делал ответный выстрел: «Бип-бип твою задницу!» На этот раз койот собирался выиграть.

25
Огонь и вода

Начался 1971 год, приближалась январская дата запуска «Аполлона-14», и я пребывал на вершине мира. Всё шло прекрасно, я гордился своей авантюрой с целью возглавить лунную экспедицию. Хотя до судьбоносного решения о том, кто полетит на «Аполлоне-17», оставалось еще несколько месяцев, мои шансы улучшились, равно как и мои отношения с Алом Шепардом. Первая команда работала отлично, нам это нравилось, мы справлялись с задачей. Дик, этот Крестный отец, который знал обо всем, что происходило в его королевстве, конечно, видел, как идут дела.

Я был убежден, что если Дик Гордон хочет догнать меня, то ему нужно поторопиться, но на краю моих мыслей всегда присутствовала его козырная карта – геолог, невидимый демон камня. Внешнее давление с целью посадить ученого на последний полет нарастало, и было логично предположить, что Дик не станет разбивать экипаж. Если Шмитт полетит, то и Гордон и Бранд, вероятно, полетят вместе с ним. Я по-прежнему ничего не мог с этим сделать или даже попытаться. Лучший для меня вариант состоял в том, чтобы держаться вне политики, делать свою работу и избегать проблем любого сорта. Но мы были почти на финишной прямой – что могло произойти за один месяц, оставшийся до старта?

Вот только в субботу 23 января 1971 года, всего за одну неделю до запуска «Аполлона-14», я чуть не убил себя.

Среди машин, которые мы использовали для отработки прилунения, был небольшой вертолет H-13 фирмы Bell[150], служивший, например, летающей скорой помощью в телесериале «Мэш». В нем не было почти ничего, кроме кабины в виде пузыря и лопастей ротора, но поскольку он мог зависать, двигаться вверх и вниз и летать боком, вертолет являлся самым лучшим приближением к лунному модулю в нашем арсенале, если не считать летающий тренажер LLTV на базе Эллингтон в Техасе, оснащенный ракетным двигателем. Основной и дублирующий экипажи «Аполлона-14» уже были во Флориде, так что ясным утром на Мысе я сел в H-13, прогрел старомодный 260-сильный поршневой двигатель фирмы Lycoming и поднялся в сияющее небо, чтобы записать на свой счет еще час или около того тренировок по прилунению всего в нескольких милях от туристов, загорающих на солнечных пляжах.

Я спустился вдоль атлантической части Коко-Бич, свернул к Мельбурну и двинулся на север вдоль Индиан-Ривер к полигону в Космическом центре имени Кеннеди, где мы отрабатывали вертикальный подход. При полной заправке двух баков вертолет был немножко неповоротлив, так что я хотел выжечь часть топлива, прежде чем приняться за работу. У меня появился повод немного помотаться по небу и конвертировать лишнее горючее в полет для собственного удовольствия.

Точками в чистой воде внизу виднелись небольшие лодки, яркие острова выступали там и тут. Ни одной складочки ряби не нарушало зеркальную поверхность. После стольких месяцев тяжелой работы и концентрации сил я не мог не поддаться искушению и предаться озорству, известному среди пилотов как воздушное хулиганство. Поэтому я опустил нос и стал снижаться с высоты в несколько десятков метров, чтобы «потанцевать» среди пляжей и яхт, постепенно подбираясь всё ближе к поверхности.

У прозрачной кабины не было дверей, ее продувало приятным свежим ветром. Многие поднимали голову, чтобы посмотреть на вертолет и помахать рукой, зная, что, скорее всего, им управляет астронавт. Кто еще мог позволить себе такие выкрутасы на военном вертолете? Старался ли я показать себя? Конечно! А кто бы не стал этого делать?

Не осознавая опасности, я влетел в ловушку, которая была давней бедой летчиков гидроавиации. Когда на море нет ряби, вода не дает ощущения глубины. Мои глаза смотрели сквозь чистую поверхность вплоть до отражающего дна. Я перестал видеть воду, но продолжал считать, что контролирую ситуацию… до тех пор, пока носок левой опоры не зацепил поверхность Индиан-Ривер. Впечатление было такое, словно могучая и липкая как патока рука поднялась, схватила Н-13 и выдернула его из воздуха. Злой гном летчиков, который всегда начеку, наказал меня за то, что я на мгновенье утратил концентрацию внимания. Я крутанул ручку «шаг – газ» левой рукой и увеличил тягу, пытаясь вытащить машину из беды. Под посадочными опорами взвился фонтан, затем кабина ушла в воду, приливная волна поднялась перед моими глазами, и вертолет утратил какие-либо намеки на аэродинамическую форму. В одно мгновенье он перешел от скорости 185 км/час к полной остановке с таким мощным рывком, какого я никогда не испытывал ни при посадке на авианосец, ни при разделении ступеней. Я грохнулся с эффектным взрывом.

Вращающиеся лопасти винта взрезали воду, затем их концы отломились и покатились прочь иззубренными кусками. Главный редуктор позади меня оторвался и отлетел как стальной шарик на

сотню метров, где и упал. Хвостовая балка ферменного типа сломалась и унеслась, разлетаясь на мелкие части, плексигласовый фонарь кабины вокруг меня разрушился, один из баков с горючим взорвался, а то, что осталось от искалеченной машины, включая и меня, пристегнутого в кресле, камнем пошло ко дну.

Врачи и по сей день не выяснили, потерял ли я при этом сознание, но мне помнится, что я опустился на дно, все еще держась за рычаги и пытаясь заставить эту чертову штуку лететь. К счастью, вертолет не перевернулся, и я сидел вертикально, надежно притянутый к креслу, и меня не проткнул никакой смятый обломок – или выкрученная стальная панель с приборами возле колен. Струйки ярких пузырьков поднимались у меня перед глазами, и я осознал, что нахожусь под водой, дезориентированный и не понимающий, что случилось. Мой тяжелый белый шлем, прочно застегнутый под подбородком, был полон воздуха и пытался сорваться с головы, не давая мне дышать, подобно удавке. Я расстегнул застежку, и шлем ракетой ушел к поверхности, как если бы направление силы тяжести изменилось на противоположное, и он просто упал вверх.

Я провел быстрый опрос внутренних систем и не обнаружил ни острой боли, ни сломанных костей, ни разорванных органов. Ни один зазубренный кусок металла не торчал из моего живота, но я понимал, что если я не сделаю что-нибудь немедленно, то просто утону.

И в этот момент сработали мои рефлексы. *Так, это уже случалось, я знаю, что делать.* Вспомнились дни предполетной подготовки во флоте, когда на специальном тренажере мы отрабатывали всплытие из-под воды, а также тренировки в NASA по водному выживанию, где нас учили выбираться из затонувших самолетов и космических кораблей. Нужно последовать за воздушными пузырьками к спасению. Проблема была в том, что это не корабль и не самолет, а остатки вертолета, и если его большие лопасти все еще вращаются надо мной, они могут запросто отрубить мне голову, если я попробую всплывать прямо вверх. Впрочем, особого выбора у меня не оставалось. Продолжать сидеть на дне Индиан-Ривер не было бы хорошим решением.

Не понимая, что фонарь вокруг меня разрушился полностью, я расстегнул замки и склонился туда, где должен быть боковой люк, но не нашел его, поскольку двери на этот вертолет не устанавливались, а весь плексиглас разлетелся. Двигаясь медленно, потому что полетный костюм и армейские ботинки впитали воду и отяжелели, я шагнул через пустое пространство и

оказался вне машины. Я оттолкнулся от дна и поплыл к поверхности, жаждая вздохнуть.

Я вынырнул среди адского огня и серы – казалось, горит вся река. Самое горячее пламя, которое мне когда-либо пришлось почувствовать, сожгло все вокруг меня, и адский, невероятный жар опалил мне брови и лицо. Я попытался вздохнуть, но вместо этого глотнул огня. Время как будто остановилось, когда стена голодного пламени сомкнулась надо мной. Падение не убило меня, я не утонул, но огонь мог закончить начатое. *О, шит, Сернан. Давай быстрее отсюда!*

Но куда? Да куда угодно! Прочь! Обеими руками я хлопнул по горящей пленке, чтобы раздвинуть ее, затем сгруппировался и нырнул за спасением. Я смог проплыть под водой всего несколько метров, и когда вновь вынырнул, огонь все еще пытался зажарить меня заживо. Я хлопнул еще раз и нырнул. Снова и снова, чтобы уйти понизу от расплывающегося адского пятна, которое пылало над головой, и всплыть за воздухом.

Пока я пытался ускользнуть от огня, мой пропитанный водой летный костюм и тяжелые ботинки стали настоящими якорями. Я пережил падение и уже побеждал огонь, но теперь мое снаряжение решило убить меня. Делать рывки и плыть становилось все труднее, а потом и почти невозможно; я сетовал, ну почему же не надел сегодня надувную спасательную куртку по прозвищу «Мэй Уэст»[151]. Я вырвался на поверхность в стороне от огня, но жар все еще был непереносимым – словно я сунул лицо в отверстие печи. Вместо холодного свежего воздуха я всосал в больные легкие раскаленные камни, и ощущение было такое, что на голову легло обжигающее полотенце и душит меня.

Мой след на воде от места катастрофы наводил на мысль о выжившем моряке с торпедированного судна, который теперь с уровня моря видит разверзшийся ад. Горящий бензин бушевал, жар несло над водой, и, словно горячий кулак, он бил мне в лицо. От вертолета, насколько я мог видеть, остались лишь куски и ошметки, и среди них один из топливных баков, все еще целый и, наверное, на три четверти полный. Он весело жарился в пламени. *Если эта штука рванет…* Но у меня уже не оставалось вариантов и почти закончились силы. Не было уже никакого плана, и Индиан-Ривер казалась шириной с Атлантический океан. Она достигала всего трех метров в глубину, но и мой рост не превышал 180 см. Я попытался развязать ботинки и избавиться от их веса, но не смог. Один стал болтаться на ноге, еще сильнее затрудняя попытки удержаться на воде.

Рухнувший Н-13 устроил настоящий фейерверк, причем мощный взрыв и поднявшийся шар пламени и дыма четко

указали место катастрофы. Я все это зрелище пропустил, поскольку находился внутри взрыва и наблюдать его снаружи не мог. Но зрителей было много, и рулевые развернули свои лодки к месту падения и пошли на помощь, стараясь разыскать меня. Буквально из ниоткуда появилось небольшое рыболовное суденышко с одним человеком на борту, женщиной, которая сгребла двумя руками мой промокший желтый летный костюм и помогла мне выбраться из воды. Я рухнул на палубу, с трудом вдыхая воздух. Я был совершенно не в себе и плохо понимал, что происходит, от каждого вздоха саднило легкие, и я сумел лишь пробормотать едва слышное «спасибо», когда она доставила меня на берег. Когда я попытался заговорить, я не узнал своего голоса. Слова вырывались с резким, глубоким хрипом, потому что горло было обожжено, – я квакал как лягушка.

Заместитель шерифа округа Бревард спешно доставил меня на авиабазу Эдвардс для оказания первой помощи. Пока медики прощупывали меня, бинтовали, сшивали и мазали бальзамом, я позвонил Барбаре в Хьюстон. С ней уже успели связаться из NASA, и она тряслась, перебирая в памяти истории гибели Чарли Бассетта, Клифтона Уильямса и других ушедших друзей. Правда, NASA убеждало ее, что со мной всё в порядке и что я не пострадал всерьез, но мне приходилось повторять ей это снова и снова.

Дик выслал машину, чтобы доставить мою поджаренную на углях задницу в гостиницу экипажей, и пока меня везли эти 50 км, я живо воображал заголовки вроде «Астронавт разбился», которые не могли не появиться. В первый раз после попадания в воду я нашел время поразмыслить о том, что я скажу о происшествии. Было ли у меня какое-нибудь оправдание? Я умудрился влететь в эту чертову воду! Ошибка пилота, явная и очевидная. Какие могут быть последствия? Я все еще перебирал возможности, когда мы добрались до гостиницы, и я поднялся на лифте, представляя собой промокшую, обгоревшую и скверно выглядящую пародию на астронавта.

Я не стал тратить время на то, чтобы привести себя в порядок, и сразу пошел по коридору в направлении столовой, разыскивая Дика. Ал Шепард сидел там и завтракал, и его стальные глаза впитали картину мокрого полетного костюма, бинтов и обожженных волос. Я постоянно изводил его призывами не споткнуться в ходе подготовки к «Аполлону-14», и теперь мой юмор исполнил смертельный финт. Ал не промахнулся – зато это сделал я.

«О’кей, Ал, ты выиграл, – прохрипел я. – Это твой полет». Шепард ухмыльнулся и спросил, что случилось и в порядке ли я.

Разумеется, я заявил, что в полном порядке. А что еще я мог сделать – встать и заплакать? Поэтому я квакающим голосом поведал, что устроил дикий жабий заплыв с определенной целью: «Тут стало так дьявольски скучно, что кому-то нужно было что-нибудь предпринять, если мы хотим немного прорекламировать «Аполлон-14». «Хорошо», – сказал он и продолжил есть. Подошли другие астронавты посмотреть на то, что видно всем, и я, черт побери, не проявил слабости. Появился Дик, увел меня в соседнюю совещательную комнату и для начала быстро убедился, что я не получил серьезных повреждений. Я оставил обычную бессмысленную летную похвальбу и был готов получить по заслугам, но в дверь просунул голову Шепард: «Джино к телефону».

Дик вспылил. «Сейчас никаких звонков, – рявкнул он. – Мне плевать, кто там, скажи им, что он перезвонит».

«Дик, это вице-президент Соединенных Штатов».

И вправду на другом конце линии был Тед Агню, который хотел знать то же, что и все остальные. «Джино, какого дьявола, что случилось? Ты в порядке?» Я рассказал и поблагодарил его за заботу, повесил трубку, и Дик перешел к делу. Ему нужно было дать сообщение для прессы, оповестить руководство NASA и объяснить общественности, что произошло, и он немедленно предложил мне легкий путь к спасению. Без упоминания остался тот факт, что он должен будет подумать, как это повлияет на выбор экипажа «Аполлона-17».

«Итак, в какой точно момент у тебя выключился двигатель?» Его глаза смотрели прямо, а голос был тверд. Мне нужно было только согласиться и подтвердить, что двигатель отказал, что облажалась машина, а не я, и я мог бы уйти от осуждения. Он предлагал мне алиби на серебряном блюдце, и мне нужно было только принять его. Но я не мог сделать этого и жить потом со знанием, что произошло на самом деле. «Дик, двигатель не отключился. Это я вогнал сукина сына в воду».

Выражение его лица не изменилось, разве что появилась лишняя морщинка. «Быть может, ты не понял меня правильно, Джино. Когда точно твой двигатель стал работать с перебоями?» Дик знал, что я виноват, и я это тоже знал, и понимал, что стоит на кону, но он не собирался бросить меня волкам. Он считал, что несет ответственность за происшествие, как и я, потому что он всегда ручался за мои способности.

«Я уже сказал, Дик. Он не выключился. Я просто облажался».

Слейтон пожал плечами и покачал головой. «Хорошо, если ты хочешь так…»

«Оно так и было», – проквакал я. Да, так и было, просто и

ясно.

«Иди приведи себя в порядок и отправляйся к врачам». Он вышел из комнаты, чтобы подготовить отчет и предстать перед прессой. Стали подходить другие астронавты, подшучивая, что я разбил вертолет специально для того, чтобы меня вытащила та женщина в лодке. Я ответил, что никакая женщина не стоила этого. Тут работало два побуждения. В первую очередь они хотели удостовериться, что я остался цел, но они знали, что я влетел в воду по своей вине. Авария – это авария, но как только они убеждались, что я в норме, появлялся законный повод вцепиться мне в задницу. *Сернан действительно обделался на этот раз! А помните его выход?* Не бери в голову, приказал я себе. Никакой слабости! Не трогай повязок, не вздумай почувствовать ожоги или сказать «ой!». Никогда, никогда, никогда не показывай ни тени сомнения в себе.

Оставшись наконец один, я вернулся в душ, стянул с себя промокший костюм и ботинки, выбросил их в мусор и встал под поток ледяной воды, позволяя ей стекать по шее и по спине, а сам прижал ладони и лоб к холодным плиткам стены. Меня не отпускало ощущение нелепости случившегося. Я пролетел всю дорогу до Луны и обратно лишь только для того, чтобы поджарить задницу в вертолете на Земле.

Сказав Дику правду, перечеркнул ли я свои шансы полететь на «Аполлоне-17»? Дело выглядело так, как будто я провел много лет в стеклянной клетке, рискуя потерять всё в программе, в которой ошибки не допускались, и вот теперь весь мир должен был узнать, что я лажанулся по-крупному. Если тебя собираются назначить командиром лунной экспедиции, ты должен принимать верные решения, вести себя ответственно и поступать правильно каждый раз, без исключений, а я только что сделал нечто действительно глупое – и уже во второй раз. Я очень ясно помнил тот давний-давний мерзкий день в калифорнийской пустыне, когда я заработал членство в Ордене гнутой вешки («Вручается только живущим, низко летающим летчикам»). Если бы я был кошкой, я бы, наверное, проживал уже пятую или шестую жизнь.

Я выжил при падении вертолета, но чувствовал, что порвал штаны в смысле репутации будущего командира лунной экспедиции. Новость о случившемся распространялась по Мысу столь же быстро, как горящий бензин растекался по водам Индиан-Ривер.

Том Стаффорд, мой товарищ по «Джемини-9» и «Аполлону-10», позвонил из Хьюстона, и я ответил прямо с койки, невероятно уставший. Том знал, что этот инцидент может обернуться прыжком Гордона и геолога на «Аполлон-17», и

быстро обрисовал мне ситуацию. «Чертово долбанное дерьмо, что ты натворил? Я тут пытаюсь сделать так, чтобы ты командовал Семнадцатым, а ты, наверное, теперь всё профукал». Для оклахомца, привыкшего говорить медленно, Стаффорд определенно знал толк в словах. Я каким-то чудом обхитрил смерть, а он хотел внушить мне вину за его испорченный день.

Я подумал, что творится в голове у моего соперника Дика Гордона, который сидел прочно, имея ученого в кармане и без всяких разбитых вертолетов на счету. Через много лет за пивом Дик со смехом сказал мне: «Джино, когда ты разбил эту вертушку, я подумал, что моя взяла».

После душа я еще раз позвонил Барбаре и долго разговаривал с ней. Она пришла в себя в большей мере, чем я, но всё еще была напугана, потому что мы оба знали о возможных последствиях инцидента с вертолетом.

«Я напортачил», – сказал я приглушенным, квакающим голосом. Говорить было еще трудно, но необходимо. Я был готов прыгнуть в Т-38 и улететь домой, просто для того, чтобы оказаться в окружении Барбары и Трейси и послать подальше безжалостное, ежеминутное давление чертовой космической программы. «Я обосрался», – признался я.

«Ничуть нет, – возразила она мягко. – Разве Дик сказал хоть что-нибудь про «Аполлон-17»?»

«Еще нет. Но он должен будет скоро принять решение, и я только что сделал ему выбор намного проще. – Я ушел в самобичевание, и Барбара была единственным человеком, кому я мог сказать о своем самом большом страхе. – Я не понимаю, с чего бы ему теперь выбирать меня».

Она немного помолчала. «Всё будет хорошо, солнце. Он знает, что такое может случиться с каждым. Дик поймет. Главное, что ты в порядке». Но что еще могла сказать жена при таких обстоятельствах?

Мы наконец закончили разговор, оставив ситуацию без решения, потому что не в наших силах было ее разрешить. В этот вечер ужасные слова «ошибка пилота» реяли по комнате подобно летучей мыши-вампиру, намеренной выхлебать жизненные соки из моей мечты. Я ушел спать, придумывая отговорки, призванные укрепить меня перед неизбежным, как я считал, исходом этого несчастья. Черт, в конце концов, я уже летал к Луне, так что потерять 17-й будет не так уж и страшно.

Задним числом я думаю, что откровенная беседа с Диком была самым правильным, что я мог сделать. Я смотрел ему в глаза и говорил честно. Да, я сотворил глупость и упал в воду, но сохранил определенную долю его уважения, не пытаясь

уклониться от ответственности, а значит, и не сажая его на крюк с обязательством защищать меня. Мало кто мог в это поверить, но через 48 часов я снова был в летном статусе, готовый лететь на «Аполлоне-14», если потребуется. С точки зрения Дика, дело с вертолетом было закончено и забыто, и всё вернулось в норму. Это лишь авария, я выжил, и для него единственной заботой стал полет Шепарда. Он отправил меня работать и никогда больше не вспоминал об этом.

Еще мне повезло с календарем. Авария произошла в субботу, когда газеты и телевидение не торопятся. Единственный существенный заголовок появился утром в воскресенье в New York Times, и он гласил: «В аварии вертолета дублер пилота «Аполлона» не пострадал». Текст взяли у новостного агентства, и он не был результатом глубокого расследования того, что случилось на самом деле[152]. К понедельнику у репортеров появились новые события, требующие освещения. «Аполлон-14» всё еще был в центре внимания на Мысе, русские посадили космический зонд на Венеру[153], в Лос-Анджелесе безумный Чарли Мэнсон и три женщины из его хиппи-тусовки получили обвинение в убийстве актрисы Шерон Тейт и еще шести человек. После аварии прошло два дня, и она уже перестала быть новостью. Я написал письмо с благодарностью женщине, которая вытащила меня из воды, и старался не думать слишком много об «Аполлоне-17».

Я иногда смотрю на побитый летный шлем, который лежит на полке в моем домашнем кабинете. Его нижняя часть все еще белая и твердая, а верхняя обгорела дочерна и сплавилась в какую-то странную пластиковую фигуру. Когда я беру его в руки, сажа остается у меня на пальцах. Кто-то в день аварии выловил из Индиан-Ривер шлем, плавающий в этом аду подобно мячу, и вернул NASA, которое передало его мне. Я могу лишь удивляться, как я выжил.

26
Доктор Камень

«Эй, Джино, давай прогуляемся и посмотрим на наш корабль». Вечером 30 января 1971 года до старта «Аполлона-14» оставались считанные часы, и Ал был слишком взвинчен, чтобы заснуть. Ребята, это чувство было мне знакомо. Мы сели в машину у гостиницы астронавтов и поехали на площадку 39A, нас пропустили через кордоны службы безопасности, и мы припарковались у самого подножия «Сатурна V». Огромная птица купалась в огнях ярких прожекторов.

Шла заправка со всеми сопутствующими болями и стонами. Тонкие бока и внутренности ракеты гнулись, принимая тонны жидкого кислорода, поступающего при −181 °C, и жидкого водорода, закачиваемого при потрясающей температуре −253 °C. Иней делал ракету похожей на огромный подарок ко дню рождения, и казалось, «Сатурн» оживает на наших глазах, принюхиваясь к соленому бризу и к ночному небу. Его едва сдерживаемая сила давила на меня, и я с некоторым сомнением подумал: «Вот стоит ракета, на которой Шепард полетит на Луну».

Его глаза измеряли оранжевые фермы и всю длину ракеты, как если бы Шепард считал каждую шайбу на всем пути до носа, где сидел командный модуль «Китти-Хок», а лунный модуль «Антарес» лежал сложенным в «гараже» на третьей ступени, словно газонокосилка, убранная на зиму. Ал ничего не сказал, но, наверное, вспоминал, сколько разочарований пережил за прошедшее десятилетие, ожидая, когда придет эта минута, и сомневаясь, настанет ли она вообще.

Алу исполнилось уже сорок семь, ростом он был чуть ниже 180 см. Почти через десять лет после памятного первого полета он все еще был дерзким летчиком-истребителем. Его каштановые волосы стали длиннее, чем тогда, когда он предпочитал короткую военную стрижку. Ал весил 78 кг, потяжелев всего на 6 кг. Он был членом обществ Rotary и Kiwanis, мужем Луизы, отцом Лауры, Джули и приемной племянницы Элис. Миллионер, владелец больших домов в Хьюстоне и в Лейк-Трэвис. Уйма инвестиций. Правитель астронавтов. Легенда!

Измеряя сегодня «Сатурн» ярко-голубыми глазами, он знал, что его первый полет был лишь скачком мошки в сравнении с тем, что лежало впереди. До сих пор он налетал лишь 15 минут и 22 секунды, преодолев 486 км от старта и достигнув высоты всего

187 км, он едва пощипал границу космоса. Современная ракета была многократно мощнее, чем примитивный «Редстоун», который нес его в 1961 году, и второй полет обещал стать значительно более долгим, высоким и трудным. Шепард освоил систему «Аполлон», которая должна была доставить его, Стю Русу и Эда Митчелла в район Фра Мауро. Он подвергся острой критике: «Аполлон-14» называли последним детским полетом, и говорили, что Шепард отправляется в путешествие длиной 800 000 км, чтобы лишь потешить самолюбие. Это полная чушь, проработав с ним рука об руку более полутора лет, я был убежден, что во главе экспедиции стоял достойный человек. Но я также знал, что у него не оставалось выбора. Ал должен был совершить нечто выдающееся, чтобы исполнить свое назначение. Горячее стремление Шепарда достичь Луны зашло далеко за тот предел, на котором бы сдался человек меньшего масштаба, и придало новое значение слову «приверженность».

И если когда-либо человек и машина подходили друг другу, то это были капитан первого ранга ВМС Алан Бартлетт Шепард-младший и его лунный корабль «Аполлон». И все же я не мог не заметить, что железная машина подавляла даже его.

Десятью годами раньше я был одним из миллионов американцев, которые смотрели на этого человека как на нашего единственного космического героя. Я был молодым морским летчиком в Сан-Диего и как раз собирался жениться, когда он первым в нашей стране полетел на ракете. Но годы прошли, и Ал, будучи на десять лет старше меня, все еще имел на своем счету те же самые несколько минут ракетного полета, а я слетал дважды на «Джемини» и на «Аполлоне», выходил в открытый космос и выполнил восьмисуточное путешествие к Луне и обратно. Всё, чего я этим добился, – я поднялся до его уровня. В эту особую минуту я стоял с Алом Шепардом как равный ему.

«Эта ракета принадлежит Алу, – думал я, изучая яркий и шипящий «Сатурн». – Достанется ли мне моя?»

Каждый космический полет приносит свои сюрпризы, и на «Аполлоне-14» проблемы начались, как только он вышел на околоземную орбиту. «Китти-Хок» отказался стыковаться с «Антаресом», и это поставило под угрозу весь полет, потому что невозможно сесть на Луну без лунного модуля. В конце концов Стю Руса вколотил головку стыковочного устройства в воронку с такой силой, что металлические замки сработали и закрылись, и корабль отправился в путь. На заключительном этапе спуска на Луну Шепард сражался с неисправностью радиолокатора, которая угрожала отменой посадки. Но не было такой причины, из-за которой Ал, улетев так далеко, не прилунился бы – с радаром или

без него, и он безукоризненно посадил «Антарес».

С помощью двухколесной тележки, увеличившей количество груза, который могут унести астронавты, было доставлено множество образцов из района, где, как полагают, метеор рухнул на Луну примерно 5 миллионов лет назад и выбил долину длиной 1100 км. Из этого запустения, усеянного булыжниками, Шепард и Митчелл добыли информацию об эпохе формирования Солнечной системы[154].

Митчелл проделал личные эксперименты в области экстрасенсорного восприятия, пытаясь силой мысли передать символы так называемых карт Зеннера парапсихологам на Земле, но с захудалыми результатами. Дика они не впечатлили.

Затем, к изумлению ЦУПа, Шепард подошел к тележке и превратил один из лунных инструментов в клюшку для гольфа, добыл откуда-то пару рифленых мячей и сделал самый дальний удар в истории Солнечной системы, торжественно сообщив игрокам-неумехам на Земле, что мячи улетели «на мили и мили». Но я видел позднее фотографию и могу поклясться, что две белых точки были видны на песке всего лишь в 10 метрах от лунного модуля.

На всем пути к Луне и обратно и даже на лунной поверхности, когда бы экипаж ни открывал ящик, сумку или контейнер, из него неизменно вылетала эмблема Первой команды. Как дублеры, мы с Роном и Джо имели доступ к кораблю до последней минуты, и пока мы устанавливали в исходное положение переключатели и проверяли приборы, мы также запихивали свои эмблемы с Дорожным бегуном в каждый уголок и в каждую щель, чтобы Трое новичков получили целый ураган находок. Наверное, чаще всего по закрытому радиоканалу во время полета «Аполлона-14» звучала фраза Шепарда, разозленного внезапным появлением очередной эмблемы. «Передайте Сернану, – рычал он, – бип-бип его задницу».

С моей точки зрения, Ал, единственный из Первой семерки, кто достиг Луны, вернулся на Землю как раз вовремя. В песочных часах Дика сыпались последние песчинки: пришла пора выбрать экипаж «Аполлона-17», и нарастало давление, как у пара в закрытом чайнике, с целью посадить Джека Шмитта на этот последний полет. Астронавты делали ставки, кого назначат командиром – меня или Дика Гордона, у которого Шмитт, этот сильный козырь, был в дублирующем экипаже «Аполлона-15».

Я был рад, что полет Шепарда прошел столь успешно, потому что в нем отражалась и та работа, которую я проделал, помогая ему готовиться, и я изо всех сил старался впечатлить Дика. Во время тренировок у меня с Алом сложились добрые отношения,

но это ничего не гарантировало. Однако я полагал, что Ал будет в моем углу, так что, скорее всего, на моей стороне Стаффорд и Шепард, в то время как Гордона поддерживали МакДивитт, Конрад и Дейв Скотт. Ожидание в Отделе астронавтов этим летом было тягучим, как патока.

До сих пор Дик упорно сопротивлялся посадке ученого – любого ученого – на кресло в ракете вместо хорошо подготовленного пилота, и определенно ставил Джо Энгла выше Шмитта. Однако он не стал спешить с объявлением сразу после «Аполлона-14», что дублирующий экипаж будет назначен основным на три полета позже. Он явно ждал, когда освободится и дублирующий экипаж «Аполлона-15». Вопрос состоял в том, позволит ли головной офис NASA принять окончательное решение Дику Слейтону.

Не так уж давно мы с Диком Гордоном были новичками-астронавтами, которые прилетели вместе в Хьюстон поискать жилье. Теперь его семья жила на четыре дома дальше по улице и на другой ее стороне. Его младшая дочь однажды помогла Трейси покрасить стены ее комнаты цветными мелками. Мы с Диком мало что могли сделать в сложившейся ситуации, разве что шутить. «Мне достался ученый», – радостно кукарекал он за чашкой кофе. «Это ужасно», – отвечал я с мнимым сочувствием. Если бы я отправился в горячую точку, и другой астронавт прикрывал бы мне спину, то я бы выбрал Дика Гордона. Но у последней экспедиции на Луну мог быть только один командир, так что двум хорошим друзьям приходилось соревноваться за этот единственный в жизни приз. Нужно было выдержать до конца.

Один элемент важного лунного оборудования поступил вовремя для использования на «Аполлоне-15». Это был лунный самодвижущийся аппарат LRV, в просторечии «ровер». Сбылось предсказание Вернера фон Брауна о внеземной колеснице, которая позволит астронавтам отъехать от лунного модуля и исследовать далекие тайны.

Ровер доставлялся на Луну как пассажир, он был закреплен снаружи лунного модуля, как пианино на фургоне, и после опускания на грунт раскладывался, как кровать Мёрфи в отеле на Манхэттене. Это был багги для песчаных дюн, по крайней мере, мы так думали, потому что если он справится с изрытой лунной поверхностью, то нет причин, по которым следующее поколение роверов не смогло бы в будущем ездить по Марсу.

Машина была немного больше трех метров в длину и почти 120 см в высоту. На Земле ровер весил 208 кг, а на Луне – всего 34,5 кг. На нем не могло спустить колесо, потому что каждое из

них представляло собой тканую сетку из оцинкованного железа с титановыми грунтозацепами-шевронами. Колеса из сетки!

Отдельные электромоторы в четверть лошадиной силы на каждом колесе, питаемые от аккумуляторов, могли разогнать ровер до предельной скорости 13 км/час. Небольшие крылья задерживали струи пыли. Вместо кожаных сидений, лампы для чтения полетной карты и держателей для чашек этот малыш имел в качестве дополнительных устройств блок мобильного телевещания, твердотельный компьютер и гироскоп для навигации.

Невзирая на его возможности и гибкость в применении, имелись ограничения. Нельзя было отъехать на ровере от лунного модуля дальше, чем может пройти астронавт, дыша только тем кислородом, что остался в ранце, и в случае поломки вызвать техпомощь неоткуда.

Дейв Скотт и Джим Ирвин дали этому багги первую нагрузку на «Аполлоне-15» и получили полный успех. Вместо того чтобы бродить вокруг места посадки, они объездили всю борозду Хэдли и гору Хэдли.

Тем временем на орбите Ал Уорден изучал лунную поверхность со своего одинокого насеста и открыл неровную область, содержащую, наверное, самый темный материал, найденный на Луне. Ал знал, что ученые на Земле захотят обдумать возможность исследовать в будущем это странное место, окруженное высокими горами, а потому использовал мощные камеры, чтобы сфотографировать и картировать темную полоску вблизи Моря Ясности в верхнем левом углу Луны.

Когда «Аполлон-15» вернулся, его считали, пожалуй, одним из самых плодотворных научных исследований во всей программе, но этот блестящий успех оказался подпорчен исключительной глупостью со стороны экипажа. Они взяли с собой без разрешения набор почтовых конвертов, погасили их на Луне и продали коллекционеру в Европе. Этот случай вызвал огромное возмущение, поставил в неловкое положение NASA, а командир, талантливый Дейв Скотт, мог лишь беспомощно наблюдать, как его звездная карьера рухнула из-за такой невероятной мелочи. Никто не верил, что такое вообще может произойти, но куча небрежно проштампованных конвертов вывела из строя одного из лучших парней в программе.

Полет Пятнадцатого также означал, что Дик Гордон и его экипаж покончили с дублерскими обязанностями и готовы к новому назначению. Давление на всех, кто был вовлечен в предстоящий выбор для последнего полета на Луну, поднялось еще на один уровень. Если бы это был забег на стадионе, мы с

Диком шли бы рядом, и уже близились бы к финишу. У Слейтона закончилось время, он должен был принять решение.

По моему мнению, логичным для него в сложившихся обстоятельствах было бы сохранить в целости хорошо подготовленный экипаж. Если NASA настаивает, что ученый должен полететь на Луну, я бы, пожалуй, назначил на «Аполлон-17» весь экипаж Дика. Это был бы трудный выбор и горькая доля для Джино, но такое решение представлялось разумным.

В 1971 году в любопытном возрасте восьми лет Трейси уехала на месяц в летний лагерь в Холмистую Страну в центральном Техасе, а Барбаре оставалось только кусать ногти, потому что мать ничего не слышала от дочери много дней подряд. Наконец она уступила чувству тревоги и позвонила в лагерь, и озадаченная Трейси объяснила, что не могла позвонить домой, потому что была очень занята. Я хорошо понимал, что она имеет в виду.

А Барбара осталась в пустом гнезде на Барбуда-Лейн, потому что я почти все время куда-то уезжал. Обычно у нее была жизнь, полная материнских обязанностей, – скаутский отряд, уроки музыки и родительский комитет в школе приносили ей удовольствие. Но теперь, когда Трейси не было рядом и не приходилось отвлекаться на эти вещи, Барбара оказалась перед жесткой необходимостью приспособиться, и ей это не слишком понравилось.

Мы были женаты уже десять лет, и я почти непрерывно тренировался, в основном экипаже или в дублирующем, в течение восьми из них. Нам обоим приходилось за это платить. Мое эго получало свою порцию, и я расцветал в том особом социальном мире, где у нас могло не быть денег, но присутствовало нечто большее: тайное обаяние, которое нельзя купить за доллары. Люди трепетали, оказавшись рядом с астронавтом, но для моей жены льстивые слова на очередном коктейле звучали неискренне. После одной из вечеринок Барбара огрызнулась: «Это была самая огромная порция дерьма, в которой мне когда-либо приходилось сидеть, и я не намерена этим больше заниматься».

Что было еще хуже, я получал целый поток приглашений поиграть в гольф со знаменитостями по всей стране, и мне нравилось посещать отличные места и встречаться с интересными людьми. Я также открыл для себя удовольствие охоты на обширных техасских равнинах. Хотя в юности в лесах Висконсина я научился многому, охота не входила в этот список. Я обнаружил, что одиночество на свежем воздухе дает драгоценную передышку в непрерывном напряженном ожидании решения об

экипаже «Аполлона-17», но и гольф, и охота отнимали время у семьи.

Не зная, придется ли мне полететь, я продолжал подолгу работать на тренажерах, потому что последнее, чего бы мне хотелось, – это чтобы у Дика сложилось впечатление, что я не заинтересован в этом назначении. Этим я был занят с понедельника по пятницу, но в выходные старался выкроить несколько часов, чтобы покататься верхом с Трейси. Добавьте сюда выезды на охоту и на гольф от Монтаны и до Майами, и вы поймете, что с Барбарой мне удавалось провести очень мало времени. Она писала подругам, что эти поездки не беспокоили бы ее так сильно, если бы я бывал дома в течение недели, «но это случается редко». Я давно чувствовал, что обкрадываю Трейси, но до меня не доходило, что Барбару я обкрадываю тоже.

Я не знал о том, что Дик отправил в Вашингтон свои рекомендации: последний полет должны выполнить Сернан, Эванс и Энгл. Головной офис немедленно отверг эту идею. Они уже приняли собственное решение, вырвав возможность выбора из рук Дика. Крестному отцу очень, очень доходчиво объяснили, что одно имя в списке «Аполлона-17» должно присутствовать обязательно: Харрисон Шмитт. Геолог полетит, и точка!

Дик пытался бороться, но зловещая надпись уже горела на стене, и он был вынужден сдаться перед неизбежным и принять компромисс. Вместо экипажа Сернан – Эванс – Энгл будет Сернан – Эванс – Шмитт. Отлично, сказали в Вашингтоне: Шмитт на месте, а остальное их не волновало.

Короткие октябрьские каникулы[155] мы с Барбарой проводили в отеле «Лас-Бризас» в Акапулько с Роном и Джен Эванс, когда раздался звонок из Хьюстона и я услышал знакомый хриплый голос Дика. «Поздравляю, Джино, – сказал он, – «Аполлон-17» твой». Рон вошел в комнату, когда я говорил, и я радостно показал ему большой палец. Отличная новость! Я начал взволнованно бормотать слова благодарности, когда понял, что Дик не сказал, кто будет в моем экипаже. Рон показал на себя пальцем и поднял брови в молчаливом вопросе. «Это включает Рона и Джо?» – спросил я.

«Нет, не совсем. Рон будет твоим пилотом командного модуля».

Я быстро кивнул Рону, и он победно вскинул обе руки, сгреб свою маленькую жену в медвежьи объятья и поднял в воздух. Я же продолжал разговор с Диком.

«А что насчет Джо?»

«Мне нужно поговорить с тобой об оставшейся части экипажа».

«Почему? Что случилось?»

Он быстро прервал меня: «Так, возвращайся, и мы все обсудим».

На этом разговор кончился, а мы остались стоять посреди прекрасной комнаты, глядя на море, согретое теплым солнцем, и не зная, смеяться или плакать. Мы пошли вчетвером в бар, где пили ром с колой, в восторге от того, что получили желаемое, но одновременно разочарованные. Без лишних слов мы понимали, что Дика, наверное, заставили перетасовать экипаж и что Джек полетит, а Джо останется дома.

Я был в смятении от мысли о том, что мою команду разрушили. Джо отлично работал как пилот лунного модуля, и мы провели в тренажере вместе так много месяцев, что понимали нюансы характера друг друга и интонации голоса. Мы научились инстинктивно реагировать на действия друг друга в критической ситуации, и меня очень беспокоило, смогу ли я добиться такой же степени взаимопонимания с человеком, у которого вовсе не полет был первой любовью. Я должен был поставить жизнь на карту по выбору Вашингтона – и для меня это оказался первый горький опыт в политике.

На следующий день мы покинули Мексику, и в ту же минуту, как вернулся в Хьюстон, я устремился в кабинет Дика. Он подтвердил то, что чутье уже подсказало мне. Я начал спорить, приводя все доводы, какие только мог, и пытаясь убедить его вернуть Джо в экипаж. И нечестно, и неразумно, говорил я, вводить сейчас в работу нового человека, а меня просят сесть на Луну с ученым в роли второго пилота! Начиная с «Джемини», мы всегда отправляли корабли в полет по крайней мере с двумя пилотами, и это было чертовски правильно. Боже, да Джек вообще *ни на чем* не летал, пока не пришел в программу. Да, он неплохо научился летать на маленьком учебном Т-38, но, ради Христа, Энг-то был пилотом Х-15!

Дик позволил мне высказаться, кивая в знак согласия с каждым словом. Когда я остыл и перевел дух, он спокойно заговорил:

«Джино, ты не понял. Джек полетит в любом случае, а у тебя два варианта на выбор. Или ты летишь с Джеком в роли пилота лунного модуля, или уходишь в сторону, а я переставлю весь экипаж Дика Гордона на «Аполлон-17». Ты должен решить, хочешь ты пройти по Луне, или нет».

Кусая губы, я несколько мгновений размышлял над безвыходной ситуацией. «Значит, мы ничего не можем сделать для Джо?»

«В этом полете – нет. Не беспокойся об Энгле, у него дальше

будет много работы. Вопрос в том, что собираешься делать ты».

Я мог или поразить себя мечом, или принять решение, которое не мог изменить. «А что, если мы…»

Дик прервал меня, его слова прозвучали резко, а плоская ладонь ударила по столу окончательно и бесповоротно: «Нет. Никаких шансов, Джино. Этот вопрос закрыт. Решай. Если ты хочешь лететь, ты летишь с Джеком, нравится тебе это или нет. Отвечай сейчас же, и я сделаю или так, или иначе».

Выбора не было, и я это знал. Черт, я сражался за это столько лет, и, по правде говоря, я бы согласился лететь даже с Златовлаской и тремя медведями. Но на мою радость ложилась большая тень, потому что я должен был сказать Джо Энглу, другу, что он в конечном итоге не полетит со мной в космос.

Джо принял печальную новость спокойно – он прочел ее по кофейной гуще, как и все остальные. Ни для кого не было секретом, что звезда Джека поднималась с каждым отмененным полетом, так что Джо вынужден был думать о будущем. К моменту отставки он был генерал-майором ВВС США и успел покомандовать вторым экипажем шаттла[156]. Но и сегодня я часто думаю о том, что случилось бы, если бы я выступил более твердо за то, чтобы Дик заменил Эда Митчелла и поставил Джо на «Аполлон-14», и он бы прошел по Луне. Можно ли было что-то изменить?

Итак, кем же был этот парень, который так долго оставался занозой у нас в заднице? Этот человек по прозвищу Доктор Камень, который только что заменил собой настоящего летчика? Джек проявил себя полностью компетентным астронавтом, будучи одновременно гениальным камневедом. Когда его имя вписали в мой экипаж, он был 37-летним холостяком из городка Санта-Рита в песках Нью-Мексико, штата, который он однажды станет представлять в американском Сенате. Отец Джека был геологом на шахтах Нью-Мексико, а сам он учился в Калтехе и получил докторскую степень по геологии в Гарварде в 1964-м – за год до того, как его выбрали ученым-астронавтом.

В студенчестве он один год проучился в Университете Осло в Норвегии и работал в Геологической службе Норвегии, а затем и США, прежде чем в 1961 году стал преподавателем в Гарварде. Получив докторскую степень, он поступил на работу в Центр астрогеологии Геологической службы США во Флагстаффе в Аризоне, где стал экспертом в области лунных полевых исследований и признанным авторитетом в области фотографического и телескопического картирования Луны. Когда астронавты проходили подготовку по лунной геологии, Джек был одним из инструкторов, и он оставался нашим «домашним

геологом», когда сам проходил летное обучение и подготовку в качестве астронавта. Он был внесен в список избранных экспертов, которым позволялось анализировать лунные образцы, привезенные с Луны.

Не слишком похоже на биографию летчика-испытателя, не так ли? Но Дик Гордон сразу сказал мне, что Джек справится с управлением лунным модулем, и я знал, что Дик никогда бы не взял его в экипаж, если бы Джек не мог нести свою долю нагрузки.

Он был сосредоточенным, воздержанным в личной жизни, спокойным и закрытым человеком и очень любил размышлять. В такие минуты можно было буквально слышать, как шарики вращаются в его черепе. При первой встрече он обычно выглядел непривлекательно, а молчаливая натура и некоторая бестактность мешала сойтись с ним ближе. Ему же, казалось, было всё равно. Для нас это представляло проблему – Джек не относился к тому типу людей, которые мне нравились.

За те несколько лет, которые их мужья готовились вместе, Барбара и Джен Эванс стали добрыми друзьями с Мэри Энгл, и все они были убиты горем, когда я подтвердил замену в экипаже. Мало того, что они теряли Джо и Мэри, но взамен они получили холостяка Джека. И он был не беззаботным парнем, как Клифтон Уильямс, а зачастую саркастическим типом с едкой натурой, который, казалось, не понимает социальных условностей. Наши женщины взвыли от того, через что им предстояло пройти. Джен Эванс, маленькая боевая брюнетка, которая редко лезла за словом в карман, подытожила так: «Нам придется уживаться с такой задницей?»

Но у меня не оставалось времени беспокоиться о социальном дискомфорте. Моей главнейшей задачей было сплотить нас троих в команду, которая сможет полететь на Луну, а не убедить всех вокруг полюбить Джека, и мы окунулись в тренировки.

Нас часто охватывало ощущение бесповоротности, потому что все знали, что «Аполлон-17» станет последним в исторической лунной серии. До старта оставался год, но черный прилив отчаяния уже облизывал берега Мыса, и темные тучи депрессии нависали над Хьюстоном. Все знали, что, как только мы взлетим, тысячи людей потеряют работу. «Аполлон» заканчивался! Дик даже с трудом смог собрать дублирующий экипаж, в который вызвались Джон Янг, Стю Руса и Чарли Дьюк[157].

Я должен был не только подготовить себя, свой экипаж, свой корабль и свою ракету для путешествия на Луну, но и исполнять роль массовика-затейника всей космической программы. Рабочие, с тяжелым сердцем размышляющие о просрочке платежей по

ипотеке, могли сделать ошибки, а этого нельзя было допустить. Пораженчество могло стать смертельно опасным вирусом, и мне необходимо было найти от него лекарство.

27
Не могу ходить!

Джек, которому временами приходили в голову дикие идеи, хотел организовать посадку на обратной стороне Луны. За два минувших года, заявил он, видимая сторона уже хорошо исследована, а потому последний полет должен использовать возможность, которая не повторится в течение многих лет.

Такой драматический план выглядел замечательно для ученого, но в нем слегка не хватало здравого смысла с оперативной точки зрения, потому что такая посадка оставила бы нас совершенно без связи с Хьюстоном. Джек предложил вывести спутник на стационарную орбиту вокруг Луны, чтобы он все время находился над головой и пересылал радиосигналы в Хьюстон и обратно. Он пошел и дальше, расписав, какое для этого нужно «железо», и даже оценил расходы, чтобы доказать, что это возможно сделать.

Время для такой идеи было плохое, и мне она не нравилась. Джек проигнорировал меня и поднял кампанию до высших уровней руководства NASA, причем он давил с такой силой, что мне стали звонить, и тот или иной возбужденный менеджер ревел: «Черт побери, Сернан, поставьте Шмитта на место и держите его там!»

Мы с Джеком знали друг друга уже много лет, но нам было неуютно, когда мы начинали тренироваться вместе, потому что в обоих была прочно укоренена верность нашим старым экипажам. Он, очевидно, хотел бы иметь своим командиром Дика Гордона, а я бы предпочел, чтобы место в лунном модуле занимал Джо Энгл. Но это осталось в прошлом, и мы начали выстраивать рабочие отношения. В конечном итоге утешительный приз за необходимость работать вместе был неплох – нам вдвоем предстояло выйти на Луну.

Через несколько месяцев у нас осталась лишь одна серьезная проблема: Доктор Камень никак не мог взять в толк, что теперь он не один из главных ученых в программе «Аполлон», а всего лишь член экипажа. В группах планирования прежних экспедиций он был в числе старших и не видел никакой проблемы в том, чтобы довести свои идеи и жалобы до самого верха, игнорируя цепочку должностного подчинения и обходя в процессе множество людей, и самое важное – меня.

Мы некоторое время сталкивались лбами, пока он не понял, что хотя NASA и гражданское агентство, но руководители его

программ пришли в основном из Вооруженных сил, где слово командира – закон. Мы могли обсуждать разногласия и проблемы, но затем вступало в силу право Высшего существа. У меня как командира не останется времени на дискуссии, когда нужно будет принять критическое решение. В конце концов я дал ясно понять, что ему придется действовать только через меня, нравится ему это или нет. Точка, конец истории, садитесь. Джек воспринял это, укротил свою независимость и стал надежным членом экипажа, а не бунтовщиком.

Мы сделались командой, и я обнаружил в Джеке неустанного трудягу. Вместо того чтобы в выходные уехать на охоту, он обкладывался инструкциями по эксплуатации или уговаривал техников погонять его в субботу на тренажере. Он не искал женского общества и, насколько я мог заметить, вообще ни на что не отвлекался. Мне казалось, что этот суровый Шерлок Холмс от науки использовал любую возможность, чтобы решить загадки, которые оставались скрытыми на Луне в течение миллиардов лет.

В 1972 году и внутри круга космического сообщества, и вне его происходили тектонические сдвиги.

Вьетнамская война, которая отбросила тень на мою карьеру астронавта, наконец-то подходила к концу, и было похоже, что Вьетконг и Северный Вьетнам выиграют ее. Дома выросла активность студентов, женщин и чернокожих, и голоса гнева все еще слышались по всей стране. Президент Никсон провел девальвацию доллара и заморозил зарплаты и цены. Он был переизбран подавляющим большинством, но затем завяз в уотергейтском скандале.

Всего лишь тремя годами раньше, когда я летал на «Аполлоне-10», всенародное восхищение освоением космоса было в зените. Теперь люди реагировали на путешествия к Луне со скукой, а когда уходит внимание публики, отворачиваются и политики. Сокращения федерального бюджета создали мрачную обстановку во всем NASA, при том что агентство сражалось за деньги на строительство космического шаттла.

Перемены случились и на самом верху программы. Несравненный Вернер фон Браун перешел в частный сектор, директор Центра пилотируемых кораблей Боб Гилрут покинул программу вскоре после него[158]. Гилрута заменил компетентный Крис Крафт, из числа основных «двигателей» в освоении космоса, человек, к которому я испытывал величайшее уважение. Вскоре после того, как он перебрался в новый кабинет, Крис дал мне отеческий совет – отчасти это было предупреждение, а отчасти просьба. «Джино, сними этот белый шелковый шарф летчика-истребителя, и просто верни экипаж живым. Если у тебя там

начнутся проблемы, если ты решишь не садиться на Луну, я поддержу тебя на все 100 %».

Его слова отражали мысли многих менеджеров NASA, которые не могли отделаться от призрака «Аполлона-13» и все больше осторожничали. Их общее убеждение состояло в том, что «Аполлон-17» – это авантюра, на которую не следует идти. Мы разнесли Советы в пух и прах, у нас уже десять человек побывали на Луне и привезли камни, фотографии и рассказы. В планах были «Скайлэб» и совместный советско-американский орбитальный полет, а далекое будущее принадлежало шаттлу[159]. Зачем же рисковать еще тремя астронавтами? Разве мы уже не сделали на Луне все, что стоило сделать?

Я старался игнорировать такие заявления, но боялся, что эти пораженцы смогут набрать достаточную силу, чтобы отменить «Аполлон-17», и я не собирался позволить им этого. Сейчас не время для консервативного подхода. Мы должны были полететь на Луну, сделать свое дело и вернуться домой. А если они ждут чего-то другого, то смотрят не туда, потому что мой полет не может закончиться неудачей.

Поэтому эффект от замечания Криса получился обратным. Вместо того чтобы стать осторожным, я ушел от него еще более «накачанным», чем раньше, и видел в сложившейся ситуации еще один вызов, с которым надо справиться… а я любил испытания.

Я имел твердое намерение высоко пронести наше космическое знамя, потому что «Аполлон-17» должен был стать вершиной исторического предприятия, которым по праву могли бы гордиться все американцы. Самым полезным орудием для меня была пресса, и я аккуратно обновил контакты с корреспондентами, которые набрал за прошедшие годы. Если кому-нибудь нужно интервью – я готов. Фотография? Где и когда? Я смотрел на типографскую краску и на время вещания как на золотой запас – мне нужно было донести до людей мысль о том, что этот полет станет особенным. Я так много говорил, что Джен Эванс дала мне подходящее прозвище «Рот».

Я устал от сравнений с хвостом собаки, который последним перепрыгивает через забор, а потому встречался с как можно большим количеством инженеров и рабочих на производстве. Я хотел, чтобы до них дошло Евангелие от Сернана: «Аполлон-17» – это не конец, это начало новой эры в истории человечества. Вы, люди, которые делают все для него, очень важны! Мы переживаем уникальный момент в истории, и поэтому давайте сделаем последний полет – лучшим!» Я проповедовал это, пока не охрип, и, наверное, наскучил бедным Рону и Джеку до слез, потому что им приходилось терпеть одни и те же мои речи снова и снова.

Моя работа стала политической кампанией в такой же степени, как и подготовкой к полету, потому что на вечеринках я взбирался на стул, а на заводе – на стол, и говорил со всеми, кто готов был меня слушать, пытаясь поднять их моральный дух и придать уверенность.

Я желал, чтобы все, кто делает возможным этот удивительный подвиг, знали, что их работа очень важна для нас и что мы хотим, чтобы она и для них была очень важна. «Аполлон-17» не был просто повторением все того же старого дела, потому что каждый раз мы отправлялись в места, которых человек никогда не видел. Все мы продолжали великую традицию исследования и освоения, и она должна была принести результаты столь поразительные и со столь серьезными последствиями, что пройдет не одно поколение, прежде чем люди полностью поймут важность того, что мы сделали.

Моя задача – заставить сосредоточиться всех и каждого – была непроста. Некий карикатурист изобразил двух рабочих в касках на строительных лесах, один из которых собирался броситься вниз, держа в руках уведомление об увольнении; второй же звонил по телефону и говорил: «Нельзя ли прислать сюда Сернана, чтобы он произнес для Смита еще раз свою речь «Это не конец, это начало»?» А таких Смитов было много, потому что за несколько последних лет работу на Мысе потеряло около 13 000 человек, и еще 900 получат розовые конверты, как только мы стартуем.

Рабочие фирмы Grumman буквально довели себя до безработицы, выдав наш лунный модуль на порог цеха в Бетпейдже, и многим предстояло уйти в момент старта. Но однажды, когда мы приехали туда, старший смены сказал мне: «Мы вкладываем в него сердце и душу, Джино. Это будет самый лучший лунный модуль из всех, что летали».

Это была типичная реакция всех, кто был вовлечен в «Аполлон-17». Рабочие отвечали самоотверженностью, граничащей с неистовством, и весь свой профессионализм вкладывали в то, чтобы этот полет вошел в книгу рекордов. Это отношение – «последний, но лучший» – стимулировало нас всех.

Барбара была всецело со мной в кампании по полировке имиджа «Аполлона» и мастерски обрабатывала репортеров и фотографов, явившихся за новостями «с домашнего фронта». «Если мы завершаем программу «Аполлон», то давайте сделаем это блестяще, – говорила она им, повторяя наш семейный лозунг. – Печально, что она кончается».

«Я никогда не волнуюсь о том, вернется ли Джин назад, – ответила Барбара на один из обычных вопросов о том, как она

справляется с потенциальной опасностью. – Но я всегда испытываю тревогу за каждый шаг экспедиции: если этап А состоялся благополучно, то за ним может последовать этап В. Я хочу, чтобы полет прошел идеально». Она сравнивала «Аполлон-17» с чтением последней главы хорошей книги и интересовалась, удастся ли кому-нибудь задать вопрос, которого она еще не слышала. Нет, у них не получилось.

На каждого репортера, с которым я говорил на Мысе, приходился другой, осаждавший ее в Нассау-Бей, и наша Барбуда-Лейн иногда казалась парковкой у пресс-центра. Однажды я позвонил домой, и она весело ответила: «Послушай, дорогой, мы тут работаем с прессой. Ты не можешь перезвонить через час?» Она окучивала репортеров так настойчиво, что не нашла минуты поговорить со мной? Я надеялся, что она не расскажет им, что каждую пятницу я прихожу домой после недели тренировок и швыряю на пол кучу грязного белья, чтобы она выстирала его и привела в порядок до того, как я снова уеду в понедельник.

Мы назвали командный модуль «Америка», а лунный модуль «Челленджер», чтобы салютовать той устрашающей задаче, что открылась перед нами. Что же касается эмблемы, то наши карандашные наброски мы передали художнику Роберту МакКоллу, который сделал прекрасный коллаж на тему человечества, страны и будущего. Золотой лик Аполлона, греческого бога Солнца, был наложен на современный рисунок американского орла. Красные полосы в крыльях отражали наш флаг, а три белые звезды сверху представляли экипаж. На темно-синем фоне можно было видеть Луну, Сатурн и спиральную галактику, причем крыло орла слегка касалось Луны, показывая, что человек посетил это небесное тело. Аполлон смотрит вправо, на галактику, что означает дальнейшие исследования, а орел ведет человечество в будущее.

В течение пяти месяцев группа планирования пыталась найти место посадки для последнего полета, которое обладало бы наибольшим потенциалом. Решение было представлено 17 февраля[160] – и это оказалось то самое место, которое во время полета «Аполлона-15» заметил Ал Уорден: глубокая и неровная долина на краю Моря Ясности, расположенная так далеко от обычных путей, что она даже не имела имени. В итоге она получила длинное, через дефис название Тавр-Литтров, которое включало имена большого кратера, названного в честь астронома XIX века Йоханна фон Литтрова, и гор Тавр, обрамляющих ее с севера. Ученые надеялись, что в этом месте имеются фрагменты выброшенных вулканических пород, которые пролежали на поверхности Луны не слишком долго, а потому могут

представлять ценный материал из глубинных слоев в пределах лунного ядра. Эта комбинация обещала важные знания и о рождении нашего спутника, и о его смерти.

Благодаря предыдущим полетам «Аполлонов» большинство земных ученых отбросили продержавшееся много лет предположение о том, что Луна – это сильно побитое и вечно холодное тело. Теперь они считали, что у Луны некогда было кипящее, горячее ядро, и оно создало эти «моря» из расплавленной лавы – материала, который затвердел и стал лунной корой, когда примерно 3 млрд лет назад нагрев прекратился. Отсюда следовали дальнейшие теории о том, как могли формироваться планеты в пределах Солнечной системы. Это к вопросу, имела ли программа «Аполлон» исследовательское значение! Только вообразите себе следствия из фундаментальных сдвигов в наших представлениях. Развивалась совершенно новая теория Луны, которая описывала ее как рожденный горячим планетоид, богатый химическими элементами и, возможно, даже имеющий подповерхностную воду.

Джеку это место нравилось, потому что его манила туда чистая наука, а для меня мечтой космического пилота выглядел полет в неисследованном каньоне с вертикальными стенами. Лунные горы, столь же высокие, как Скалистые горы в США, возвышались над районом посадки с севера и юга, а наш подход с северо-востока охраняли высокие Изрезанные холмы[161]. Ровная часть местности была усеяна кратерами, полями булыжников и остатками старых оползней.

У меня оставалось лишь восемь месяцев на тренировки, чтобы отточить мастерство полета на космическом корабле через 400 000 км пустоты, за которым следовала ювелирная посадка в ущелье, более глубокое, чем Большой каньон. Я должен был дойти до предела возможностей лунного модуля и проверить всё, что умел как пилот. Клянусь Богом, мне нравилась эта идея!

Обнаружился и еще один сюрприз. На Луну невозможно садиться в темноте, но если солнце будет слишком высоко, его яростный свет перекроет все детали лунной поверхности, на которые мы бы могли ориентироваться при подходе. Поэтому получалось, что «Аполлон-17» должен покинуть Землю поздним вечером, чтобы спустя несколько дней оказаться над областью посадки, когда утреннее лунное солнце будет как раз на правильной высоте, и появятся четкие тени, нужные нам для опознания деталей рельефа. Таким образом, нам достался первый и единственный ночной старт в истории американской пилотируемой космической программы, и он был назначен на 6 декабря 1972 г., через несколько часов после заката. Из-за этого

некоторые консервативные менеджеры вновь стали тревожиться. Ночной старт будет опасным, говорили они, как если бы старт днем опасным не был[162].

Я был достаточно разумен для того, чтобы уступить Джеку старшинство в части подготовки плана работы на трое суток на поверхности, потому что мы хотели максимально использовать его научный опыт. Сказать честно, меня не слишком волновали детали. Я просто хотел заняться исследованиями, а когда мы будем там, в долине, геологии хватит обоим. Он называл кратеры в зоне посадки именами мыслителей и исследователей, отдавая должное таким людям, как Шекспир, Льюис или Кларк. В целом это меня устраивало, но я хотел иметь личную визу на несколько деталей в той области, куда собирался посадить «Челленджер». Мне нужно было хорошо узнать эти кратеры, и я назвал их именами членов семьи, осмотрительно используя прозвища, чтобы люди не сочли меня слишком тщеславным. Таким образом, моими маяками в эти последние критические секунды должны были стать Панк, что означало «Мелкая» и относилось к Трейси, Барджин (комбинация из Барбары и Джина) и Поппи в честь моего отца.

Был и еще один важный кратер, самый большой посреди пыльной равнины, и мы назвали его Камелот, и не просто в честь мифического царства короля Артура, но и с отсылкой к ауре покойного президента Кеннеди, который задал нам курс к Луне десятью годами раньше.

Тем временем ученые пытались запихнуть на борт «Аполлона-17» всякий возможный эксперимент, хорошо понимая, что это их последний шанс на «живую» работу на Луне. У меня в этой конкретной драке не было любимой собаки, так что я позволил им самим разбираться с девайсами, которые нам предстоит взять с собой. Тем не менее я постоянно напоминал им об определенных лимитах на то, что мы можем увезти и что может быть сделано. Горький опыт подсказывал, что если нечто работает на Земле, из этого еще не следует, что оно будет работать в космосе. Как командир, я не мог упустить из прицела исключительную цель – посадку на Луну. Без этого все причудливые эксперименты оказались бы бессмысленными.

В апреле 1972 года, через несколько месяцев после того, как было выбрано наше место посадки, Джон Янг повел свой экипаж, Чарли Дьюка и Кена Маттингли, к Луне на «Аполлоне-16». Эта экспедиция принесла много очков тем из нас, кто утверждал, что пока человек не изучит что-то лично, ту историю, что рассказали дистанционные аппараты, не следует принимать на веру. Их место посадки на лунном высокогорье было выбрано потому, что

данные беспилотных зондов предсказывали сокровищницу материалов из древнего вулкана, который и создал этот неровный рельеф. Но когда Джон и Чарли наконец прибыли туда, они не обнаружили ни вулкана, ни лавовых потоков. Всё, что дали эти зонды, эти эксперименты и анализ, предшествовавшие высадке, оказалось неверным.

Как всегда, в полете «Аполлона-16» были проблемы, достаточные для объявления его смертельно опасным, но изобретательность экипажа – которому в одном случае пришлось колотить упрямый инструмент, чтобы заставить его работать, – вновь позволила представить опасное предприятие легкой прогулкой, и умудренная телевизионная аудитория зевала. Хотел бы я знать, что бы они почувствовали, если бы лунный модуль «Орион» промахнулся всего на пять метров и опрокинулся в огромную дыру, из которой не смог бы выбраться.

Среди лунных гор жизнь может быть страшна, но для меня она и на Земле становилась сложной.

Лето принесло плохие новости. Скандал с марками «Аполлона-15» всплыл на поверхность в самый неподходящий момент: NASA приходилось улаживать это внутреннее несчастье в то же самое время, когда программа лоббировала Конгресс выделить средства на создание шаттла. Сообщения прессы о том, что астронавты нелегально зарабатывают на своих полетах к Луне, еще сильнее размыли общественную поддержку и усложнили мою работу главного вдохновителя.

Террористы нанесли удар на Олимпийских играх в Мюнхене, убив много израильских спортсменов, и потрясенный мир наблюдал это по телевизору. Американские разведывательные службы вскоре добыли информацию о том, что эта кровавая группа под названием «Черный сентябрь» может планировать еще более дикую акцию – удар по «Аполлону-17». Чарли Бакли по прозвищу Суперкоп, глава службы безопасности на Мысе, без огласки усилил меры защиты, но нам ничего не говорили. Головной офис NASA считал, что у нас достаточно своих проблем, чтобы беспокоиться еще и об этих головорезах.

Мы с Роном и Джеком были целиком поглощены подготовкой к полету, которая отбирала у нас все физические и умственные ресурсы. Сегодня я тяжело шагал по горе Медвежий Зуб в Монтане и изучал геологию, а завтра барахтался в Мексиканском заливе, отрабатывая на практике действия в случае, если командный отсек приводняется вверх ногами. Я ездил на ровере где-то под Лас-Вегасом, где Комиссия по атомной энергии испытывала ядерные бомбы и оставила пустыню с кратерами, похожими на лунные. На базе Эллингтон я совершал полеты на

безумной ферменной конструкции, известной как аппарат для отработки посадки на Луну, или LLTV. Испытания скафандров, проверки грабель и буров, предназначенных для сбора образцов, практические занятия по загрузке стержня из радиоактивного плутония в ядерный реактор[163], который должен питать комплект научной аппаратуры на лунной поверхности, и тренажеры, час за часом. Сотни вещей, вплоть до отработки установки американского флага на грунт безвоздушной Луны, требовали моего личного внимания, потому что у меня было право окончательной приемки всего на корабле. Это очень раздражало, и все время возникали какие-то вопросы, о которых до того никто не задумался.

К концу лета я считал, что меня уже трудно чем-то удивить. Однако Дик и Чарли Бакли все-таки умудрились это сделать: как-то вечером я вернулся в гостиницу экипажей и обнаружил плотников, которые наносят последние штрихи на новую дверь. Старую легкую створку заменили другой, которая снаружи выглядела точно так же, но внутри представляла собой кусок прочной стали. «Пуленепробиваемая», – сказал Чарли.

Дик и Суперкоп решили, что угроза теракта возросла до такой степени, что нам следует сообщить про «Черный сентябрь». Здесь, в гостинице, они объяснили, что считают ситуацию очень серьезной, но одновременно держат в глубокой тайне. Экстремисты хотели бы громких заголовков, но мы им их не дадим. «Джино, здесь всё под контролем», – сказал Дик, не углубляясь в подробности. Я посмотрел на новую стальную дверь и понадеялся, что он прав.

После этого он перевел беседу на другой уровень. Эксперты по безопасности заключили, что «Черный сентябрь» может попробовать «достать» не хорошо защищенных астронавтов или сам «Сатурн», но открыть охоту на самые уязвимые цели – на наших детей. Взяв детей в заложники, террористы могли бы получить очень серьезный козырь. Барбара и Джен Эванс были потрясены, просто подавлены удивлением и страхом, когда мы рассказали им об этом.

Мы с Роном пришли в ярость от мысли о том, что эти безликие террористы будут угрожать нашим семьям, пока мы находимся на Луне и ничем не сможем им помочь. Мы не знали, кто они такие, так что было невозможно взять пару пулеметов и попытаться найти их и остановить, тем более что множество хорошо обученных полицейских уже занимались этим. Ответственные за безопасность предложили, чтобы их агентам разрешили разместиться возле наших домов в Хьюстоне на круглосуточной основе и чтобы сотрудники в штатском

провожали детей в школу. Мы одобрили размещение полицейских постов, но не прямо перед дверьми домов. Таким образом, до нашего возвращения с Луны машины без опознавательных знаков со спокойными вооруженными мужчинами внутри стояли буквально за углом, присматривая за моим домом на Барбуда-Лейн.

Однако мы с Роном отказались испортить еще сильнее жизнь детям, заставив их ходить под надзором полиции. Он были нормальными детьми – если бывают нормальными дети, отцы которых летают на Луну, – и мы хотели, чтобы так и осталось, поэтому они продолжали ездить на школьном автобусе. В качестве компромисса каждое утро, когда дети отправлялись в школу, одна из этих неприметных полицейских машин ехала позади автобуса, а за классом Трейси наблюдали хорошо одетые, вежливые и очень способные федеральные агенты. Поразительно, но пресса об этом так и не узнала.

Наша ракета «Сатурн V», закрепленная на транспортере, появилась из Здания вертикальной сборки ночью 28 августа 1972 г. и выкатилась в соседнюю зону, где утром планировалась пресс-конференция. Ракета указывала прямо на половинку тусклой серебристой луны, которая сидела подобно зрителю в предрассветном небе, ожидая, когда начнется игра.

Мы с Роном и Джеком встретились с репортерами и фотографами, а затем поднялись на лифте наверх до самой третьей ступени, в то время как транспортер начал свое черепашье движение в сторону стартовой площадки. Там техникам предстояло провести четыре следующих месяца, подготавливая ракету к полету. Снизу доносились хруст и лязг огромных звеньев гусениц транспортера, а задрав голову вверх, я мог видеть верхушку системы с защитной оболочкой. Утреннее солнце отражалось от ракеты. Я чувствовал себя букашкой, которая заползла в металлическую обшивку. Боже, какие они все-таки большие! Всё время подготовки прошло в неотчетливых воспоминаниях, но теперь я сумел увидеть весь оставшийся до декабря путь, и день старта приближался с каждым лязгом траков. Я протянул руку и дотронулся до холодной «кожи» «Сатурна», чтобы убедиться, что это не фантазия.

Через несколько недель Чак Ла Пинта, летный врач нашего экипажа и отличный парень, ковырялся в моем теле во время обычного медицинского обследования и обнаружил инфекцию простаты. Чак был аномалией в медицинском мире, поэтому он не побежал немедленно звонить в колокол и поднимать всех по тревоге и не объявил меня негодным. Он не сказал ничего и никому, и вместо этого стал спокойно работать над решением

проблемы.

«Мы разберемся с этим здесь», – произнес мой бесстрастный доктор с каменным выражением лица. Его глаза без тени юмора смотрели из-под полей соломенной шляпы, которую он всегда носил. Я охотно согласился на тайное лечение, потому что не хотел, чтобы какой-нибудь менеджер решил, что я не дотягиваю до настоящего, абсолютно здорового астронавта. Много раз по утрам врач пальцами массировал мою простату, и это было чертовски неудобно для космического героя. Я получил опыт, одновременно постыдный и немного унизительный, но я не мог допустить, чтобы болезнь помешала мне полететь на Луну. Ла Пинта сделал еще одну добавку к плану лечения: «И вот что я тебе скажу, Джино. С этого момента и до старта ты не должен пить кофе, чай, пиво и алкоголь вообще… и я хочу, чтобы у тебя было много секса». Шутка была для него способом свести проблему к минимуму.

Я решился назвать это запугиванием. «А письменная инструкция будет?» – спросил я, и Ла Пинта, не моргнув глазом, взял бланк для рецептов и вывел, что мне врачом предписано иметь «много секса».

«Хорошо, Чак, – сказал я. – А где можно получить по этому рецепту?»

Пощады не будет! Стю Руса и Чарли Дьюк убили двухметровую гремучую змею на дорожке позади здания с тренажером на Мысе, отрезали ей голову и решили устроить розыгрыш высшей категории. Они сложили длинное тело рептилии толщиной с предплечье под моим столом, причем хвост с шестнадцатью гремучками торчал из середины этой змеиной горы. После этого они попросили нашу секретаршу позвать меня и сказать, что у меня важный телефонный звонок.

Я выбрался из тренажера и поспешил в офис, отметив про себя, что на пути болтается слишком много людей для этого времени дня. Они поставили мое кресло почти на середину комнаты, так что я плюхнулся в него и толкнулся к столу, подняв ноги, чтобы кресло катилось свободно.

В момент, когда я потянулся к телефону, мой взгляд упал на этого скрученного чешуйчатого монстра, и мое проклятое сердце остановилось. Я вылетел из кресла, как будто у меня в заднице был реактивный двигатель, и расплющился об стену на другой стороне комнаты, с ужасом глядя на эту чертову змеюку. Сукины дети! Не помню, чтобы мне когда-либо в жизни было так страшно. Весь экипаж и группа поддержки, которые знали о шутке, покатились со смеху. Розыгрыш – страшная вещь, когда кто-то устраивает его над тобой.

Наступил октябрь. До запуска оставалось меньше двух месяцев, и наше положение мне нравилось. План полета выглядел хорошо, все «железо» и весь экипаж были в наилучшей форме, если не считать проблемы с простатой, которой официально не было. Листки календаря срывались один за другим, и я чувствовал, что ничто не может остановить меня. Головой надо было думать.

В очередной игре в софтбол на Мысе, служащей для подъема духа команды, я взялся за биту и сделал горизонтальную подачу в дальнюю часть поля, а потом попытался дотянуть двойку до тройки, словно это был вопрос жизни и смерти. Трах! Я почти услышал, как что-то щелкнуло у меня в ноге, когда я поравнялся со второй базой. Ощущение было такое, как будто в нижнюю половину голени вонзилось мачете, и я рухнул в пыль и покатился с криком дикой боли. В пределах прямой видимости от моего «Сатурна» и на глазах большей части стартовой команды у меня не выдержало сухожилие правой ноги. И вот я лежу на земле и отчаянно думаю – черт побери, что же я наделал?

После аварии вертолета я поклялся, что никогда больше не совершу до полета никакой глупости, и вот я валяюсь на поле для софтбола. Мне даже не нужно было выходить на эту чертову игру, я вполне мог подбадривать коллег из-за боковой линии. Хотя нет, супермен Сернан – не мог. Не в моем стиле оставаться зрителем, если я мог участвовать. И я мало того что вышел на поле, но и, очевидно, пытался доказать, что командир может выиграть матч в одиночку, хотя на самом деле мне следовало беречь здоровье любой ценой. Иногда моя врожденная агрессивность запускала режим саморазрушения. Задница ты, а не астронавт.

Не желая признать случившееся, я попытался встать и идти, невзирая на боль и изображая, что всё в порядке, но тут же вновь осел. Рон и Джек унесли меня с поля. Нога горела и болталась так, будто хотела отвалиться. Я не мог идти! А если я не смогу ходить, они наверняка не разрешат мне лететь. Я всё испортил.

Что еще хуже, на этот раз невозможно было сохранить случившееся в секрете, а оставшихся до старта шести недель могло не хватить для выздоровления. Дик Гордон и мой дублер Джон Янг, только что вернувшийся из лунной экспедиции, были и готовы, и годны для того, чтобы войти в игру и занять мое место. Пронесся слух: Сернан снова сделал это!

И вновь на помощь пришел Чак Ла Пинта, всё в той же соломенной шляпе, герой совершенно неправильного облика. Мы не знали, насколько серьезна травма, лишь что она достаточно серьезна. Меня загрузили в его машину, и по дороге в больницу Чак изложил возможные варианты. Ни один из них не был

хорошим, и я на самом деле не хотел услышать правду. «Если там разрыв и нам придется оперировать, Джино, то тебе крышка. На восстановление уйдет два-три месяца, – сказал он. – Если разрыва нет, тебе все равно придется лечь в постель, а потом немного походить на костылях. Но в любом случае на это уйдет некоторое время».

Когда пришли рентгеновские снимки, Чак бросил их на подсвеченный стол и, нахмурившись, стал разглядывать. Он так и не снял свою смешную шляпу, но был серьезнее, чем когда-либо, и от этого я дьявольски трусил. «Разрыва нет, но есть сильное растяжение, скорее даже перерастяжение, – объявил он. – Но поскольку разрыва нет, у нас есть шанс. Оперировать не придется, но тебе нужно будет высидеть недели две». Я знал, что он не шутит, но предпочел бы, чтобы это был какой-то зловещий розыгрыш. «И еще. Ты должен будешь делать в точности то, что я говорю, и не пытаться ускорить процесс. Если ты поспешишь с восстановлением, ты можешь порвать сухожилие, и тогда не полетишь на «Аполлоне-17». Всё в твоих руках».

«Ты не можешь отстранить меня! Я могу ходить!» Я почти кричал в отчаянии. Моя мечта не должна была умереть из-за глупого несчастного случая. Просто не могла. Я попытался перенести вес на ногу, но она подкосилась так быстро, что Ла Пинте пришлось подхватить меня и снова уложить на кушетку. Одно слово Чака моим боссам, и я пропал. Я уже слышал, как работает мельница слухов, и знал, что многие другие врачи имели бы соблазн раздуть из этой истории большое дело и вписать свои имена в историю. Но не Чак.

«Джино, у нас серьезная травма». Он туго забинтовал ногу. «Но я не отстраняю тебя официально, потому что я думаю, что мы сможем зализать рану. Только делай как я говорю и несколько дней не торопись, и я вовремя приведу тебя в норму. А что касается остальных, я скажу им, что ничего страшного».

Ничего страшного? Если я не могу ходить, как, черт побери, я смогу выйти на Луну? С того места, где я сидел, все выглядело очень скверно.

Получив запрос от боссов, Чак преуменьшил масштабы случившегося. «Да ничего особенного. На самом деле всё не так плохо, как кажется. Вихревая ванна, отдых, и он будет как новенький». Этот человек был прекрасным врачом, фантастическим лжецом и отличным другом. Менеджерам пришлось принять на веру выводы летного врача, но вне зависимости от того, что он говорил, ясно было одно: я не мог ходить. Командир экипажа ковыляет на костылях, потому что нога не может выдержать его вес, но уверяет всех, что дела

обстоят прекрасно, просто замечательно. «Всего лишь растяжение связки, – скажу я. – Едва чувствую его, но Ла Пинта настаивает, чтобы я использовал эти чертовы костыли».

Я верил в превосходство разума над материей, я внушил себе, что должен избавиться от этих подпорок как можно скорее, и всего через четыре дня после травмы я отложил их в сторону. Я рисковал еще сильнее повредить сухожилие, но должен был показать всем, что со мной всё в порядке. Болело чертовски сильно, но я терпел боль, потому что не мог хромать на публике. Это было бы вредно для имиджа, и я знал, что меня могут вывести из экипажа одним росчерком пера, если нога не покажет срочного улучшения.

«Я смотрел сегодня, как он работает в скафандре, и он выглядел неплохо», – солгал Ла Пинта удивленным менеджерам в конце первой недели. Он наблюдал, как я влезаю в громоздкий скафандр, что было нелегко сделать и в лучшие дни, и знал, что нога доставляет боль, потому что видел капельки пота, выступившие у меня на лице. Я прикусил губу, но техники по скафандру, тоже из моей команды, ничего не сказали.

«А что если он порвет сухожилие, когда будет на Луне?» Даже Дик присматривался ко мне, говорил с Чаком и думал о том, как быстро приближается запуск.

«Не беспокойся, – заверил Чак Крестного отца. – Я этим занимаюсь. Он в порядке». Вечером я забрался в постель с ледяным компрессом, успокаивающим дрожащую ногу, испытывая разочарование и чувствуя съедающее меня напряжение, потому что слишком многое пошло наперекосяк – нога, простата, «Черный сентябрь», встревоженные руководители программы, тысяча и одна деталь, за которыми я как командир должен был следить. Иногда мне приходилось задавать себе тот же вопрос, что и Дик Чаку: а выдержу ли я?

«Джино выглядит не слишком хорошо». Дик, который вытащил мою тушку из огня после аварии вертолета, не мог принять лапши на уши больше, чем такая порция. «Он будет в порядке. Выздоровление идет правильно». Нейтральные слова доктора не давали зацепки. Я чувствовал огромную благодарность к Чаку и имел железное намерение прийти в норму и доказать, что он прав. Теперь летный врач каждый день массировал мне задний проход из-за простаты и ногу из-за растянутого сухожилия, и держал язык за зубами насчет обеих проблем. Он спешил привести меня в чувство, чтобы посадить в кабину «Аполлона», а часики тикали. Если я не смогу сесть в корабль, его карьера, скорее всего, пойдет прахом вместе с моей.

Невзирая на трудности, мы добились своего. Я остался в

летном статусе, а нога медленно и постепенно начала приходить в норму.

Трейси и Барбара провели со мной на Мысе месяц перед запуском, и я отправлял их в каждый тур и на каждый брифинг, куда только можно, чтобы они подготовились к моменту, когда я шагну в неизвестность. Как бывшая стюардесса, Барбара не боялась летать и всегда считала самолет всего лишь транспортом, которым я добираюсь на работу. Я уже дважды летал в космос и думал, что она доросла и до идеи экстремальных миссий. Позднее я узнал, что это не так.

Трейси было девять лет, и она впервые действительно понимала, что происходит. Я проехался с ней на ровере, позволил залезть в тренажер и аккуратно ответил на все вопросы. Я побегал пальцем по карте Луны и, указав на завитки района Тавр-Литтров, сказал ей: «Вот здесь папа намерен сесть. Вот тут находится кратер Поппи, этот назван в честь твоей мамы, а вот этот я назвал Панк в твою честь».

Когда я показал ей скафандр, который буду носить, Трейси ответила, что у нее с мамой тоже будут обновки, посвященные моему полету. Ее бабушка подобрала длинные серые шерстяные юбки, а миссис Иглтон, которая въехала в соседний с нами дом Чаффи, изготовила большие эмблемы «Аполлона-17», их и нашили на эти юбки. Голубые свитера с высоким воротником завершали наряд. В эпоху, когда другие ударялись в унисекс-революцию в одежде и наряжались в петушиные цвета, мои девочки выглядели отлично.

15 ноября, за три недели до старта, мы ушли в карантин, в медицинскую изоляцию, которая ограничивала наши перемещения гостиницей и тренажерами, но позволяла летать на Т-38, чтобы поддерживать остроту чувств. Лишь 109 лицам было разрешено контактировать с нами, чтобы простуда или грипп не сорвали полет. Джен Эванс и Барбара сделали соответствующие прививки и могли оставаться с нами до четырех последних суток, но детям доступ был запрещен. Я мог разговаривать с Трейси лишь через стеклянную перегородку. Джек, будучи холостяком, вел жизнь монаха-отшельника и находил в этом удовольствие. Он до последней минуты проводил личное время в обнимку с диаграммами и техническими руководствами.

Казалось, «Аполлон-17» изгнал большую часть напряжения, которое мы с Барбарой испытывали в последние несколько лет. Моя жена была оптимистична и уверена, словно невеста астронавта, отправляющегося в первый полет. Наверное, мы оба смотрели на эту экспедицию через позитивный фильтр, который искажал реальность, но казалось, что всё вернулось в норму после

того, как меня назначили командиром. В конце концов, 17-й был последним в серии, и, когда он пройдет, меня уже не поставят на новый полет, по крайней мере, еще очень не скоро. А когда я достигну долгожданной цели командовать экспедицией и пройти по Луне, у меня наконец-то вновь появится время для семьи, для нашего брака, для совместного будущего. «Я думаю, что Джин хочет летать вечно, – по секрету говорила Барбара подруге. – Но мы хотим заполучить его домой на некоторое время».

Ничего нельзя было гарантировать, но возможно, всего лишь возможно, магия «Аполлона-17» могла заделать трещину в нашей личной жизни.

28
На вершине пирамиды

В среду 6 декабря 1972 г. вдоль шоссе № 1 и дамб вокруг мыса Кеннеди выросли деревни из палаток и жилых автоприцепов, похожие на многоцветные клумбы. Их обитатели наслаждались теплом флоридского зимнего дня – было +27°. Школьников Тайтсвилла отпустили пораньше с занятий, чтобы они вместе с родителями смогли занять лучшие места для наблюдения. К закату на последний запуск «Аполлона» собралось около 700 000 человек. Люди приезжали из таких далеких стран, как Англия и Австралия, чтобы стать свидетелями этого зрелища.

Американцы всех культур и обычаев собрались вместе на общее приключение, и дети сталевара из Питсбурга играли в полосе прибоя с собакой калифорнийской пары хиппи, в то время как их родители поднимали тосты за «Аполлон-17» и заедали выпивку картофельным салатом из холодильника в фольксвагеновском фургоне. Все перешучивались с полицейскими и махали проезжающим лимузинам. Одни слушали рок-музыку, другие пели псалмы. Все автобусы в радиусе 400 км были взяты в аренду и к расчетному часу доставляли одну группу любителей железных птиц за другой, и население мгновенно возникшего города росло как на дрожжах. Мы этого не замечали, но старт «Аполлона-17» стал одним из ранних предвестников того, что уставшая и разорванная Америка начинала снова собираться в единое целое.

Кассовые аппараты звенели колокольчиками по всему округу Бревард – масса возбужденных зрителей толкалась локтями с первыми участниками рождественских распродаж. Деятели из Торговой палаты надеялись, что эта активность возвещает послеаполлоновское будущее в виде нового сообщества, в котором туризм, пенсионеры и диверсифицированная промышленность возместят рабочие места, потерянные с концом лунной программы.

Два журналиста из коммунистического Китая присоединились к корпусу прессы – самому большому за всю историю запусков. Хорошо известный губернатор Алабамы Джордж Уоллис, искалеченный стрелком во время президентской кампании, сидел на трибуне для высоких гостей рядом с малоизвестным губернатором Джорджии Джимми Картером. Они были в числе 42 000 человек, прибывших по приглашению, и я лично пригласил более пятидесяти, включая не только маму и

сестру, но и многих друзей и знаменитостей – Скипа и Рай, Болди, Джона Уэйна, Конни Стивенс, Боба Хоупа, Дона Риклза, Дину Шор, Джонни Карсона, Генри Манчини и Эву Габор. И они не просто получили приглашения, а приехали, включившись в вахту перед событием, которое бывает лишь раз в жизни. Это был бег к базе после последней подачи в космической Всемирной серии и последний тачдаун небесного Супербола.

На землю легла темнота, и с роскошных яхт, стоящих на якоре у берега, потянулись азартные игроки – чтобы пожевать жареного поросенка и креветок под большим бело-зеленым тентом, защищающим гавайскую вечеринку компании Time Inc. от короткого дождя. Всего двумя неделями раньше компания закрыла журнал Life, прервав связь с астронавтами, которые на протяжении многих лет могли видеть свои фотографии на его глянцевых страницах, получая взамен драгоценные чеки.

Доминантой празднования был мой «Сатурн V», гордо и величественно стоящий на фоне оранжевой мачты обслуживания на стартовом комплексе 39A на берегу Атлантического океана. Ракета купалась в лучах семидесяти четырех больших ксеноновых прожекторов и была похожа на серебряную иглу, сияющую в ночи. По бокам ее соскальзывали куски льда, когда рабочие закачивали на борт криогенное топливо, и она была царицей ночи. Зрители часто бросали на нее взгляды, восхищаясь изящными линиями, но держали ухо востро, словно она могла незаметно исчезнуть.

В этой толпе был по крайней мере один отщепенец – Чарли Смит, старейший живущий американец 130 лет от роду. Чарли всегда был настороже с тех пор, как ребенком его заманили на корабль работорговцев. За свою долгую жизнь он видел множество чудес, и путешествие «Аполлона-17» оценивал примерно на одном уровне с тем случаем, когда проповедник сбежал с его деньгами и с женой дьякона. «Никто не полетит на Луну – ни я, ни ты, вообще никто», – уверенно говорил он. И все-таки он остался на запуск.

Вдали от ярких огней, от музыки стальных барабанов и от столов с креветками и стейками служба безопасности Чарли Бакли уверенно делала свою невидимую работу. Вертолеты кружили над районом старта, военные патрули прочесывали болота, полицейские под прикрытием работали в населенных пунктах. На Мысу еще никогда не принимали столь строгих мер безопасности, и хотя мы нечасто видели нашу охрану, они наблюдали за каждым нашим шагом. «Черный сентябрь» не был шуткой.

В течение нескольких дней мы с Роном и Джеком бодрствовали до раннего утра, а потом спали, подгоняя

биологические часы наших тел к предстоящей ночной работе. В среду я вложил большую часть своего времени в последние прогоны на тренажерах, но в основном по привычке, потому что если бы я к этому дню не знал, как пилотировать эти «птички», то было бы уже поздно. Лучшей частью последнего вечера была короткая встреча с Барбарой и Трейси, хотя нас и разделяло это чертово стекло, защита от чиха в космическую эпоху.

Поздним вечером во вторник нам позвонил президент Никсон и пожелал доброго пути, но беседа вскоре ушла в сторону и превратилась в один из самых странных монологов, которые мне когда-либо приходилось слышать. Он пожелал нам удачи и произнес обычные ободряющие шутки, но затем его доброе настроение внезапно пропало и сменилось чувством мрачного пессимизма.

Президент начал рассказывать, как напряженно он работает, чтобы добиться почетного мира во Вьетнаме, и при этом американский народ не только не выражает признательности, но даже не понимает, что он пытается сделать там правильные вещи, а пресса все время несправедливо нападает на него. Говоря с нами, Никсон нашел ту защищенную и безопасную гавань, в которой политику обсуждают редко. У трех астронавтов, готовых отправиться на Луну, мозги были заняты совсем другими вещами, и мы оказались для него той самой аудиторией, не представляющей никакой угрозы, которую он пытался найти. У нас политических интересов не было вообще. Он хотел поговорить хоть с кем-нибудь, и этим вечером его собеседниками стали мы.

Рон, Джек и я, держа в руках по телефонной трубке, смотрели друг на друга в недоумении, пока наш президент в течение 45 минут трещал о том, что он чувствует себя преследуемым и высмеиваемым теми самыми гражданами, которым он поклялся служить. Всё, что мы могли ответить: «Да, сэр, мистер президент». Я не мог просто так сказать президенту Соединенных Штатов, что мне его жаль.

Я живо вспомнил того общительного и уверенного Никсона, который встречал нас с Барбарой на пороге дома верховной исполнительной власти тремя годами раньше, после «Аполлона-10». Сейчас голос в телефонной трубке принадлежал другому человеку – деморализованному чужаку, который почти что упрашивал нас понять его положение, как будто он просил у нас благословения. За речью Никсона был виден уставший и одинокий старик, влачащий бесцельное существование в большом Белом доме, в котором он был скорее пленником, чем президентом.

Я лег спать примерно в два часа ночи на среду, и на этот раз у меня не было проблем ни с тем, чтобы принять мысль о полете на «Сатурне», ни с тем, что я командир экипажа в сложном полете. К этим вещам я чувствовал себя хорошо подготовленным и теперь мог о них забыть, точно так же как Вернер фон Браун много лет назад на обеде со мной отмахнулся от проблемы достижения Луны. «Добраться до Луны? О да, конечно, мы можем сделать это». Меня уедало другое, скорее философское, нежели ощутимое, и оно тем не менее отняло у меня сон столь же просто, как это сделал бы грабитель с оружием.

Я лежал в темноте, заложив руки за голову на подушке, зная, что я, вероятно, буду последним человеком на Луне на многие годы вперед. Никаких пилотируемых полетов на Луну больше не планировалось на всё обозримое будущее, и это был неумолимый факт, который казался мне совершенно неправильным. Значит, от меня будут ожидать, что я скажу что-нибудь уместное по случаю завершения этого великого приключения, и пресса уже достала меня, пытаясь выудить слова, которые я еще не придумал. Нил нашел отличную фразу про «один маленький шаг человека», и теперь была моя очередь. Несмотря на весь мой опыт импровизированных выступлений, у меня не было никаких идей. Адиос? Спасибо за воспоминания? Так сделана ли она из зеленого сыра?

Вся эта дилемма первого и последнего человека на Луне занимала меня. Хотел бы я быть первым на Луне, чтобы сделать первый исторический шаг, но проболтаться на ней лишь пару часов? Или же последним, когда я смогу находиться на поверхности целые дни, когда поведу лунный ровер к далеким горизонтам, где таятся лунные секреты, и когда у меня будет время, чтобы насладиться этими бесценными моментами? Какой опыт был бы более богатым? Вот реальная загадка, хотя и чисто теоретическая. Моей «птичкой» был «Аполлон-17».

Меня успокаивало, что через несколько дней мы с Джеком заберемся в «Челленджер», нырнем вниз с окололунной обиты и преодолеем в стремительном броске те последние 14 км, которые отделяли меня от посадки тремя годами раньше. Я хорошо отдохнул в эти тихие ранние утренние часы, но, как пелось в новой популярной песне, «прошедшей ночью я совсем не спал». А кто смог бы заснуть при таких обстоятельствах?

Лью Хартцелл приготовил обычный стейк с яйцами, ожидая моего подъема после полудня, и после частного богослужения с Ди О'Хара и отцом Каргиллом, который теперь и сам считал себя астронавтом, потому что так много времени провел с нами, мы все успели на последние брифинги, при том что потягивали кофе

и дурачились. Всё разворачивалось очень медленным темпом по сравнению с утренними стартами, проходившими под лозунгом «давай-давай».

Наше стартовое окно продолжалось с 21:53 до 01:31 флоридского времени, и эти границы были жесткими, а вот метеопрогноз выглядел не слишком уверенно. Накануне утром было солнечно и тепло, но с запада подходил холодный фронт, и в вышине над Мысом повис слой серых облаков, похожих на грязное белье. Он угрожал перекрыть наш путь в небе занавесом из грозовых туч. Ребята из метеослужбы сказали, что наши шансы стартовать вовремя выше 50 %.

Сотрудники фирмы Boeing вновь вышли на работу после решения в последнюю минуту спора о зарплатах, и это означало, что нынешней ночью пикетов в космическом порту не будет. Мы бы, конечно, улетели всё равно. Авария компьютера в зале управления запуском заставила всех переключиться на альтернативную систему, но не нарушила отсчета всерьез. Я и Чак Ла Пинта ухмыльнулись друг другу, когда я втискивал в скафандр болящую задницу и воспаленную ногу. Когда меня спросили о самочувствии, я немного приврал, и он об этом знал. Это мелочь. Рон выкурил последнюю сигарету, которую мы могли себе позволить на ближайшие две недели. Память о ней, похоже, не давала ему покоя, потому что едва ли не первое, что он сделал на корабле спасательного отряда – стрельнул у моряка сигарету.

Улучив момент, когда мы остались одни, я посоветовал Джеку и Рону, поскольку они не имели представления о том, на что подписались, впитывать те ощущения, с которыми они вскоре столкнутся. «Когда начнется полет, мы будем извиваться змеей, трястись и крутиться. Просто держитесь и делайте то, к чему готовились, – сказал я им. – Но я хочу, чтобы вы насладились этим, получили удовольствие от каждой секунды, пока оно не пройдет. Это будет одно из самых захватывающих впечатлений в вашей жизни, и нам не удастся повторить его». Они не знали, что ответить. Я же вспомнил, как Том Стаффорд пытался объяснить мне потрясение от входа в атмосферу на «Джемини», а я не мог уловить, что он хочет сказать. Есть вещи, которые нельзя понять, пока они не случились. Просто моим товарищам по экипажу предстояло получить жизненный урок, и они должны были пройти через него сами.

Прежде чем надеть гермошлемы и начать дышать кислородом, мы пошутили об ощущении пустоты в карманах как реакции на «почтовый скандал» «Аполлона-15». Теперь мы могли взять с собой не более дюжины личных предметов, и абсолютно ничего – нуль, пустота, – что могло бы принести нам хоть цент с

этого полета. Это значило, что мы должны были разочаровать множество друзей и родственников, которые хотели отправить с нами какую-нибудь безвредную безделушку. Когда один репортер спросил у меня, что я возьму с собой к Луне, я ответил: «Рона и Джека».

На самом деле у меня были с собой американский флаг и эмблемы предыдущих полетов, а также золотые «крылышки», особое кольцо моего отца и памятные вещицы для Трейси, Барбары, мамы и Ди. И все же я был расстроен тем, что новые правила не позволяли взять с собой небольшие знаки благодарности близким друзьям и тем людям, которые подняли этот «Сатурн» в небо.

Облачившись в скафандры и продышав чистым кислородом отведенное время, мы вразвалку вышли наружу. Барбара и Трейси ждали около лестницы, так что я смог еще раз обнять их. Боже, это было так хорошо, но их присутствие еще раз напомнило мне об угрозе терроризма. Возможность того, что какой-нибудь безумец попытается сделать из «Сатурна» дырявое корыто, меня не волновала, потому что я знал, что люди Чарли повсюду. Но безопасность моей семьи беспокоила меня с самого первого дня, когда я узнал об этом, и я постоянно мучился от мысли о том, что они останутся под угрозой, когда я буду на Луне, за 400 000 км отсюда. Кошмарные сценарии многие недели отравляли меня. Что я буду делать, если террористы захватят мою дочь и потребуют, чтобы я осудил свою страну в то время, как весь мир смотрит на нас? Сегодня мне не нужно отвечать на этот вопрос, а тогда я просто не знал.

Мы смогли бросить первый взгляд на собравшиеся толпы, когда наш специальный микроавтобус ехал от гостиницы астронавтов до площадки. Имея на голове большой аквариум, именуемый гермошлемом, я не мог слышать ничего, кроме постоянного шипения кислорода из чемоданчика средств жизнеобеспечения, но я видел, как люди радуются, и представлял себе хор их голосов. Яркие фонари покрывали пятнами света ночной ландшафт на знакомом пути сквозь тьму мимо здания VAB, мимо пресс-центра и вдоль той самой дороги, по которой «Сатурны» вывозили на старт. Прожектор вертолета, висящего над нами, улучшал видимость водителю, потому что на этом этапе игры нам совсем не улыбалось случайно наехать на какого-нибудь зеваку. Вдали в небе скрещивались едва заметные лучи света. Я наклонился головой вперед и почесал нос об небольшой кусок липучки, приделанный к лобовому стеклу как раз для этой цели.

Процесс прохода на стартовую площадку, который я так

хорошо знал, на этот раз приобрел какой-то почти религиозный характер. Всё дело было в сотнях тысяч людей, и нас окружало вполне ощутимое общее настроение. *Это последний полет «Аполлона»!* К моменту, когда мы дошли до лифта, я чувствовал себя совершенно очарованным и улыбался до ушей.

Моя ракета блестела как драгоценность высотой 111 метров, вздымающаяся на фоне ночного неба посреди сцены, в лучах прожекторов. В ней больше не было загадки; казалось, она с нетерпением ждет моего прибытия, и не как какая-нибудь холодная и далекая королева бала, а как неугомонная и уверенная в себе предприимчивая девчонка семидесятых. Моя партнерша в последнем танце, с безукоризненными манерами, была уверена в себе и счастлива, но она трепетала и не могла дождаться начала действия, к которому ее так тщательно готовили тысячи рук и сердец. Я почти мог слышать ее веселый шепот: *«Эй, Джи-но, где ты был? Посмотри на всех этих людей! Запрыгивай, дорогой, и я увезу тебя на Луну!»*

Лифт медленно поднимался вдоль бока «Сатурна». Передо мной проплыл американский флаг, нарисованный на борту, а затем пробежали снизу вверх и потому задом наперед черные буквы названия SETATS DETINU. Каждый дюйм ракеты был залит светом, и холодные куски тающего льда отваливались от ее кожи. Я ничего не слышал через гермошлем и не мог поговорить ни с кем, кроме как с самим собой, так что не с кем было разделить чудо уединения, которое я ощущал в этот момент. Оно было не повтором «Аполлона-10», а совершенно новым ощущением, усиленным темнотой, полосами света, которые тянулись далеко внизу во всех направлениях, даже на восток, в Атлантику, где вышли на промысел и ожидали лодки, полные зрителей. К моменту, когда лифт дернулся, сотрясся и остановился наверху, я, казалось, видел всё вплоть до Майами.

Проход по открытой галерее, от лифта до «белой комнаты», временно закрывающей объем над люком в корабль, был самым длинным в этой экспедиции. Я был одинок в толпе, окутанный вынужденным молчанием так плотно, что слышал биение своего сердца. Я взглянул вниз на кипящий, корчащийся ад отсюда и до невообразимых глубин под моими ногами, и помолился о том, чтобы стальная сетка выдержала мой вес – она казалась чертовски тонкой и хрупкой. Щупальца тумана просачивались через ячейки, хватая меня за ботинки. Надо шагать осторожно, но идти быстро.

Гробовщики ждали нас, но один отсутствовал. Гюнтер уже не был фюрером площадки, его назначили на более ответственную должность, и мне его не хватало. Нарушилась традиция, и от этого было как-то неуютно. Кто постучит мне по шлему и

пожелает «С Богом!»? Новый парень был вполне квалифицированным, но без Гюнтера казалось, что-то не в порядке.

Мы забрались в корабль, затянули себя в креслах, подстыковали кислородные шланги и кабели, и в ушах зазвучало радио. Люк закрыли, «белая комната» отодвинулась. Мы остались одни. *Мы действительно сделаем это.* Нервы были спокойны, потому что я помнил тренировки, и не мог не ухмыльнуться, начиная отрабатывать предстартовые карточки. Следующие несколько часов прошли быстро.

«Т минус две минуты, отсчет идет», – сказал комментатор в Центре управления запуском, и над восточной границей Флориды установилась тишина. Я глянул на часы на приборной доске и вдавил плечи и тело поглубже в кресло. Я был в левом, командирском кресле, Рон – в средней позиции как пилот командного модуля, а Доктор Камень, пилот лунного модуля, лежал справа. Аэродинамический конус защищал корабль во время старта, и из пяти имеющихся окон не закрытым оставалось только одно – как раз над моим лицом. Смотреть было не на что, но немного света отражалось от низкой дымки. Мы шли точно по графику к назначенному на 21:53 старту, и управление уже передали в электронные руки компьютера автоматических операций. Я последний раз осмотрел приборы. Всё было в зеленой зоне. *Пора!*

Заминка.

Стартовый компьютер не выдал команду на наддув кислородного бака третьей ступени, и операторы послали ее принудительно, вручную. «Одна минута, идет отсчет, – раздалось в шлеме. – Тридцать…» Я глубоко вздохнул и стал напряженно вслушиваться. Что-то происходило, я не знал, что именно, но в деловитых голосах операторов звучало разочарование.

Мы летим или нет?

Заминка превратилась в неисправность: автоматическое командное устройство отказалось принять выданную вручную команду и – без всякого предупреждения – всё представление остановилось за один удар сердца. Это была единственная остановка старта в последнюю минуту за всю историю «Аполлона». Бездушный компьютер решил, что мы никуда не летим[164].

«У нас отбой», – объявил изумленный представитель Центра управления. Сотни тысяч людей вдоль берега Атлантики одновременно выдохнули, как если бы ночь сдулась подобно порванному пляжному мячу. Я хорошо помнил о неприятностях, которые вызвал мой язык на «Аполлоне-10», и не закричал «о,

шит!», но определенно подумал именно это.

Инженеры начали бешеную гонку со временем, стараясь устранить проблему до того, как закроется стартовое окно. Мы с Роном и Джеком в это время лежали неподвижно, тщательно притянутые к небольшим креслам на высоте более 90 метров, и ворчали на злых духов электронных устройств. Хотя мы находились на полностью заправленной ракете, опасности не было никакой, но на всякий случай башню обслуживания подвели обратно. Мне это не понравилось. Всплыли воспоминания об отменах на «Джемини», но то было тогда, а это происходило сейчас. Я уже не был 29-летним астронавтом-новичком, поэтому я подумал о Ширре, Стаффорде и Шепарде и приказал себе оставаться сильным капитаном, хотя сомнения роились в моей голове, и в конце концов я начал верить, что этой ночью нам не полететь. Я подумал о тысячах людей, которые стоят там, внизу, в темноте, о том, как их лодыжки безжалостно кусают невидимые насекомые, а они ждут большого представления. Я сумел убедить себя, что если старт отменят, то все мои друзья, у которых уже кончилась выпивка, поспешно уедут и не смогут вернуться, и я в конце концов покину Землю, провожаемый лишь аудиторией из аллигаторов, черепах и москитов.

Делать нам было нечего, время тянулось, а мы просто лежали, размышляя, какого сорта отказ произошел и как долго это будет продолжаться. Где проблема – в наземной аппаратуре управления и контроля или в самой ракете? Можно ли ее найти? Если можно, то удастся ли ее устранить? Я боялся, что «гробовщики» начнут открывать люк. Джек, казалось, пребывал в каком-то трансе. Возможно, он думал о том, что сидит на мощной бомбе, которая только и ждет, чтобы взорваться, но более вероятно, лишь вспоминал тысячи разных вещей, изученных на тренировках. Я должен был признать, что Доктор Камень был готов к полету не хуже любого другого астронавта. Невозмутимый ветеран боевых действий Рон Эванс, настолько патриотичный и резкий в суждениях, что мы называли его Капитан Америка, не счел задержку важным делом и заснул. Его расслабленный храп шел слабым фоном для трескотни в радиоканале. Леди Сатурн продолжала гудеть и бормотать, пока инженеры подпитывали баки криогенным топливом. Я слышал ее дыхание и чувствовал, что она уже натянула поводок в нетерпении.

Поскольку я лежал на спине, а ноги находились выше, давление на почки неизбежно росло, и в конце концов я не выдержал и налил в штаны. Ал Шепард, первый американский астронавт, сделал это, так почему же мне нельзя? После того, как

Ал помочился в скафандр, разработчики придумали средство для шофера космической эры, позволяющее космонавту облегчиться, не слишком промокнув, и я испытал странное чувство, ощущая, как теплая жидкость течет по трубке в приемный пакет у меня на животе. Я сделал вывод, что всё в порядке, но знал, что если мочеприемник порвется, нам придется ловить капли мочи до конца полета. Содержимое пакета предстояло смыть за борт, когда мы окажемся в космосе. Холод за пределами корабля превратит капли в облако ярких дрейфующих кристаллов, которое Уолли Ширра назвал созвездием Уриона. Некоторые астронавты описывали эти обычные сбросы жидкости в числе самых поразительных зрелищ, которые им довелось увидеть за весь полет.

Через пару часов ребята в Центре управления запуском нашли способ перехитрить неразумный компьютер, и за пять минут до полуночи отсчет возобновился. Я чуть не завопил, когда они сообщили мне, что мы стартуем через 40 минут[165]. И пока мы занимались считыванием последних данных, календарь перешел на 7 декабря – одну из самых важных дат в американской истории.

«Ракета была заполнена до отказа летучим топливом, которое называется жидкий кислород[166], и три человека на ней ждали, когда кто-то зажжет фитиль. Кем они были на Земле, а точнее, чем они были? Зачем они хотели сделать такое? – вопрошал писатель Том Вулф, командированный на Мыс журналом Rolling Stone, но ведомый идеей написать книгу. – Главное, что нужно понимать: сейчас капсула была заполнена тремя эго колоссального размера… Главное, что нужно знать об астронавте, если вы хотите понять его психологию, это не то, что он собирается в космос, а то, что он летчик и занимается этим уже 15-20 лет. Представьте себе огромную и сложную пирамиду высотою во много миль. Идея состоит в том, чтобы на каждом шагу на пути вверх доказать, что ты принадлежишь к избранным и миропомазанным, к тем, у кого есть *стержень* и кто может двигаться выше и выше, и в конечном итоге, даст Бог, однажды – ты сможешь присоединиться к тем нескольким особым, на самом верху, к элите, которая действительно может заставить мужчину плакать, к самому Братству верного материала».

Угадайте, кто был этим вечером на верхушке пирамиды.

Яркая и пугающая вспышка оранжевого огня под «Сатурном». Пять огромных двигателей зажглись с яростью, которая сотрясла сушу и море на мили вокруг. Плотные столбы белого дыма вскипели в лучах прожекторов, словно мгновенно собравшиеся злые грозовые тучи, которые рванулись прочь низко над Землей.

В течение долгих девяти секунд тяга росла, и ревущие удары грома расходились над песчаными дюнами и болотами. От них люди на трибунах в пяти километрах отсюда затыкали уши и закрывали глаза. Оглушающий дробный взрыв ударил в их тела с достаточной силой, чтобы люди почувствовали, как пуговицы рубашек впились в грудь.

В 00:33 «руки», удерживавшие ракету, отпустили ее, и «Сатурн» зашевелился, балансируя на блестящем огненном шаре, который вырос до размера атомной бомбы. От этого захватывало дух – ничто во всей космической программе не могло сравниться с нашим ночным запуском. «Часы пошли», – сказал я Центру управления. «Тяга хороша у всех пяти двигателей», – ответил капком. Музыкой отозвались его слова в моих ушах. Мы на дороге!

Вибрация покачнула башню и встряхнула нас, когда большая ракета ожила. Инферно нарастало, всё грохотало, казалось, выходя из-под контроля. Но это было не так – я держал ее в руках. Пробужденный «Сатурн» теперь отвечал мне, летел туда, куда я хотел, и делал в точности то, что я требовал от ракеты. Я обладал силой, способной направить ее в небеса или прекратить полет. До того, как далеко внизу были подорваны болты, кто-то другой принимал решения, но сейчас я заправлял этим дрожащим и трепещущим чудовищем, и я радостно переживал каждый толчок, потому что пришла награда за мою авантюру с Диком. За все хорошее, плохое или худшее в течение тринадцати ближайших дней отвечаю я.

Мы шли вверх, прорываясь через перистые слои тумана, и это был прекрасный бросок в темноту. Через 20 секунд ракета начала поворот, и перегрузки стали вдавливать меня вниз, потому что она толкала меня вверх. Было время разговора с самим собой, пока мы неслись прочь от стартовой площадки, оставляя за собой жгучий хвост в полмили длиной и настолько яркий, что он осветил ночное небо от Северной Каролины до Кубы.

Ослепительный свет отразился от облаков и вошел в мое окно, раскрасив приборную доску ярко-красным. Все системы работали отлично, и Рон завопил «Оп-па!», в то время как Джек прокричал: «Мы идем вверх! Боже, о боже!» Я удивился. Реакция Рона была примерно такой, какую я и ожидал, но наш спокойный ученый с гарвардской закалкой, похоже, втихомолку пропихнул в «Аполлон-17» своего говорливого двойника, потому что этот деловитый геолог очевидно получал удовольствие.

Через две минуты и 40 секунд двигатели первой ступени закончили работу, и мы были поглощены огненным шаром, подобного которому я никогда не видел. Это был водоворот

пламени, который подействовал на мою твердую уверенность в том, что мы не горим. *Мы не горим. Это нормально.* Ремни, удерживающие нас в креслах, натянулись, и нас мотало вперед и назад, с боку на бок, опять и опять.

Когда запустилась вторая ступень, люди на Земле увидели разделение как взрыв небольшой голубой звездочки, а мы рванули как на катапульте через этот зловещий огненный шар, набирая всё большую скорость. «Четыре минуты, и у нас тут всё штатно», – доложил я, и капком немедленно ответил: «Принято, Джин. Мы опросили всех в зале, вроде все в норме. Вы отлично выглядите, Джин. Прямо по линии».

Сброс башни САС едва различим днем, но у нас ее сорвало в ослепляющей вспышке света, словно был выброшен сигнальный флаг. Она снесла лобовой экран, который закрывал остальные окна. Теперь Рон и Джек могли видеть волшебство, разворачивающееся вокруг нас, и вскоре Джек начал трепать языком, как ребенок в цирке.

На отметке четыре с половиной минуты я передал: «Позвольте мне сказать вам, этот ночной запуск – то, на что стоит посмотреть». Мы мчались в испещренное звездами небо. Мы отбросили вторую ступень примерно через девять с половиной минут, а затем проскользнули на околоземную орбиту на третьей ступени менее чем через дюжину минут после старта. Столь же просто, как опуститься в любимое мягкое кресло.

Не составляло никакого труда следить за тем, что сияло столь же ярко, как полуденное солнце. Там, внизу, во Флориде, Барбара и Трейси смотрели, как мы отбываем с планеты, с маленького ее участка, окруженного водой. Когда ослепительно вспыхнули наши двигатели, стайки изумленных рыб выпрыгнули в воздух, зависли там на мгновенье, блестя серебристой чешуей, и нырнули, превратив воду в кипящую пену. Земля содрогнулась, и фальшивый дневной свет озарил пространство, но затем быстро вновь упала темнота. Это был не запуск, а мечта.

Моих девочек так много дней окружало так много народу, они были объектами столь пристального внимания, и теперь они приветствовали передышку, которую дал запуск. Через этот шум и пламя они чувствовали себя связанными с мужем и отцом, который уносился прочь от Земли в далеком корабле. И неважно, что происходило – мы были вместе. Трейси сказала, что она не боялась и ничуть не сомневалась, что я вернусь домой, но на самом деле маленькая Мисс Астронавт сжимала в руках эмблему «Аполлона-17» на своей серой юбке и плакала.

В конечном итоге мы исчезли из виду, и взволнованные зрители получили возможность поговорить о потрясающем

представлении. «Ваши глаза никогда больше не увидят ничего подробного, даже если вы проживете тысячу лет», – произнес с энтузиазмом пресс-секретарь NASA Джулиан Шеер. Мистер Чарли Смит, который уже хорошо продвинулся по пути долгой жизни, не был так уверен. «Я увидел, как они улетают куда-то, но это все еще ничего не означает».

Примерно через три часа после запуска мы, невесомые, уже сделали два витка вокруг нашего мира, и готовились к следующему этапу путешествия. Джек Шмитт весело провел время, снабжая операторов непрерывным репортажем почти о каждом облаке, которое проходило под нами, потрясенный разницей между теорией из учебника и настоящей жизнью. Если его так тронуло зрелище радуги, что же я услышу от него на Луне?

Хьюстон дал нам «добро» на повторное включение двигателя третьей ступени, которое лишь слегка вжало нас в кресла. Это включение продолжалось немного дольше нормального, чтобы наверстать опоздание, накопленное при задержке на стартовой площадке[167]. Когда оно закончилось, мы покинули околоземную орбиту и вышли на путь к Луне.

Следующей остановкой был Камелот.

29
Падаем на Луну

В начале 86-часового перелета к Луне Рон освободил командный модуль от третьей ступени и состыковал «Америку» и «Челленджер». Ступень S-IVB, более не нужную, увел прочь Центр управления полетом. Ее маршевый двигатель включился в последний раз и направил ступень к Луне, на которую она упала подобно метеориту как раз перед нашим прибытием.

Джек засел у своего окна и все время трещал о чудесных вещах, которые видит. «Эй, а это Антарктика. Она вся полна снега! – говорил он почти пустому залу ЦУПа в пять утра по хьюстонскому времени. – Я бы ни за что не поверил, что мне выпадет такое. Куда ни повернись, и вновь есть что увидеть и задать себе вопрос, чем это вызвано». В течение двух следующих дней он вел постоянный репортаж о картине облачности Земли, а планета тем временем вращалась подобно голубому волчку и становилась с каждым часом все меньше. «Ты – человек-метеоспутник», – поддел его один из капкомов, но все подбадривали его, чтобы Джек говорил и говорил. В конце концов, он был первым ученым, проникшим туда, где всегда было царство летчиков. А поскольку Луну он не мог видеть в течение первой пары дней, Джек запланировал вместе с кем-то из своих коллег изучение метеорологических структур Земли в масштабе, который не использовался еще никогда – от Австралии до Занзибара.

Мы выбрались из громоздких космических скафандров, и в уже тесной кабине словно появилось еще три человека, но мы сумели сжать их до плоского состояния и убрать с дороги. Я и сам выглянул в окно и сообщил: «Хьюстон, я знаю, что мы не первые, кто это наблюдает, но «Аполлон-17» хотел бы подтвердить, что Земля круглая».

Вся механика полета шла удивительно хорошо, и лишь один оранжевый тревожный индикатор выдал несколько сигналов, требовавших внимания. Мы проверили все числа, чтобы убедиться, что всё работает. Затем мы запустили руки в наши рационы, и я съел половину сэндвича и запил его водой, а Рон попробовал картофельный суп, который вылез из пластикового пакета и завис в воздухе, как капли клея, их-то он и отправил себе в рот. Первый период отдыха начался почти точно через девять часов после старта, и хотя мы к этому моменту оставались на ногах почти 22 часа подряд, мы были слишком возбуждены и

могли спать лишь урывками.

Во Флориде Барбара бодрствовала после полуночного старта до того момента, когда мы ушли с орбиты и благополучно отправились к Луне. После этого она перехватила несколько часов сна, чтобы встать с рассветом и начать сборы. Она, Трейси, Джен Эванс и ее дети Хайме и Джон утром в четверг вылетели с базы Патрик в Хьюстон на принадлежащем NASA «Гольфстриме». Перед отлетом она сказала репортерам, что ее ближайшие планы – сбросить трубку с телефонного аппарата, принять ванну и отправиться спать.

Я проснулся где-то над Тихим океаном и обнаружил, что Земля уменьшается очень быстро. Длинные берега Северной и Южной Америки медленно вращались под нами, и после того, как мы позавтракали колбасными котлетами, овсянкой и какао, метеоролог Джек снова поспешил к окну. Южная Калифорния была в хорошем состоянии, но на северо-западную часть США надвигалась неприятная штормовая система. Джек наконец-то сообразил, что смотрит не просто на континенты и на облачные образования, и в его научной манере внезапно прорезалась иная нота: «Теперь, когда мы удалились от Земли, каким же хрупким голубым кусочком она кажется, и это ощущение определенно растет по мере удаления от нее».

Коррекция траектории была отменена ввиду исключительной точности нашего пути, и если не считать нарастающего ожидания, становилось довольно скучно, хотя мы и мчались прочь от планеты с невероятной скоростью. Мы проводили длинную серию экспериментов, но самый сильный момент настал, когда Рон потерял свои хирургические ножницы с затупленными концами. «Ножницы, ножницы, кто взял мои ножницы?» – троллил его капком Гордон Фуллертон. Обжора Рон в полном отчаянии срочно обшаривал кабину, поскольку эти ножницы были единственным средством вскрыть запечатанные пакеты с пищей.

На Барбуда-Лейн на лужайке поставили фанерную фигурку веселого Санта-Клауса, соседи сделали красно-сине-белые рождественские гирлянды, напоминающие американский флаг, мешок с почтой ожидал занятых пальчиков Трейси. Еще одна ватага репортеров караулила в нетерпении, когда моя семья вернется домой, и Барбара сказала им: «Когда мы стали участниками программы, цель Джина была в том, чтобы достичь Луны. Сейчас он приближается к своей цели. Это наш общий вызов, и мы его приняли. Я чувствую законную гордость». Ее привычная маска оптимизма сидела крепко.

Пройдет много лет, прежде чем она опустит защиту и

напишет подруге: «Много раз меня спрашивали, как я себя чувствовала, когда он улетал в космическое путешествие, и если я скажу, что всякий раз не боялась до смерти, то совру». На этот раз напряжение обещало быть сильнее, чем она когда-либо испытывала. Из-за продолжительности полета, его сложности и важности Барбара вскоре почувствовала себя осажденной в собственном доме.

По закрытому радиоканалу я задал Дику обтекаемый вопрос, желая убедиться, что охрана несет дежурство вокруг моего дома в Нассау-Бей. «Не беспокойся, Джино, – сказал он. – На этом фронте всё отлично». Потом мне сообщили, что меня слушает Трейси, и я напомнил дочери с расстояния в сто тысяч миль, чтобы она не забывала покормить лошадей. Капком передал, что Барбара предложила записать молодой женский голос, который будет желать мне спокойной ночи, и говорить, что любит меня. Подобная идея пришла в голову не только ей. Когда я перевернул последнюю страницу плана полета на этот вечер, я обнаружил центральный разворот журнала Playboy с прекрасной Мисс Декабрь-1972, путешествующей с нами. Над этим поработал наш дублирующий экипаж.

Когда я проснулся в следующий раз после полных восьми часов сна, был поздний вечер пятницы 8 декабря по земным часам, и все мы всё еще чувствовали усталость – главным образом из-за вынужденного безделья в тесном корабле, где нам было почти нечего делать, кроме как возиться с нескончаемой чередой экспериментов и слушать метеоканал Доктора Камня.

Коррекция продолжительностью в две секунды добавила к нашей скорости три лишних метра в секунду[168], а потом мы с Джеком прошли по узкому соединительному туннелю и провели почти два с половиной часа внутри лунного модуля, изучая начинку «Челленджера» и готовя его системы к предстоящему трехсуточному пребыванию на лунной поверхности.

Медленно шли часы, в то время как мы неслись через пустынные залы дальнего космоса. У нас хватало времени, которое надо было убить, и нарастало опустошение от необходимости не делать ничего такого, что могло бы называться интересным.

Наша скорость постоянно падала, потому что наша планета пыталась притянуть нас обратно. Мы двигались уже всего лишь на 4800 км/час, по космическим меркам почти что стояли, когда пришла пора отдыхать еще раз. Капком предупредил, что ночью мы можем почувствовать подскок, потому что приближался воображаемый «лежачий полицейский» на границе сферы гравитации Земли. Вскоре Луна должна была захватить нас и

потащить вперед.

Наверное, потребность в сне догнала нас, потому что ЦУП смог разбудить нас лишь с десятой попытки. Они много раз запускали сигнал тревоги на приборной доске, но не получили ответа, затем трижды громко проиграли боевую песню Университета Канзаса, *alma mater* Рона, и вновь безрезультатно. Наконец я заметил мигающий сигнал на пульте управления и огрызнулся: «Эй! Мы спим!»

«Это очень мягко сказано», – ответил Гордон Фуллертон, который опять дежурил в качестве капкома. Мы проспали лишний час. «Рон должен был стоять на вахте, но говорит, что заснул после вечеринки», – объяснил я. На самом деле Рон, устраиваясь отдыхать, непреднамеренно задел разъем звукового канала и отключил себя от связи. Ничего страшного, зато нам было о чем поговорить помимо пропавших ножниц, и этот эпизод стал самым интересным за весь день. Да, по пути к Луне случались забавные происшествия, но чертовски мало. Надо было взять с собой кроссвордов.

В субботу 9 декабря мы уже были прочно захвачены Луной. До нее оставалось около 61 000 км, и она приближалась с каждой минутой. Мы с Джеком проскользнули в «Челленджер», чтобы сделать последнюю проверку лунного модуля, и обнаружили, что наш «жук» в готовности. Я посмотрел в треугольные окна, но все еще не мог увидеть Луну из-за того угла, под которым мы подходили, легко прокладывая путь через океан яркого солнечного света. Я уже сталкивался с таким ощущением на «Аполлоне-10» и чувствовал себя комфортно в знакомой обстановке. Но было и несколько мыслей, которые лишали меня самообладания, потому что я знал, что лежит впереди. Мы совсем близко. Луна не видна, но она должна уже быть очень большой. Она затаилась, как медведь гризли, оставивший след своих когтей возле двери избушки.

Затем Солнце исчезло, и нас окутала лунная тень. Когда свет погас, наш корабль – этот удивительный продукт программы, в которой безопасность имела первостепенное значение, стал казаться хрупким и беззащитным. Я вспомнил, что золотистая внешняя «кожа» «Челленджера» имеет в толщину всего 0,05 миллиметра – не сильно больше, чем край листа бумаги. Медведь подошел ближе. Я его чувствовал. Почти час на борту было очень тихо, пока мы летели сквозь обсидиановую темноту.

Затем, внезапно, через 84 часа 06 минут 31 секунду после начала полета «Аполлона-17» мы вышли из тени на яркий солнечный свет, и вот она – все еще примерно в 18 000 км от нас[169], но охватывающая всю нашу вселенную, и я вскрикнул:

«Боже, она большая!.. Мы спускаемся прямо на ее макушку!» Солнце было низко над горизонтом и светило мне прямо в глаза, а Луна закрывала все остальное. «Я должен сказать вам, когда добираешься сюда, эта матушка велика».

С нашей выгодной точки обзора Луна выглядела совсем не так, как издалека, с Земли. Теперь она была гигантским самостоятельным миром, и это заставило меня задать себе вопрос: а что же я вижу на самом деле? Такие сцены существовали лишь в научной фантастике, даже наши тренажеры не могли подготовить нас к такому моменту. Мы падали по направлению к Луне всё быстрее и быстрее, и чем ближе мы оказывались, тем больше она становилась. Возникло легкое ощущение головокружения, как будто я падаю к поверхности сквозь колодец и могу скоро превратиться в лепешку в каком-нибудь кратере. «Не пора ли закрыть окна ставнями?» – спросил я Фуллертона. «Цыплята, да?» – фыркнул он. Чертовски правильно.

Я думал, что готов и знаю, чего ожидать, потому что я уже был здесь, но на самом деле оказался не готов. Динамика времени и пространства разворачивалась так быстро, что мозг с трудом успевал зафиксировать одно ощущение, как тут же на него сваливалось новое, еще более ошеломляющее. Это было все равно как попытаться опознать отдельные карты, когда вся колода, рассыпавшись, падает на пол.

Доктор Камень тоже был поражен огромным размером планетоида, который он изучал всю свою жизнь. В самых фантастических снах Джек не мог вообразить себе такого зрелища, и на какое-то время он утратил способность говорить. Солнце освещало высокие пики и горы. Становились видны валы гигантских кратеров и детали поверхности, купающиеся в золотистом свете или скрытые в глубокой тени.

Теперь мы были на высоте всего 4800 км и снижались как адская летучая мышь, пытаясь продеть нить в орбитальную иголку, то есть попасть в центр невидимой мишени на высоте всего 111 км над лунной поверхностью. Я прильнул глазом к монокуляру – и ух! Я мог заглянуть прямо в некоторые кратеры. Высокие гребни уходили за горизонт, как волны в океане. «У меня такое ощущение, что кто-то наблюдает, как наш корабль маневрирует над лунной поверхностью», – сказал я в благоговейном страхе перед величием Луны.

Пока Джек сидел молча, прикованный к месту, а я глазел с восхищением на развертывающиеся детали этого особенного небесного тела, Рон не был столь увлечен. Он попеременно то вглядывался в Луну, то шарился по кабине корабля. «Мне будет трудно есть, если вы, парни, уперли все ножницы», – произнес он.

У Рона был четкий порядок приоритетов: поесть намного важнее, чем пялиться в окно.

Мы скользнули за Луну и потеряли контакт с Землей 10 декабря в 13:36 по хьюстонскому времени[170]. Почти точно через четыре года после того, как «Аполлон-8» начал накручивать первые витки человека вокруг Луны, экипаж «Аполлона-17» стал восьмым, и последним, из тех, кто увидел ее с орбиты.

Через 11 минут после начала этого первого прохода над обратной стороной мы включили двигатель служебного модуля на 6 минут 33 секунды на торможение, которое снизило нашу скорость более чем на 3200 км/час и позволило лунной гравитации прочно захватить нас на эллиптическую орбиту высотой 97 × 315 км. Всё прошло гладко, но только мы с Джеком и Роном знали об этом, пока находились в зоне молчания. А на Земле напряжение нарастало еще 22 минуты, прежде чем мы показались над видимой стороной. «Выше голову, Хьюстон, – передал я, – можете вздохнуть спокойно. «Америка» прибыла на место для дальнейших испытаний».

Четырьмя часами позже мы включили двигатель еще раз и спустились на более низкую ровную орбиту высотой около 110 км, столь хорошо знакомую мне по «Аполлону-10»[171]. «Мы опять спустился к ним, где нам, людям маленьким, и место», – сообщил я. По каким-то причинам, когда я оказывался рядом с Луной, у меня сбивался синтаксис.

Мы с Джеком вернулись в посадочный модуль, провели заключительные проверки и провозгласили, что «Челленджер» готов к отделению. Рон так и не нашел свои ножницы, зато Джек вспомнил, где у него язык. Теперь, на орбите, у него продолжилось словесное безумие, и из него Ниагарой полилась информация. Земные облака и фронты низкого давления были давно забыты. Сейчас он смотрел в другую сторону, на Луну, и говорил быстро, словно читал короткие научные очерки. Он описывал кратер Эратосфен, области с низким альбедо в пределах зоны выбросов из Коперника, центральные пики, такие как Рейнгольд и Лансберг, нелинейные характеристики лучевых структур, холмы Мариуса, Океан Бурь и нерегулярные завихрения в Море Краевом. Он выдавал на одном дыхании не просто предложения, а целые длинные параграфы, доводя бедных стенографисток в Хьюстоне до безумия, а ведь мы еще ничего не сделали, всего лишь достигли окололунной орбиты.

Мы отстрелили самую большую в мире крышку объектива – дверцу массой 77 кг, которая защищала научные инструменты и камеры в отсеке оборудования на боковой стороне служебного модуля[172]. Тем самым были открыты две камеры и три блока

приборов стоимостью во много миллионов долларов, которыми Рону предстояло управлять, когда он будет летать по высокой орбите, а мы с Джеком спустимся на Луну. Он должен был получить массу данных и изображений: это новые измерения, тепловая карта областей, над которыми пролетает корабль, это отражения радиоволн от поверхности, позволяющие определить состав грунта на глубину около километра в поисках воды, вечной мерзлоты или льда. Вода на Луне, конечно, сильно упростила бы содержание на ней космического жилища.

Капком рассказывал нам новости с Земли. Нас с Роном очень интересовало, как поживают наши семьи, и ЦУП передавал утешительные слова с особым смыслом о том, что на домашнем фронте пока всё в порядке. У них была новость и для Джека – они сообщили Доктору Камню, что его мама «довольна, как слон» тем, что делает ее сын. «Это похоже на мать», – сказал он и не стал слушать ответа. Он не позволял личным чувствам влиять на его научные изыскания, и следующее, что он произнес, было: «Я только что отлично разглядел Коперник… большой кратер 80 км в диаметре».

Газета Washington Post опубликовала на первой странице фотоснимок Трейси и Барбары, которые сидели на полу и смотрели телевизор, одновременно прислушиваясь к динамику служебных переговоров. Небольшой американский флажок стоял между ними. Они беседовали с друзьями о каких-то пустяках и напряженно ждали, когда мы появимся из-за Луны на первом витке вокруг нее, после включения двигателя для выхода на орбиту. Когда мы доложили, что всё в порядке, Барбара показала большой палец и прокричала: «Отлично!» Трейси подняла голову. «Включение прошло хорошо?» Да, сказала ее мать. Трейси радостно кивнула и прочирикала: «Я посмотрю на Луну – вдруг я смогу вечером увидеть папу».

Капком предупредил всех, что настало время отдыха, который должен был продолжаться почти четыре витка вокруг Луны, и напомнил нам, что завтра будет напряженный день.

Мы проснулись под песню Арло Гутри «Город Новый Орлеан», но у нас с Джеком пункт назначения был другим. Мы перешли на борт «Челленджера» 11 декабря в 08:50 по техасскому времени[173], надели скафандры, затянули их и застегнули, подстыковали шлемы и надели перчатки. Лунный модуль был забит вещами, которые нужны для посадки, а внешние края «Челленджера» очерчивали сложенный ровер и другие предметы, слишком громоздкие, чтобы уместиться в кабине. Внутри она выглядела как шкаф Фиббера МакГи, а снаружи модуль напоминал грузовик из фильма Beverly Hillbillies[174].

Всё было готово, и в 11:21 мы расстыковались. «О'кей, Хьюстон. Это «Америка», – передал Рон. – Мы летим свободно. «Челленджер» выглядит просто прелестно».

«Проверка закончена, – доложил я. – «Америка» прекрасна».

Два маленьких аппарата в такой дали от дома вместе завернули за край Луны в 12:41. Рон перевел командный и служебный модули на более высокую околокруговую орбиту, а мы направились в противоположную сторону, снизив высоту в периселении еще на 15 км. Пока двигатель ревел у нас под ногами, я вспомнил, что руководители NASA говорили о нашем полете как о близком к пределу технических характеристик. Это не проблема. Всё, что я должен теперь сделать, это выполнить точную посадку в таком месте, где еще не бывал ни один человек.

В Техасе Барбара и Трейси посетили утреннюю литургию на базе Эллингтон. Жена Рона Джен и двое их детей, Хайме и Джон, тоже побывали в церкви на службе, а когда стало подходить время посадки, они пришли к нам. В течение долгого полета к Луне ни та, ни другая семья не была прикована к телевизору и получала лишь общее представление о положении в космосе из периодических сообщений NASA. Большая перемена по сравнению с ранними днями программы, когда жены и дети зависали над каждым словом из космоса! Но, конечно, так было до того, как полеты стали продолжаться долгие дни и ночи.

Теперь же пришло время главного представления, и Барбара обнаружила, что наша гостиная заполнена друзьями, которые хотят приобщиться к событию через телевизор. Двадцать пять человек жевали кукурузный хлеб и бобы, наблюдая, как «Челленджер» вычерчивает свой путь к Луне.

Барбара и Трейси сидели на полу, скрестив пальцы, слушали наши переговоры из динамиков и отслеживали события по поминутному плану полета, который был развернут на ковре. Моя мама устроилась рядом с телевизором, в экране которого отражались цветные огоньки наряженной рождественской елки, стоявшей в ближнем углу. Дейв Скотт и Алан Бин, ветераны лунных посадок, были под рукой, чтобы ответить на вопросы.

Барбара надела темный свитер с высоким воротом поверх широкой макси-юбки с эмблемой полета. Она не забывала улыбаться фотографу, но внутри нее росло какое-то неслышное напряжение, усиленное недостатком сна. Она сильно изменилась с полета «Джемини-9», когда NASA бросило ее на передний двор к журналистам, которые жаждали корма. Агентство не помогло в свое время женам приспособиться к переезду в Хьюстон и ни разу не сказало нашим девочкам, что они не обязаны встречаться с прессой, если не хотят. Это было просто такое дело, которое, как

ожидалось, будет делаться без жалоб. К «Аполлону-17», конечно, Барбара была уже далеко не новичок и могла гораздо лучше контролировать происходящее в доме и около него. И всё же там было слишком много народу. Слишком много.

Место посадки лежало в северо-восточной части Луны, так что после появления «Челленджера» из-за невидимой стороны у меня было всего 15 минут на то, чтобы ЦУП мог проверить системы лунного модуля и дать нам разрешение на спуск. Эти несколько минут прошли быстро: мы с Джеком спешно отработали контрольные карточки, Хьюстон подтвердил, что на вид всё в порядке, дал нам короткий отсчет, и точно в назначенное мгновенье я запустил посадочный двигатель. Мы начали падение с орбиты, и я едва успел заметить, как мы прошли рекордную для меня отметку «Аполлона-10» на высоте 14,3 км, потому что мой взгляд был прикован к приборам, я старался впитать каждый нюанс поведения машины. Чтобы тяга ракетного двигателя замедляла нас, его пылающий конец был направлен в ту сторону, куда мы двигались, параллельно лунной поверхности, а внутри кабины мы летели ногами вперед и головой вниз.

Я сумел бросить взгляд вниз и немедленно узнал большую волнистую область, проплывающую под «Челленджером». Благодаря наземным тренажерам с обработанными на компьютере снимками полосы подхода к району посадки я знал эти места не хуже собственной ладони. Не было никаких сюрпризов при приближении к изрезанному плоскогорью, отделяющему Море Спокойствия от Моря Ясности. Я называл проплывающие внизу ориентиры, подтверждая, что мы идем правильной трассой к узкому входу в долину Тавр-Литтров.

Чтобы выровнять аппарат перед прилунением, когда ему придется коснуться поверхности четырьмя тонкими ногами, а мы будем смотреть вперед и видеть район посадки, я развернул «Челленджер». Теперь мы летели спиной вниз – всё еще параллельно поверхности, но глядя вверх. В течение нескольких следующих мгновений окна были заполнены лишь чернотой, подсвеченной солнцем.

Картина изменилась на высоте около 3700 метров, когда я начал поворачивать лунный модуль в вертикальное положение и уже мог что-то видеть в нижнем углу своего окна. Там был кратер Поппи – как раз в том месте, где мы ожидали найти этого малыша. «Боже, Гордо, это абсолютная феерия». «Челленджер» стал падать вниз, горизонт сделался плоским, и я разглядел депрессию Нансен, затем идущий от нее уступ и кратер Лара.

И когда мы неслись к этой враждебной планете, я увидел

нечто, что стало бальзамом моей души. В середине 12-минутного спуска я сказал Джеку, взгляд которого тоже был прикован к приборам: «Мы можем два раза посмотреть в окно. Один сейчас, и второй, когда мы закончим разворот по тангажу». За окном было нечто весьма замечательное, и я не хотел, чтобы он пропустил это зрелище.

Он взглянул вверх. «Не вижу ничего, кроме Земли».

«Вот об этом-то я тебе и говорю».

«О'кей. Это старушка Земля», – ответил он и вернулся к приборам. Иногда я не мог понять Джека – но чего еще ожидать от ученого?

На высоте 2100 метров я медленно развернулся по тангажу, так что двигатель теперь работал почти перпендикулярно поверхности и замедлял наше движение, как в скоростном лифте. Этот маневр также перевел нас в вертикальное положение, что помогло мне восстановить равновесие. Земля теперь висела подобно цветному рождественскому украшению прямо в середине окна «Челленджера».

На этой самой Земле, где большинство горных цепей постепенно поднимаются в высоту, редко встречается возможность встать точно на уровне моря и смотреть на гору, которая возвышается на 2600 метров над тобой. Даже в Скалистых горах ты уже находишься на полутора километрах высоты, когда приближаешься к наиболее высоким пикам. На Луне жизнь устроена иначе.

Давний трепет исследователя захватил меня, когда я осознал, что мы вступаем в неизведанное, в terra incognita знаний, в такое место, где картографы древности писали: «За этим пределом водятся драконы». Мы шли на высоте кукурузника, опрыскивающего посевы. Мы проскочили над куполообразными Изрезанными холмами – некоторые из них достигали более мили в высоту – и с ревом вошли в восточные ворота испещренной кратерами лунной долины, более глубокой, чем Большой каньон, и окруженной горами, гребни которых были уже выше нас. «О боже! Давай, малыш… Боже, мы входим! О, малыш!»

Справа от нас резко вырос Северный массив, а слева возвышался Южный массив, поддерживаемый остатками какого-то давнего оползня – огромной полкой разбитых и сплавленных камней. Семейная гора блокировала дальний конец долины в пяти километрах от нас. Перед нею сидел эскарп Линкольна, подобный цепи каменной пехоты – разрыв в лунной поверхности, в восемь раз более высокий, чем любой утес Земли. Геологи надеялись, что там мы можем найти породы, происходящие с глубины до 80 км. Чудеса ожидали, когда мы откроем их.

Короткий взгляд показал, что у меня еще много топлива, а мы уже танцевали над кратерами, и я с благодарностью вспомнил многие часы работы на тренажерах. То, что я видел перед собой, было знакомым и не пугало.

Я использовал небольшой переключатель на пульте для точного задания вертикальной скорости снижения, изменяя ее с шагом всего один фут в секунду и отслеживая изменяющуюся скорость по индикатору, известному как «Н с точкой». Появился небольшой треугольник из кратеров, которые я знал под именами Фрости, Рудольф и Панк, затем выплыл Барджин, а Поппи я наблюдал с самого начала. Знакомые имена и связанные с ними воспоминания давали комфорт и влекли к себе.

Четкий голос Джека по радио звучал в моем шлеме – он считывал данные с компьютера и радара. «На 2500 футах[175], 52 градуса. Н с точкой – хорошо. На 2000, Н с точкой – хорошо. Топливо в норме. 1500 футов, 54 градуса, Джин. Подходим к одной тысяче, подходим к тысяче футов, 57 градусов. О'кей, прошли одну тысячу, я беру по радару, высота по PNGS соответствует. Мы на 800 футах. Н с точкой немного велика».

Я полностью доверился зрению. Я точно знал, где я, и лунный модуль стал частью меня, отвечая на мои желания и на касание ручек управления по мере приближения к поверхности. «Эй, мне больше не нужны числа. Я вижу». Оказалось довольно трудно удерживать внимание на том, что приближалось внизу, и я был слишком занят, чтобы прислушиваться к новым данным, потому что числа не могли поведать мне всю историю. То, что я видел вокруг, диктовало решения: замедлиться, уйти влево или вправо или поддерживать постоянную скорость. *Я вижу. Я вижу.* Найти место для посадки было не так просто, как я думал. Камень размером с дом – откуда он здесь взялся? – торчал прямо передо мной. Я проскользнул над ним, но лишь для того, чтобы встретить глубокую дыру, которая таилась там с начала времен. Столкновение с тем или с другим было бы последним в этот день.

«У тебя 31 фут в секунду, проходишь 500… 25 футов в секунду на 400… – докладывал Джек. – Слишком быстро, Джин». Джек был непреклонным пилотом лунного модуля, он держался в фокусе и следил за приборами так внимательно, что саму посадку так и не увидел. Ракетный двигатель продолжал гудеть и ворчать, шла постоянная вибрация, как будто под моими ногами вращались большие колеса.

«О'кей». Я подправился и взял последнюю цель – перепрыгнуть через край Шерлока и к холмистому краю большого кратера. «Вот он, Хьюстон! Вот Камелот!» Трезубец был за левым окном, Льюис и Кларк – за правым. Я не мог лететь дальше

Камелота, потому что он возвышался над низкой равниной, которую мы назвали Тортилья-Флэтс, где массивные каменные глыбы торчали вверх подобно острым копьям. Теперь или никогда! Я щелкнул пальцем по переключателю, и «Челленджер» ответил – он начал двигаться к зоне посадки, как будто притягиваемый магнитом.

Это награда, заветная мечта любого летчика, потому что я пилотировал не обычный самолет, а космический корабль, нечто намного более сложное, и этот полет для него был единственным. До сих пор лишь пять человеческих существ смогли сделать такое. Не было учебных стартов и посадок на лунном модуле, а тренажеры и вертолеты могли воспроизвести лишь часть его характеристик. Исчезли все привычные системы отсчета, и этот странный солнечный свет за тонким окном был богаче земного, тени длиннее и глубже, а отсутствие цвета – совершенно жуткое. Спуск на поверхность чужой планеты забросил меня в сумеречную зону, и я буквально находился в другом измерении, ведя своего «жука» над неземной равниной, не имея права на ошибку любого рода и чувствуя тяжесть мира, наблюдающего за мной.

«300 футов, 15 футов в секунду, – сообщил Джек. – Немножко быстро. Н с точкой великовата».

Темная мантия долины подо мной контрастировала с обоими массивами, ярко сияющими. Земля, борясь за мое внимание, главенствовала в окне, как будто нарисованная. Мы шли по «кривой мертвеца» на высоте около 200 футов над Луной. Если ниже этой отметки по любой причине выключится посадочный двигатель, физика и время возьмут свое, и мы упадем на поверхность и разобьемся до того, как я или компьютер успели бы выправить ситуацию. Здесь кнопка аварийной отмены будет бесполезной.

«О'кей, девять футов в секунду, идем вниз через 200. Вниз на пяти. Вниз на пяти. Вниз на десяти, выключаем Н с точкой. Топливо в норме. 110 футов. Ждем пыли. Немного вперед, Джин».

Я искал пустое место на стоянке, заполненной камнями размером с автомобиль, и боялся, что мощный двигатель лунного модуля поднимет облако темной пыли, которая закроет мне обзор. Но ее было очень мало, и я сумел найти место для посадки. Так близко к дну долины; эти окружающие ее массивы чертовски высоки! Изогнутый Северный массив справа от нас возвышался в восемь с половиной раз выше, чем Эйфелева башня, а слева безотрадная плита Южного массива соответствовала высоте семи небоскребов Empire State Building, поставленных друг на друга.

Железный Джек продолжал зачитывать данные. «Продвинь ее немного вперед. 90 футов. Скорость немного вперед. 80 футов, вниз на трех. Поднимаем немного пыли. Мы на 60 футах, вниз примерно два. Очень мало пыли. Очень мало пыли, 40 футов, вниз три.

Почти на месте. Я выровнял посадочный аппарат для последнего прыжка, и тут поднялась угольно-серая пыль и стала виться у окон, перекрывая поле зрения. «Ждем касания».

«Ждем. 25 футов, вниз два, – сказал Джек с напряжением в голосе. – Топливо в норме. 20 футов. Идем вниз на двух. Десять футов…»

С тарелок посадочных опор свисали проволочные датчики длиной по девять футов. Когда один из них коснулся поверхности, у меня на пульте загорелся синий огонек, и я выключил двигатель. Мы упали с высоты нескольких оставшихся футов с глухим звуком, от которого перевернулся желудок. Лунный модуль встряхнуло, и он замер, встав с небольшим наклоном в пологой депрессии. Мы были всего в 60 метрах от точного места, выбранного в качестве цели несколькими месяцами раньше на Земле.

Было 11 декабря 1972 года, 13:54 хьюстонского времени. Прошло 110 часов 22 минуты и 11 секунд с момента, когда мы стартовали из Флориды[176]. Я подождал немного и медленно выдохнул, закончив одну из самых мягких посадок в моей карьере.

Больше двух с половиной часов неустанных динамических операций и железного напряжения с момента расстыковки с «Америкой» выжали все мои чувства, и вот теперь всё мгновенно остановилось. Воцарилась тишина. Джек молчал, потрясенный, как и я, двигатель перестал грохотать, исчезли вибрации и звуки. Не пела птица, не лаяла собака, не было шороха ветра или какого-нибудь еще звука, знакомого по прежней жизни. Меня полностью охватила такая глубокая и полная тишина, что я и сейчас с трудом могу ее осмыслить. В шлеме было слышно только мое тяжелое дыхание, и даже это небольшое возмущение казалось ужасно назойливым, так что на короткий момент я перестал и дышать. Теперь не было совсем ничего.

Я прервал молчание. «О’кей, Хьюстон, «Челленджер» приземлился! – радостно доложил я и убрал сжатые ладони с ручки управления двигателем. – Да, сэр, мы здесь. Передайте на «Америку», что «Челленджер» у Тавра-Литтрова».

Над Южным массивом, в чернильном юго-западном небе, стояла Земля, моя молчаливая путеводная звезда.

30
Там, в долине

Мечты действительно сбываются. Через четыре часа после посадки на Луну, неся на себе ранец с системой жизнеобеспечения, я протиснулся ногами вперед через узкий люк, встал на колени на небольшом порожке и осторожно спустился по трапу «Челленджера», ступенька за ступенькой, пока не выбрался на похожую на тарелку опору. Солнце заливало все вокруг ярким светом, и я смог в первый раз рассмотреть эту обширную пустоту. Купол неба оставался плотно-черным от горизонта до горизонта, и столь явное противоречие вызвало вопрос «как это может быть?» в моем логическом мозгу.

Не было ни страха, ни тревоги – огромное чувство удовлетворения и свершения переполняло меня. Мои ботинки размера десять с половиной стояли лишь в нескольких дюймах над поверхностью этой почти мифической страны, которую человечество на протяжении бесчисленных эр наблюдало так близко и приписывало ей свойства в пределах от объекта религиозного поклонения и символа любви до создателя оборотней и часов урожая. Все ночи моей жизни она была здесь и терпеливо ждала, пока я приду.

Я опустил левую ногу, и тонкая корочка подалась. Мягкое касание.

Итак, сделано. Сернан оставил след на Луне.

Я исполнил мечту, и никто уже не сможет отобрать у меня этот момент. «Ступая на поверхность у Тавр-Литтрова, я хочу посвятить первые шаги «Аполлона-17» всем тем, кто сделал это возможным, – передал я в Хьюстон. – Ох, с ума сойти. Невероятно».

Боже мой, я стоял в таком месте, где никто еще не бывал. Грунт, который твердо держал меня, не был пылью Земли, но принадлежал иному небесному телу, и он сверкал под ярким Солнцем, словно усеянный миллионами маленьких алмазов. Низкое Солнце на утреннем небе Луны отбрасывало длинную тень за припаркованным «Челленджером».

Я медленно повернулся, пытаясь увидеть всё, и был ошеломлен беззвучным, волшебным одиночеством. Ни беличьего следа, который указывал бы на присутствие жизни, ни зеленых травинок, чтобы расцветить пустую и бесплодную красоту, ни облачка над головой, ни малейшего намека на ручеек или речку. Но я чувствовал себя комфортно, словно принадлежал этому

миру. С того места, где я стоял на дне этой окаймленной горами красивой долины, которая, казалось, застыла во времени, два горных массива, вырисовывающиеся с обеих сторон, не выглядели угрожающе. Казалось, они тоже ждали того дня, когда кто-то придет и проложит путь в эту долину. Я не тревожился о том, что может произойти дальше и не таится ли какая-нибудь неведомая опасность у меня за плечом, и не думал особо о том, как нам выбраться из этого места, когда придет время. Мы пришли сюда и должны вернуться домой. Но ближайшие три дня я планировал прожить по полной и впитать каждый момент этого редкого и чудесного существования.

Я стоял в солнечном сиянии среди бесплодного мира где-то во Вселенной, смотрел на зеленовато-синюю Землю, погруженную в бесконечную тьму, и знал, что наука встретила достойного соперника.

Я огляделся, пытаясь сориентироваться. Огромные булыжники, скатившиеся с окрестных гор, оставили глубокие борозды. Изрезанные холмы, над которыми мы заходили на посадку, выглядели как морщинистая кожа столетнего человека. Каменный оползень сошел в долину, и повсюду, куда я мог бросить взгляд, были кратеры всех размеров, и самый знакомый из них – буквально на расстоянии вытянутой руки. «Думаю, что прямо передо мной Панк», – сообщил я, пораженный тем, что, пролетев 400 000 км, совершил посадку у лунного кратера, названного в честь моей дочери.

Я прошелся кругом, чтобы мои ноги, привычные к морской качке, приспособились к низкому уровню тяжести в этом странном новом мире. Обучение ходьбе напоминало балансирование на чашке с желе, пока я не сообразил, как переносить свой вес, делая что-то вроде кроличьего скока.

В эти зачарованные минуты Джек грелся на пороге, смотрел вниз и ворчал: «Эй, кто там следит на моей лунной поверхности?» Затем он спрыгнул с трапа и сошел с опоры в геологический рай. Как и я, он немедленно утратил равновесие. Мы отвыкли за четверо суток от земного веса и освоились в невесомости, а теперь сила тяжести составляла одну шестую земной, и ее до нас успело попробовать лишь десять землян. Каждый шаг поднимал пыль, потому что мы раскачивались, как резиновые уточки в раковине, уже тяжело дыша и пыхтя, а наши скафандры утратили идеальную белизну и покрылись липкой тонкой лунной пылью. «Как же тут прекрасно», – говорил я. «Грунт похож на везикулярную, очень слабо окрашенную разновидность порфира, от 10 до 15 процентов везикул», – докладывал Джек. Это означало, что в грунте блестят мелкие крупицы стекла,

отражающие солнечный свет. Странная парочка начала работу на Луне.

Первым нашим делом была разгрузка ровера, который мы привезли снаружи лунного модуля, словно пианино на грузовике. С помощью ремней, тросов и петель мы опустили на поверхность эту головоломку из сложенных колес, подлокотников, сидений, пультов, подножек, брызговиков, крышек для аккумуляторов и множества других частей. Мне стало казаться, что я собираю рождественский велосипед для Трейси. Джек сделал весьма научное заключение о том, что «можно без опасения сказать, что эта поверхность сформировалась не вчера». Я его тащил сюда всю дорогу, чтобы услышать это?

Тонкая пыль упрямо липла к нашим скафандрам, щиткам гермошлемов, перчаткам и инструментам, словно ее притягивало магнитом. «Боже, такое впечатление, что я уже неделю на поверхности», – сказал я, пытаясь стряхнуть ее без всякого результата. Джек потянулся за камнем, потерял равновесие и смешно осел на попу. Когда он сумел выпрямиться, на нем уже был новый слой пыли, но что еще хуже, в борьбе он утратил единственные наши ножницы. Одни мы оставили у Рона, который все еще не нашел свои, а теперь второй экземпляр исчез в лунной пыли. Если мы не найдем другой способ вскрывать пластиковые пакеты с едой, наша жизнь может стать весьма интересной. У нас были планы на все виды аварий, но никто не думал о возможности умереть на Луне от голода.

Я закончил сборку ровера, запрыгнул вверх и вбок на водительское место, как подросток мог бы запрыгнуть в открытый джип, подключил аккумулятор, проверил рулевое управление, опробовал передний и задний ход и дал газу. Это был момент истины, потому что если бы ровер отказался работать, нам пришлось бы ходить пешком, и наши возможности по исследованию этой долины были бы серьезно ограничены. Электрические моторы в колесах зажужжали. Я прибавил мощности и двинулся в сторону, чтобы сделать тестовый заезд вокруг лунного модуля. «Аллилуйя, Хьюстон! Малыш «Челленджера» поехал!» Луномобиль с сетчатыми колесами и без верха – это было здорово.

Телевизионную камеру снаружи нашего корабля не стали ставить, исходя из весовых ограничений, но теперь мы смонтировали похожую камеру на ровер, и там, в Хьюстоне, Эд Фенделл по прозвищу Капитан Видео взял на себя управление ею и стал нашим удаленным оператором. Теперь мы могли поделиться нашей личной долиной с миром.

Джек упал еще раз, пытаясь поднять лунный камень. «Я

разучился собирать образцы – для геолога это совсем неприлично», – признал он. Толстые, неповоротливые перчатки добавляли нам проблем – пальцы болели от напряжения, когда мы старались удержать предметы, которые при этом едва ощущали. Хьюстон подсказал, что мы уже отстали от графика на семь минут, и мы быстро погрузили наши лунные пожитки на ровер, чтобы начать первый день исследований.

Земля продолжала отвлекать мой взор от унылой поверхности, и действительность казалась галлюцинацией. Я уже видел ее много раз, но все еще был околдован самым прекрасным зрелищем всего путешествия. Воспоминания об «Аполлоне-10» нахлынули вновь, когда я задумался о том, какая это редкая честь – стоять на поверхности Луны и смотреть на единственное известное место во Вселенной, где есть жизнь. *Это так прекрасно.*

Я сделал еще одну попытку привести Доктора Камня к пониманию, что он находится на другом небесном теле. «Эй, Джек, постой. Дай себе тридцать секунд посмотреть на Землю над Южным массивом».

«Что? Земля?»

«Просто посмотри туда».

«Если ты видел одну Землю, ты видел их все». Это был типичный пример его забавного юмора, но я почти почувствовал отвращение к такой бесстрастной реакции. Мне казалось, что любое человеческое существо должно прийти в восхищение от этого зрелища. Джек вернулся к наблюдениям грунта, но принялся напевать Джонни Кэша: «Не хорони меня в пустынной прерии, где воют койоты и вольно дует ветер». Он не собирался признавать существование нашей планеты на публике, но пел достаточно громко, чтобы его могли слышать все желающие. Потом он нашел ножницы. Мы были спасены.

Последнее, что мы должны были сделать перед отъездом с базы, это установить американский флаг. Я вбил в грунт тонкий металлический флагшток и поправил небольшую опору, которая должна была удерживать прямо красно-бело-синее знамя. Этот флаг свозили на Луну и обратно на «Аполлоне-11», и с тех пор он демонстрировался в Центре управления полетом. Теперь он встал навечно в долине Тавр-Литтров как уместное напоминание о людях, которые доставили нас сюда. Я сказал тем парням дома, которые наблюдали за его развертыванием: «Это один из самых высоких моментов моей жизни, точно говорю».

Мы с Джеком выехали, чтобы разместить самый совершенный набор научной аппаратуры, когда-либо собранный для лунной экспедиции. Ее сердцем был набор ALSEP, то есть комплект для исследований на лунной поверхности для «Аполлона»[177]. Это

была сложная система, на развертывание которой требовалось много времени, и мы спешили, чтобы не накопить отставания. При разгрузке приборов с ровера мой геологический молоток, ручка которого торчала из кармана скафандра, за что-то зацепился. «Снесло брызговик. О, шут!» – воскликнул я, стараясь выражаться аккуратно. Посреди наукоемкого ядерного эксперимента на Луне я оказался виновником мелкого ДТП. Облом части тонкого пластикового брызговика показался мне несущественным, и я использовал единственную доступную вещь, полоску старой доброй изоленты, чтобы удержать этот кусочек на месте. Мы оба работали быстро, но дело было сложнее, чем казалось, и мы вылезли из тех четырех часов, которые отводились на развертывание ровера и на установку приборов ALSEP. А стоило выбиться из графика, и поездка на юг, к кратеру Эмори, нашей первой настоящей геологической стоянке, на которую в план были заложены 90 минут, оказались бы под угрозой.

Я схватил бур с питанием от аккумуляторов, сделанный специально для работы на Луне, «дедушку» современных беспроводных инструментов, и начал бурить каменистый грунт, чтобы взять образцы с глубины и разместить в скважине приборы для измерения температуры. Я должен был держать его крепко и прижимать всем своим весом, но продвижение удавалось лишь случайно. Бур легко входил в грунт на несколько дюймов, затем натыкался на камень и отскакивал назад. Мое сердцебиение поднялось до 150 в минуту, руки болели от сжимания рукоятки, пыль клубилась как липкий туман. Я должен был пробурить три скважины глубиной по 240 см для датчиков температуры, но – без всякого предупреждения – каменистая почва района Тавр-Литтров схватила 90-сантиметровый бур толщиной в свечу словно мощным кулаком, бур застрял, а я начал мотаться вокруг него, как пьяный моряк. Материал был на редкость неподатливый, работа отнимала много кислорода и времени. «Давай, малыш. Я попробую вытащить эту штуку», – проревел я ученым, слушающим меня издалека. Чтобы вытащить бур, я использовал треногу и рычаг, качая его подобно автомобильному домкрату.

Пока я пытался пробуриться сквозь камень, Джек изо всех сил старался установить детектор сейсмических волн – деликатное устройство, созданное для того, чтобы определить, как Луна колеблется во время лунотрясения. Чтобы нормально работать, прибор должен был стоять совершенно горизонтально, и на тренировках во Флориде это делалось легко, но здесь было почти невозможно. Это занятие довело Джека до припадка. Я с изумлением слушал, как ученые на Земле с раздражением намекали, что ученый на Луне не сумел правильно установить их

бесценную игрушку. Разозлившись, они наконец сказали Джеку, чтобы тот использовал старый и верный способ ремонта – хороший удар одним из наших инструментов. Однако не помогло и это. Мы несколько раз возвращались к этому месту и впустую тратили время на попытки ремонта, прежде чем авторы эксперимента наконец-то сдались.

Из Хьюстона, где в комнату через две двери от зала управления набились геологи и прочие ученые, сыпались быстрые и резкие инструкции. Мы хорошо знали этих ребят, потому что они тренировали нас и тщательно прописывали всё, что мы должны сделать на поверхности. Но когда мы оказались на месте, когда начались проблемы и появились неожиданные открытия, все прежние соглашения рухнули, и каждая команда защищала собственную территорию. Споры становились всё громче, и Джим Ловелл, которому было поручено отфильтровывать их решения для нас, стал больше похож на укротителя львов в цирке, чем на астронавта.

Джек был обеспокоен. Выполнение инструкций других ученых отнимало время от его собственных геологических планов. «Я боялся, что так оно и случится со всеми этими камнями», – бормотал он, когда шел шатаясь к тому месту, где я не мог добиться существенного прогресса. Он напрыгнул на рычаг, чтобы помочь выдернуть чертов бур из грунта, потерял равновесие и мгновенно исчез в небольшом кратере. В Хьюстоне заржали, но я был в ужасе, потому что тут же представил себе, что он может порвать скафандр, и всё пойдет псу под хвост.

В конце концов ЦУП сообщил нам плохую новость. Мы отстали от графика на 40 минут, и геологическую часть первого дня пришлось сократить. Вместо поездки на 2,5 км на юг к кратеру Эмори мы должны остановиться на полпути, у поля камней вблизи кратера Стено. Джек определенно не был счастлив, но не мог подавить полного восторга оттого, что оказался здесь, и стал напевать собственный вариант «Фонтана в парке» Эда Хейли: «По Луне я однажды гуляю…»

Я присоединился, и мы запели дуэтом: «В славном-славном месяце декабре…»

Я остановился: «Нет, в мае».

«В мае?»

«Месяц – май».

Он спел еще две строки, затем забыл текст и продолжил бессмысленным «би-дупи-ду…». Мы все время были заняты, но шутка всегда отличное средство от стресса. Конечно, если посадить двух мальчишек поиграть в песочнице такого гигантского размера, они получат удовольствие. Это была забава

всей жизни. Однако работа ждала нас.

Мы сели в ровер, и я вдавил газ, но почти тут же сбавил скорость до предела над тонкой темной мантией лунной пыли, покрывающей волнистую равнину вокруг лунного модуля. Путь был усеян кратерами всех размеров, от крохотных до больших, и крупные камни часто вынуждали меня объезжать их. Все опасности были частично засыпаны, и обычное, казалось бы, путешествие превратилось в довольно рискованное предприятие.

Помимо всего прочего, моя изолента не удержалась, сломанная часть брызговика отвалилась, и нас стало осыпать пылью, которая зависала передо мной плотной стеной, как в пылевую бурю. Это было всё равно что пытаться разглядеть что-то через водопад из грязи, и поскольку мы держали курс прямо на Солнце, я с трудом мог видеть, куда мы движемся. На колесах из проволочной сетки появилось несколько внушительных вмятин, потому что я ударялся боком о камни. Позднее эту долину признали самым пыльным местом из всех, куда садились «Аполлоны», и это представляло особую проблему. Мы с Джеком были перепачканы до невообразимости, а наши тонкие приборы покрылись слоями пыли, которая угрожала вывести их из строя. Когда мы доехали до Стено, где надеялись найти несколько ценных образцов, мы обнаружили, что время и грунт и здесь сговорились против нас, так что подняться по валу до края кратера не удалось. Снова осыпаемые пылью, мы медленно проделали обратный путь до Камелота, чтобы сражаться с непослушным ALSEP'ом.

Я решил отремонтировать этот чертов брызговик, хотя ни одной ремонтной мастерской не было в радиусе 400 000 км.

Мы провели на поверхности 7 часов и 12 минут, прежде чем вернуться в «Челленджер» и закончить первый день. Мы были грязны как черти и измучены. Мы работали очень напряженно и не спали почти 24 часа подряд. Самым нужным инструментом во всем наборе оказалась большая старомодная щетка, которую мы повесили перед трапом. Ею мы тщательно смахнули друг с друга пыль, прежде чем влезть в кабину.

«Челленджер» изменился. Он больше не был просто транспортом на пути из космоса на Луну – теперь он стал нашим домом, нашим маленьким замком в Камелоте, единственным убежищем для нас в этом новом мире. Да благословит Господь парней и девушек с фирмы Grumman!

Мы наддули кабину, и впечатление было такое, как если бы в канистру подали воздух под давлением. Бдыщ! Маленькая тонкая крышка люка выгнулась наружу, напоминая нам, насколько хрупок наш «жук».

Снять перчатки оказалось болезненной процедурой – я не удивился, увидев, что костяшки пальцев и наружные стороны ладоней пылают краснотой ссадин. Пальцы выглядели едва ли не сломанными – мне пришлось сгибать их, чтобы убедиться, что они всё еще работают. Перчатки были толстые, из многих слоев, и когда наддувались вместе со скафандром, они становились такими же жесткими, как гипс на сломанной руке. Каждый раз, когда нужно было что-нибудь взять в руку, мы сражались с этой жесткостью, стирая костяшки и кожу об неподатливый внутренний слой.

После этого мы помогли друг другу выбраться из громоздких скафандров, которые заняли невероятно большую часть нашей маленькой жилой зоны. Они были мокрыми от пота, и чтобы высушить их, мы подстыковали шлемы и перчатки к пустым оболочкам и завели кислородные шланги, чтобы по ним циркулировал воздух[178]. Это было всё равно что надуть два больших воздушных шара, и казалось, в нашу лунную палаточку залезли еще двое. Ранцы висели на стенах, но скафандры поставить было негде, и мы положили их поперек кожуха взлетного двигателя, который торчал посередине кабины словно мусорное ведро, и постарались сжать как можно сильнее.

Раздевшись до костюмов водяного охлаждения, мы быстро перекусили, переговорили с парнями на Земле по закрытому радиоканалу, и поиграли с камнями, которые были сложены в ящики в кабине. Несколько образцов из двадцати взятых были слишком велики для имеющихся мешков, и я крутил и крутил один из них голыми руками, внимательно изучая. Поразительное дело. Остывшая лава, которая вылилась на поверхность по меньшей мере три миллиарда лет назад, обработанная космическим излучением в вакууме за эти несчитанные столетия, стала камнем с другой планеты. И всё же она выглядела обыкновенной, как многие другие образцы, которые я видел на полевых занятиях в Гренландии. Кристаллическая структура с небольшими порами, через которые, вероятно, когда-то в древности выходили газы, покрытая темной пылью с запахом пороха, поднимавшейся в воздух при малейшем касании или сотрясении. Всё такое обычное – и одновременно экстраординарное. Вскоре черная пыль забилась мне под ногти, словно я копался на грядке, потому что я просто не мог отпустить этот камень и положить его на место.

Джек был разочарован. Он считал, что мы сделали очень мало в смысле серьезной геологии за первый выход на Луну, потому что провели слишком много времени за установкой приборов. Если нам по какой-нибудь причине пришлось бы

улететь прямо сейчас, мы бы смогли предъявить лишь пригорошню грубых базальтов в оплату за долгие годы тренировок, всего лишь образцы, схваченные из верхнего слоя в районе Тавр-Литтров, и ничего такого, что позволило бы раскрыть настоящие секреты этой долины. Я был с ним согласен. Мы действовали как пара роботов, как продолжение рук и амбиций других людей, послушно подчиняясь натяжению поводка и не занимаясь собственно исследованиями, ради которых мы сюда прибыли. И словно для того, чтобы поиздеваться над Джеком, пыль с лунных камней заставила его чихать. Я описал ЦУПу положение дел с брызговиком, чтобы они смогли придумать «лекарство». Нам *нужно было* его отремонтировать.

В Техасе холодная погода – всего лишь +7° днем – и моросящий дождь отогнали репортеров от нашего дома. Сквозь сырость светились рождественские украшения. Когда я вышел на поверхность вскоре после шести вечера по хьюстонскому времени, раздались радостные крики и аплодисменты, а когда в трансляции показали, как я еду вокруг лунного модуля, жена и дочь действительно смогли увидеть с расстояния в 400 000 км, как я веду машину по узкому серпу новой Луны в небе. За меня подняли бокалы шампанского Cold Duck.

«Наконец-то мы доставили его туда, – сказала Барбара репортерам, собравшимся перед деревянным Санта-Клаусом. – Слышать, как они садятся сегодня, было просто фантастично. Это самый счастливый день в моей жизни». Они спросили, легче ли ждать в третий раз. «Опасения есть, – ответила Барбара, – и нервозность, и волнение. С этим ничего нельзя сделать». Она сказала, что в критические моменты комок всегда подступает к горлу, и с каждым годом он становится всё больше. Трейси терла медальон «Аполлона-17», как будто он обладал волшебной силой.

Барбара вновь была сильной женой, поддерживающей своего мужа и знающей свою роль в эпопее «Аполлонов» – встречаться лицом к лицу с репортерами при каждом выходе из дома и играть роль хозяйки для целой банды друзей внутри. Все они думали, что помогают ей в это трудное время, но на самом деле они лишь добавляли напряжения. В течение нескольких недель она все время была на виду, и перед публикой, и в своем доме, и, пока я оставался на Луне и искал обратную дорогу к Земле, моей жене приходилось нести груз заботы обо всех остальных и выглядеть иллюстрацией полной уверенности, чтобы убедить весь мир в том, что дела идут хорошо.

За десять лет это стало слишком тяжело. В конце концов она попросила Рай Фёрлонг взять на себя на некоторое время бразды правления. «Я просто хочу побыть одна», – прошептала она своей

лучшей подруге.

Но где? Снаружи дом находился практически в осаде репортеров, фотографов и доброжелателей. Внутри паслось два десятка человек, обсуждающих те поразительные события, которые происходят на Луне, и прислушивающихся к динамикам. Барбара незаметно ушла в спальню, затем в ванную, заперла дверь, включила музыку и встала под горячий душ лишь только для того, чтобы найти немного покоя. Под струей воды она забыла официальные манеры, давление победило ее, а уверенность в себе рухнула.

Барбара стойко перенесла испытания неудачным выходом на «Джемини-9» и кувырканием на «Аполлоне-10» над Луной. Но она хорошо знала, что случилось с Мартой Чаффи после гибели Роджера на Мысе, как раздавила Джинни Бассетт смерть Чарли в дни «Джемини», что испытала Мэрилин Ловелл, когда Джим мог не вернуться домой из «Аполлона-13», как чувствовала себя она сама, узнав о моей вертолетной аварии, и за эти годы она утешала слишком многих вдов астронавтов. Неважно, что она говорила на публике, – в душе Барбара знала, что в каждом полете кроется серьезный риск, и в этом – больше всего. Нечестно, что она не имела права бояться. И если бы я погиб в космосе, ей все равно пришлось бы пройти через хаос и остаться сильной, идеальной Миссис Астронавт. *Мы все так горды им!*

Накопленное за десятилетие напряжение собралось подобно грозовой туче и обрушилось на нее, и моя жена больше не могла этого терпеть. Барбара медленно свернулась в комок и заплакала. Она била по стене душа и выла в голос – в том тщательно выбранном месте, где никто не мог ее слышать. У женщин не бывает твердого сердца.

Через полчаса она вернулась в гостиную, вновь спокойная и ответственная.

Мы с Джеком натянули гамаки крест-накрест: он вдоль дна возле того места, где мы стояли, когда пилотировали лунный модуль, а я поверху, над конусом двигателя. Мои ноги торчали возле приборной доски, и я беспокоился о том, чтобы не задеть никакой переключатель. Лицо смотрело вверх в туннель, а скафандры пихали меня в спину. Черт, эта кабинка была маленькой. Вспомнилась стажировка на «Роаноке».

Мы чертовски устали и, чтобы создать себе ночь, закрыли окна фибергласовыми створками. Я должен был бы засыпать на ходу, но смог лишь задремать, прислушиваясь к тихому мелодичному жужжанию системы жизнеобеспечения, которая позволяла нам оставаться в живых, и к ровному дыханию и случайному всхрапу Джека во втором гамаке. Снаружи было

невероятно тихо. Не шуршал ветер, не стучали капли дождя, не пели ни сверчки, ни лягушки. Ни дуновенья. С каждым часом, проведенным на Луне, нарастало чувство абсолютной нереальности. Я потянулся вперед и отогнул ближайшую створку, чтобы посмотреть, не изменилось ли что-нибудь. Неподвижный флаг по-прежнему блестел на Солнце, а Земля все еще главенствовала в угольно-черном небе. Нет. Здесь просто так всегда. Я вернул створку на место, помассировал больную ногу и безуспешно попытался отдохнуть.

Какая потеря времени! Мой мозг был в смятении, и я лежал в гамаке совсем без сна. Я был измучен физически и умственно, но чувствовал, что негоже лежать на боку в нижнем белье, когда рядом, за этим маленьким люком, простирается огромная Луна, которую надо исследовать. У нас оставалось лишь около 60 часов, причем время шло неравномерно. Когда мы были снаружи, часы летели галопом, а внутри корабля стрелка, казалось, не движется вообще, и во время отдыха они шли агонизирующе медленно. В конце концов мы заснули.

Через восемь часов ЦУП поднял нас на ноги бурным «Полетом валькирий» Вагнера. Было 12 декабря, 13:48 техасского времени. Пока мы спали, янговский гараж «Сделай сам» в Хьюстоне выдал способ собрать запасной брызговик. Инженеры сложили четыре геологические карты в виде прямоугольника размером 38×51 см и толщиной не больше детской маски для Хеллоуина. Они проклеили скотчем швы и использовали винтовые зажимы от аварийного светильника, чтобы приделать его к остатку первоначального брызговика. Джон продиктовал мне всю эту долгую процедуру, и она удалась, но к тому времени, когда мы смогли двинуться на ровере в путь через Тортилья-Флэтс, мы были уже на 84 минуты позади графика нашего второго семичасового выхода.

Несколько геологов считали, что с этого момента я должен был стать лишь таксистом Доктора Камня и сдать роль лидера Джеку. Еще чего захотели! Я был готов предоставить Джеку большую свободу, потому что доверял ему безговорочно, но на кону стояло слишком многое, и моя работа заключалась в том, чтобы следить, чтобы всё заканчивалось настолько успешно, насколько это возможно. Сбор образцов необходим, но дел у нас было намного больше.

Так или иначе, между нами имелось важное различие. Доктор Камень работал в Центре управления полетом и в научных лабораториях, а я был летчиком. Джек полагал, что если что-то случится, ребята в ЦУПе вытащат нас отсюда. Я же знал по опыту множества опасных посадок на авианосец, что хотя люди за

пультами и должны помогать нам, но в конечном итоге не они пилотируют самолет. За штурвалом сидел я, и ответственность за то, чтобы вытащить отсюда наши задницы, в конечном итоге лежала на мне.

Кроме того, точно так же как Джек стал довольно хорошим пилотом, я сделался совсем недурным лунным геологом и мог вглядываться в каменный «лес», пока он изучал отдельные булыжники. В результате мы стали чертовски удачной парой: Джек точно анализировал детали, а я давал общее описание.

Мы достигли первого пункта назначения – так называемой Дыры в стене у подножья Южного массива[179] – проехав с уклоном набок по крутому склону, объезжая кратеры и валуны, и наша телекамера фиксировала ухабистый, неровный рельеф. При одной шестой земной силы тяжести ровер, казалось, того и гляди перевернется, так что я следил, чтобы Джек всегда был ниже по склону. В течение часа мы изучали камни, которые скатились в древние времена с 2600-метровой горы, получая тем самым высокогорный материал без необходимости самим лезть на вершину. На самом деле мы напали на такую геологическую сокровищницу, что Хьюстон позволил затянуть пребывание там до максимума, и мы всё равно с сожалением покинули столь многообещающее место.

Эта дилемма – следует ли оставаться надолго в хорошем месте или идти к следующему, которое может оказаться еще лучше, – неизменно возникала в каждой лунной экспедиции, и ученые в задних комнатах ЦУПа ожесточенно спорили о том, что следует делать.

Выполнив некоторые эксперименты с переносным гравиметром и с электрическими свойствами грунта, мы выехали к следующей стоянке, к валу небольшого кратера Лара в нескольких сотнях метров к северу от основания уступа Ли. Мы летели вниз по склону так быстро, что я поставил рекорд скорости ровера – почти 18 км/час.

И снова мы так сильно отстали от графика, что на нас давили с целью сделать как можно больше в оставшиеся минуты. На некоторые эксперименты время добавляли, отбирая его у других, и мы с Джеком бродили враскоряку, как пара грязных слонов, бурили, гребли граблями, брали совком камни и прочие образцы, и все страшнее выматывались, стараясь угодить всем и каждому. Скоба телекамеры ослабла, и Джеку приходилось крепко держать ее во время езды. От этого его руки сводило судорогой, и он не мог работать в полную силу.

До конца дня мы смогли проехать около 20 км и посетить кратеры Лара, Шорти и Камелот, и Джек умудрился исполнить

такое красивое падение с переворотом, пытаясь взять образцы, что капком Боб Паркер сказал, что в его услугах проявила заинтересованность хьюстонская балетная труппа. И вновь давление многих экспериментаторов препятствовало геологическим поискам Джека, выбивая его из колеи. Тем не менее один шикарный момент ему все-таки достался.

Когда я фотографировал вблизи вала Шорти, Джек глянул вниз на участок грунта, который потревожили его ботинки. «Эге!» Он наклонился, чтобы посмотреть получше, потому что не поверил своим глазам. Кругом простиралась бесцветная Луна, а он стоял на цветном ковре. «Здесь оранжевый грунт!»

Я подумал, что он слишком надышался кислородом. *О боже, мой ученый находится здесь уже слишком долго и получил передоз от камней. На Луне не может быть оранжевого грунта! Здесь вообще нет никаких цветов!*

«Не трожь его, пока я не посмотрю».

Его голос стал выше, когда Джек потер грунт носком ботинка: «Он тут повсюду! Оранжевый!»

Я оставил свою работу и бросился к нему.

«Я вспахал его ногой». Разум Джека уже кипел от невероятных последствий такой находки.

Меня изумило увиденное. «Эй, так оно и есть! Я вижу его отсюда. Он действительно оранжевый!» Наши золотые солнечные щитки были опущены и, быть может, отражение от них сбивало восприятие. «Давай я подниму щиток». Нет! «По-прежнему оранжевый… Он не тронулся рассудком. На самом деле так».

Задняя комната ЦУПа едва не взорвалась. Это было неожиданное сокровище, как если бы испанский конкистадор нашел в джунглях золото. Ну хорошо, нашли, а что, черт побери, с ним делать?

Джек прорыл на участке канавку, я сходил за инструментами, а Капитан Видео навел на находку цветную телекамеру. Помня об утекающем песке времени, мы замолчали и стали работать как пара канавокопателей, которым платят пофутно. Мы запихивали грунт в мешки и помечали их, а парни в Хьюстоне дискутировали, что делать дальше, потому что их охватил огонь любопытства.

Сначала мы думали, что присутствие многоцветного грунта – а он был в пределах от ярко-оранжевого до рубиново-красного и на вид походил на окисленную пустынную почву – может указывать на наличие воды или на геологически недавнюю вулканическую активность. Мог ли кратер Шорти 110 метров в диаметре на самом деле быть каким-то видом древнего вулкана? Если бы окрашенный грунт оказался именно такого происхождения, это бы значило, что внутренняя тепловая машина

Луны не остановилась 3,7 миллиарда лет назад, как думали почти все. И это поставило бы на уши практически все существующие эволюционные теории.

Увы, когда ученые смогли изучить нашу находку, они обнаружили, что грунт состоит из маленьких шариков цветного стекла невулканического происхождения и имеет приблизительно такой же возраст, как и другие древние лунные породы. Материал, возможно, поднялся на поверхность в далеком прошлом с глубины примерно 300 км под невероятным давлением газа в струе так называемого огненного фонтана. Этот процесс в принципе имеет сходство с фонтаном из бутылки колы, если ее потрясти. Давление газа выбросило брызги расплавленной лавы на высоту в сотни и тысячи метров, а потом она остыла и превратилась в стеклянные бусины, окраска которых определялась минеральным содержанием.

Предложенная модель утверждала далее, что эти капельки стекла лежали на поверхности в течение многих эпох, пока их не перекрыла лава какого-то настоящего вулкана, защитив от вечного дождя небольших метеоритов, которые иначе бы уничтожили их. Затем в Луну врезался достаточно крупный метеорит и оставил кратер, названный нами Шорти, одновременно вскрыв цветной грунт, и он ждал на поверхности еще много тысяч лет, пока мы с Джеком не наткнулись на него.

Итак, хотя наш оранжевый грунт и не подтвердил недавнюю вулканическую активность и не изменил тем самым хронологию эволюции Луны, он тем не менее содержал химические элементы из ее глубинных слоев. Когда его сравнили с зелеными капельками стекла, найденными среди лунных образцов «Аполлона-15», ученые нашли, что они содержат титан, бром, серебро, цинк, кадмий и прочие элементы, которые не могли быть занесены каким-то случайным метеоритом. Благодаря этим открытиям мы получили информацию о внутреннем строении Луны, которую невозможно было бы добыть другим способом, и ученые смогли продвинуться дальше в разгадке лунных тайн.

Пройдут годы, и эксперты скажут, что оранжевый грунт стал одним из самых удивительных открытий всей программы «Аполлон».

К концу второго дня на Луне наши руки налились свинцовой тяжестью, ладони были воспалены и кровоточили, и всё, чем мы располагали, – это немного лосьона для рук, способного успокоить боль. Когда мы немного поели и устроились на отдых, Дик вызвал меня по закрытому каналу и сообщил, что дома всё в порядке. «Я говорил с Барбарой, и она сказала, что всё хорошо», – произнес он. «Черный сентябрь» никак себя не проявил.

Мне стало легче от возможности на время забыть о терроризме, потому что мои мысли этой ночью занимал другой вопрос. Еще немного, и я войду в историю как последний человек на Луне на очень долгое время, а у меня не было ничего, что можно сказать по такому случаю. Пресса не оставляла попыток выпытать у меня, что я собираюсь говорить, покидая поверхность, а я уходил от ответа, потому что у меня его не было. Никакой электризующей фразы, способной вдохновить тех, кто в конечном итоге придет за нами. Я открыл пустую страницу нарукавной «шпаргалки» и сделал несколько заметок, молясь, что, когда настанет время, какая-то из них покажется осмысленной. Как можно было уместить всего в несколько слов всё значение тех великих дел, которые мы как нация и как человечество совершили, выйдя из-под власти Земли и исследовав нашу Луну? Что я мог бы сказать такое, что имело бы непреходящее значение? Если честно, у меня не было никаких идей, и я мог только надеяться, что нечто внутри меня придет и поможет выразить эти чувства. Плохо быть последним.

Заключительное исследование Луны астронавтами «Аполлона» стартовало вскоре после того, как ЦУП поднял нас в среду, 13 декабря, в третий день, песней «Зажги мой огонь» группы Doors. Как самые обычные работники, мы позавтракали, оделись и поехали на службу, хотя и наша еда, и одежда, и машина сильно отличались от того, чем пользуется обычный человек. Уставшие до мозга костей, мы вышли еще на семь часов, на этот раз с целью сделать круг по крутым склонам Северного массива, мимо основания Изрезанных холмов и к кратеру Ван Серг, отщипывая и откалывая образцы горящими ладонями и натруженными руками. Растянутое сухожилие отдавало болью при каждом шаге.

Первую остановку мы сделали у огромного расколотого булыжника высотой с трехэтажный дом, который скатился с горы с какой-то доисторической лавиной, подпрыгнул и разбился на несколько больших кусков. Джек наконец-то оказался в своей стихии и смог выполнить качественное полевое исследование гигантского камня, собрав воедино его вулканическую историю, а я с трудом выбрался вверх на склон и сделал панорамные снимки геолога за работой.

В последующие годы меня часто спрашивали, было ли правильным решение послать на Луну ученого. Я не сомневаюсь в этом, и дело даже не в том, что Джек действительно нес свою нагрузку в качестве члена экипажа, но в том, что мы с Джоном Энглом, не имея энциклопедических знаний профессионального геолога, не смогли бы так хорошо дополнить друг друга. Это не

выпад в сторону Джо или в мою, это просто факт. Джеку Шмитту следовало быть там, и его присутствие более чем оправдалось.

В Хьюстоне вся слава досталась Трейси. Джим Хартц, ведущий Today Show и наш старинный друг, уговорил Барбару позволить нашей дочке выступить по общенациональному телевидению. В юбке с эмблемой полета, в свитере с высоким воротом и с прической типа «конский хвост» она взгромоздилась на табурет и смотрела, как мы работаем на Луне, а народ смотрел на нее. Она спокойно рассказывала о смысле полетной эмблемы и уверенно вещала о том, что ее папа делает в настоящий момент. «По-моему, им там очень весело», – сказала она и уточнила, что я – это тот, у которого красные полоски на скафандре и шлеме. Когда Джим спросил, можем ли мы найти там воду, Трейси захихикала: «Если они найдут воду, значит, они не туда попали».

Сердца зрителей были покорены, когда Джим спросил, какой сувенир я ей привезу. «Этого я не могу вам сказать». Джим настаивал, но Трейси говорила только, что это секрет. Джим продолжал обхаживать ее, чувствуя хорошую историю, и в конце концов она сдалась. «Он хочет привезти мне лунный луч», – сказала она миллионной аудитории. Когда Джим доставил ее домой, Трейси ввалилась в переднюю дверь, приняла позу модели и объявила: «Звезде нужен «Спрайт»!»

Пыль и усталость определенно вызывали проблемы. Вездесущие мелкие крупинки лунной пыли попадали в движущиеся части наших инструментов, и они ломались. Отлетел импровизированный брызговик, и нас опять обдавало ливнем пыли при каждом переезде. А поскольку всё-всё нужно было удерживать очень крепко, вся верхняя половина тела, и в особенности ладони и предплечья, налились тяжестью, словно гранитные. Грязь, которая сначала лишь окаймляла пальцы, проникла глубоко под ногти, как будто ее забили туда молотком.

И все же у Изрезанных холмов мы завершили геологическую охоту небольшой забавой. Мы уже вполне приспособились к низкому уровню тяжести и могли передвигаться свободно, поэтому подниматься на склон было физически тяжело, но несложно. Вместо того, чтобы спуститься пешком, я запрыгал вниз на двух ногах, как кенгуру, и таким способом добрался до ровера. Джек же изобразил спуск на лыжах, и издаваемые им звуки «шшух-шшух-шшух» озадачили Центр управления.

Мы были истощены после лазанья по склонам, копки грунта и подбора образцов, но когда мы подъехали к кратеру Ван Серг, Джек попросил разрешения залезть в резервное время и остаться здесь подольше. Однако руководитель полета Джерри Гриффин объявил игру законченной. Пора было возвращаться.

У «Челленджера» мы очистили друг друга от пыли и загрузили на борт последний ящик с образцами. Джек взобрался по трапу и исчез в люке. Мы уже пробыли на поверхности Луны дольше и проделали больший путь, чем любой другой экипаж. Мы покрыли почти 36 км и собрали более 110 кг образцов, и еще до того, как мы поднялись на борт, ученые в Хьюстоне гордо говорили, что это было самое осмысленное исследование Луны. Мы явились живым доказательством того, что программа «Аполлон» принесла дивиденды.

Пока Джек прибирался внутри, я отвел ровер примерно на милю от лунного модуля[180] и аккуратно припарковал его – так, чтобы телевизионная камера могла заснять наш старт на следующий день. Я улучил момент, встал на колени и одним пальцем процарапал в лунной пыли инициалы Трейси – T.D.C. Я знал, что эти три буквы останутся непотревоженными больше лет, чем кто-либо может себе представить.

Оставшись на поверхности один, я поскакал обратно к «Челленджеру», но мои мысли бежали еще быстрее. Я старался впитать ощущения. Просто побывать здесь – уже триумф науки, который будет прославлен в веках. И это было больше, чем исполнение личной мечты, – я чувствовал, что представляю всё человечество.

«Аполлон» заставлял думать о вечном. Сэр Исаак Ньютон однажды сказал: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Каждый мужчина и каждая женщина, которые много часов работали над тем, чтобы послать нас на Луну, находились теперь рядом со мной около лунного модуля под этим странным темным небом с сияющим на нем Солнцем. Каждый астронавт, отправившийся в космос, который позволил мне подняться немного выше и пролетать немного дольше, был рядом со мной. Они были теми гигантами, на плечах которых стоял я и тянулся к звездам. Я почти чувствовал присутствие Роджера, Гаса и Эда и всех остальных астронавтов и космонавтов, которые погибли на пути к Луне. Во имя их мы продолжали жить.

Я в последний раз посмотрел без фильтра на Землю и почувствовал себя эгоистом – я не мог разделить с другими то, что я ощущал. Я хотел, чтобы все на моей планете могли пережить этот волшебный опыт – оказаться на Луне в действительности. Я понимал, что это невозможно технически, но оставалась вина за то, что я – Избранный.

Я поставил ногу на опору и схватился за поручни трапа. Я знал, что три прошедших дня изменили меня, что я больше не принадлежу только лишь Земле. Отныне я буду принадлежать Вселенной. Все на Земле слушали меня, и я оставил заметки,

записанные на «шпаргалке», и заговорил вдруг от чистого сердца.

«Сейчас мы покидаем Луну и район Тавр-Литтров, покидаем, как и пришли, и, даст Бог, еще вернемся – с миром и надеждой для всего человечества». Я поднял ногу из лунной пыли и добавил: «Делая эти последние на какое-то время шаги с поверхности, я бы хотел отметить, что сегодняшнее испытание Америки выковало завтрашнюю судьбу человека».

Я повернулся и снова увидел маленькую табличку, приделанную под трапом каким-то неизвестным доброжелателем, с фразой, которую я повторял каждый раз, покидая «Челленджер» или возвращаясь в него. «С богом, экипаж «Аполлона-17»», – сказал я и поднялся на борт.

Мои шаги по Луне стали последними следами человека на слишком много лет вперед.

Внутри мы немного прибрались и выбросили кучу дорогущего оборудования из корабля. Камеры, инструменты, ранцы скафандров и прочий бесполезный теперь материал полетели на поверхность. Нам нужно было избавиться от лишнего веса, если мы хотели благополучно стартовать с Луны. Планировщики рассчитали необходимый баланс, и мы взвесили каждый принесенный на борт контейнер с образцами на ручных пружинных весах, откалиброванных для 1/6 земной тяжести, прежде чем уложить его на место. У нас было как раз столько топлива, чтобы выйти на орбиту, практически без запаса на ошибку, поэтому суммарная масса аппарата, его пассажиров и груза камней была критична. Мы выкинули за борт почти всё, что не было прибито к полу.

Мы с Джеком были вымотаны, и поэтому хорошо спали этой ночью. Наутро мы надели скафандры, шлемы и перчатки, переговорили с ЦУПом и подготовили «жук» к отбытию. Рон Эванс пролетел над нами на «Америке», всё еще в напряженной работе, но ожидающий нас.

Хьюстон скормил нам данные для компьютера. Мы открыли клапаны и стали смотреть, как растет давление гелия, который будет вытеснять топливо во взлетный двигатель. Когда компьютер даст команду, или когда я нажму кнопку зажигания, два компонента сольются вместе и мгновенно сдетонируют, и мы пойдем по дуге от поверхности на орбиту, затем состыкуемся с Роном и отправимся домой. Если всё сработает. Здесь не было стартовой команды Рокко Петроне[181], которая могла бы помочь нам, не было Гюнтера Вендта, который бы помог нам пристегнуться и убедился бы, что всё готово, не было Глинна Ланни, чтобы дать старт, и не было второй попытки. Я обратился к Деве Марии и к символу распятия, потому что нуждался в

любой помощи.

Часы на пультах и на руках синхронно отсчитывали секунды на двух планетах. Были открыты все клапаны, кроме двух последних. В Хьюстоне Капитан Видео «наехал» на нас зумом камеры ровера, чтобы показать старт «Челленджера».

Я положил кончик указательного пальца левой руки на желтую кнопку зажигания в 16:54 хьюстонского времени. *Десять секунд, идет отсчет.* Я повернулся к Доктору Камню – *пять… четыре… три… два…* и произнес последние слова, которые прозвучали на Луне вплоть до конца XX века: «О’кей, Джек, давай сваливать отсюда».

31
Поиск

Вопрос, который мне задают чаще всего, звучит так: «Изменило ли тебя путешествие на Луну?» Я бы предпочел думать, что остался тем же человеком, которым был всегда, потому что до сих пор вставляю в штанины по одной ноге за раз, из моих ран все еще течет красная кровь, и я должен вносить в срок платежи по ипотеке, ну и всё остальное. Но как могла жизнь на другой планете не вызвать по крайней мере некоторых изменений? Конечно, прогулка по Луне и прогулка по Мейн-стрит – это два очень разных опыта. Я всегда могу пройти еще раз по Мейн-стрит, но никогда не вернусь в мою долину Тавр-Литтров, и этот непреложный факт держит меня в состоянии тяжелого беспокойства. Это был, наверное, самый яркий момент моей жизни, и я не могу туда вернуться.

Обогащенный одним событием, которое больше, чем жизнь, я не могу позволить себе роскошь оставаться обычным. Когда ты стоишь на лунной поверхности и смотришь на нашу Землю, возникает такое сильное чувство благоговейного трепета, что от него заплачет даже Алан Шепард. Люди пытаются теперь существовать в рамках парадокса – быть в этом мире после посещения другого. Наверное, поэтому некоторые путешественники на Луну имеют тягу к отшельничеству.

Я провел много лет, пытаясь найти Новое Большое Дело, которое могло бы заменить мне великое лунное приключение, и все время спрашивал себя: «Ну и куда же теперь, Колумб?» Я понимаю, что другие смотрят на меня иначе, чем я сам, потому что я один из 12 человеческих существ, которые стояли на Луне. Я сжился с этим и с той огромной ответственностью, которую это налагает, но что касается подходящего нового дела – нет ничего даже близкого.

Мы оставались на окололунной орбите еще двое суток, чтобы закончить исследования Луны по программе «Аполлон». У меня были сомнения по этому поводу, но я пошел на компромисс с Джеком и его коллегами-учеными на последних этапах планирования нашей экспедиции. Для меня после того, как наша основная цель была достигнута, причем с невероятным успехом, болтаться на орбите вокруг Луны хотя бы немного дольше, чем это абсолютно необходимо, казалось ненужным риском, практически – ожиданием чего-нибудь потенциально катастрофического, что может случиться.

Наконец наступил критический момент, когда мы включили позади Луны ракетный двигатель для старта к Земле и вырвались с окололунной орбиты. Когда мы вышли из-за края Луны, направляясь домой, первое, что услышал ЦУП, был голос Дина Мартина, который опять напевал «Возвращаясь в Хьюстон».

Жемчужиной обратного пути был звездный час Рона – Капитан Америка выполнил фантастический выход, чтобы достать пленку и результаты его экспериментов на орбите вокруг Луны. Мы провели телевизионную пресс-конференцию, но, похоже, нас уже воспринимали как новость вчерашнего дня, потому что телеканалы не нашли времени поставить ее в эфир. Наше приводнение в Тихом океане 19 декабря 1972 года стало концом исторической эры. Мы сели в пределах видимости от «Тикондероги», старого дома Рона Эванса, проглотили по настоящему сэндвичу, прошли медосмотр и приняли традиционный звонок президента. Через два дня мы вернулись на Эллингтон, где несколько сотен человек ждали нас на пронизывающем декабрьском ветру. Когда Трейси повисла у меня на шее, я не мог не подумать: «Слава Богу, обошлось без «Черного сентября»».

Рождество в этом году было особенным, и, чтобы запомнить его как следует, мы устроили самый безумный праздник по случаю приводнения у судьи Роя Хофхайнца на верхнем этаже отеля Astroworld. Мой приятель Джимми Демаре стоял у рояля и пел хоралы, а вице-президент США Спиро Агню произносил тосты. Боб Андерсон, мой хороший друг и главный исполнительный директор Rockwell International, пригласил нас в Бимини на новогодние выходные. Доктор Камень отказался, а мы с Роном приветствовали такую возможность. Мы уже закончили первые послеполетные отчеты, и в праздники могли отдохнуть с семьями и поразмыслить о полете.

Но точно так же, как достопочтенный д-р Ларри Поланд устроил мне партизанскую войну после «Аполлона-10», на этот раз в лесу притаился сенатор Уильям Проксмайр, председатель комитета по ассигнованиям. Его привела в бешенство наша поездка в Бимини. Он заявил, что мы с Роном получили отдых, оплаченный правительственным подрядчиком, и что Rockwell каким-то образом мог извлечь прибыль из нашего короткого отпуска. Вскоре NASA погрузилось в это дело, и через несколько недель после того, как я командовал одним из самых успешных полетов «Аполлона», я получил письменный выговор. Этот инцидент довольно долго беспокоил меня, но в конце концов я понял, что это только политика, и поднялся выше его.

Через несколько месяцев мы совершили экстраординарный

тур по Америке, посетив 29 штатов и 53 города, где люди выражали нам благодарность, а потом, побывав в качестве гостей на официальном обеде в Белом доме, были отправлены президентом во всемирный тур, чтобы продемонстрировать флаг в таких дырах, о которых я никогда прежде и не слышал. Мы объехали все страны экваториального пояса в Африке и Азии, включая Пакистан, Индию и Филиппины, где отметили 4 июля на балконе дворца Малакарьян, запуская фейерверки вместе с президентом Маркосом. В течение двух лет после нашего тура почти каждый президент и диктатор, который нас принимал, был либо убит, либо удалился в изгнание или готовился к этому.

Приемы, парады и путешествия приносили, конечно, лишь ложное чувство эйфории, потому что на самом деле меня интересовало одно: *Что делать? Куда теперь идти?*

Я непрерывно работал на подготовке к космическим полетам с момента первого назначения в дублирующий экипаж «Джемини-9» и жил на головокружительной скорости, как будто я сходил с одного скоростного поезда только для того, чтобы тут же сесть в другой. Теперь поезда остановились, и я стоял посреди пустого депо, не имея представления, чем заняться. Тринадцать лет моей жизни пролетели так быстро, что я их толком не заметил. Я встречался с президентами и папами, моими друзьями стали знаменитости всех видов, но никто из них не мог решить моей дилеммы.

По контрасту с моей личной неустроенностью, в Соединенных Штатах чувствовалась смена ветра, происходили перемены к лучшему. Проблемы еще не были позади, но всё неумолимо двигалось к более спокойному периоду, и вскоре вчерашние бунтари стали юристами и бухгалтерами. Оглядываясь назад, историки могут считать белый шпиль «Аполлона-17» путевым знаком, после которого дорога становится легче. В течение нескольких лет закончилась вьетнамская война, пленники вернулись домой, и один из самых разделенных периодов в американской истории ушел в прошлое.

После «Аполлона-17» космический буфет остался почти пуст. Для меня не было работы на «Скайлэбе», но когда началось долгожданное совместное предприятие с русскими, известное как Экспериментальный проект «Аполлон – Союз», я вошел в команду переговорщиков, представляя в ней американских астронавтов. Мне снова приходилось жить вдали от дома столь же долго, если даже не дольше, и Барбара с трудом принимала это. С 1973 по 1975 год я много раз ездил в Советский Союз и, к моему приятному удивлению, приобрел на долгие годы друзей среди прежних смертельных врагов – советских космонавтов.

Некоторое время я думал над тем, чтобы побороться за право командовать одним из первых шаттлов, но хотя эти «птицы» и представляли следующее поколение космических аппаратов, я уже успел побывать намного дальше, чем те околоземные орбиты, где им предстояло находиться, и я решил, что пусть они летают без меня. Со своим отличным резюме я был прикован к столу, хотя на самом деле хотел летать.

Я старался подходить к делу реалистично, понимая, что не так уж много осталось такого, что я мог бы выполнить, и в конце концов встал перед фактом: «Я не полечу на Марс. Я не вернусь на Луну и, честно говоря, скорее всего, вообще не вернусь в космос». «Аполлон» закончился, и золотая эра исследований NASA быстро отступала в смутную память.

ВМС США хотели бы, чтобы я возглавил их тактическую космическую программу. Это означало место в Пентагоне и обещало две адмиральских звезды. Захватывающая возможность, но уж если возвращаться на действительную службу, я бы предпочел командовать авианосцем, а не заниматься офисной работой, даже если к ней прилагался адмиральский штандарт. Но я получил досрочно звания до капитана 1-го ранга включительно, и теперь был в слишком высоком чине, чтобы командовать авианосцем. Моя личная уловка-22 прочно сковала меня.

Я вышел в отставку из ВМС и покинул NASA в июне 1976 года, все еще в поисках следующего большого дела.

Периодически предпринимались попытки заманить меня в политику, сначала в качестве сенатора от Иллинойса, а затем несколько раз – в Конгресс штата Техас. Для самолюбия это было бы неплохо, но меня это не интересовало. Я предпочитаю кампании другого рода – например, разговор с классом заинтересованных школьников, где мое появление действительно важно и может на них повлиять. Ничто не дает мне большего удовлетворения, чем видеть ребенка, который уходит с огнем в глазах, чем молодое лицо, наполнившееся вдохновением и желанием идти за мечтой оттого, что я сказал что-то важное.

Дело в том, что я твердо верю: сегодняшние ученики начальной школы составят экипаж первого космического корабля, который возьмет нас на Марс. Эти дети не хотят просто вернуться на Луну, где мы уже были, и их не удовлетворят полеты вокруг Земли в течение многих недель или месяцев. Мы уже жили на другой планете и имеем полное право назвать Вселенную своим домом, так что они захотят продвинуться дальше, а Марс – это следующий большой скачок для человечества.

Такая экспедиция, скорее всего, будет международным предприятием и потребует ресурсов и талантов многих стран.

Среди астронавтов, которые отправятся в дальний путь, будут не только пилоты. Экипаж численностью от шести до десяти человек, вероятно, будет включать множество специальностей, и не только из научной области, но из сферы искусства, так что поэт или художник, которого мы все захотим послать в космос, может получить свой шанс.

У этого экипажа много времени, чтобы созреть, потому что сейчас, на пороге XXI века, мы еще не готовы к большому скачку к Марсу. Развитие техники все еще идет, хотя некоторые решения, лежащие сегодня на полке, и могут помочь нам добраться туда. Путь к Марсу, как мы его видим сегодня, потребует многих месяцев на перелет, затем, вероятно, нахождение на планете в течение примерно двух лет, чтобы оправдать его, и обратное семи- или девятимесячное путешествие домой. Но к тому времени, как мы начнем подготовку к такой экспедиции, техника продвинется вперед и сможет дать астронавтам новые двигательные системы, которые ускорят перелет, точно так же как изобретение парусов, деревянного корпуса и примитивных средств навигации позволило первым мореходам пересечь обширные пространства океанов – когда время пришло.

Главная причина, по которой мы вновь вернемся в дальний космос, состоит в том, что мы должны это сделать. Это необходимость, а не вольная прихоть, и жажды научного знания еще недостаточно для исследования и освоения, потому что мы не знаем в действительности, что найдем на Марсе. Мы отправимся туда, потому что это диктует логика, потому что любопытство человека как вида не позволит нам больше оставаться взаперти на родной планете. Человечество должно исследовать, потому что хочет знать, что там, за холмом или за поворотом. Вдохновение, пот, вызовы и мечты привели нас на Луну и поведут к Марсу и далее. В этом наше назначение.

Мой переход в частный сектор совпал с последней главой нашего брака с Барбарой. Работа дала мне интересные возможности и иной стиль жизни, но я оказывался вдали от дома столь же часто, как и раньше.

Более высокая зарплата помогала, но не могла полностью решить наших проблем, которые, впрочем, никогда не упирались в средства.

Мы все еще жили в небольшом домике в замкнутом пространстве Нассау-Бей, но уже не были частью активного отряда астронавтов. Сюда въезжали новые молодые ребята с семьями, но им не приходило в голову, что нам может быть интересно участвовать в их вечеринках, или пообедать у них дома и познакомиться поближе. Удивительно, но для этого нового

поколения мы, самые общительные из людей, стали чем-то вроде Джона и Анни Гленн или Алана и Луизы Шепард, на которых мы в свое время смотрели как на недоступных, хотя они таковыми не были. *Кэптен Сернан три раза летал в космос и ходил по Луне! А Барбара почти так же популярна, как кинозвезда! Мы просто не можем пригласить таких людей на сосиски и картофельный салат!* А в результате нам казалось, что нас изгнали из клана.

В 1977 г. мы купили новый дом в богатом районе Мемориал в западной части Хьюстона, полагая, что от переезда дела пойдут лучше, но, конечно, этого не случилось. В 1980 году, когда Трейси исполнилось 17 лет, мы с Барбарой расстались, а следующим летом оформили развод. Оглядываясь назад, я понимаю, что она, как и многие другие жены в нашей программе, устала быть Миссис Астронавт. Да, это были годы, полные до краев, но они прошли, и теперь она хотела сама что-то значить. Она заметила как-то: «Мое имя не назовут в исторических книгах как имя человека, который что-то сделал, хотя я знаю, что сделала». На самом деле все наши удивительные жены должны остаться в истории.

Мои деловые интересы сегодня находятся в Хьюстоне, но мое сердце живет на другом конце штата, на ранчо в 400 акров вблизи Керрвилла, в безмятежной холмистой части Техаса. Я прилетаю туда на двухмоторном самолете «Сессна Голден Игл» при первой возможности. Это не ракетный корабль, но он связывает меня с «Челленджером», «Сну-пи» и пилотажными «стингерами» и утоляет непрекращающуюся тягу к авиации. Я люблю находиться в этой кабине, отсекая косматые верхушки у пурпурных вечерних облаков, когда лечу в свой новый Каме-лот, всякий раз вместе с одной из моих собак, свернувшейся возле меня на полу.

Часы, проводимые в воздухе, дают мне много времени на раздумья о том, для чего все это в действительности было, и ответа я пока не нашел. Быть может, пройдет еще сто лет, прежде чем мы поймем истинное значение «Аполлона». Исследование Луны не было эквивалентом строительства пирамиды или еще какого-нибудь ненужного монумента технологии. Оно больше похоже на Розеттский камень, на ключ, которым можно открыть еще непредставимые мечты. Наше наследие состоит в том, что люди больше не прикованы к Земле. Мы открыли дверь в завтра, и наши путешествия на другое небесное тело – это высшая степень триумфа в Эпоху Достижений. А если говорить о цене, то это была самая выгодная сделка в истории.

Иногда кажется, что «Аполлон» случился раньше срока. Президент Кеннеди ушел далеко в XXI век, выдернул оттуда

десятилетие и аккуратно вмонтировал его в 1960-е и 1970-е. С точки зрения логики, после «Меркурия» и «Джемини» мы должны были перейти к строительству шаттла, а затем орбитальной станции, и только после этого замахнуться на Луну. В действительности мы сделали невозможное, а после этого начали с чистого листа – всё равно как если бы наша молодая нация решила никогда более не пересекать Миссисипи после того, как Льюис и Кларк достигли Тихого океана.

Я часто вспоминаю тот холодный зимний день, когда я стоял у могилы Роджера Чаффи на Арлингтонском кладбище, думая о том, не станут ли последние ноты горнов похоронным звоном по нашей космической программе. Нет, мы побывали на Луне, и ясно, что мы не только пережили пожар «Аполлона-1», но и преуспели сверх всякого воображения. Однако вопрос теперь ставится так: «А почему мы не пошли дальше?»

Наша нация нетерпелива и переменчива даже в отношении самых поразительных достижений. После того, как мы высадились на Луну шесть раз, быть может, нам и вправду следовало взять паузу и подумать о том, что мы узнали, прежде чем делать следующий шаг в космосе. Поэтому «Скайлэб» и шаттл были стоящими направлениями для «космических» долларов на этом промежуточном этапе. Но проходили годы, и агрессивный дух сменился осторожностью, и мы уже не хотели предпринимать таких шагов, если успех не гарантирован. Гибель космического шаттла «Челленджер», которую увидели по телевизору миллионы людей, усилила решимость сделать путешествия в космос безопасными, каковыми они быть не могут. Печально об этом думать, но то, что мы совершили за десять лет в гонке к Луне, сегодня, вероятно, потребует вдвое больше времени, даже если удастся собрать национальную волю и средства, что само по себе является серьезным вопросом.

Мое чувство неуязвимости получило от реальной жизни большую прививку в 1990 году, когда во сне внезапно умер Рон Эванс. Как могло случиться, что человек, который совершил более сотни боевых вылетов во Вьетнаме и слетал к Луне, покинул этот мир так просто? Мало было в моей жизни дел столь же трудных, как произнести речь на его поминках, но я нашел выход в поэме «Высокий полет», зная, что Рон наконец-то «простер ладонь – и тронул Божий лик». Он был очень важным для меня человеком, с которым я совершил путешествие всей жизни.

Хотя у нас мало общего, мы с Джеком Шмиттом остаемся добрыми друзьями – наше взаимное уважение зиждется на общей памяти о действительно уникальных событиях. Оглядываясь

назад, я понимаю, что отбор в качестве астронавта поставил его в почти невозможную ситуацию, и, безусловно, мы не помогли ему влиться в брутальное братство летчиков-испытателей. Джек оказался редким и талантливым человеком, который преодолел все препятствия, чтобы выйти на лунную поверхность, а там доказал, что ученый действительно заслужил место у стола первопроходцев.

С годами я заключил с собой перемирие, которое позволяет Луне хранить свои секреты, а мне – жить в настоящем, а не в прошлом, с любимой семьей, с хорошими друзьями и интересной работой. Думаю, что я получил особое благословение, и мне была дарована новая жизнь после того, как закончилась первая.

В 1984 году я встретил Джен Нанну, симпатичную темноволосую леди, которая утверждала, что впервые обратила на меня внимание, глядя в своей комнате по телевизору, как я выхожу из «Аполлона-17». «Наконец-то у них появился высокий астронавт», – сказала она тогда, а затем напрочь забыла и обо мне, и о космической программе, пока мы не встретились на вечеринке в Хьюстоне. Мы поженились в 1987 году в небольшой церкви в горах Сан-Вэлли в Айдахо, и я обрел якорь стабильности и чувство направления в моем бурном и дрейфующем существовании, а затем и новый, более богатый способ смотреть на жизнь.

Эта женитьба дала мне еще двух прекрасных дочерей, Келли и Даниэллу, и теперь у меня растет целый выводок внуков, включая близнецов Трейси. Этот личностный рост стал для меня радостью, потому что, хотя я и сохранил тягу к соперничеству, меня уже не ограничивало туннельное зрение моих космических лет. Джен, девочки, их мужья и дети всегда занимают главное место в моих мыслях. Колумб нашел свой дом.

Всем, кто знает меня, известно, что в моей жизни всегда была еще одна важная женщина. Моя гражданская карьера сделалась намного радостнее, когда в ее начале я переговорил с маленькой, но очень активной девушкой из Теннеси, которая хотела получить работу моего секретаря. Клэр Джонсон – это одна из стальных магнолий американского юга, которая стала не только моим помощником, но и очень важным для меня человеком.

Мое самое любимое время теперь проходит на ранчо, где я кормлю скотину или возюкаюсь в грязи, вкапывая столбы. Холодными вечерами, когда рядом с открытой дверью потрескивают дрова в каменном очаге, мы с Джен наблюдаем, как олень приходит напиться из пруда и, ничего не боясь, щиплет траву вместе с коровами. Три наших лабрадора валяются ленивой кучей, внуки шныряют кругом. Идиллическое ощущение.

В один из таких вечеров я смотрел, как восходит Луна – полная и болезненно-яркая. Когда я вижу ее такой, я могу мгновенно перенестись обратно, в долину, которую однажды называл домом, – местом, где у меня было жилье, работа и машина, чтобы ездить на работу. Камни и горные массивы купаются под лучами Солнца, и я опять чувствую дрожь от абсолютного безмолвия и осознаю присутствие Земли в небесах. Воспоминания совершенно четкие, чем-то похожие на детские, об амбаре и кукурузных полях на ферме деда, или когда мама и папа везут нас с сестрой в отпуск в такие места, о которых мы лишь мечтали. Некоторые вещи не становятся менее реальными оттого, что произошли в далеком прошлом.

Тем вечером, когда Луна медленно поднялась над холмами, я взял на руки мою пятилетнюю внучку Эшли, точно так же как когда-то ее мать, Трейси, под похожим ночным небом. Я решил, что теперь она, пожалуй, уже достаточно взрослая, чтобы понимать и запоминать, и приготовился рассказывать.

Но еще до того, как я начал говорить, она указала вверх и заявила взволнованным голосом: «Поппи, вот твоя Луна!» Она всегда называла меня так, не знаю, почему.

«А ты знаешь, как далеко от нас Луна, Мелкая?» – спросил я.

Она выглядела озадаченной, потому что ребенок в этом возрасте, наверное, не может воспринимать такие расстояния, поэтому я пустился в объяснения, выбирая знакомые для нее слова. «Она очень, очень далеко в небе, там, где живет Бог, – сказал я. – Поппи летал туда на ракете и прожил на этой Луне целых три дня. Я даже написал там на песке инициалы твоей мамы».

Эшли посмотрела на Луну немного дольше, потом опустила глаза и встретилась со мной взглядом, и увидела не какого-нибудь могучего космического героя в скафандре из эпохи до ее рождения, а только своего седоволосого дедушку. Насекомые и звери начинали свои ночные песни, несколько антилоп, промелькнувших в тени, отвлекли ее внимание. Она начала ерзать и всё больше беспокоиться, потому что хотела дать лошадям по морковке, прежде чем идти спать. Однако она еще раз подняла взгляд и вновь посмотрела на меня. «Поппи, – сказала она, – я не знала, что ты бывал на небесах».

Я почувствовал толчок, почти что электрический удар, когда обдумал слова внучки. Ее невинный взгляд на жизнь раскрыл загадку, которая тревожила меня столько лет. Мои космические путешествия имели целью не просто Луну, но нечто намного более богатое и глубокое – они говорили о значении моей жизни, взвешивая не только факты из моего мозга, но и чувства моей

души. В это мгновенье я как будто вновь стоял в другом мире и смотрел на нашу голубую Землю в глубокой черноте космоса. *Слишком много логики. Слишком много намерения. Слишком прекрасно, чтобы произойти по воле случая.* Мое предназначение состояло в том, чтобы стать не только первопроходцем, но и вестником космоса, апостолом будущего.

Слишком много лет я остаюсь последним человеком, прошедшим по Луне. Сегодня где-то на Земле живет маленькая девочка или мальчик, обладатель непреклонной воли и смелости, которая снимет с меня эту сомнительную честь и унесет нас туда, где нам надлежит быть.

Слушай. Давай я расскажу тебе, как это было…

Я крепко обнял Эшли. Она только что искупалась и пахла свежестью и чистотой, она была оживленной, и детская присыпка пленяла намного сильнее, чем далекий и пыльный парфюм богини Луны. У меня было прекрасное вчера, но Джен, мои дети и внуки – это надежда завтрашнего дня.

«Да, Мелкая. – Я понес маленькую смеющуюся девочку к конюшне. – Твой Поппи был на небесах. Действительно был».

Сокращения от англоязычных наименований

ALSEP (Apollo Lunar Surface Exploration Package, комплект лунных научных инструментов) AMU (Astronaut Maneuvering Unit, устройство маневрирования астронавта) ASTP (Apollo-Soyuz Test Program, Экспериментальный проект «Аполлон – Союз») ATDA (Augmented Target Docking Adapter, резервная мишень для «Джемини»)

CM (Command Module, командный модуль)

CSM (Command and Service Module, командный и служебный модуль) LEM (Lunar Excursion Module, лунный экскурсионный модуль)

LM (Lunar Module, лунный модуль)

LRV (Lunar Roving Vehicle, лунный ровер)

McDonnell Aircraft Corp.

NACA (National Advisory Committee for Aeronautics, Национальный консультативный комитет по аэронавтике)

NASA (National Aeronautics and Space Administration, Национальное управление по аэронавтике и космосу)

SM (Service Module, служебный модуль)

SPS (Service Propulsion System)

TEI (Trans-Earth Injection, старт к Земле)

TLI (Trans-Lunar Injection, старт к Луне)

VAB (Vertical Assembly Building, Здание вертикальной сборки)

notes

Сноски

1

Официальное название мыса Канаверал в 1963–1973 гг., в обиходе – просто Мыс. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

2

Сам Сернан был в экипаже пилотом лунного модуля.

3

Наддув – процедура подъема давления в кабине до величины, превышающей внешнее давление. *(прим. ред.)*.

4

NASA официально объявило ее 23 января, за четыре дня до описываемых событий.

NASA объявило о выборе этого подрядчика 28 ноября 1961 г., еще до первого орбитального полета «Меркурия».

В начале планировалось четыре пилотируемых полета кораблей этого типа, но к 1966 году в графике их осталось лишь два, а к началу 1967 года – всего один.

7

В 1966 г. СССР добился посадки на Луну станций «Луна-9» и «Луна-13»; США ответили успешным прилунением аппарата «Сервейор-1».

8

Соответствует капитан-лейтенанту в российской системе званий.

9

Нужно сделать оговорку, что экипаж Стаффорда был назначен на полет, в котором лунный модуль уже присутствовал, но пока за неимением такового работал в интересах «Аполлона-1». Что же касается Чаффи, то его официальная должность в экипаже Гриссома называлась просто «пилот».

10

Соответствует капитану 3-го ранга.

11

Читается «Фау-1» и «Фау-2» соответственно. Это были пропагандистские названия – техническое обозначение ракеты V-2 было Aggregat 4, или просто A-4.

12

Пенемюнде заняли без всякой «гонки» части 2-го Белорусского фронта. Американские войска захватили производственный центр ракет А-4 в Тюрингии в районе, который по договору должен был отойти в советскую зону оккупации.

Соответственно F-6F фирмы Grumman и F-4U компании Vought.

Команде удалось сделать это лишь в 2016 году.

15

Отдаленный аналог отечественной военной кафедры, но с обязательством отслужить после окончания учебы в том виде Вооруженных сил США, который платил стипендию.

F-9F компании Grumman.

17

Дуайт Эйзенхауэр («Айк») был президентом США с 1953 по 1961 год.

18

«Майк» продемонстрировал возможность термоядерной реакции, но не был бомбой уже потому, что не существовало никакого средства доставки этого монстра к цели. В то же время боезаряд, испытанный в СССР в августе 1953 года, был уже вполне транспортируемым, хотя и несовершенным.

Это очень упрощенное понимание природы межвидового соперничества в американской космической программе 1950-х годов. Администрация Эйзенхауэра учредила проект научного спутника, на роль которого был выбран «Авангард», главным образом для того, чтобы установить явочным порядком право пролета спутника над любыми районами Земли и затем перейти к запускам действительно необходимых в интересах национальной безопасности фоторазведывательных спутников. Руководству страны было в определенной мере безразлично, не только кому доверить этот проект, но и будет ли первый спутник запущен США или СССР. Последнее для целей легализации космической разведки было бы даже лучше.

20

Лайка умерла через несколько часов после старта от перегрева.

21

В американском флоте три ранга младших офицеров – энсин, лейтенант младшей ступени и лейтенант. Им соответствуют четыре звания в российском флоте – младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант и капитан-лейтенант, причем по окончании военного училища присваивается звание лейтенанта.

22

Так назывался знаменитый фильм 1986 года о школе вооружений ВМС США, в русском переводе – «Лучший стрелок».

23

Tough Guys.

120 ярдов, то есть примерно 110 метров.

25

Это произошло 1 мая 1960 г.

26

Такого названия в действительности не существовало. Объект, запущенный 19 августа 1960 года, был объявлен как «второй космический корабль-спутник».

27

Сферическую форму имел только спускаемый аппарат корабля, в котором Гагарин вернулся с орбиты и из которого катапультировался на высоте 7 км.

28

Все пилотируемые корабли серии «Меркурий» имели личные имена, заканчивающиеся числом 7. Гриссом дал своему название в честь Колокола свободы.

29

Соответствует капитану 2-го ранга.

То есть в Вашингтоне в целом и в Пентагоне в частности.

31

С 1973 года – Космический центр имени Джонсона (Lyndon B. Johnson Space Center).

32

1 акр = 0,40 га.

33

Во многих источниках его фамилия ошибочно транскрибируется как Эйзел.

34

В действительности В.В. Терешкова после зачисления в отряд космонавтов весной 1962 года успешно прошла курс общекосмической подготовки, а затем и все необходимые тренировки непосредственно перед космическим полетом на «Востоке».

35

Слейтон должен был выполнить второй орбитальный полет в апреле 1962 г., но в марте был отстранен и заменен Карпентером.

36

Skyray, «небесный луч».

37

Вообще-то третьего пилотируемого «Джемини», но для дальнейшего изложения это несущественно.

38

Два беспилотных полета имели обозначения GT-1 и GT-2, десять пилотируемых – от GT-3 до GT-12.

39

В 1946 г. Convair начала научно-исследовательскую работу по МБР, вскоре закрытую. Реальное начало работ по «Атласу» относится к 1951 г., а окончательный проектный облик ракеты сформировался еще позже, в 1954 г.

40

Flight; буквально – «полет». В СССР, где подобная служба была организована значительно позже, прижилось сокращение РП. Центр управления полетом в Хьюстоне принял на себя полную ответственность начиная с «Джемини-4» в июне 1965 г., до этого основным считался центр на мысе Канаверал.

Capsule Communicator. Капсулой назывался только «Меркурий», но в силу традиции позывной «капком» использовался во всех последующих программах и сохранился до наших дней.

Tanks.

43

13 апреля 1964 г.

Это решение было опубликовано 27 июля.

45

31 октября 1964 г.

Разработчиком корабля «Восход» и инженером-испытателем на его борту был Константин Петрович Феоктистов. Сернан описывает этот эпизод корректно, но с позиций послезнания – в 1964 году американцам не было известно, что «Восход» представлял собой «Восток» с тремя креслами вместо одного и без каких-либо средств аварийного спасения.

«Восход» летал 12-13 октября, а Н.С. Хрущёва отстранили от занимаемых постов 14 и 15 октября.

«Восход», как и «Восток», имел в своем составе сферический спускаемый аппарат и биконический приборный отсек с тормозной двигательной установкой.

49

Люк корабля закрывал и открывал изнутри командир Павел Беляев.

50

Алексей Леонов снизил давление в скафандре до 0,27 атм через семь минут после начала выхода, еще находясь вне шлюзовой камеры, но развернуться в узкой «трубе» все равно было очень непросто.

51

В реальности Уайт не мог закрыть над собой створку люка, потому что пружины замка сварились между собой в условиях открытого космоса. Оба астронавта тянули и дергали крышку примерно 40 минут, прежде чем сумели плотно прижать ее и закрыть, и в результате провели в разгерметизированной кабине 64 минуты. Само это событие и степень его опасности не скрывались от публики, но реальную продолжительность кризиса NASA сумело утаить.

52

NASA официально объявило экипажи «Джемини-7» 1 июля, а «Джемини-8» – с большой задержкой, лишь 29 сентября.

53

Как раз в это время, в сентябре 1965 г., ОКБ-1 С.П. Королева и ОКБ-52 В.Н. Челомея предложили проект облета Луны кораблем Л-1, запускаемым трехступенчатой ракетой «Протон» с дополнительным разгонным блоком Д. Проект был официально утвержден 25 октября 1965 г. со сроком реализации к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, то есть к ноябрю 1967 г.

Увеличивать, конечно, нужно было не тягу двигателя, а запас топлива в баках ступени и объем этих баков.

Купер и Конрад отлетали около восьми суток, перекрыв в полтора раза рекорд В.Ф. Быковского.

56

25 октября 1965 г.

57

12 декабря 1965 г.

58

Это ошибка. Армстронг действительно летал в 1961-1962 гг. на X-15, но максимальная высота, которую он достиг в полете 20 апреля 1962 г., составила 63,3 км, или 39,3 мили. Кроме того, летчикам NASA «крылышки» за полеты на X-15 были выданы лишь полвека спустя, в 2014 г.

59

Контрольно-диспетчерский пункт, который в США называют просто «башня».

Об этом было объявлено 25 января 1966 г.

61

Несмотря на свое немецкое происхождение, Гюнтер Вендт (1924–2010) не был членом команды Вернера фон Брауна: в Германии он служил в Люфтваффе и занимался испытаниями радиолокатора на ночном бомбардировщике Ju-88G. В США он прибыл самостоятельно в 1949 году.

Сам «Атлас» классифицировался как полутораступенчатое изделие – два его двигателя из трех с соответствующей частью трубопроводов сбрасывались в процессе полета для облегчения оставшейся части.

63

Израсходовав на это большую часть своего запаса топлива.

Автор излагает ход событий неточно. По циклограмме отключение двух боковых двигателей «Атласа» было на 131-й секунде полета, центрального двигателя – на 275-й и двух верньерных – около 300-й секунды. После этого «Аджена» отделялась и на 371-й секунде запускала свой двигатель, чтобы выйти на орбиту. Авария произошла на 120-й секунде полета и резко изменила направление полета носителя, после чего дальнейшее значения не имело.

65

В 10:00 местного времени.

С учетом фактически измеренных параметров орбиты ATDA.

Заключительный этап предстартового отсчета был запущен с отметки Т-3 мин с расчетом на запуск в 10:38:23. В первый раз он был остановлен на Т-1 мин 40 сек, во второй – на Т-2 мин 25 сек, в третий – на Т-2 мин 40 сек.

1 июня такой возможности не было, потому что орбиту ATDA уточнили во время ее первого прохода над территорией США.

По официальному отчету, экипаж был отправлен спать через 9 часов после старта, а при выходе на связь в 17:44 полетного времени Армстронг обнаружил Стаффорда и Сернана уже за работой.

Парадоксально, но вся программа «Восход» с ее многоместным кораблем, выходами в космос, планировавшимися длительными полетами и экспериментами по искусственной тяжести была импровизацией в ответ на публично объявленные американские планы по программе «Джемини». Желание военно-политического руководства СССР быть впереди американцев в космической гонке совпало со стремлением части военно-промышленной элиты хотя бы не отстать от более организованного и обладающего большими ресурсами соперника. Вплоть до марта 1965 года это удавалось.

Этот режим называется ручной управляемый спуск. Российские космонавты тщательно отрабатывают его перед каждым полетом на «Союзе», но корабль предпочитает проходить атмосферу в автоматическом режиме, и пилоты не вмешиваются.

Jolly Green Giant в штате Миннесота – талисман Minnesota Valley Canning Company, почти 17 метров в высоту. (*Прим. ред.)*

Решение было объявлено 27 сентября, а старт состоялся 11 ноября 1966 г.

В подобных сравнениях один этаж приравнивается к 10 футам, то есть к 3 метрам.

75

25 мая 1966 года, в день пятой годовщины речи Кеннеди, на старт вывезли примерочную ракету «Сатурн V» с техническим обозначением SA-500F. На ней отрабатывались процедуры сборки в здании VAB и транспортировка и проверялась взаимная совместимость носителя с системами стартового комплекса. Для полета эта ракета не предназначалась.

В первом варианте экипаж состоял из Вирджила (Гаса) Гриссома, Эдварда Уайта и Донна Айзли. Последний, однако, в декабре 1965 г. получил травму и был заменен на Роджера Чаффи.

77

Новое сокращение LM было введено в мае 1966 г., но произносилось оно все равно «лем».

В этом полете, как и в первом, не планировалось лунного модуля, а потому Айзли в действительности считался старшим пилотом, а Каннингэм – пилотом. Экипаж Ширры был официально объявлен 29 сентября 1966 г.

Действительно отменило, объявив об этом 17 ноября 1966 г., но вовсе не из-за оппозиции командира. 25 октября при контрольной опрессовке – испытании под повышенным давлением – лопнули баки служебного модуля SM-017. Запасных кораблей типа Block I не было, сроки давили, и одним из четырех полетов – двух пилотируемых на РН «Сатурн IB» и двух беспилотных на РН «Сатурн V» – нужно было пожертвовать.

80

Здесь автору изменяет память. Официально названными в сентябре дублерами экипажа Ширры на «Аполлоне-2» были Фрэнк Борман, Том Стаффорд и Майкл Коллинз. После его отмены 22 декабря были объявлены экипажи для второго и третьего полета по новой программе, в том числе и дублирующий экипаж Стаффорд – Янг – Сернан. Теперь целью второго полета была стыковка корабля CSM-101 типа Block II с запущенным отдельно лунным модулем LM-2 и испытания обеих частей лунного комплекса, он должен был состояться в августе 1967 г.

81

День старта Комарова определялся внутренней логикой советской программы, начало которой было положено запуском 28 ноября 1966 г. беспилотного корабля 7К-ОК. Для пилотируемого облета Луны предназначалась другая версия, 7К-Л1, которая весной 1967 г. тоже вышла на стадию летных испытаний. Работа над третьим вариантом под именем ЛОК, условным аналогом американского CSM, была еще впереди.

82

Вольный полет фантазии автора. Во-первых, на «Джемини» и «Аполлоне» основным средством электропитания были электрохимические генераторы, а аккумуляторы – резервным. Во-вторых, с аккумуляторными батареями и с одной солнечной батареей вместо двух Комаров не мог выполнить запланированную программу полета, но корабль работал и никакой реальной опасности для космонавта не было.

Описание полета «Союза-1» недостоверно. Определенную сложность представляло сориентировать «Союз» перед выдачей тормозного импульса. Когда В.М. Комаров сделал это, спускаемый аппарат, запитанный от своих аккумуляторных батарей и имеющий собственные двигатели управления, успешно выполнил вход в атмосферу и торможение в ней, но затем из-за нарушения технологии при наземной подготовке корабля не вышел основной парашют.

84

Комаров был первым космонавтом, погибшим в полете. О каком «известном» прошлом опыте говорит автор, непонятно – вряд ли тогда американцы знали о смерти Валентина Бондаренко в результате пожара в барокамере в марте 1961 года.

85

Председатель Объединенного комитета начальников штабов до 1964 года, затем посол в Южном Вьетнаме, специальный советник президента и председатель Консультативного совета по внешней разведке.

Опять же – старший пилот и пилот. Экипажи были официально объявлены 9 мая 1967 г.

87

Перевод Рафаэля Шустеровича.

В таких составах экипажи были объявлены 20 ноября 1967 г.

89

Первый LM, предназначенный для пилотируемого полета.

У автора они переставлены так, как полетели на самом деле, но вплоть до августа 1968 года эти экипажи были закреплены за полетами так, как указано здесь, в соответствии с любимой схемой Слейтона.

91

Автор забегает вперед. В августе 1968 г. было объявлено решение прекратить выпуск ракет «Сатурн V» после изделия SA-515, резервируемого под «Аполлон-20»; о дальнейшем сокращении числа полетов речь еще не шла.

21 января 1968 г. и 9 ноября 1967 г. соответственно.

93

2-9 марта 1968 г.

15-21 сентября 1968 г.

95

Искаженные слухи о катастрофе при подготовке пуска МБР Р-16 на Байконуре 24 октября 1960 г.

Точнее будет сказать, что «Сатурн V» набирал скорость медленнее, чем полагалось по циклограмме.

На второй ступени выключились два соседних двигателя, и такая конфигурация считалась неустойчивой и неспособной к управляемому полету. В части работы третьей ступени описание Сернана чересчур эмоционально: в действительности угол наклона ступени к горизонту не превышал 49°. В итоге, израсходовав лишние семь тонн топлива, она вышла на орбиту с перигеем 173 км и апогеем 360 км вместо круговой орбиты высотой 185 км.

«Протон» с разгонным блоком Д в качестве четвертой ступени использовался для отправки кораблей 7К-Л1 «Зонд» в облет Луны. Сверхтяжелая Н-1, советский аналог «Сатурна V», впервые стартовала лишь 21 февраля 1969 г., однако американские спутники уже дважды засняли вывоз на старт примерочной ракеты, и руководители NASA нервничали, опасаясь скорого старта.

Двумя годами раньше, в декабре 1966 года, им было поручено сначала встретиться с лунным модулем и состыковаться с ним. Успешное начало испытаний «Сатурна V» позволило сократить эту фазу полета, начав с запуска обоих кораблей на одной ракете.

100

Президент США в 1829–1837 гг.

Поэтому-то и был столь жестоким директивный график пусков к Луне в 1969 году: март – «Аполлон-9», май – «Аполлон-10», и далее каждые два месяца вплоть до «Аполлона-13» в ноябре.

102

Голландский хирург Арнольд ван дер Лаар в своей книге «Onder het mes. De beroemdste patiënten en operaties uit de geschiedenis van de chirurgie» (в русском переводе «Разрез!») утверждает, что успех операции был основан на эффекте плацебо. *(Прим. ред.)*

103

О восстановлении Шепарда в летном статусе объявили 7 мая 1969 г.

С августа по январь в команду Армстронга входил Фред Хейз, причем в должности пилота лунного модуля, потому что в качестве пилота командного модуля готовился опытный Олдрин.

105

Экипаж Армстронга был официально объявлен 9 января 1969 г., но без информации о том, что астронавтам предстоит посадка на Луну.

106

Строго говоря, сама ракета обозначалась SA-505, но та же ракета вместе с полезным грузом, а также программа полета – AS-505.

107

Непосредственной причиной отказа от пилотируемого облета Луны стала авария парашютной системы «Зонда-6» во время посадки 17 ноября 1968 г., более важной – недостаточная надежность ракеты «Протон». При пуске 20 января 1969 г. она действительно потерпела аварию из-за преждевременного выключения одного из четырех двигателей второй ступени. Из восьми пусков в период с сентября 1967 по январь 1969 года пять закончились гибелью ракеты, и только в трех «Зонды» были отправлены в полет по расчетной траектории.

108

При пуске 21 февраля 1969 года из-за недостатков в конструкции первой ступени, не проходившей испытаний в наземных условиях, возникла утечка топлива и пожар, который привел к отключению всех двигателей на 69-й секунде полета.

109

Выражение «поймать медное кольцо» означает стремление к высшей цели и происходит от традиции, когда во время катания на карусели нужно было поймать маленькое медное кольцо, чтобы получить приз. *(Прим. ред.)*

Он планировался на 28 февраля, но был отложен до 3 марта и продолжался до 13 марта.

Первым рассказал в послеполетном докладе о синдромах космической болезни движения Герман Титов, облегчив тем самым жизнь всем последующим космонавтам. Он тоже остался с одним полетом на счету.

Окончательное решение было объявлено 24 марта после завершения послеполетного разбора «Аполлона-9».

113

С завершением программы «Джемини» Гюнтер Вендт, сотрудник компании McDonnell Douglas, остался не у дел. После пожара «Аполлона-1» Уолтер Ширра и Дик Слейтон настояли на его переводе в North American, и начиная со старта «Аполлона-7» он вновь отвечал за заключительные операции с кораблем.

Peanuts.

115

Не спутал ли автор пушку Жюль Верна с «ракетным поездом» Циолковского?

116

Местное время в штате Флорида; соответствовало 16:49 по Гринвичу.

117

С момента, когда носитель поднялся над башней стартового комплекса, управление полетом перешло от Центра управления запуском на Мысе к Центру управления полетом в Хьюстоне.

К сожалению, приводимые автором числовые данные не выверены и часто недостоверны. Так, по данным официального послеполетного отчета, выключение четырех внешних двигателей первой ступени было зафиксировано через 161,6 сек от старта на высоте 65,2 км при скорости 2752 м/с.

119

По плану через 9 мин 14 сек, в действительности через 9 мин 12,6 сек после старта. Автор по ошибке привел время окончания работы третьей ступени. Набранная к моменту разделения скорость составила 6898 м/с.

120

По плану 145 секунд, в реальности 147 секунд. Ступень вышла на орбиту, имея скорость 7792 м/с.

121

Изложение автора противоречит официальному послеполетному отчету о работе систем носителя. Согласно этому документу на этапе работы первой и второй ступени не было зарегистрировано колебаний в контуре корпус + двигатели, известных как POGO. Работа третьей ступени сопровождалась низкочастотными колебаниями, которые начались на 592-й секунде и достигли максимума на 620-й.

122

Высокочастотные колебания появились за 70 секунд до окончания работы двигателя и наложились на уже существовавшие низкочастотные.

123

Фактически – 10 846 м/с.

На самом деле скорость довольно быстро снижалась по мере подъема над Землей в соответствии с законом сохранения энергии.

125

Не в момент открытия люка, а при наддуве переходного туннеля, который во время стыковки находился в условиях вакуума.

126

Коррекция с использованием двигателя SPS служебного модуля была проведена на второй день полета, через 26 час 33 мин после старта. Приращение скорости составило 15 м/с.

127

Из-за частиц не удалось провести по штатной схеме сброс давления из переходного туннеля перед расстыковкой. Стаффорду и Сернану пришлось стравить давление из кабины лунного модуля и через нее же выпустить воздух из туннеля.

128

Подлинный фрагмент переговоров в начале пятых суток полета.

129

Официально называлась PGNCS (Primary Guidance, Navigation and Control System), а на пульте обозначалась буквами PGNS.

Гиростабилизированная (инерциальная) платформа по сути представляла собой объект в трехстепенном подвесе, сохраняющий направление своих осей в пространстве при любых эволюциях лунного модуля. Текущие углы ориентации корабля считывались с рамок подвеса платформы. Их было три, и при некоторых сочетаниях разворотов две рамки могли стать параллельными – сложиться – с потерей угловой информации. Аварийная система AGS (Abort Guidance System) была бесплатформенной – она основывалась на показаниях трех отдельных гироскопов, связанных с физическими осями тангажа, рысканья и крена лунного модуля.

131

В действительности в переговорах речь шла не о продолжительности, а о времени, оставшемся до включения.

132

Сернан приводит данные из предварительного плана полета. В официальном отчете о полете «Аполлона-10» продолжительность этого включения – 26,4 секунды.

133

В записи переговоров эта реплика с отсылкой к «Алисе в Зазеркалье» стоит перед описанием восхода Земли, но из точки, где Земля встает над лунным горизонтом, Море Спокойствия увидеть невозможно.

Речь о так называемых масконах, концентрациях массы, которые заметно искажали гравитационное поле Луны и заставляли орбитальные аппараты отклоняться от расчетных траекторий. Шесть масконов были выявлены в 1968 г., еще шесть – в апреле 1969 г.

135

Это был маневр фазирования, благодаря которому лунный модуль, ушедший после расстыковки вперед относительно CSM, оказался позади него.

В этом описании видна неудачная попытка упрощения реальных событий. В действительности астронавты ошиблись при переключении рабочего режима AGS: имея переключатель в положении «Стабилизация», она старалась держать текущую ориентацию, а при переводе в «Автомат» начинала искать в небе над Луной командный модуль. Разделение прошло в режиме «Автомат», а так как масса и моменты инерции взлетной ступени были в несколько раз ниже, чем у связки в целом, подавляемое до того вращение резко усилилось и перешло в кувыркание. Только после включения обеих систем в режим «Стабилизация» взлетную ступень удалось успокоить. Все технические средства работали в соответствии с заложенной в них логикой.

Несмотря на первую реплику Стаффорда, складывания рамок не произошло: от предупредительного сигнала до реального выхода платформы из строя был еще некоторый запас по углам поворота.

На самом деле ход набора скорости в футах в секунду. Включение продолжалось всего 15,5 сек.

Тогда недельный, а тем более двухнедельный полет считался длительным.

Это назначение было объявлено 10 апреля 1969 г.

141

Принятое в литературе написание «Суиджерт» неправильно.

С остатком на 18 секунд работы посадочного двигателя на номинальной (полной) тяге, что составляло 1,85 % первоначальной заправки.

143

Хотя экипажи «Аполлона-13» и «Аполлона-14» формировались не одновременно, их составы были объявлены в один день – 7 августа 1969 г.

144

Принятая в США формальная граница воздушного и космического пространства – 80,5 км.

145

Состав экипажа «Аполлона-15» объявили 26 марта 1970 г. В сообщении специально оговаривалось, что Шмитт может стать членом основного экипажа «Аполлона-17» или «Аполлона-18», а остальные могут быть назначены в любой полет после «Аполлона-16».

В результате взрыва почти полностью вышла из строя система электропитания: взорвался один из двух кислородных баков, питающих топливные элементы, а трубопроводы второго были повреждены. Все остальные проблемы были производными от этой, главной.

147

В действительности решение отменить полет «Аполлона-20» огласил 4 января 1970 г. первый заместитель администратора NASA Джордж Лоу. Оно было вызвано отсутствием средств на продолжение производства ракет «Сатурн V» и принятым ранее решением использовать одну такую ракету для запуска орбитальной станции «Скайлэб». 7 января было выпущено распоряжение об остановке производства лунного модуля LM-14 для этого полета.

148

Экспедиции на Луну изначально делились на экспериментальные (до «Аполлона-15» включительно) и исследовательские (с 16-го по 19-й). 11 августа 1970 г. было объявлено, что Управление пилотируемых полетов рассматривает возможность отмены двух полетов из шести оставшихся, и 2 сентября по одному полету каждого типа действительно было отменено. В результате номер 15 перешел к первому углубленному исследовательскому полету, право на который сохранил экипаж Скотта.

149

Хитрый койот и Дорожный бегун – персонажи серии мультфильмов. *(Прим. ред.)*

В гражданском варианте он назывался Bell 47. Такое название было приведено и в официальном сообщении о летном происшествии.

151

В честь известной киноактрисы с пышными формами.

152

В сообщении всё-таки говорилось, что авария произошла из-за проблем с двигателем.

153

«Венера-7» совершила первую в истории благополучную посадку на Венеру 15 декабря 1970 г., но сначала исход полета не был ясен, и сообщение об успехе появилось лишь 27 января 1971 г.

154

Отправка «Аполлона» в район кратера Фра Мауро имела целью изучить материал от удара крупного небесного тела, образовавшего лунное Море Дождей диаметром примерно 1100 км. До полета ученые оценивали его возраст в рекордные 5 млрд лет, однако изучение привезенных образцов показало, что гигантский бассейн образовался лишь 4,25 млрд лет назад.

Экипаж был официально объявлен 13 августа 1971 г.

156

В ноябре 1981 г.

157

В августе 1971 г. дублерами были названы только что слетавшие на «Аполлоне-15» Скотт, Уорден и Ирвин. Однако они стали жертвами «почтового скандала», и в мае 1972 г. был объявлен новый дублирующий экипаж в составе Янга, Русы и Дьюка.

В обоих случаях первым шагом к отставке был перевод в головной офис NASA. Фон Брауна забрали в Вашингтон в январе 1970 г., а Гилрута – в январе 1972 г.

159

Решение о создании системы «Спейс Шаттл» было принято 5 января 1972 г.

160

Формально пресс-релиз NASA был датирован 16 февраля 1972 г.

161

В буквальном переводе – Скульптурные холмы.

Доля правды в этом была – в случае аварийного запуска с посадкой корабля в океан его ночные поиски были бы намного сложнее, чем дневные, и создавали серьезный дополнительный риск.

163

Никаких реакторов не было – речь идет о радиоизотопном источнике питания аппаратуры ALSEP.

164

Стартовый компьютер TCS не выдал команду на наддув за 167 сек до времени пуска. Выданная вручную команда была исполнена, наддув бака прошел, но компьютер об этом не узнал и на Т-30 сек остановил предстартовые операции.

165

На самом деле отсчет перезапустили в 22:57:41 местного времени с отметки Т-22 минуты, но затем остановили на отметке Т-8 мин на плановую 20-минутную задержку, которая в реальности продолжалась больше часа. Часы наконец пошли в 00:25, пуск состоялся в 00:33 местного времени, то есть в 05:33 по Гринвичу.

166

Жидкий кислород – это лишь один из компонентов топлива, окислитель. Горючим на первой ступени был керосин, на второй и третьей – жидкий водород.

Все события планировались в полетном времени, считаемом от старта, но на 2 часа 40 минут позже Луна, разумеется, оказалась бы в другой точке. Чтобы ничего не пересчитывать, было решено нагнать опоздание на трассе перелета. Бортовые часы на отметке Т + 65 час были переведены на 2 час 40 мин вперед и после этого отсчитывали время от расчетного момента старта.

Коррекция была выполнена в момент Т + 35 час 30 мин после старта.

169

Сернан излагает ситуацию неточно. «Аполлон-17» не входил в тень Луны, но шел достаточно близко к конусу тени, так что увидеть Луну при встречном освещении было трудно. В указанный момент командир сумел в первый раз разглядеть освещенный краешек Луны. До ее поверхности в этот момент оставалось примерно 10 000 км.

То есть в 19:36 по Гринвичу.

171

Это ошибка. В полете «Аполлона-17» вместо маневра скругления окололунной орбиты выполнялся первый маневр перехода на орбиту спуска, которая имела высоту 109 км в апоселении и 27 км в периселении.

172

Это произошло почти за пять часов до выхода на окололунную орбиту.

173

14:50 по Гринвичу. В это время, через 105 час 17 мин после старта, «Аполлон-17» ушел за Луну, а после выхода Сернан и Шмитт вели радиосвязь уже из лунного модуля. Здесь и далее события без оговорки даются по хьюстонскому времени.

В русском переводе «Деревенщина в Беверли-Хиллз». *(Прим. ред.)*

175

Здесь мы сохраняем данные в традиционных английских единицах. Один фут равен 0,3048 метра.

176

В официальном отчете NASA о полете «Аполлона-17» – 110 час 21 мин 57 сек.

177

Обозначение ALSEP присваивалось комплектам научной аппаратуры разного состава, доставлявшимся на лунную поверхность начиная с полета «Аполлона-12». Питание приборов производилось от радиоизотопного генератора на плутонии-238.

На самом деле кислород.

В плане работ на поверхности она называлась геологической станцией № 2 у кратера Нансен. Станцию № 1 планировали заложить накануне у кратера Эмори, но в итоге ее пришлось отработать у Стено.

180

Анализ снимков показал, что Сернан оставил ровер примерно в 160 метрах от лунного модуля.

181

Рокко Петроне еще в августе 1969 года был назначен директором всей программы «Аполлон», его обязанности на Мысе перешли к Уолтеру Капряну.